

История церквей Антиохийской и Константинопольской, за время святого Иоанна Златоуста по его творениям епископ Симеон (Никольский)

Введение

Введение

§ I-й. История двух знаменитых церквей Востока тесно связана с именем Святого Иоанна Златоустого. Антиохия и Константинополь за целое полстолетие, в своей жизни вообще, и государственной в значительной доле, а в особенности церковной, – неразрывно соединены в своем быту с жизнью Златоуста, с его пастырскою деятельностью, с его судьбой. В одном городе – в церкви Антиохийской – он начал свою духовную жизнь и деятельность, до пресвитерства включительно; другой город – церковь Константинопольская – имела его своим Святителем. Естественно, поэтому, то явление, что в творениях Святого Иоанна Златоуста отражается современное ему состояние церкви. Свидетельства современников, как биография Палладия, друга Златоустого, показания историков, как Эрмия Созомена и Феодорита, и формальные документы, как протоколы соборов, судивших Святителя, достаточно знакомят, в свою очередь, с состоянием обеих церквей. Но сочинения самого Златоустого, его толкования Св. Писания, его беседы, слова, его послания, его письма, – проливают яркий свет, проникающий в самую глубь внутренней жизни христианского общества и представляют самую верную картину истории двух церквей, где Св. Златоуст жил и действовал, родился и умер.

Цель нашего труда – представить состояние церквей Антиохийской и Константинопольской времен Иоанна Златоуста, по сочинениям сего последнего. Для выполнения этой цели мы постараемся изобразить нравственно-религиозное состояние церкви Антиохийской и Константинопольской – каждой в отдельности – по творениям Святителя, за его время.

§ II-й. Особенность нашего труда в том и другом отношении: а) чтобы представить состояние той и другой церкви в данный период времени и б) изображать состояние церквей не по историческим данным. Мы не можем, по точному смыслу нашей задачи, прибегать для решения нашего вопроса ни к записям современных летописцев, ни к показаниям историков, ни к актам судебных процессов и проч., в собственном смысле, историческим документам. Нам предстоит написать историю без историков и формально-исторических документов. Преимущественным и, в некотором роде, единственным источником в нашем исследовании будут творения Св. Иоанна Златоуста. Но при этом условии наших работ, точно определяя нашу задачу, мы долгом считаем отметить здесь следующие наши намерения: а) мы, при написании нашего труда, имеем в руках творения Златоуста лишь «на русском языке»; б) если попользуемся изданиями этих творений в иностранных патрологиях, – в каком либо отношении, то позволим это себе лишь в видах необходимости и притом в ничтожной доле; в) что если мы преимущественно будем пользоваться для решения вашего вопроса творениями Златоуста, то это не значит, что уж никаких собственно исторических данных и в руки брать не будем. Нет! Говоря о состоянии поименованных церквей по творениям Златоуста, мы постараемся показать историческую достоверность указаний Златоуста и показаниями историков уяснить смысл слов Святителя, изображающих то или другое обстоятельство в состоянии той или другой церкви. Но опять таки, – это пользование историческими источниками для изображения данного времени будет пользование лишь косвенное, при котором главным источником труда останутся во всей силе и значении творения Св. Иоанна Златоуста.

Нам было бы грешно не знать или забыть и не исполнить заповедь нашего высокочтимого профессора Церковной истории (А. И. Лебедева): «Долг каждого историка последующего – посоветоваться с более ранними историками» (стр. 196 «Греч. Церк. историки», М. 1890 г. А. Лебед.). Ибо нам желательно, чтобы наши показания, взятые из того или другого творения Златоуста, утверждались на строго основательных,

исторических «строго научных» данных и не возмутили бы своею неосновательностью чуткое чувство ученых любителей церковно-исторической науки. Наша цель, еще раз скажем для большей ясности, при пользовании историками и историческими данными, при вашем главном источнике, – показать полное согласие указаний Златоуста на состояние церквей с истинным состоянием их в данный период времени, по свидетельству истории, научно-определенному.

§ III-й. Засим обратимся к уяснению главного требования от нашей задачи. Нам надобно представить состояние церквей Антиохийской и Константинопольской «времен Иоанна Златоуста». Постараемся определить эти времена. Конечно, для нашей цели вполне достаточно, если вам известно, что жизнь Святого Иоанна Златоуста занимает вообще вторую половину IV-го века по Р. Х. Во всей ли – пунктуальной – целости это полстолетие представляет период времени Златоуста, надобно ли несколько лет убавить или прибавить, суть цели, конечно, не изменится. Потому, что ведь «времена Златоуста» ни днем его рождения, ни, тем менее, его общественною деятельностью, не начинаются, ни днем его смерти – в точности – не заканчиваются. Известно, что определенное состояние церкви Антиохийской и церкви Константинопольской имеет начало во времени, предшествовавшем появлению на свет Златоуста, и с кончиной его не заканчивается. И таким образом, чтобы выяснить все значение данной мысли и выражения в том или другом сочинении Златоуста, указывающих известное обстоятельство в состоянии известной церкви, нам невольно придется говорить о событиях предшествовавших. И вот здесь начало наших отношений к историкам IV-го века.

Но все же определить в точности время жизни и деятельности Св. Иоанна Златоуста мы считаем необходимым, так как нам, при близком ознакомлении с творениями Златоуста, сделалось известным, что эти творения содержат указания на события, совершившиеся в довольно короткий период времени (гонение Валента на православных и монахов). Это с одной стороны, – и потом, собственно говоря, уж если

изображается состояние церквей «времен Златоуста», то во всяком случае некоторое взимание eo ipso должно быть обращено на эти «времена» – период жизни и деятельности Златоуста – преимущественно. Итак, какой год следует считать первым годом и какой последний год жизни Святого Иоанна Златоуста?

Фаррар, изображая жизнь Святителя в своей книге «Жизнь и труды Св. Отцов и Учителей церкви», говорит (стр. 789): «Хотя в точности время его рождения неизвестно, однако мы можем с приблизительно верностью отнести его рождение к 347-му году» и, между прочим, показывает основание такого заключения: «Так как», говорит он, «это определение лучше всего согласуется с известными нам событиями в его жизни» (ibid). Разделяя биографию Св. Иоанна Златоуста на пять отделений, Фаррар так разграничивает лета жизни Святителя: а) 347–370 годы – юность и первые годы возмужалости; б) 370–381 годы – Златоуст, как отшельник и монах; в) 381–398 гг. – Иоанн в Антиохии; г) 398–404 гг. – как патриарх Константинопольский и д) 404–407 гг. – Златоуст в изгнании (Фар. «Жизнь Св. Отц. и Учит. Церк.», 789–842 стр.).

Наш отечественный патролог, Преосвященный Филарет (Архиепископ Черниговский) также ставит годом рождения Златоуста 347 й год («Учение об Отцах Церкви», Т. II, стр. 191). И так же, как Фаррар, день кончины Святителя определяет «14 сентября 407 года» (ibid. стр. 226). Фаррар для выражения точности показания прибавляет: «Ему, Златоусту, было, когда он скончался, 60 лет от роду; в течение 3-х лет и трех месяцев он был в изгнании и в течение – всего – 9 лет и 6 месяцев – епископом».

То же самое показание буквально повторяет Тьеरри в своей книге: «Св. Иоанн Златоуст и императрица Евдоксия» (стр. 420). А именно: изображая день кончины Святителя, Тьеरри говорит: «Было 14 сентября 407 года. Иоанн жил 60 лет» и проч., как у Фаррара. Наши русские биографы Златоуста, известные: г. Малышевский – «Св. Иоанн Златоуст в звании чтеца и в сане диакона и пресвитера» (Киев 1892 г.) – и Архимандрит Агапит – «Жизнь Св. Иоанна Златоуста» (Москва, 1860 г.) – также

единогласно означают 347 год, как год рождения Святителя (у Мал. – стр. 1, у Агап. – 3) и днем представления – 14 сентября 407 года (у Агап. 440 стр., у Мал. 265). Тот же самый период времени 347–407 гг., как период жизни Святителя, встретили мы в статье «Жизнь Св. Иоанна Златоуста», помещенной в Трудах Киевской Духовной Академии (1862 г., т. III, стр. 289, 483), представляющей извлечение из сочинения: «*S. Jean Chrisostome, considere comme orateur populere par Paul Albert*». (*ibid.* примеч. 1-е стр. 289).

Но есть и другое показание патрологии о жизни Св. Иоанна Златоуста, которое ставит годом его рождения 344 год. Минь в XLVII том. «*Patrologiae cursus completus*» (1858 г.), свидетельствует: «*Circa annum 344 natus est S. Ioannes Chrisostomus*» (р. 213). А хронологическое описание деяний и сочинений Св. Иоанна Златоуста выбрано, как говорит сам Минь, *ex actis sanctaris Mensis Seprembr. T. IV*, р. 695–700). А это «*compendium chronologicum gestorum et scriptorum*» в «*Acta Sanctorum*» занесены из *Index'a Monchfocon'a* (из. 39 г. т. 13). С определением Миня, собственно Монфокона, вполне согласился из русских биографов один – священник В. Лебедев, напечатавший в журнале «*Прибавл. к Творен. Св. Отцов (т.т. XIV, XV и XVI)*» свой, труд: «*Подробное описание жизни и пастырской деятельности Святого Отца нашего Иоанна, Архиепископа Константинопольского, Златоустого*». Это «*подробное описание*» осталось неоконченным, как справедливо замечено в «*Православном Обозрении*» (1860 г. т. III, стр. 299), где, между прочим, сказали, что «автор имел в виду монографию известного церковно-исторического писателя Неандера – о жизни Златоуста» (*ibid.* стр. 298). Преосвященный Филарет в своем труде, указанном нами, говорит о труде Неандера – «*описание жизни Св. Златоуста*» – (1 Band. 1821 г., 2 Band. 1822 г., Berlin), как удивительном (Фил. т. III, стр. 190–191). Мы отмечаем влияние Неандера на сочинение о. В. Лебедева в наших целях, так как это еще приобретение иностранного пособия для нашего труда.

Свое согласие с Минем и Монфоконом, что год рождения Златоуста есть 344-й, о. Лебедев строит на следующих

соображениях. «На основании некоторых соображений можно с вероятностью полагать, что Св. Иоанн родился около 344 года». И вот эти «некоторые соображения». «Избрание Св. Иоанна во епископа и его уклонение от сего избрания относится к 374 году, в это время ему было около 30 лет. За вычетом сих лет, время его рождения падает на конец 344 года или на начало 345-го». И затем дословно о. Лебедев приводит совершенно одинаковое соображение, как у Фаррара, высказанное последним для подкрепления мысли о времени рождения Златоуста в 347 г.: «Сие, что Св. Иоанн родился около 344 года, – тем более вероятно, что удобно может быть соглашено с хронологией всех последующих событий его жизни. (Приб. к Твор. Св. Отцов т. XIV, стр. 170)». «Тильмон и Монфокон», говорит о. Лебедев (*ibid.* стр. 149), «соглашаются, что Св. Иоанн удалился в пустыню не прежде 374 года; но сие событие вскоре последовало за тем, как он уклонился от избрания в епископа, и между причинами, побудившими Св. Иоанна оставить город и скрыться в пустыню, было и то, дабы против воли не поставили его в епископа (*Desacerd. LI. 1 р. 365*)». «Святой Иоанн Дамаскин (*Act. Sanct. t. IV. р. 703*) говорит, что Златоустый» – продолжает о. Лебедев – «почти 30-ти лет возведен был на степень чтеца, а сие было в 372 году и от сего времени около двух лет прошло до уклонения Св. Иоанна от епископства. Соображая все сие, должно признать, что Св. Иоанну было около 32 лет, когда он уклонился от епископского сана и что сие случилось в 374 году (*ibid. 195*)».

Очевидно, вопрос о годе рождения Св. Иоанна Златоустого о. Лебедев не уяснил себе; показания его сбивчивы до погрешностей. Но на чем же нам остановиться в своем решении, который год по Р. Х. признать годом рождения Златоуста: 344 и или 347-й? Построим свои соображения и решим в положительной форме.

1) Известно, что Св. Иоанн имел прощальную беседу с Ливанием, в которой дал понять своему учителю, что он, Иоанн, как сын благочестивой христианки и изначала воспитанный в христианстве, окончательно вступает на путь христианской жизни (Малыш. 16 стр.). «В этой беседе», говорит г. Малышевский, «шла речь о матери Иоанна, как доблестной

христианке, давшей обет целомудренного вдовства. Матери Иоанна было тогда 40 лет от роду и 20 лет вдовства, а она стала вдовою «вскоре за болезнями рождения Иоанна», т. е. в самый год рождения; следовательно, Иоанну теперь, когда велась беседа с Ливанием, было 20 лет (16 стр., примеч.)». А это было приблизительно в 367 году. Заключение само собой очевидно – родился Св. Иоанн в 347 году.

2) По счету Миня с его компанией – от 344 года Св. Иоанн в год поставления в пресвитера Антиохийского в 386 году, в чем все патрологи согласны, должен иметь 43-й или 44-й год от рождения. По нашему мнению, этого допустить нельзя и вот почему. Св. Иоанн в первом своем слове по рукоположении во священника говорит: «Кто бы поверил тому, что убогий и отверженный «юноша» на виду всех вознесен на толикую высоту начальства?!» (Бес. к Авт. нар. т. 1-й стр. 1). «Юноша» – замечает Преосвященный Филарет (т. II, стр. 194), а ему было 39 лет!» Если уже и в такие лета название себя юношей представляется нашему патрологу удивительным, то что сказать о необычайности данного выражения проповедника, когда бы ему было довольно далеко за сорок? Конечно, это выражение Св. Иоанна можно понимать, как скромность, как знак смирения, как и понимает Фаррар – именно, как «чрезмерное самоуничижение», в особенности – если пресвитерство может означать не только старейшинство в чине или сане, а прежде всего преклонность лет – глубокую старость (Спр. и Объясн. Слов. к Нов. Зав., состав. П. Гильтебрандтом, стр. 1635). Мы имеем указания, свидетельствующие, пожалуй, что Златоуст, при поставлении во священника, действительно был почти юноша. Но эти показания неудобно принять, как достоверные. В славянской четви-минеи под 13 числом ноября – «Житие иже во Святых Отца нашего Иоанна Златоустого, патриарха Константина града, сокращенно собранное от Георгия, Архиепископа Александрийского, от Царя Льва Премудрого, от Метафраста, от Никифора Каллиста – книга 13-я, от Сократа Схоластика – книга 6-я, от Эрмия Созомена – книга 8-я и от прочих достоверных историков» – сказано о Златоусте: «родися в лето по Рождестве Христове 354-е». По этому счету

заключение, что Св. Иоанн на 27-м году был диаконом – 381 г., на 32-м – 386 г. – священником, на 44-м году – Архиепископом, и на 53 году от рождения скончался, – так естественно. Георгий, Архиепископ Александрийский свидетельствует о Златоусте: «яко б возрастом лет осмнадесяте, крещен бысть Мелетием, Архиепископом Антиохийским, и поставлен чтецем» (Жит. Св. Иоанна Златоустого при «Маргарите», изд. Моск. 1764 г. лист 114-й на обороте). И эти мнения можно бы принять, но одна несообразность сбивает с толку: надо признать, что Св. Иоанну было 15 лет, даже и того менее, когда он в 369 году был крещен и поставлен в чтеца, как это свидетельствует и Палладий – его друг. Не забудем: Св. Иоанн, оставив Ливания, был адвокатом и все еще не был крещен. Так неудобно принять ни 344 год, ни 354 – за время рождения Св. Иоанна и мы склонны думать, что 347-й год есть год рождения Златоуста, соглашаясь, что Св. Иоанн был поставлен священником на 39-м году жизни (Фаррар и проч. сторонники этого мнения и Малышевский, 31 стр.). На этом мы и покончим наши исследования о времени рождения Св. Иоанна Златоуста, повторяя общее убеждение, что год рождения Св. Иоанна с точностью определить трудно (о. В. Лебедев, стр. 170).

§ IV-й. Название «Хрибоостороç», замечает Фаррар (1108 стр.), впервые было употреблено Иоанном Моском около 630 года. А «у своих современников Иоанн исключительно был известен только «под этим именем» – под именем Иоанна, – как он известен у нас под именем Златоуста (*ibid.* 788 стр.). Георгий, Архиепископ Александрийский и за ним наш описатель житий святых, Святитель Димитрий Ростовский объясняют самое происхождение прозвания Св. Иоанна «Златоустым». «Обыче блаженный иногда от глубочайшия премудрости износити словеса. Единою же некая жена послушающи и глаголемых не разумеющи, воздвиже глас от народа и рече к нему: Учителю духовный, паче же реку – Иоанне Златоустый, углубил еси кладезь святого твоего учения, а ужя ума нашего суть кратки и не могут досязати. Тогда множество народа рекоша: аще и жена слово сие изглагола, но Бог имя то нарече ему, отсюда Златоустым да будет зовомый. От того убо времени

и до днесь тако от всея церкве именуется» (Мес. Ноемврий. Москва 1864 г. лист. 140 на обороте). Все это могло быть, но только название Св. Иоанна Златоустым не от того времени утвердилось за ним, как показывает достоверное свидетельство и название Хрибоото^ρос – впервые написанное в VII веке, хотя указанная подробность ясно представляет собою иллюстрацию. Если бы это название было общеизвестно во время жизни Св. Иоанна, то представляется странным то обстоятельство, что современники-летописцы и историки нигде не называют Св. Иоанна Златоустым. А что издревле вся церковь христианская удерживает это название за Св. Иоанном, то верно и, как истина общеизвестная, не требует доказательств.

§ V-й. Итак, главным источником для нашего труда должны служить творения Св. Иоанна Златоуста. Предположивши пользоваться только такими сочинениями Святителя, которые имеются в переводе на русский язык, мы представим список творений Златоуста в их отдельных изданиях.

- 1) Беседы к Антиохийскому народу в 2-х томах. С.ПБ. 1859 г.
- 2) Беседы на разные случаи. Т. I С.ПБ. 1864 г., т. II-й С.ПБ. 1865 г.
- 3) Слова. Т. III-й. С.ПБ. 1850 г.
- 4) Шесть слов о священстве. С.ПБ. 1874 г. Перевод. прот. Иоанна Колоколова.
- 5) О девстве. С.ПБ. 1892 г., пер. М. Ввой.
- Беседы на Евангелие Матфея. Москва 1859 г.
- 7) Беседы на книгу Бытия. Ч. I-я. С.ПБ. 851 г., ч. II – 1852 г., ч. III – 1853 года
- 8) Беседы на псалмы. I и II т. т. С.ПБ. 1860 г.
- 9) Беседы на разные места Св. Писания. Т. 1-й С.ПБ. 1861 г., т. II – 1862 г., т. III – 1863 г.
- 10) Беседы на Евангелие от Иоанна. I и II т.т. С.ПБ. 1862 г.
- 11) Беседы на Деяния Апостольские. I и II т.т. С.ПБ. 1857 г.
- 12) Толкование на послание Ап. Павла к Римлянам. Москва 1844 года.
- 13) Беседы на 1-е послание к Коринфянам. Ч. I и II С.ПБ. 1858 г., и на 2-е послание – Москва 1851 г.

- 14) Толкование на послание к Галатам. М. 1844 г.
- 15) Беседы на послание к Ефесеям. С.ПБ. 1858 г.
- 16) Толкование на послание к Филипписеям. М. 1844 г.
- 17) Беседы на послание к Колоссаям С.ПБ. 1858 г.
- 18) Беседы на послание к Фессалоникийцам. С.ПБ. 1859 г.
- 19) Беседы на первое послание к Тимофею. С.ПБ. 1859 г. и на второе послание – С.ПБ. 1859 г.
- 20) Беседы на послание к Титу. С.ПБ. 1859 г.
- 21) Беседы на послание к Филимону. С.ПБ. 1859 г.
- 22) Беседы на послание к Ереям. С.ПБ. 1859 г.
- 23) Письма к диаконисе Олимпиаде, в переводе A. Бронзова. С.ПБ. 1892 г.
- 24) Письма к разным лицам. С.ПБ. 1866 г.
- 25) Олово увещательное к Феодору падшему (в перев. на слав. яз. Москва 1770 г. и в перев. на русск. яз. «Христ. Чтен.» 1844 г., ч. I, 337–368 и ч. II. 1–19 стр.)
- 26) Слово на усекновение Предтечи и Крестителя Господня Иоанна и о Иродиаде (в книге «Маргарит» на слав. яз. М. 1764 г. л. л. 512–516).
- 27) Беседа, говоренная С. Златоустом пред кончиною его. (Бесед. избран. Св. Отца нашего Иоанна Златоустого; выбрал и перевел игумен Ириней. Москва 1819 г. ч. II, стр. 282–314).

§ VI-й. Не будем делать перечня сочинений Златоуста, заключающихся в сборниках, так сказать, его творений, составленных русскими переводчиками, каковы вышепоименованные в вашем списке под № I-м, II-м и III-м. Для нашей цели, как очевидно, самое важное значение имеет в данном случае решение вопроса: где какие сочинения написаны им; какие в Антиохии, какие в Константинополе? Желательно, конечно, определить и время появления того или другого творения, но более необходимо знать место написания.

Более определенные хронологические указания сочинениям Златоуста дает Минь в своем сочинении «*Patrologiae cursus completus*». А так как мы уже знаем, что этот *cursus completus* есть повторение хронологии «*Acta Sanctorum*» и *Index'a Monchfocon'a*, то хронология Миня получает особенную авторитетность. Из этого хронологического описания деяний и

сочинений Св. Иоанна Златоуста мы возьмем только хронологию сочинений.

А. Все сочинения Святителя Минь разделяет на четыре отдела: а) сочинения монашеские, б) сочинения диаконские, в) сочинения пресвитерские и г) сочинения епископские. Мы в общем нашем перечне разделим творения Св. Иоанна Златоуста на два периода: 1) период Антиохийский, куда войдут сочинения и монашеские, и диаконские, и пресвитерские и 2) период Константинопольский, где означим все сочинения Златоуста от времен призыва его на Константинопольскую патриаршую кафедру до последнего, предсмертного письма его из ссылки.

Б. Началом хронологического описания Миня поставлен 373 год, под которым означено «двукратное послание Св. Иоанна к Феодору падшему». Около 375 года написаны, говорит Минь, шесть книг о священстве. В 376 г. – три книги «против нападающих на монашескую жизнь»; в том же году написаны: «сравнение инока с царем», «книга о сокрушении сердечном к Димитрию» и о том же «к Стелехию». В 377 и 378 году – три книги «в утешение Стагирию». Но при показании времени написания этих шести книг, Минь прибавляет слово «вероятно», которое служит выражением того, что он лишь только предполагает.

В. Остановимся на каждом из этих сочинений Златоуста и постараемся хоть несколько, со своей стороны, осветить вопрос: насколько хронология Миня может отвечать действительному положению вещей.

«Слово увещательное к Феодору падшему». Единогласное указание: Монфокона, *Acta Sanctorum* и Миня, что это сочинение есть первое произведение Златоуста, написанное около 372 года, располагает довериться этому возврению. Изучение сочинения не показало нам данных для определения времени написания его. Других прямых исторических, современных Златоусту, указаний не нашлось. Созомен говорит об увещании Феодору, но указывает лишь его достоинства, – не более. «Иоанн написал к Феодору послание, превосходящее силы человеческого разума». (Соз. кн. VIII, гл. 2, стр. 548–549).

Но известно, что Созомен был поклонником монахов и, конечно, на это произведение смотрел с своей точки зрения (Греч. истор. А. Лебедева). Отметим одну особенность, которая, по нашему мнению, может служить указанием места написания этого «слова увещательного». «Заметно восторженное увлечение», замечает Фаррар: «кто даст главе моей воду и очесем моим источник слез!». Как будто Феодор совершил какое либо великое преступление, что Иоанн старается изменить его намерение обращением его мысли к вебу и аду и сообщением ему рассказов о покаянии тех, кои пали подобным образом. «Плачуся и рыдаю и сие творити не престану, дондеже увижу тя в первом сиянии» (лист. 2-й). И в чем вся беда и погибель? Да только в том, что человек честно желает вступить в «честный брак» и разделить с избранницей сердца «ложе нескверно!» Очевидно, автор держится в данную минуту убеждения, что спасение души возможно только в монастыре, а жизнь в мире – погибель; красоты мира – мерзость запустения (27 л.) Последняя мысль особенно рельефно рисуется во всей ее крайности в слове об Ермione – невесте Феодора. «Сия же красоты существо ничтоже другое есть, как мокрота, и кровь, и влага, и желчь, и пищи вкушенные сок... Аще же спомыслиши, что внутрь красных очес содержится, что внутрь стройного носа, что внутрь тела и ланит, речеши – тела благообразие ничтоже другое быти, как гроб повален. Толикия нечистоты сущия внутрь исполнена» (стр. 27 к Феодору падш.) – Мысли, которые Златоуст после не поддерживает. Фаррар, заканчивая свой очерк иноческой жизни Св. Иоанна, замечает: «Энтузиастический пыл его юности в вопросе о монашестве и безбрации был несколько охлажден мудростью более широкой опытности. В последние годы он оплакивал глубокое раздвоение между понятиями религиозной и светской жизни, как будто бы монахи и отшельники и были только единственно религиозными и как будто бы для остального человечества достаточно было более низкого и жалкого уровня христианской жизни» (стр. 802 Фаррара.)

Из всего сказанного сейчас, нам думается, возможно вывести только одно заключение: 1) Златоуст пишет к Феодору

из пустыни, куда оба друга пришли вместе, но Феодор не выдержал и ушел, и 2) что Иоанн пишет именно в начале пустынной жизни, под первым ее впечатлением. Имея это в виду и – особенно – сравнивая другие произведения Златоуста, невольно приходишь к убеждению, что, действительно, «слово увещательное к Феодору падшему» может быть признано первым опытом пера, написавшего потом так много и неизмеримо прекрасных творений; и это мнение – общее убеждение, его держится и о. Лебедев (стр. 193). О. Архимандрит Агапит в «Жизни Св. Иоанна Златоуста» дает иной распорядок начальным произведениям Златоуста, а именно: 1) слово о священстве; 2) послание к Димитрию; 3) – к Стелехию и йотом уже 4) к Феодору, – во все же не переносит этого последнего в другой период жизни, но относит также к пустынному (стр. 53–76).

«Шесть слов о священстве».

«Не легко определить время написания «слов о священстве», говорит переводчик их о. протоиерей Колоколов в своем предуведомлении, – и ставит точку. Попытаемся пополнить этот недостаток. Наши соображения на этот раз следующие: а) слова о священстве, очевидно, в храме произносимы не были, следовательно, они написаны до пресвитерства; б) речь идет о призвании двух друзей Василия и Иоанна в епископы. Василий принял предложение, Иоанн же нет, – следовательно, он не был и диаконом, ибо, как член священного клира, Иоанн не смел бы уклониться да и не смог бы; в) Иоанн был еще в мире; Василий звал его в пустынью и он как будто соглашался пойти с ним, как разнесся слух о призвании их в епископы. Следовательно, тогда как только что скончалась мать, Иоанн, собираясь в пустынью, под живым впечатлением обстоятельств горя Василия, не откладывая в долгий ящик, сейчас и написал все шесть слов о священстве и, вручив их огорченному другу своему, удалился в пустынью. Косвенно могут уяснить правдоподобность нашего предположения слова увещательные к Феодору падшему. «Можно ли тут откладывать слово утешения, когда сейчас надо врачевать болящую душу?!» Падший Феодор со словами своего

наставника возвратился в оставленную им пустыню, а Василий с книгой слов о священстве, собственно о епископстве, пошел на свою архиерейскую кафедру. Нашему мнению мы находим поддержку в книге г. Малышевского (стр. 23–24) с тою малою разницею, что он предполагает написание слов «в пустынном уединении, куда Иоанн уклонился от епископства». Охотно соглашаемся с ним, ибо выходит почти одно и тоже, что слова о священстве – первое литературное произведение Златоуста. Мы в нашем исследовании будем держаться Миня и Монфокона. Третьим литературным произведением Златоуста они, как и Преосвященный Филарет (т. II, стр. 192), признают сочинения (по русскому переводу): «Слово против преследующих тех, которые руководствуют к монашеской жизни»; «Слово к неверующему отцу» и «Слово к верующему отцу», – относя их написание к 376-му году. (Monchf. t. XIII, Migne t. XLVI, стр. 266–271; Act. Sanct. Semtembr. lib. IV. p. 695–700). Фаррар именует эти три слова после 6 книг о священстве, как и наши г. Малышевский (стр. 23) и о. Лебедев, и даже после слов к Димитрию и Стелехию (стр. 798–801). Мы будем придерживаться первого мнения, относящего эти сочинения, как третье произведение Златоуста, ко времени пустыножительства, именно к 376 году. Это подтверждает и подробное ознакомление с содержанием сочинения. Главный предмет его – это рассуждение по поводу жестокого преследования монашествующих. Приведем дословно несколько строк для точного указания: «Некто, пришедши к нам (т. е. в пустыню), принес горькую и печальную весть, что изгоняют отовсюду руководствующих к нашему любомуудрию (т. е. монашеской жизни) и с великими угрозами запрещают и говорить о нем (Слово т. III, стр. 73). Изумляюсь до крайности, что при благочестивых царях, среди городов, совершается такое беззаконное дело (ibid. стр. 75)». Очевидно, что это преследование, происходившее открыто и с ведома гражданского правительства, должно относиться ко времени царствования арианина Валента, который велел всех отшельников выгнать из их пустынных убежищ и отдавать в военную службу. Следовательно, три эти слова написаны

Златоустом не ранее 375 года, когда не было уже в живых православного императора Валентиниана († 374 г.), и не позднее 376 года, когда еще сам Иоанн жил между отшельниками.

Слова к Димитрию и Стелехию о сокрушении, по Монфокону и Миню, – сочинения 376 года, тоже, значит, монашеский труд Златоуста. У современных историков разное отношение к делу. Фаррар говорит о письмах к Димитрию и Стелехию за время пустынной жизни Златоуста (799–800); Филарет (стр. 193, т. II) относит к периоду диаконства; г. Малышевский ниже именует означенные сочинения, а о. Лебедев слова к Димитрию и Стелехию ставит одно на втором, другое на третьем месте в ряду сочинений, писанных Св. Иоанном в иноческом житии (стр. 206, т. XV, Твор. Св. Отец). Точно также поступает и о. Агапит. Обратимся к содержанию слов для незыблемого удостоверения о времени написания их. Автор говорит: «Когда я недавно решился, оставя город, уйти в келии монахов, то много раздумывал и беспокоился»... (Слово т. III. стр. 23). Таким образом ясно указывается время, когда Иоанн, посвященный Св. Мелетием, епископом Антиохийским в чтеца, удалился из Антиохии в обители иноков, живших на смежных с Антиохией горах (*ibid.* стр. 1.) А удалился он в пустыню, как полагают (Монф., *Act. Sanct.*, Минь), в конце 374-го или в начале 375 года. Точную линию, отделяющую одно произведение от другого, провести, конечно, не возможно, да и надобности нет. Весь период пустынной жизни составляет четыре года. Данные сочинения, несомненно, следовали одно за другим. Считаем долгом сказать несколько слов по поводу мнения Преосв. Филарета о написании слов «о сокрушении» в период диаконства Св. Иоанна. Вся сила разномыслия у него с другими показаниями кроется в одном слове. В вышеприведенном нами месте он слова «много раздумывал» – читал – «много испытал», т. е. в былой жизни в пустыне (у него стр. 193). «Слово к Стелехию» Преосв. Филарет относит ко времени диаконства еще с меньшим основанием. Он замечает: «говоря о тех, которые допускали недостойных к крещению и евхаристии, он, Златоуст, выражает и свое участие в служении

тайствам: «мы», говорит, чего не сказал бы о себе, как о чтеце» (стр. 193, примеч.) Но, во первых, ни о каком совершении тайнств крещения и евхаристии в слове к Стелехию не говорится, а говорится лишь о необходимости чувства покаяния – сокрушения о грехах и вот именно такими словами: «Павел помнил и о тех грехах своих, которые он сделал до крещения, а «мы» не хотим вспомнить и о сделавших нами после крещения (слово т. III, стр. 66), – и делают нас подлежащими ответственности за них» (т. е., конечно, за грехи, а не за людей грешников). А это «мы» Преосв. автор принял за выражение участия Златоуста в совершении тайнств и построил неверное заключение.

«К подвижнику Стагирию три слова о провидении».

Более точно определяют время написания этих слов Преосв. Филарет (193 стр.) и г. Малышевский (29 стр.), относя их без особых оснований к периоду диаконства, с чем мы не можем согласиться. Златоуст говорит (сл. 1, отд. I): «надлежало бы мне теперь быть при тебе, принять участие в скорбях твоих; но худое здоровье и головная боль принудили меня остаться в доме» (Сл. т. III, ст. 234–236). Из этого указания заключают, что эти слова написаны после двухгодичных подвигов Златоуста в пустыне, которые произвели в его организме крайнее изнурение, принудившее его возвратиться в Антиохию (Слово т. III, стр. 235). А возвращение его в Антиохию случилось, как известно, в конце 380 года, к каковому времени и следует отнести написание означенных слов к Стагирию, но только не в сане диакона. В виду этого, мы не можем согласиться, что сочинение написано в 377-м или 378-м году, ибо в это время Златоуст был еще в пустыне. Таким образом, слова к Стагирию надобно отнести ко времени, промежуточному между периодом жизни Златоуста в пустыне и временем поставления его в диакона. Переводчик наш (СПБ. 1850 г. Слово т. III, стр. 235) между прочим заметил, что «Иоанн и Стагирий оба жили (тогда) в Антиохии», только, следовательно, по болезни первый не мог посетить последнего. И это так. Автор говорит страждущему подвижнику: «ты жаловался на то, что этот св. муж» – очевидно, св. Мелетий, Епископ Антиохийский, – «который явил столь

великую силу на других людях, не мог ничего такого сделать для твоей любви» (Слово т. III, стр. 237; заметка переводчика *ibid.*: Мелетий возвратился из ссылки в 378 году; Малыш. стр. 28), – это вернейшее доказательство, по нашему мнению, что сочинение написано не раньше 378 года.

Г. За диаконский период жизни Златоуста Минь указывает сочинения: в 381 году – а) Два слова к молодой вдовице.

б) Книга о девстве.

Около 382 года – в) составлена книга о Св. Вавиле против Юлиана и язычников и

г) Краткое обозрение ветхозаветных книг.

Но опять, чуть не при каждом из сейчас названных сочинений фигурирует выражение «вероятно».

Д. Позволим себе и здесь несколько слов о том, насколько нам представляется справедливым показание Миня.

«Два слова к молодой вдовице». «Время написания первого слова», замечает переводчик этого произведения на русский язык (Слов. III том., стр. 401), довольно ясно указывается в конце 5-го отдела сего слова, где тогдашний император Римский представляется воюющим с варварами».

Вот слова этого места. Утешая молодую вдовицу, Златоуст приводит в пример современную царицу, которая «истомилась от страха и живет хуже осужденной на смерть от того, что муж ее, с того времени, как надел на себя диадему, доселе постоянно бывает на войне и в сражениях» (*ibid.* стр. 415).

Это, как известно, был Феодосий, который, со времени провозглашения своего императором в 379-м году, вел почти непрерывную войну с Готами до решительного поражения их в 382-м году. По соображению этого обстоятельства заключить должно, что первое слово написано не ранее 380-го и не позже 382-го года. Второе слово последовало, конечно, за ним (*ibid.* 401 стр.). Нет надобности при этом видеть в слове намек на погибель Валента в 378 году, как это делает Преосвящ. Филарет (т. II, стр. 193, прим.). Самое важное в слове – это указание на обстоятельства, сейчас совершающиеся. Они во всей точности могут указывать время написания, почему мы и выписали их дословно. Несомненно, эти именно слова подали повод

Монфокону и потом Миню означить год написания 381-й, и мы не сочли бы нужным доказывать справедливость показания авторитетов, если бы у них не было этого «вероятно», очень часто встречающегося в подобных показаниях.

«Слово о девстве» означено у Миня под 381-м годом, но опять с выражением «вероятно».

Доказательство несомненности этого предположения о написании Златоустом обоих сочинений – «к вдовице» и «о девстве» – в это время – мы находим в том соображении, что Св. Иоанн, по званию диакона, имел на обязанности попечение о вдовах и девах. Здесь он мог видеть их несчастия, взвесить всю тяжесть их положения, невольно знакомиться с добродетелями и пороками тех и других (Малышев. стр. 28). Естественно, таким образом, именно в это время и особенно в начале диаконства появление того и другого сочинения Златоуста – и к вдовице и к девам. Об этом сочинении находим всецелое согласие у всех современных ученых, сказавших свое слово о трудах и жизни Златоуста (Фаррар стр. 804; Филарет стр. 193; Малышевский стр. 30; о. Лебедев, Твор. Св. Отц. т. XV, стр. 221),

В хронологии Миня указывается под 382 годом книга о Св. Вавиле – против Юлиана и язычников. Если здесь разумеются имеющиеся в русском переводе две беседы, а других у нас нет в этом роде, то отнести их к 382-му году, к диаконскому периоду жизни Златоуста, нет оснований. Известно, что Иоанн до пресвитерства не говорил поучений (Георг. Александр. стр. 170 и 175; Лебед. стр. 227).

Охотно соглашаемся с вероятным предположением Миня, что в период диаконства Св. Златоуст написал «обозрение книг Ветхого Завета». Это вполне вещь возможная для ученого диакона, и могло быть сделано им без всякого особого назначения для кого либо, желавшего получить краткие сведения о священных книгах библии. Заметим только, что появление этого труда безразлично может быть отнесено к монашескому или диаконскому периоду жизни Златоуста, но ни в каком случае не к пресвитерскому. Из современных ученых один Архиепископ Филарет говорит об этом сочинении и относит

его к диаконскому периоду Златоуста (т. II, стр. 193). Если бы это сочинение было написано во время пресвитерства Златоуста, то оно имело бы непременно форму беседы, как все его толкования на священное писание.

Е. В виду того обстоятельства, что все наши изыскания о времени и месте написания творений Златоуста, в общем не изменяют показаний хронологии Миня, мы решились следовать авторитетному показанию этого досточтимого, европейски известного патролога, тем более, что и все наши русские биографы придерживаются в большинстве случаев этих же показаний. С другой стороны, для нашего труда, скажем еще раз, самое важное: звать, где написаны известные сочинения Св. Иоанна Златоуста, хотя в особенных случаях, но очень редких, требуется знать, и когда они написаны. А потому мы удержим хронологию Миня, в ее целости, с показаниями не только места, но и времени написания творений Златоуста.

Беседы Св. Иоанна, за время его пресвитерства, могут быть представлены, на основании указаний Миня, в следующем порядке:

386-го года.

Беседа по рукоположении во пресвитера (Бесед. к Антиох. народ. т. 1).

Беседы на слова пророка Исаии: «и бысть в лето, в неже умре Озия царь». (Исаия VI, 1) вторая, третья, пятая и шестая (на разн. мест. Св. Пис. т. 1.) – о серафимах.

Беседы на книгу Бытия (краткие) на тексты из первых трех глав: первая, вторая, третья, четвертая, пятая, шестая, седьмая и восьмая (к Антиох. народ. т. II).

Две беседы о пророчествах Ветхого Завета – о темноте пророчеств (На раз. м. Св. Пис. т. 11).

Беседа против тех, которые говорят, что демоны управляют человеческими делами – против Манихеев.

Беседа о том, что грех от беспечности, а добродетель от рачительности – о лености.

Беседа против возражающих, почему диавол не истреблен – о диаволе искусителе (Бесед. Антиох. народ. Т. I).

Похвальное слово Св. Мелетию, Архиепископу Антиохийскому (Бесед. на раз. м. Св. Пис. т. I).

Беседа на слова Апостола Павла: «сие же веждь, яко в последние дни настанут времени люты». 2Тим. 3, 1. (Ibid т. III).

Беседа против Аномеев первая (Сл. и бес. на раз. случ. т. I).

Против иудеев слово первое, второе (Слов. т. III).

Беседа против Аномеев вторая и третья, четвертая и пятая (Сл. и бес. на раз. сл. т. II).

Беседа о проклятии.

Беседа о том, что не должно разглашать чужих грехов.

Беседа о том, что не должно отчаиваться (На разн. мест. Св. Писания т. III).

Беседа против Аномеев шестая – в память блаженного Филогония (ibid.).

Беседа в день Рождества Христова (Сл. и бес. на раз. сл. т. I)

Беседа на слова Апостола Павла: «аще виною, аще истиною Христос проповедаем есть». Фил. 1,18. (На раз. мес. Св. Пис. т. III).

387-го года.

Слово на новый год. (Сл. и бесед. на раз. случ. т. II).

Беседы о Лазаре первая, вторая и третья. (Бесед. к Ант. народ. т. I).

Похвальное слово Св. мучен. Лукиану. (Сл. и бес. на раз. сл. т. I).

Беседа о Св. священномученике Вавиле (ibid.).

Похвальное слово Св. мученикам Иувентину и Максиму (ibid.).

Беседа о Лазаре четвертая (к Ант. народ. т. I).

Беседа на следующее изречение Апостола: о беззаботных: «не хощу вас не ведети о умерших» (полн. собр. тв. Св. Иоанна Златоуста т. I. стр. 828, 1895 г. СПБ.).

Беседа против Аномеев седьмая, восьмая и девятая. (Слов. и бесед. на разн. случ. т. II).

Беседа о воскресении мертвых (На разн. мест. Св. Пис. т. III).

Беседа против Аномеев десятая (Слов. и бесед. на раз. случ. т. II).

Беседа на слова Апостола Павла: «вдовица да причитается не меньши лет шестидесяти» – о вдовицах (На разн. мест. Свящ. Писан. т. III).

Слово по случаю землетрясения (Слов. и бесед. на разн. случ. т. II).

Слово против иудеев третье (Слов. т. III).

Беседы по случаю ниспровержения статуй – первая, вторая, третья, четвертая, пятая, шестая, седьмая, восьмая, девятая и десятая (Бесед. к Ант. народ. т. I).

Слово 1-е огласительное к готовящимся ко Св. Крещению (На разн. случ. т. II).

Беседы о статуях – с одиннадцатой по семнадцатую включительно. (Бес. к Ант. нар.).

Слово 2-е огласительное к готовящимся ко Св. Крещению (На разн. случ. т. II).

Беседы об Анне – пять (Бесед. к Ант. народ. т. II).

Беседа на притчу о должнике десятью тысячами талантов (*ibid*).

Беседы о Давиде и Сауле – первая, вторая и третья (*ibid*).

Против иудеев и язычников.

О любви ко врагам (стр. 72 прим. Малышев).

Беседа о Св. Священномученике Вавиле – против иудеев и язычников (На разн. случ. т. I).

Слова против иудеев – с четвертого по восьмое (Слов. т. III).

Беседа на псалом XLI (Бесед. на псалмы т. II).

Беседа о милостыне (Бесед. к Ант. народ. т. II).

Беседы на слова Св. Ап. Павла: «имуще той же дух веры – по писанному, веровах, темже и возлаголах» (2Кор. 4:14) – первая, вторая и третья (Бесед. на разн. мест. Св. Писан. т. III).

Беседа на слова: «о да бысте мало потерпели безумию моему» – 2Кор. 11, 1 (*ibid*).

388-го года.

Беседы на книгу Бытия – с беседы увещательной по тридцать вторую включительно.

Беседа о предательстве Иуды (На раз. случ. т. II).

Беседа в неделю Св. Пасхи (2-я в русском переводе) (*ibid*) и против пьянствующих.

Пять бесед на надписание книги Деяний Апостольских (На разн. мест. Св. Пис. т. II).

Пять бесед о перемене имен (к Ант. народ. т. II).

Беседа на день Вознесения Господа нашего Иисуса Христа (Слова и бесед. на разн. случ. т. II)

Беседа в неделю Св. Пятидесятницы (*ibid*).

Беседы на книгу Бытия – с тридцать третьей по шестьдесят седьмую.

Две беседы на слова Св. Ап. Павла: «целуйте Акиллу и Прискиллу» (На разн. м. Св. Пис. т. II).

389-го года.

Беседы на Евангелие от Иоанна.

389–391-й год.

Беседы на Евангелие от Матфея.

391-го года.

Беседы на послание Ап. Павла к Римлянам.

392-го года.

Беседы на послания Ап. Павла к Коринфянам.

С 393–397-й год.

Беседы на послания Ап. Павла: к Галатам, к Ефесеям, к Филипписеям, к Тимофею, Титу и Филимону.

Беседы на псалмы.

Беседы на восемь глав Пророка Исаии (На разн. м. Свящ. Пис. т. I).

Беседы, произнесенные в неизвестное время в Антиохии:

Беседа на слова Ап. Павла: «егда же прииде Петр в Антиохию, в лице ему противустах» (глав. II, 2). (На разн. мест. Св. Пис. т. III).

Семь бесед в похвалу Св. Апостолу Павлу (*ibid*).

Шесть бесед (девять по Миню) о покаянии (к Ант. нар. т. II).

Беседа о кладбище и кресте (На раза. сл. т. II).

Два похвальные слова Св. Мученицам Виринее, Проскудии и матери их Домнике (На разн. случ. т. I)

Беседа о кресте и разбойнике (*ibid*. т. II).

О Вознесении.

Две беседы о Св. Мученице Пелагее (*ibid.* т. I).

Похвальное слово Св. Священномученику Игнатию (*ibid.* т. I).

Похвальное слово Св. Евстафию, Архиепископу Антиохийскому (*ibid.*).

Два похвальные слова Св. Мученику Роману (*ibid.*).

Беседа на слова Пророка Иеремии: «Господи, несть человеку путь его». (На разн. мест. Свящ. Пис. т. I).

Две беседы о Маккавеях (На раз. м. Св. Пис. т. II).

Беседы о Святых Мучениках (На раз. сл. т. I).

Похвальное слово всем Святым Мученикам (*ibid.*).

Беседа, что не должно противиться благодати.

Похвальное слово Св. Мученику Юлиану (*ibid.*).

Похвальное слово Св. Мученику Варлааму (*ibid.*).

Беседа на слова Ап. Павла: «не хощу вас не ведети, братие! яко отцы наши оси под облаком быша» (1Кор. 10, 11) (Бесед. на разн. м. Св. Пис. т. II).

Похвальное слово о Св. Великомученике Дросиде (На разн. случ. т. 1).

Похвальное слово египетским мученикам (*ibid.*).

Беседа после землетрясения (На разн. сл. т. II).

Слово в похвалу Диодору, Епископу Тарсийскому (*ibid.* т. II).

Ж. Сочинения Златоуста – во время епископства 398-го года.

Беседы против Аномеев – 11-я и 12-я.

Беседа о расслабленном, спущенном через кровлю (Марк. 2, 1–12) (На раз. м. Св. Пис. т. II).

Беседа на слова: «Отче Мой! аще возможно, да мимо идет от Мене чаша сия». Мат. 16, 39. (*ibid.*).

Беседа на слова: «вемы, яко любящим Бога вся поспешествуют во благое». Рим. 8, 28. (*ibid.*).

Слово против клириков, живших вместе с девственницами (Сл. и бесед. на разн. сл. т. II).

Слово против девственниц, живших вместе с клириками (*ibid.*).

Два слова по случаю перенесения мощей Св. Ап. Фомы (*ibid.*).

Беседа о Св. Священномученике Фоке (*ibid*).

Беседы на послания к Колоссаям.

399-го года.

Две беседы по случаю бегства консула Евтропия (*ibid*).

Беседа в присутствии Готфов (*ibid*).

Беседа против зрелиц (ibid).

Беседа по случаю ссылки Сатурнина и Аврелиана (*ibid*).

400-го года.

Слово по возвращении Св. Иоанна Златоуста из Азии в Константинополь (*ibid*).

Слово по случаю возвращения епископа Севериана (*ibid*).

Беседы на послание к Солунянам.

401-го года.

Беседы на Деяния Апостольские.

402-го года.

Беседы на послание к Ереям.

403-го года.

Два слова перед отправлением в ссылку (На раз. сл. т. II).

Беседа на усекновение главы Иоанна Крестителя и о Иродиаде (Маргар. 1764 г. стр. 512–516. Пред удалением Святителя произнесена беседа (по Монфокону т. III, стр. 415) не иная, конечно, как та, которую нужно считать таковою по догадке только. (Минь).

Два слова по возвращении из первой ссылки (*ibid*).

Беседа о жене – хананеянке (Бесед. на раз. м. Св. Пис. т. III).

Беседы, произнесенные в Константинополе в неизвестное время:

Беседа на слова: «аще алчет враг твой, ухлеби его» (На разн. м. Св. Пис. т. II).

Беседа 1-я и 4-я на слова Пророка Исаии: «и бысть в лето, в оньже умре Озия царь» – Исаия VI, 1 – о серафимах. (На раз м. Св. Пис. т. I).

Беседа на слова Ап. Павла: «но блудодеяния ради кийждо свою жену да иметь» – I Кор. VII, 2 – о браке (*ibid* т. III).

Две беседы на слова Ап. Павла: «жена привязана есть законом, в елико время живет муж ея» – 1Кор. 7, 39–40 – о

брачной жизни (ibid).

Беседы, неизвестно где произнесенные – в Антиохии или Константинополе.

Беседа на слова: «узкая врата и тесный путь вводяй в живот» – о тесных вратах (ibid.).

Беседа на слова: «жатва убо многа, делателей же мало». Мат. 9, 37 (ibid).

Беседа на слова Ап. Павла: «не точию же, но хвалимся в скорбех» – Рим. V, 3 – о славе в скорбях (ibid).

Беседа на слова Ап. Павла: «подобает бо и ересем быти». 1Кор. 11, 19 (ibid).

Беседа о Пророке Илии и вдовице. (На разн. м. Св. Пис. т. III).

Беседа о наслаждении будущими благами и ничтожестве настоящих. (Бесед. к Ант. народ. т. II).

Слово во Святую Пасху – на великую неделю (На раз. сл. т. II).

Беседа на слова Пророка Исаии: «Аз Господь Бог, устроивый свет и тьму» – Исаия 45, 7, – направленная в особенности на Манихеев (На раз. м. Св. Пис. т. I).

Беседа о совершенной любви (ibid. т. III).

Две беседы об утешении при смерти (ibid).

Толкование на книгу Пророка Даниила (ibid).

3. В этом вышеприведенном хронологическом перечне сочинении Св. Иоанна Златоуста, мы не нашли указаний на некоторые творения Златоуста, но это не может служить препятствием в нашем исследовании, так как количество этих неуказанных сочинений сравнительно ничтожно.

По русскому переводу, – а мы только его и имеем в основе для решения нашего вопроса, – не поименованы следующие сочинения:

Беседа на слова: «коею властию сие твориши» (Мф. 21:23).

Беседа на слова: «в начале бе слово» (Ин.1:1).

Беседа на слова: «не может Сын творити о Себеничесоже» (Ин.5:19).

Беседа на слова: «Отец мой доселе делает и Аз делаю» (Ин.5:17). (Бесед. на разн. м. Св. Пис. т. II).

Беседа на слова: «сей же Мельхиседек, царь Салимский» (Евр.7:1–5) – относится к 7-й беседе против иудеев; сказана в Антиохии сентябр. 387 г.

Беседа о страданиях и подвигах праведного Иова.

Беседа о праотце Аврааме.

Беседа о праведном Елеазаре и семи юношах.

Беседа 3-я о Маккавеях.

Беседа о кротости.

Беседа о псалмопении.

Беседа об утверждении Евангелия.

Беседа о том, что опасно и для поучающих и для слушающих проповедовать с угодливостью.

Беседа о том, что нужно чаще ходить в церковные собрания для очищения грехов своих.

Беседа о том, что кто сам себе не вредит, тому вредить никто не может (На разн. м. Св. Пис. т. II).

Похвальное слово Св. Первомученице Фекле (На раз. сл. т. I).

Слово на Рождество Спасителя нашего Иисуса Христа.

Беседа (1-я или 2-я) в неделю Св. Пасхи.

Слово о новокрещенных (Бесед. и слов. на разн. сл. т. II).

И. Опыт показал нам, что хронология сочинений Златоуста, за период жизни его в иночестве и в сане диакона, данная Минем, имеет за собою значительную долю достоверности и мы охотно готовы принять дальнейшие указания Миня о творениях Златоуста и за другие периоды деятельности его – в пресвитерстве и епископстве и, конечно, в изгнанничестве, как уже вполне достоверные. Ибо естественно сделать заключение от части к целому. Но что мы не рабски следуем указаниям хронологии Милля, позволим себе хоть о трех-четырех сочинениях Златоуста высказать наши соображения: что и почему мы принимаем в этой хронологии за несомненно верное, и что и почему принять не можем.

В ряду пресвитерских и епископских творений Святителя есть и не мало сочинений, которые своим внешним назначением и внутренним содержанием ясно указывают время и место их появления. Таковы: похвальные слова Св. Мелетию,

Евстафию, Вавиле, Игнатию и проч. О беседах по рукоположении во пресвитера, и к Антиохийскому народу по низвержении статуй, и говорить уж нечего. Дело ясно как день.

Но мы поставлены в недоумение, каким образом Минь нашел возможным отнести 4-ю беседу о серафимах (т. е. на 1-й стих. VI глав. Прор. Исаии) к беседам Константинопольским, хотя и «неизвестного времени». В этой 4-й беседе проповедник говорит: «нет ничего хуже гордости, почему вчера мы и вели всю речь об этом, истребляя гордость и научая смиренномудрию». Следовательно, указание делается на предыдущую беседу, т. е. 3-ю. И 3-я беседа в значительной части – о том, сколь велико зло – гордость. А эта беседа означена Минем произнесеною в Антиохии в 386 году, т. е. в начале пресвитерства Златоуста. Очень сильное противоречие! Проповедник говорит: «вчера мы вели речь», – оказывается, это «вчера», в крайнем случае, за 12–13 лет было. «Гордость – источник всех зол» (стр. 225); гордость увлекла и низвергла с неба силу бестелесную (стр. 226); Бог гордых оставляет... гордость есть тяжкая рана (стр. 227); что в теле воспаление, то в душах – гордость (стр. 229); помните сказанное о гордости» (стр. 231)... и затем прибавляет: «сохраняя это, послушаем совершеннейшего учителя» (стр. 232), т. е. епископа Флавиана, прибавляет наш переводчик, – в 3-й беседе. И вдруг 4-я беседа, имеющая такую тесную, можно сказать, неразрывную связь с 3-ю, будто бы, могла быть произнесена в Константинополе?! Нет. И эта беседа несомненно произнесена в Антиохии. Мы говорим это с убеждением, основывая свое здание – свои выводы не на песке, а, как видится, на твердом основании.

Если же наше заключение относительно 4-й беседы может иметь достоверность, то мы утверждаем, что и первая – о серафимах – произнесена также в Антиохии, ибо характер ее дословно один и тот же, что и в 4-й беседе. *Exempli gratia* сделаем сравнение. В 1-й беседе: «откуда вижу, что слова мои прилагаются к делу? Из самого настоящего собрания, из того, что вы с усердием посещаете мать всех – церковь, – из этого всенощного и непрерывного стояния» (Бесед. на раз. мест. Св. Писан. т. 1, стр. 188). В 4-й беседе: «посмотри на всенощные

священные бдения, соединяющие день с ночью» (*ibid* 234). Преосвященный Филарет, Архиепископ Черниговский, заканчивая в своем историческом учении об Отцах церкви обозрение творений Златоуста за пресвитерский период его жизни, говорит: «полный желания возвещать хвалу Господу, Златоуст вслед за тем, сейчас после речи по вступлении в сан священства, говорил о серафимах» (*ibid.* 194). Преосвященный наш Архипастырь не сделал разделения бесед и мы послушно следуем за ним.

Сделаем еще несколько замечаний. «Толкование на 8-м глав книги Пророка Исаии», где и когда написано – достоверно неизвестно, и мы не нашли в самом творении основания для принятия за несомненные – показания Миня. Творение имеет форму исследования текста, тогда как сочинения Златоуста, за время его пресвитерства и епископства, известны только в форме бесед. Беседы Златоуста имеют свою отличительную форму: кроме нравственного приложения, всегда в них бывает и обращение к своим слушателям; нередко сопоставление в связь прежде сказанного и непременно в конце прославление имени Пресвятой Троицы. Ничего подобного не находя в «беседах» на 8-м глав Пророка Исаии, мы невольно задаемся вопросом: не следует ли это «Толкование» отнести к периоду диаконства Златоуста и присоединить к «обозрению книг Ветхого Завета»? Искали мы подтверждение своей мысли у биографов Златоуста последнего времени и не остались одинокими. Хотя Преосвящ. Филарет относит это «Толкование» к пресвитерскому периоду (т. II, стр. 202), но Фаррар говорит, что оно было написано раньше рукоположения Златоуста в сан пресвитера (стр. 812). Толкование на книгу Пророка Даниила, как тоже не имеющее нравственного приложения в изъяснении Св. Златоуста, мы также охотнее относим к тому периоду деятельности, когда он написал «обозрение книг Ветхого Завета». Минь помечает это «Толкование» в подстрочном примечании своем, на основании мнения Стильтингуса (§ 53) о сочинениях Златоуста, – в разряде сомнительных; но все же относит к Константинопольскому периоду деятельности Златоуста, куда оно относиться ни в каком случае не может.

Заметка Тьери, будто беседы к преступным клирикам и девам Златоуст написал, будучи диаконом, лишена всякого основания. Самая форма речи бесед сразу опровергает это мнение. Мы относим эти беседы положительно к епископскому периоду Златоуста.

I. Сократ в своей церковной истории (кн. VI, гл. 18) указывает беседу на усекновение главы Иоанна Крестителя. Принадлежит ли она Златоусту? Отвечаем: несомненно! Сравните слова 1-е и 2-е пред отправлением в первую ссылку с этим словом на Иродиаду и вы увидите: те же мысли, те же выражения, то же вдохновение, ту же решимость, то же бесстрашие, ту же силу веры, ту же непоколебимость упования и совершенно одинаковую степень любви к Богу и людям. Почему же не допустить? Не нашлось в греческих подлинниках? Мало ли что затеряно. Из десяти бесед о милости не мы имеем шесть–семь бесед. Была же речь Златоуста о примирении с Северианом отыскана «по неисповедимой случайности» в старинном латинском переводе (Тьери, стр. 84)? Может быть, когда-нибудь отыщется где, в неизвестном книгохранилище, и слово на Усекновение, имеющееся у нас на славянском языке. Такое слово, как слово «на Усекновение», конечно, враги, естественно, должны были разорвать на мелкие клочки, бросить, сожечь, развеять по ветру. Это слово для них – правда, колючая глаз, – огонь палящий; это меч, способный пройти до самых сокровенных внутренностей; вот уж именно слово «судительное помышлением и мыслем сердечным». Так может говорить только человек, совсем готовый на смерть. Св. Иоанн и был в таком положении, и он несомненно это слово сказал. Терять больше нечего, все потеряно, и вот, по пословице «дешево не отдамся», страдалец отдал себя дорогою ценой. «Царица – лютый враг Церкви Божией! Получи твое и иди в ад кромешный трястись в нескончаемые веки!» Да! что бы ни писали против этого вдохновенного слова разные патрологи, мы останемся верны вашей матери – Православной церкви, давшей это слово в назидание своим чадам – в своем церковно-учительном «Маргарите».

К. Беседа, говоренная Св. Иоанном Златоустом пред кончиною его – перев. И. Иринея (1819 г.) – есть несомненно подложная и если не измышление о. Иринея, то прямо порождение средневековой схоластики, – имеет приступ, изложение и заключение, – выдыхающейся теперь окончательно из наших средних учебных духовных заведений.

Имеется еще целый ряд сочинений, снабженных именем Златоуста; но ни выражения слова, ни мысли, ни строй речи не подходят к творениям Святителя. И мы оставили их без всякого внимания, искренно разделяя воззрение Миня, который относит их прямо к *spuria* – подложным.

Вот эти сочинения:

Беседа о пророчестве Захарии и о зачатии Елизаветы;

Похвала на зачатие Св. Иоанна Пророка, Предтечи и Крестителя;

На Благовещение преславной Владычицы нашей Богородицы;

Беседа на слова: «изыде повеление от Кесаря Ависта» и на внесение в перепись Святой Богородицы»;

О святом Иоанне Предтече;

Слово о Сретении Господа нашего Иисуса Христа и о Богородице, и о Симеоне;

На святую и великую пятницу;

О честном и животворящем Кресте и о преступлении первых людей;

На тридневное Воскресение Господа нашего Иисуса Христа;

Беседа о том, что аскету не должно предаваться шутливиности и забавам;

Слово о посте и молитве;

Феодора падшего письменный ответ святому отцу нашему и вселенскому учителю Иоанну Златоустому;

Седьмое слово о священстве;

Слово о том, что ученику надлежит быть кротким;

Беседа о том, что должно избегать притворного и не истинного вида;

К иудеям и эллинам и еретикам;

Весьма полезное слово о вере и о законе природы и о Св. Духе.

О Святой и Единосущной Троице.

В доказательство того, что эти сочинения, надписанные именем Златоуста, именно *spuria*, мы приведем несколько строчек хотя из одного из них. «Беседа о пророчестве Захарии и о зачатии Елизаветы». «Когда старость приводит меня к могиле, тогда ли я взойду на брачное ложе и произведу дитя на закате солнца моей юности?... Аз бо есмь стар... едва переставляю ступню ног; двух ног мне недостаточно для хождения; вместо третьей ноги ношу жезл».

Или: «Беседа на слова: «изыде повеление от кесаря Августа»... «Евангелист говорит сначала о Мариам, потому что Она поистине мать и Она сама – не мать, т. к. Она не родила по естеству, но зачала преестественно». т. II полн. собр. тв. Св. И. Злат. 1896 г.

§ VII-й. Собственно говоря, для нашей цели самое важное – это уверенность: такие то творения Св. Иоанна Златоуста – Антиохийские: такие то – Константинопольские. Имея возможно положительные данные для такого распределения сочинений Святителя, мы получаем возможность решать наш вопрос. Конечно, желательно бы точное хронологическое указание сочинений по годам и месяцам, к какому времени какое сочинение можно отнести, но уж если это желание в отношении к большинству трудов неудобоисполнимо, то в крайнем случае можно обойтись и без него, при удовлетворительности первого условия.

«Патрологи», говорить г. Малышевский, «много потрудились над установлением хронологического порядка бесед и творений Златоуста и достигли в этом отношении достаточно определенных выводов» (стр. 58). Несомненно, г. Малышевский разумеет здесь «*Compendium chronologicum gestorum et scriptorium*» в *Acta Sanctorum Septembris* p. 695–700, том. IV), основанный в своих показаниях на «*Index rerum*» Montfocon'a и «*Compendium chronologicum gestorum et scriptorium J. Joannis Chrisostomi, exceptum ex actis Sanctorum mensis Septembris*» том. IV), и повторенный дословно в «*Patrologiae cursis completes*

Migne» (том. XLVII, р. 263–272). Порядку Миня следуют все наши биографы Св. Иоанна Златоуста: и Преосвященный Филарет, и свящ. Лебедев, и Архимандрит Агапит, и г. Малышевский, и знаменитый Фаррар.

Руководствуясь указаниями и древних и новых патрологов и жизнеописателей Златоуста – русских и иностранных, – мы уже без всяких уклонений принимаем хронологию творений Св. Иоанна Златоуста, установленную и записанную в патрологии Миня. Пользуясь тем или другим сочинением Златоуста для наших целей, мы будем отмечать в нашем труде под строкой самое название творения, что, в свою очередь, даст читателю возможность видеть, какое сочинение мы цитируем: Антиохийское или Константинопольское.

Наши биографы Св. Иоанна Златоуста погрешают против хронологии Миня и, при заявлении, что им было известно указание Монфокона или Миня, прямо поставляют читателя в недоумение: в каких целях сделано известным автором то или другое отступление от авторитетного «хронологического описания» сочинений Златоуста. Например, г. Малышевский в указанном нами сочинении: «Св. Иоанн Златоуст в звании чтеца, в сане диакона и пресвитера», где он говорит, конечно, исключительно о периоде жизни Златоуста в Антиохии, выражается так: «в немногих случаях приводим образцы нравственного учения – и из бесед, сказанных Златоустом в Константинополе в сане епископа» (стр. 123, примеч.). Священник В. Лебедев в своем «подробном описании» представляет данные обратного свойства. Описывая «служение Св. Иоанна Златоуста в сане Архиепископа Константинопольского», цитирует беседу Златоуста на послание Ап. Павла к Филиппийцам (Приб. к твор. Св. Отец, т. XVI, стр. 430). А говоря о служении Златоуста в сане пресвитерском, приводит свидетельство из бесед на Деяния Апостольские (т. XV, стр. 124, 131–132).

Мы искренно желаем остаться верными принятым нами указаниям «хронологического описания» Миня и постараемся представить состояние церквей Антиохийской и Константинопольской по творениям Св. Иоанна Златоуста

именно в порядке, указываемом в хронологическом описании Миня. Тьеरри в своем сочинении «Св. Иоанн Златоуст и императрица Евдоксия», изображая последнее время жизни Златоуста в Константинополе, когда он был под судом, приводить выдержку из 11-й беседы на послание к Ефесеям и таким образом представляет неверную картину и извращает смысл самого сочинения.

§ VIII. Имея единственным источником нашего труда творения Св. Иоанна Златоуста, историками того периода времени, за какой нам предстоит охарактеризовать состояние церквей Антиохийской и Константинопольской, мы будем пользоваться как пособиями, а потому они в вашем труде получат второстепенное значение. Но пользование историками мы считаем совершенно необходимым. Именно «времена Златоуста» в возможной подробности описывают три греческие историка: Сократ, Созомен и Феодорит. «Все они описывают одни и те же времена – от 306-го до 339-го года» (Греч. ц. ист. IV, V и VI в.в. соч. А. Лебедева. Москва 1890 г. стр. 100). Нам нет надобности знакомить читателя с их биографией, но показать, какое значение каждый может иметь для нашего труда, считаем это прямым своим долгом. Все они говорят о внешних деятелях в среде тогдашнего христианского мира и о внутренних явлениях в церковной жизни, но чем преимущественно каждый из них может быть нам полезен, – так вот чем – Сократ – своим свидетельством «о ересях», и его личный взгляд представляется интересным для нас. Он, как историк, смотрит на ереси, не объясняя их метафизическими соображениями, как на церковно-исторические явления, «уясняя частные причины, вызвавшие появление тех или других заблуждений» (ibid. 157)». Суждения Сократа относительно религиозных явлений внутренней жизни христианского общества IV в., о времени и характере празднования пасхи и о постах» (ibid ст. 161).

Но особенно дороги для нас два другие из поименованных историков: Эрмий Созомен – Схоластик и блаж. Феодорит, еп. Кирский, – собственно историки церквей Антиохийской и Константинопольской. Ибо мы знаем, что первый большую часть

цветущего возраста провел в Константинополе, где и написал свою церковную историю ровно за столетие – от 323 до 423-го года, а второй и родился в Антиохии в 390 году, был Епископом в Антиохийском патриархате, где и скончался в 457 году. История ересей клира и монашества у Созомена (кн. I, III, VI, VIII) и особенно подробный рассказ о Св. Златоусте (VIII, 2 и далее) делают то, что, как замечает А.П. Лебедев (Греч. ист., стр. 188), «современный историк, изучающий историю IV и V вв., не может обойтись без Созомена». Феодорит дорог для нас тем, что он «освещает новым светом жизнь и деятельность церкви Антиохийской» (Греч. истор. 197 стр.) в книгах I, II, III, IV и V. В ряду наших пособий мы ставим и историю Филосторгия, – сочинение «важное для нас в том отношении, что оно сообщает много полезных сведений касательно Антиохийской христианской школы IV века, освещая арианское движение». Не забудем в свою очередь и диалог Палладия, современника и друга Св. Иоанна Златоуста, как летописца, свидетеля-очевидца событий времен Златоуста» (Греч. ист. 105 стр.).

Сочинения греческих историков следующие:

1) Церковная история Эрмия Созомена (в русск. перевод.) СПБ. 1851 г.

2) Церковная история Сократа–Схоластика. СПБ. 1850 г.

3) Церковная история Феодорита, Епископа Кирского. СПБ. 1852 года.

4) Церковная история Евсения Памфила. СПБ. 1858 г.

5) *Philostorgii Cappadocis Ecclesiasticae Nistoria*.

§ IX-й. Второстепенную группу пособий представляют сочинения:

1) Историческое учение об Отцах Церкви. Филарета, Архиепископа Черниговского. Т. II, изд. 2-е. СПБ. 1882 г.

2) Жизнь и труды Свв. Отцов и Учителей церкви. Соч. Ф. В. Фаррара, перев. с английск. А. П. Лопухина. СПБ. 1891 г.

3) Греческие церковные историки IV, V и VI вв. Проф. М. Д. А. А. П. Лебедева. М. 1890 г.

4) Вселенские соборы IV и V вв. – А. Лебедева. М. 1879 г.

5) Подробное описание жизни и пастырской деятельности Св. Отца нашего Иоанна, Архиепископа Константинопольского-

Златоустого, составл. священ. В. Лебедевым. М. 1860 г. (Прибав. к Твор. Св. Отц., изд. при М. Д. Акад., т.т. XIV, XV и XVI).

6) Жизнь Св. Иоанна Златоустого, Архиепископа Константинопольского. М. 1860 г. Архим. Агапита. (Критический отзыв об этих двух сочинениях в журнале «Православ. Обозрение» 1860 г. т. III, стр. 296–299).

7) Св. Иоанн Златоуст в звании чтеца и в сане диакона и пресвитера. Соч. Ив. Малышевского. Киев 1892 г.

8) Св. Иоанн Златоуст и императрица Евдоксия. Соч. А. Тьеири., пер. с франц. изд. Л. Поливанова. М. 1884 г.

9) Св. Иоанн Златоуст. Соч. Ив. Мансветова (ст. в Прав. Обозрен. 1873 г. второе полугодие, стр. 183–209; 809–852).

10) Жизнь Иоанна Златоуста (из соч. J.Jean Chrisostome, considere comme orateur populaire, par Paul Albert – в Труд. К. Д. Ак. 1862 г. т. III, стр. 289–332; 427–485).

11) Житие и жизнь иже во святых отца нашего Иоанна Златоуста, патриарха Константина града (Слав. четыри-минеи, ноябрь под 13 ч.).

12) Энциклопедический Словарь – изд. под редакц. проф. И. Е. Андреевского.

13) О свободе совести – В. Кипарисова. М. 1863 г.

14) Неделя в Константинополе – проф. Моск. Дух. Академ. А. И. Лебедева. Сергиев. Посад. 1892 г.

15) Реальный словарь классической древности – Фр. Любкер, перев. проф. В. И. Модестова. СПБ. и Москва 1884 г.

16) Третье великое благовестническое путешествие Св. Ап. Павла – Иером. Григория. Серг. Посад. 1892 г.

17) Чтения в обществе любителей духовного просвещения. 1871 г. кн. 11 и 12.

18) Происхождение древне-христианской базилики – И. Покровского, – церковно-археологическое исследование. СПБ. 1880 г.

19) Труды VI Археологического съезда в Одессе. Т. III, 1887 г., ст. Н. П. Кондакова: «Византийские церкви и памятники Константинополя» и отд. соч. Одесса 1887 г.

«Изучение религиозно-нравственного характера христианского общества, какого то бы ни было времени, представляет большие трудности. Нравственность и религиозность составляют собою факты не столько внешней, сколько внутренней, сокровенной жизни человека. Историку остается довольствоваться изучением лишь внешних фактов, отмеченных летописцами, фактов случайных, разрозненных, нередко противоречивых, переданных рассказчиками, быть может, весьма неточно. Одну из трудностей при изучении вопроса о нравственно-религиозном состоянии составляет то, что в рассказах о прошедшем черты темные, непривлекательные выступают на первый план. Это и понятно, ибо истинная нравственность и религиозность, если они не выражаются в громких подвигах, остаются незаметными, между тем как пороки и нарушения требований религии и нравственности, по свойственному человеку стремлению отыскивать недостатки в другом, чтобы оправдать свои собственные, – пересказываются на разные лады и весьма часто в преувеличенном виде. Вследствие этого и историки, описывающие прежнее время, ярче отмечают религиозно-нравственные недостатки общества, чем его достоинства и добродетели. Судебные записи говорят только о правонарушениях и безнравственных поступках членов общества, и в них нет ни слова о добродетелях и светлых явлениях в области нравственной жизни общества. Восполнением этого пробела не могут служить ни панегирические речи, ни описания знаменитых подвижников, ибо панегирические речи весьма редко дают правильную оценку изображаемых личностей, а описания подвижников имеют дело с исключительными явлениями». (Очерки истор. Визант. восточн. церк. от конца X-го до половины XV-го век. М. А. Лебедева, стр. 134–135).

Историк, исследующий религиозно-нравственное состояние христианского общества за время Св. Иоанна Златоуста, по его творениям, не может не замечать упадка общественной нравственности, но он имеет возможность видеть и нравственную высоту и, таким образом, может ясно представить

себе картину не только религиозно-нравственной испорченности, но и нравственно-религиозного совершенства. Греческие историки данного периода – с 323-го по 423-й год, – а следовательно и времен Златоуста, представляют светлые и темные религиозно-нравственные черты в образе жизни и поведения царственных лиц, но они слишком скучны на характеристику общественной или народной нравственности и религиозности. Творения Златоуста представляют картину нравственно-религиозного состояния преимущественно общества Антиохийского и Константинопольского. Это живое слово – не деланное – живым людям о том, что сейчас у всех перед глазами. Задушевность речи, искренность любви к слушателям, сердечная забота об исправлении их нравов, их жизни, не оставляют места сомнениям в истине. И это не порицание только пороков, не панегирики, сплетенные из похвальных речей, – нет: каждое деяние, каждое воззрение оценено по достоинству, доброе названо хорошим, злое – худым.

Итак, представим те сведения о религиозно-нравственном состоянии церковного общества Антиохийского и Константинопольского, какие дают нам творения Златоуста. В ряду сословий, мы будем касаться и духовенства вообще – священников и монахов в частности, и сановитых и царственных лиц, потому что этих лиц касается Златоуст, не обинуясь говорить о хорошей и дурной стороне их жизни и деятельности и мы, конечно, не вправе по одному этому обстоятельству выделять эти сословия и лица из ряда других сословий и лиц.

Труд наш мы располагаем выполнить в следующем порядке. Предмет исследования прежде всего обусловливает собой два отдельных предмета: нравственно-религиозное состояние церкви Антиохийской и нравственно-религиозное состояние церкви Константинопольской. Засим естественно история той и другой церкви разделяется на части: а) нравственное состояние церкви и б) религиозное состояние церкви; здесь в свою очередь свои частности: нравственное состояние: а) клира, б) монашества, в) общества; в истории религиозного состояния опять неизбежны

подробности: ереси, расколы, секты, область суеверий и другие уклонения от истин веры.

Осуществляя этот план наш, мы намерены разделить сочинение на два отдела; отделы разделить на части, части – на главы, и окончить общим заключением.

Отдел I-й. Антиохийская церковь. Ее история

АНТИОХІЯ основана лет за 300 до Р. Х. первым Сирийским царем Селевком Никатором, в память отца его Антиоха. Город был построен на левом берегу Оронта, верстах в десяти от впадения этой реки в море, и окружен высокими стенами. Это была великолепная столица Сирийского государства. Через тысячу лет существования знаменитая, укрепленная Антиохия пала и теперь только громадностью и великолепием своих развалин напоминает о былой славе¹.

Во время Св. Иоанна Златоуста Антиохия существовала во всей красе своего величия, с великолепными храмами – остатками язычества – и христианскими базиликами и церквами, – с цирками, театрами, роскошными палатами богачей, украшенная колоннами, статуями. Сам Св. Иоанн Златоуст знакомит вас как с внешним положением этого города, так и с его историческим бытием за христианский период его существования. Сплетая похвальные венцы памяти священномученика Игнатия Богоносца, бывшего Архиепископа Антиохийского, Св. Златоуст говорит: «управлять таким городом и народом, простирающимся до 200 000 человек, – это какую, думаешь ты, показывает добродетель и мудрость?!»². «Благоустроенный у нас город... хвала нашему городу... не за то, что он имеет сенат, может перечислять консулов, имеет много статуй, обширную торговлю и выгодное местоположение, но за то, что в нем живет народ, любящий слушать поучения»³. Во многих беседах, сказанных в Антиохийской церкви, Св. Иоанн указывает значение Антиохии для тогдашнего христианского мира. «Наш город есть Глава и мать городов, лежащих на востоке»⁴. «Подумай о величии города! это тот город, в котором в первый раз верующие стали называться христианами⁵, город, который первый провозгласил это вожделенное и сладкое для всех имя»⁶. «Этого преимущества не имеет ни один город во вселенной, ни даже город Ромула. Вот почему он может смело смотреть на всю вселенную, – по

любви ко Христу, по дерзновению, по оному мужеству. Хочешь ли услышать и о другом преимуществе нашего города?» взыwaет проповедник, и указывает на братолюбие во время голода в Иерусалиме во дни Апостолов, как замечено в книге Деяний Апостольских (Деян. 11:28). «Хочешь ли узнать и другое преимущество этого города?» вопрошаet Св. Иоанн своих слушателей и подробно изображает значение протеста Антиохийской церкви для Иерусалимского собора против иудеев (Деян. 15 гл.), и заключает свою речь торжественным замечанием: «вот это достоинство! Это делает Антиохию главным городом не на земле, а на небе. По-моему, город, в котором нет боголюбивых жителей, хуже всякой деревни и бесславнее всякой пещеры»⁷. «Город наш», продолжает Златоуст, «был жилищем Апостолов, обителью праведников, мучеников»⁸. Бог Петру (Апостолу) повелел пребывать здесь долгое время»⁹. – Но продолжим историю Антиохии по указаниям Златоуста. «Петр отходил отсюда, благодать Духа поставила вместо него другого учителя, подобного Петру, чтобы уже построенное здание не разрушилось от слабости преемника»¹⁰, и в точности указывает этого преемника Апостолу – Игнатия, говоря: «был преемником Петра, приняв власть последнего»¹¹. «Это великий город и столица вселенной!» восклицает проповедник¹². Насколько чувство любви к родному городу переполняло душу Св. Иоанна, свидетельствует, между прочим, следующее выражение в одном из его слов к Антиохийскому народу: «и город наш любезнее Христу всех городов по добродетели предков»¹³. Но это, конечно, не более, как проповеднический прием: так хвалит за добродетель, чтобы сделать более чувствительным обличение пороков, как это наглядно мы и видим в беседах к Антиохийскому народу, сейчас процитированных нами. Например: «ничего не было славнее нашего города, теперь ничего по стало жалче его»¹⁴. «Ничего не было счастливее нашего города: теперь ничего горестнее его»¹⁵. «Пусть знают все о злополучии нашего города для того, чтобы, сострадая матери, вознесли общий от всей земли голос к Богу и единодушно умоляли Царя Небесного о спасении общей им матери и питательницы»¹⁶. Во всяком случае, исторической

достоверности фактов, указываемых в беседах, это обстоятельство подрывать не может.

Когда читаешь эти и подобные места в творениях Златоуста, сердце невольно исполняется жизнерадости: сознание, что не весь мир во зле лежит и что среди плевел еще есть пшеница, это сознание весьма утешительно. Для нас, в данном случае, при исторических исследованиях нравственно-религиозного состояния известных церквей, за время Златоуста, это сознание не есть только возможность или вероятность, нет, – оно становится для нас историческою уверенностью отрадного явления в жизни Антиохии и Константинополя за данный период.

Часть первая. Нравственное состояние Антиохийской церкви

ЕЩЕ философ Сенека говорил: «мы жалуемся, предки жаловались и потомки будут жаловаться, что нравы испортились и все святое попрано»¹⁷. Тоже может вполне справедливо сказать (и говорит А. П. Лебедев) и в особенности историк нравственно-религиозной жизни известного народа, если он будет в своей истории основываться на чисто исторических данных, как указано нами выше в авторитетном свидетельстве вашего досточтимого профессора А. П. Лебедева.

Имея источником для наших исторических сведений исторический документ особенного рода, мы и историю нашу начнем, по крайней мере, с явлений отрадных в состоянии нравственно-религиозной жизни Антиохии, а в своем месте и Константинополя.

«Хвала нашему городу», восклицает Златоустый проповедник... «Благоустроенный у нас народ, послушные люди... в нем живет народ, любящий слушать поучения... Храмы Божии наполнены... церкви более и более находят себе отрады в слове... Посмотри на всенощные бдения, соединяющие день с ночью, на этих людей, не боящихся ни насилия сна, ни нужд бедности... Сколько епископов, сколько учителей приходят сюда и, получив наставление от народа, уходят, чтобы правила, здесь вкоренившиеся, пересадить в другие места»¹⁸. Мы не будем делать много указаний, но и не ограничимся одним, чтобы яснее представить хорошую сторону жизни Антиохийского народа. Сделаем еще одну-другую выписку. «Обратим речь к обычному уверщанию. Какое же у вас обычное уверщание? Пребывать в непрестанной молитве трезвенным умом и бодрственною душою. Я и прежде беседовал об этом и видел во всех готовность повиноваться, посему несправедливо бы было (обличая нерадивых) не хвалить исправных. Итак, я хочу сегодня хвалить вас и воздать вам благодарность за такое послушание»¹⁹. Так говорил Св.

Иоанн в Антиохии на первом году своего священства. И еще: «такое невыразимое множество собралось теперь и с таким вниманием слушает беседу»²⁰, сказал Св. Иоанн Антиохийцам в другое время. Не забудем, что похвала добродетели и обличение порока идут об руку в беседах Златоуста, но в нашем труде тому и другому свое место. Сейчас будем изображать одну только хорошую сторону нравственной жизни Антиохии.

Глава I-я. Нравственное состояние церковного клира в Антиохийской церкви

Всякое явление в мире имеет свою причину – и без причины ничего не бывает. Далее, семя плод приносит по роду. Отрадные явления в нравственной жизни – от добрых делателей; а печальные – худые от злых, как изъяснено это в притче Господней о сеяtele: Сеятель есть Сын Человеческий, Господь Спаситель; доброе семя – сынове царствия; плевелы – сынове неприязненны, а враг, всеяви их, есть диавол. Св. Иоанн Златоуст в подробности указывает причину доброго нравственного настроения в Антиохийской церкви в одном отрадном явлении. Это явление – высокий уровень нравственно-религиозной жизни и деятельности Антиохийского священства, в лице Антиохийских пастырей церкви.

Но прежде чем мы приведем указания Св. Иоанна Златоуста на жизнь и деятельность Антиохийских священников, считаем долгом предпослать понятия о свойствах пастырского служения делу спасения грешного человеческого рода вообще, и что составляет верх совершенства в этом служении – в особенности.

Любовь Божия – начало спасения людей. Дерзновенно проникая мыслию в тайну домостроительства спасения нашего от греха и его последствий, мы в слове Божием можем созерцать совет Триипостасного Божества о сотворении человека и видеть Агнца, закланного от вечности за грехи мира. Всеведению Божию зrimы падение человека и необходимость его искупления. И вот в Святой Троице предстает перед Божией правдой Любовь Сын Божий и взывает: *се иду сотворити волю Твою, Боже!* На конец веков мы видим: «любовь Отца – распинающую, любовь Сына – распинаемую, любовь Духа Святого – торжествующую силою крестною». (Фил. М. М.). «*Тако бо возлюби Бог мир, яко и Сына Своего Единородною дал есть.*» – Любовь – закон для желающих спасения. «*Заповедь новую даю вам*», говорит Спаситель мира своим ученикам, «*да любите друг друга, якоже возлюбих вы, да и вы любите себе*»

(Ин. 13:34). Соблюдение этой заповеди последователями Христа так необходимо, что служит настолько решительным признаком христиан, что Господь прибавил: «о сем разумеют *вси, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою*» (*ibid*). Любовь между собою, самые искренние сердечные отношения в христианском обществе должны быть во всех случаях и обстоятельствах жизни. У апостольских христиан именно так и было: «бе», замечает Св. Лука в Деяниях Апостольских, «сердце и душа едина» (4:32). В деятельном отношении к жизни, выражение этой любви Св. Ап. Павел характеризует словами: «друг друга тяготы носите, и тако, прибавляете, – исполните закон Христов» (Гал.6:2). Этот закон служения Сам Законоположник и Совершитель нашего спасения, Христос Господь, не только в Своем Божественном учении, но и делом в Своей святейшей жизни выразил яснейшим образом, что Он пришел «послужити и дати душу Свою избавление за многих» (Мф.20:28). В самом начале Своей общественной деятельности Спаситель обнаружил ту действующую силу, с которой Он выступает в мир «грешников спасти». В самый первый день явления Себя миру Иисус Христос показал начало новой жизни для человечества. Когда Господь стал среди грешников, как нуждающийся, стал просить у Иоанна покаянного крещения и получил его (Мф. 11:14–16). «Господь, принося на землю правду и святость, открывает ее в том, что как бы отрекается от этих своих преимуществ, и в этом самоотречении, в этом духовном самоумерщвлении открывает нам закон новой благодатной жизни. С сего времени Иисус Христос открыто поучает и словом и примером мир, что смирение и самоотречение – в любви к человеку до того, чтобы душу свою положить за други своя»²¹. И вся общественная жизнь и служебная деятельность Христа была делом милосердия и благодеяния людям. «Покайтесь!» возвзвал Господь, сошедши с горы искушения, «приближибося царствие небесное» (Мф. 4:17). И как влечет Он грешников к покаянию, как смиленно пробуждает в человеке сознание его греховности и как кротко располагает его к исправлению преступной жизни! Достаточно вспомнить Его Божественное слово: «приидите ко

Мне вси труждающиися и обремененнии и Аз упокою вы» (Мф. 11:28). Достаточно вспомнить прошение грешницы, плачущей у ног Христа и другой – сейчас ятой в прелюбодеянии, чтобы видеть всю широту любви, всетерпящей, всепрощающей и николиже отпадающей даже в целении самой последней ступени грехопадения. И такое служение Христа неизменно продолжалось от первого дня до последнего часа жизни Его на земле, когда Он дух Свой предал на кресте, молясь за распинателей Своих: «*Отче! отпусти им, не ведят бо, что творят*» (Лк.23:83). Та же любовь милосердствующая расположила Господа Иисуса избрать лик 12-ти Апостолов и облечь их божественными полномочиями быть благодетелями для людей, как и Он Сам был для мира. «*Видев же народ*», – говорит Евангелист, – «*милосердова о них, яко бяху смятени и отвержены, яко овцы не имущия паstryя*. Тогда глагола учеником своим: *жатва убо многа, делателей же мало. Молитесь убо Господину жатвы, яко да изведет делатели на жатву свою. И призва обанадесять ученики Своя, даде им власть на дусех нечистых, яко да изгонят их, и целити всяк недуг и всяку болезнь*» (Мф. 9:36–38; 10:1). Все это: и избрание, и полномочия говорят о том, что Спаситель в лице избранных учеников Своих приготовлял продолжателей Своего служения и именно в том же настроении совершенного смирения и полного самоотвержения так, чтобы они всегда и только одно благо делали людям, совсем забывая себя (Лк. 9:51–56). Заканчивая Свое служение спасения мира, Господь напечател видимым образом в сердце учеников Своих образ Своего божественного служения роду человеческому, дабы они и их преемники видели и знали, как единственно и исключительно должно продолжаться домостроительство спасения душ человеческих. На тайной вечери «*препоясася, влия воду во умывальнику и начат умывать ноги учеником и отирати лентием*». И это тогда, как «*ведый Иисус, яко вся даде Ему Отец в руце*». «*И егда умы ноги их, рече им: образ дах вам, да якоже Аз сотворих вам и вы творите*» (Ин.13:3, 4, 5, 12, 14 и 15). Слово о любви, как последний завет, было и последним словом грядущего на вольную страсть нашего ради спасения Спасителя

мира: «сия заповедь Моя: да любите друг друга, якоже возлюбил вы», говорил Господь в своей прощальной беседе и прибавил: «больше сея любви никто же имать, да кто душу свою положит за други своя» (Ин. 15:12~и 13), заключив торжественную речь Свою к возлюбленным ученикам умилительною молитвою к Отцу Небесному: «Отче! не о сих молю токмо, но и о верующих словесе их ради в Мя» (Ин. 17:19) «да любы, ею же Мя возлюбил еси, в них будет, и Аз в них» (26). Вот те основы новой благодатной жизни, которою Господь Спаситель наш жил на земле, всем и всегда служил, «зрак раба приим, Себе умалив, послушлив быв даже до смерти, смерти же крестные» (Флп.2:6–7). Вот весь характер учения и жизни и вообще деятельности для служителей Христовых, которым заповедано проповедать Евангелие всем народам во все времена.

Св. Иоанн Златоуст немного дает вам сведений об Антиохийских священниках, всего, собственно говоря, несколько строк; но эти строки золотые, они облекают ореолом славы этих служителей алтаря Господня, указывая в них искренних, не словом, а делом и истиною, исполнителей завета Христа, составляющего сущность всего служения Спасителя мира. Мы дословно приведем свидетельство Св. Отца. Это – повесть о самоотверженном предстательстве пастырей Антиохийской церкви пред грозным судом над Антиохийцами за разрушение царских статуй²². Священники показали великодушие и приняли участие в нашем спасении. Один из них – (Архиепископ Флавиан, – замечает наш переводчик и совершенно верно) отправился в столицу, пренебрегши все из-за вашей любви и будучи готов сам умереть, если не убедит царя... А эти прочие – священники, оставаясь здесь, собственными руками удерживали судей и не допускали войти в судилище, пока судьи не обещали окончить милостиво суд. И доколе они усматривали, что судьи не соглашаются, дотоле и сами показывали великую смелость. Когда же увидели, что судьи соглашаются, то припали к их ногам и коленам и лобызали руки: таким образом с преизбытком обнаружили ту и другую добродетель: и свободу, и скромность. Что их смелость не была

дерзостью, это они доказали особенно тем, что лобызали колена и припадали к ногам судей, а что это не было ни ласкательством, ни раболепством, и происходило не из низкого духа, свидетельствовала предшествовавшая смелость их». Св. Иоанн особенное внимание останавливает на самоотверженном подвиге Архиепископа Флавиана, подробно изображая в своей беседе предстательство его перед царем Феодосием Великим. И мы также подробно, хотя не дословно, приведем это свидетельство Златоуста о подвиге предстоятеля церкви Антиохийской, особенно отвечающем любви Христовой, полагающей душу свою за други своя, как истинное олицетворение Апостольского душепастырства. Умильную картину рисует вам гениальный проповедник Антиохии. Старец, Архиепископ Флавиан, согбенный под тяжестью немощей и лет, со скорбью, любовью и с попечением о своем стаде словесных овец, так виновных перед Императорским Величеством, «вступил в царские палаты, остановился вдали от царя безгласен, проливая слезы, склонив лицо вниз, закрываясь, как будто сам он сделал все эти дерзости», в которых повинны были его сограждане. Царь, увидя его плачущим и поникшим долу, сам подошел к нему и что чувствовал он из-за слез Святителя, то выразил словами, обращенными к нему. «Исчислил лишь свои благодеяния, какие оказывал городу во время своего царствования и говорил: это ли мне надлежало потерпеть за благодеяния?! Здесь Святитель, восстав и пролив горькие слезы, не стал уже более молчать, ибо видел, что царево оправдание служит к большему обвинению. Итак он сказал: исповедуем и не можем отрицать, государь, эту любовь, которую показал ты к нашему отечеству, и потому то особенно плачем, что оказались неблагодарными перед благодетелем... Разрушь, сожги, умертви или что другое сделай, – все еще не накажешь нас но заслугам». Затем, изобразивши скорбь души и муки сердечные несчастных Антиохийцев, проповедник продолжает речь Святителя: «но если хочешь, государь, есть врачевство для этой раны и средство против стольких зол.

Низвергли твои статуи?! Но можно тебе воздвигнуть более тех блестательные. Если простить вину оскорбивших и не

подвергнешь их никакому наказанию, они воздвигнут тебе не медный, не златой и не каменный столб на площади, то такой, который дороже всякого вещества, украшенный человеколюбием и милосердием. Так каждый из них поставит тебя в своем сердце и у тебя будет столько статуй, сколько есть и будет людей во вселенной»²³. Миссия Святителя была блестательно выполнена. Тронутый до слез, царь изрек всемилостивейшее свое прощение виновным. «Что удивительного и великого», сказал царь, «если перестанем гневаться на оскорбивших – на человеков, мы люди же, когда Владыка вселенной, пришедши на землю и ради нас сделавшись рабом, и будучи распят облагодетельствованными Им, молил Отца о распявшим Его так: отпусти им, не ведят бо, что творят (Лк. 23:24), так что удивительного, если мы простим подобным нам рабам»²⁴ «Не будем же унывать, возлюбленные!..» заключает свое слово Златоустый учитель, «ибо если дерзновение пред людьми могло отклонить столь великое бедствие, то чего не сделает их дерзновение пред Богом?»²⁵

Чтобы видеть, насколько достоверны сведения, сообщаемые народу Святым пресвитером Антиохии в его беседе к соотечественникам, – вот свидетельство летописца – историка Эрмия Созомена. «Возмущившийся в Сирской Антиохии народ ниспроверг статуи царя и его супруги. Когда же царь за это думал многих Антиохийцев предать смерти, народ стал раскаиваться; стенал, плакал, умолял Бога, чтобы Он укротил гнев державного и при общенародных молениях некоторые песни воспевал жалобно. В то время Антиохийский епископ Флавиан отправлялся послом за своих сограждан, когда царь был еще гневен, и убедил юношей, обыкновенно поющих при царском столе, пропеть те песни, которые Антиохийцы пели во время общих молений. От этого, говорят, царь, побежденный состраданием, преклонился на милость, тотчас отложил гнев, примирился с народом и омочил чашу слезами, которую тогда держал в руках..., уважив, по своему благочестию, священническое ходатайство»²⁶. Конечно, некоторые подробности этого сказания, не содержащиеся в

рассказе Златоуста, не противоречат достоверности сведений в церковной беседе и не разногласят с ней. Дело могло быть так. Заунывные песни придворных музыкантов расположили царя Феодосия обратить внимание на прибывшего из Антиохии епископа, видеть его и благосклонно выслушать его объяснения, а беседа Святителя довершила доброе настроение царя, склонив его к прощению виновных подданных.

«Свет Христов просвещает всех». Церковь Антиохийская имела добрых пресвитеров, истинных паstryрей стада Христова, не только в кафедральном городе, но и вдали от него, в бедных селениях земледельцев Сирии. Св. Иоанн подробно изображает благочестивую жизнь и святую деятельность этих тружеников на ниве Христовой. И наш прямой долг в истории нравственно-религиозного состояния церкви Антиохийской, говоря о священстве в Антиохии, сказать слово-другое и о сих скромных деятелях в вертограде Господнем. Раз в Антиохию пришли эти сельские священники, и вот Св. Иоанн сказал о них проповедь народу. Это было, как известно, в последний воскресный день перед праздником Вознесения Господня; священники присутствовали при богослужении. К слову: Св. Златоуст сам видел сельскую жизнь и знал труды сельских иереев. Он, поправляя свое расстроенное пустыней здоровье, одно время жил в селе, пользуясь чистым целебным деревенским воздухом. Да и было это последнее обстоятельство именно перед посещением Антиохии обществом сельских священников, и Златоуст, еще не поправившись хорошо, поспешил, по этому случаю, в Антиохию, чтобы праздновать этот воскресный день с паствою и «братьями, которые своим присутствием возвысили торжество праздника, украсили город и почтили церковь»²⁷. «Они», говорит об этих священниках Св. Иоанн, «возделывая сердца пасомых ими, занимались также возделыванием земли. Не зная любомудрия мирского, они украсили душу догматами любомудрия истинного, и не догматами только, но и самыми делами, и, что всего важнее, делами своими подтверждали веру, какой научились из догматов». Простота, а особенно целомудренная и досточестная жизнь Сирийских Иереев, вступивших в молитвенное общение с Антиохийскими

христианами, которые любили похвалиться образованностью и ученостью, и расположили Златоуста сказать им, по случаю посещения города сельскими пастырями, назидательное слово, в котором он выясняет, что «не мудростью или искусством человеческим вера христианская распространяется, а единственно силою благодати Божией». Известно, как низменно на сельских священников смотрят не только в городах, не говоря уже о столицах, и не только светские люди, высоко ставящие себя по своему гражданскому положению в обществе и государстве, а и «свой брат» священники, которым уж никак не к лицу превозношение, а по всем правам божеским и человеческим подобает вести себя в отношении ко всем людям, а паче к братьям *«смиренными ведущеся»*. Вот Св. Иоанн и вразумляет высокомудрствующих Антиохийцев, на что, полагать надобно, и причины, сейчас сказанные, были если не в пастырях антиохийских, то в пасомых. «Они – сельские иереи», говорит Св. Златоуст, «умеют любомудрствовать о Боге, как повелел Бог. И если, взяв одного из них, изведешь на среду какого либо из внешних любомудрцев, или, поскольку теперь не найдешь таковых, разгнешь и прочтешь книги любомудрствовавших древле, а потом сравнишь их между собою, что соответствуют сии, не имеющие внешнего образования и как любомудрствовали те, то увидишь, какая мудрость у первых (иереев), и какое неразумие у последних (мудрецов). Кто же не дознает из сего силы Христовой, которая людей некнижных и неучившихся делает в такой мере мудрейшими величающими свою мудростью, в какой рассудительный муж превосходит малых отроков».²⁸

Глава II-я. Нравственное состояние монашества в Антиохийской церкви

Кто были, по своему происхождению, все эти доблестные священники Антиохийской церкви, во главе со своим Архиастырем, готовые душу свою положить за овец своих? В творениях Св. Иоанна Златоуста мы не нашли ответа на этот вопрос, неизбежно возникший при нашем исследовании, а посему обращаемся к свидетельствам собственно историческим, – и здесь приходит на помощь к нам блаж. Феодорит, Епископ Кирский со своей церковной историей. Он, сообщая сведения о Флавиане, описывает нам эту личность, ее прошлое, а также уясняет, кто и что современные ему пастыря Антиохийской церкви. Он говорит: «Флавиан был рожден от благородных родителей, но благородством почитал одно благочестие. Он – муж, избравший аскетический род жизни и бывший открытым поборником апостольского служения²⁹. Флавиан, не получив должности священнослужителя и находясь в числе мирян, днем и ночью возбуждал всех к ревности по благочестию... Людей, любивших заниматься делами божественными, он собирал к гробам мучеников и проводил с ними в бдении всю ночь, восхваляя Бога»³⁰. В год вступления Нектария на архиепископскую кафедру Константинопольскую «в Антиохии Сирской епископы рукоположили епископом благоговейнейшего и боголюбивейшего Флавиана, мужа почтенного, как бы единогласным выбором всей церкви»³¹. Итак, Флавиан – аскет, человек, живший и действовавший среди народа, не только, как честный гражданин и добрый христианин, но еще и как человек, презревший мир, во зле лежащий, и всецело предавший себя на служение Богу. Ниже мы представим возможно подробно содержание аскетической жизни. Хотя историк – блаж. Феодорит – и не говорит, что Флавиан жил в пустыне, и хотя безразлично, где бы он ни жил, в городе или в пустыне, ибо важно в данном случае настроение души, но не будет погрешительно, если мы допустим, что Флавиан жил в пустыне, как месте более удобном для

аскетических подвигов, и в известное время, в случае нужды, являлся на духовную помощь своим согражданам. И вот основание этого вероятного предположения. Блаженный Феодорит в своей Церковной истории отмечает, как особенность, ту черту антиохийских подвижников, что они не отказывались брать на себя бремя епископского служения и с дерзновением обличали людей, заслуживших того, хотя бы то были лица высокопоставленные³². В пятой книге Феодоритовой истории читаем: «в то время, как Флавиан, препираясь с еретиками как в частных домах, так и в общественных собраниях, легко разрывал их сети, Афраст, предпочетши безмолвию спасение овец, оставил хижину подвижника и принял на себя труды пастыря»³³. И тут же историк представляет трогательную картину святого дерзновения пустынника перед царем – покровителем ереси. «Царь с высоты портика в Антиохии заметил, что идет божественный Афраст. Он шел исполнить дело надлежащей заботливости о святых овцах. Царь увидел, что он был одет в кожаное платье... и спросил проходившего: скажи, куда ты идешь? А тот весьма мудро отвечал: иду молиться за твое царствование. – По тебе следовало бы, – сказал царь, – оставаться дома и, по монашескому закону, молиться в уединении. Божественный муж отвечал: ты, царь, весьма хорошо говоришь; так нужно было бы мне поступить, так я и поступал доныне, пока овцы Спасителя пользовались миром. Но когда они подверглись великому смятению и когда им угрожает важная опасность – быть увлеченными от зверей, тогда является необходимость употребить все средства ко спасению стада». И потом, представивши в пример девицу, оставляющую терем, когда загорелся отеческий дом, подвижник прибавил: «ты бросил пламя в отеческий наш дом и мы всюду бегаем, стараясь погасить его»³⁴. Имея в виду эти, хотя не единственные собственно исторические данные, отмечающие в жизни подвижников антиохийских пустынь готовность послужить интересам церкви, мы смело заключаем, что антиохийское священство было, если не все, то преимущественное большинство, из числа пустынников – аскетов. А это

обстоятельство указывает вам другое отрадное явление в церкви Антиохийской – это высоконравственное состояние монашества в Антиохии.

Мы представим подробности жизни и подвигов этих людей и тогда нам ясно представится все настроение их души, их способность к самоотверженному служению делу спасения ближних; с другой стороны, мы в их святой готовности положить душу свою за други своя увидим в них именно тот институт лиц, из которого были антиохийские священники, так верные долгу душпастырства в церкви Христовой. Мы изберем из множества указаний в творениях Златоуста более наглядные, но приведем их уже не особенно сокращая. Это не идеальные лишь правила монашеской жизни, не мудрые предначертания способов нравственного усовершенствования, – нет, это сведения прямо исторические; проповедник рассказывает во всеуслышание то, что каждый из его слушателей сейчас может проверить. Взята жизнь в ее целости, а не как явление исключительное. «Войди на вершины гор и посмотри на тамошних иноков, одетых во власяницы, носящих вериги, изнуренных постом, заключившихся во мраке (пещере)»³⁵, говорит Св. Златоуст. «Надлежало бы видеть эту жизнь собственными глазами, но как вы не хотите..., то на словах опишу вам хотя одну часть их образа жизни, ибо всей их жизни описать невозможно»³⁶, говорит в другое время проповедник, и подробно описывает и внешнюю обстановку этой жизни и их подвиги. Сделаем краткие извлечения. «Самые жилища монахов уже предуведомляют о их благородстве. Избегая рынков и городов и народного шума, они предпочли жизнь в горах и вертепах»³⁷. «Каждый из них, заняв отдельное жилище, постоянно упражняется в молчании, никто ни суесловит, никто ничего не говорит. Одежда их соответственна их мужеству. Они облечены не в длинные одежды, как люди изнеженные и расслабленные, но одежды их приготовлены как у оных ангелов – Илии, Елисея, Иоанна и прочих апостолов; у одних из козьей, у других из верблюжьей шерсти, а некоторым довольно и одной кожи и то ветхой. Пища у них самая лучшая: они питаются не вареным мясом бессловесных животных, но словом Божиим. Но ежели хочешь

знать трапезу их, то подойди и посмотри отрыгаемое ими»³⁸, прибавил проповедник. Впрочем, из дальнейших слов его видно, что последние слова относятся не к извержениям иноков, а к их скромности даже в слове. «Все это сладко, приятно и исполнено благоухания», говорит Св. Иоанн. «Уста их не могут произнесть ни одного дурного слова и ни одного шуточного или грубого, но каждое достойно неба». И потом еще уясняет смысл сделанного им подобия, говоря: «тот не погрешит, кто уста людей, бегающих по рынкам и гоняющихся за житейским, уподобит стокам нечистот, а уста монахов – источникам, льющим мед и чистые потоки»³⁹. Продолжим наш рассказ словами нашего историка – проповедника Антиохийского. «Поведу вас в пустыню, буду беседовать с вами о подвигающихся там»⁴⁰, говорит он своим слушателям и опять подробно выясняет содержание жизни пустынников. «Они каждый день сражаются, умерщвляют врагов и побеждают все восстающие на них похоти. Нет там ни пьянства, ни пресыщения... Пьянство и пресыщение побеждено у них питием воды... За трапезою следует трезвение и бодрствование»⁴¹. «Все, что способствует к возбуждению гордости, как то: пышные одежды, великолепные дома, множество слуг – все это удалено оттуда. Сами они разводят огонь, сами колют дрова, сами варят пищу, сами служат приходящим. Там не позволяют, чтобы кто оскорблял другого, не увидишь оскорбляемых... Нет там ни принимающих приказания, ни приказывающих, но все – слуги, каждый омывает ноги странников и один перед другим стараются оказать им услуги; не разбирают они, кто к ним пришел, но делают это для всех равно; нет там ни больших, ни меньших. Что же, значит, нет там никакой подчиненности? Напротив, там господствует отличный порядок. Хотя и есть там низшие, но высший не смотрит на это, а почитает себя ниже их и чрез то делается большим; у всех – один стол, как у пользующихся услугами, так и у служащих им; у всех одинаковая пища, одинаковая одежда, одинаковый образ жизни. Больший там тот, кто предупреждает другого в отправлении самых низких работ. Там не говорят: это – мое, это – твое.... у них и душа одна... по любви»⁴². Но продолжим

рассказ Антиохийского проповедника о жизни иноков на горах Антиохийских. «Там нет ни бедности, ни богатства, ни славы, ни бесчестия. Есть там высшие и низшие по добродетели, но... там никто не смотрит на свое превосходство; там не оскорбляют презрением... никто не унижает других. А если бы у них кто и унижал, они тем более научаются переносить презрения, поругание, унижение и в словах и в делах. Любят обращаться с низшими и уважаемыми, и за столом их много таких гостей.

Один врачует раны недужного, другой водит слепого, иной носит безногого. Нет там толпы льстецов и тунеядцев; там даже и не знают, что такое лесть... У них во всем равенство... всячески стараются превзойти друг друга в том, чтобы не самим пользоваться честию, а воздавать ее другим... И самые упражнения приводят их к смирению... Ибо кто, занимаясь копанием земли, поливанием и насаждением растений, плетением корзин и вязанием власяниц, или другою какою либо подобною работою, будет высоко думать о себе? Кто, живя в бедности и борясь с голодом, подвергнется сему недугу? Никто. Отшельника занимает собою только пустыня: он видит летающих птиц, колеблемые веянием ветерка дерева, потоки, текущие по долинам». В одной из бесед на Евангелие от Иоанна, Златоуст говорит: «и они не без друзей. Они удалились от шума городского, но имеют много товарищей, единодушных с ними, и искренно привязанных друг к другу... Они упражняются в любви... я желал бы, чтобы отшельники и жили вместе, но и теперь да будет несомненна их дружба... у них есть много почитателей, но их не почитали бы, если бы не любили. Да и они молятся о всей вселенной»⁴³... В этом последнем слове Златоуста, следует заметить, указываются два вида иноческой жизни. Иноческая была: то монахи, жившие общинами; а то, как особый вид, – пустынники, жившие в горах, отшельники, и о первых Златоуст свидетельствует, что они упражняются в любви, а у других «несомненна дружба». Это различие иноков следует заметить. «Сии светильники мира», продолжает свой рассказ Св. Иоанн Златоуст, говоря о подвигах нагорных отшельников, «едва начинает восходить солнце или еще до рассвета, встают с ложа бодры и свежи. Их не возмущает ни

печаль, ни забота, ни головная тяжесть, ни труд, ни множество дел. Они живут, как ангелы на небе... Поспешно встав с ложа, бодрые и веселые, все вместе с светлым лицом и совестью составляют один лик и как бы едиными устами поют гимны Богу... Потом, пропевши свои песни с коленопреклонением, прославленного ими Бога призывают на помощь в таких дела, которые другим нескоро бы и пришли на ум. Они не просят ни о чем настоящем; у них не бывало об этом и слова; а просят о том, чтобы им (с дерзновением стать пред страшным престолом) в чистой совести и обилии добрых дел совершить сию трудную жизнь. Молитвы же их начинает отец и настоятель. Потом, как вставши окончать сии священные и непрестанные молитвы, монахи не только, когда поют и молятся, но и когда сидят за книгами, доставляют зрителям приятное зрелище. Когда пение кончается, один берет Исаию, и с ним разглагольствует, другой беседует с апостолами, третий читает книги других писателей и любомудрствует о Боге, о мире, о предметах видимых и невидимых, чувственных и духовных, о ничтожности жизни настоящей и о величии жизни будущей»⁴⁴. Все доселе сказанное нами, по Златоусту, относится, несомненно, к подвижникам, обитавшим в горах антиохийских, – инокам – пустынникам. Но, полагать надобно, были монахи и в самом городе Антиохии. И эти монахи были уже не таковы, как нагорные отшельники. Златоуст в слове к Димитрию о сокрушении рисует другую уже, неприглядную картину жизни монашеской, резко отмечая иное, противоположное настроение людей этого института. Вот подлинные слова автора. «Имея повеление входить в царство небесное тесными вратами (Мф.7:13), выискиваем везде широких. И что таких врат желают и любят некоторые из мирских людей, это не так еще удивительно; но что мужи, которые, кажется, распялись для мира, ищут этих же врат еще более, чем мирские, вот это изумительно, даже похоже на загадку. Ведь от всех почти монахов, пригласи только их на какое либо дело, тотчас услышишь прежде всего эти слова и вопросы: «можно ли им найти покой, может ли приглашающий успокоить их?»⁴⁵. Как очевидно, слова «от всех почти монахов услышишь» –

показывают, что речь идет о совершенно особом от нагорных иноков виде монахов. Надобно заметить, что во всех творениях Златоуста Антиохийского периода это единственное место, где указывается, так сказать, обратная сторона медали в жизни монашеской, тогда как прекрасных отзывов о жизни иноков-пустынников множество⁴⁶.

Слово к Димитрию о сокрушении, как замечено нами в главе о хронологии творений Златоуста, написано им в начале пустыножительства его, вскоре после того, как он пришел в горы, оставивши Антиохию. И то замечание его, какое он делает о монахах, естественно, сделано под живым грустным впечатлением жизни монахов городских, которых так долго и так близко видел Св. Иоанн. После, поживши с иноками-пустынниками, он все внимание уже сосредоточил на их высоком, святом подвижничестве, и потому, когда у него в посланиях или церковных беседах заходила речь о монахах, – Златоуст имел в виду монахов пустынников и о них только и говорил. Думать, что то и другое слово одного и того же автора – и доброе и худое говорится об одних и тех же монахах, – логически невозможно, ибо две стороны диаметрально противоположны одна другой. Как, например, не подходит к монахам последнего типа следующая умилительная картина, вполне приличествующая инокам-пустынникам, так любезным сердцу Златоуста, очевидца их подвигов. Воистину суть домы плача – монастыри... Там власяница и пепел, там уединение, там нет ни смеха, ни множества житейских забот; там пост и возлежание на земле; там все удалено от запаха крови, от шума, тревоги и народного волнения... Не знают они ни женского шума, ни детского крика. Нет там множества сундуков, ни излишнего скопления риз, ни золота, ни серебра; нет у них ни внутренней, ни внешней стражи, нет ни сокровищницы, ничего такого, там нет твоего и моего»⁴⁷. Полная отрешенность от земли и всяких земных привязанностей! «Искать убежища в монастыре святого мужа», прибавил проповедник, «значит то же самое, что удаляться от земли на небо». «Монах – обладатель всей земли и моря», писал Св. Иоанн «неверующему отцу», желая возбудить в нем сочувствие к иноческой жизни его сына,

— «он по всей земле пойдет, как по своей собственной. Питие его — озера, пища — растения, травы, хлеба; не можешь вывести его из отечества, пока не сгонишь со всей земли; он презирает и всю землю, потому что град его — небо»⁴⁸. «Кто-нибудь скончался из среды иноков», свидетельствует проповедник, говоря о монастырях, как домах плача, «сейчас настает великая радость, великое удовольствие»⁴⁹. Такое настроение пустынников вполне обусловливало для них возможность от истинной любви к Богу переходить к искренней любви к ближнему. И Златоуст свидетельствует, что эти люди все отдавали нуждающимся, что могли приобретать своими трудами; готовы были в страшное время испытания для Антиохии, по разрушении статуй, отдать самую жизнь свою за несчастных граждан. Сказавши несколько слов о расположении иноков пустынников к благотворению нуждающимся, мы подробно, словами самого Св. Иоанна, изобразим подвиг отшельников, полагающих душу свою за други своя. Ибо в этом слове Златоуста — главное свидетельство о высочайшей степени духовно-нравственного совершенства истинно-ионоческой жизни, в духе Евангельского учения Христа. В многочисленных творениях Златоуста можно видеть места, которые уясняют внутренний смысл ионочества. Из многоного мы для подтверждения нашего показания возьмем несколько строк: «Мы влечем других в пустыню», писал Св. Иоанн из пустыни «к верующему отцу», «не для того, чтобы они только одевались во власяницу, опоясались поясом, но чтобы прежде всего бежали от греха и возлюбили добродетель»⁵⁰. «Человек удаляется в горы: я, говорит, удаляюсь для того, чтобы не погубить себя»⁵¹. «Мы должны искать пустынь, образуемых не только известными местами», говорит Св. Иоанн антиохийцам, любвеобильно убеждая их к аскетическому настроению души, «но и нашим произволением и прежде всего другого душу свою вести в необитаемую пустыню»⁵². Выясняя эту же мысль, проповедник в другой раз говорил своим слушателям: «те, которые были обращены апостолами, жили в городах, а являли благочестие, свойственное пустынножителям»⁵³. «Девственник и постник полезен только себе самому. Что пользы в девстве с

жестокостью? Что пользы в целомудрии с бесчеловечием? Говорю это не с тем, чтобы опустились руки девственниц, чтобы прекратить девство, но чтобы они не трудились напрасно, чтобы после бесчисленных подвигов не удалились с поприща неувенчаными и покрытыми стыдом». «Девство – дело доброе и вышеестественное; но и это доброе дело, великое и вышеестественное, не быв соединено с человеколюбием, не может ввести даже в преддверие брачного чертога. Посмотри на могущество человеколюбия и силу милостыни. Девство без милостыни не могло довести даже до преддверия брачного чертога, а милостыня без девства привела питомцев своих с великою славою в царство, уготованное прежде сложения мира»⁵⁴. Но Златоуст был искреннейший проповедник любви; с этой точки зрения, отправляясь от слова о любви, смотрел на всякое нравственно-религиозное деяние человека, во всяком его звании и состоянии; через эту призму он определял, правильны или неправильны отношения каждого человека к Богу и к ближнему, а у иноков в особенности. «Подлинно», говорил он, «нет другого свидетельства и признака веры и любви ко Христу, как попечение о братьях и заботливость о их спасении»⁵⁵. «Пусть слушают и все монашествующие», возвзвал он с священной высоты кафедры в великой церкви города Антиохии, «пусть слушают и обитающие на вершинах гор и всеми способами распявшие себя, для того, чтобы и они, по мере сил своих, помогали предстоятелям церквей, содействовали им молитвами, единодушием, любовью, зная, что если они не будут всячески, и находясь вдали, содействовать отличенным благодатью Божией и обремененным такими заботами, то самое главное в жизни их потеряно и вся мудрость их обоюродела»⁵⁶. Но проповедник любви развивает мысль свою еще шире. Обращаясь к свидетельствам Златоуста о жизни иноков пустынников, мы видим, что это истинные рабы Божии, готовые жертвовать всем и во всем по Божьи, послужить по заповеди любви. «С восходом солнца идет каждый пустынный житель», говорит Св. Иоанн, «к своему делу и трудами много приобретает для бедных»⁵⁷. «В самом деле», восклицает Златоуст, «и

корыстолюбие, и страсть к удовольствиям, и властолюбие, и все прочие похоти гораздо легче бывают побеждаемы ими, нежели мирскими людьми. Инок, если будет иметь деньги, не захочет оставить без пособия и ближних своих, но скоро доставит им все необходимое»⁵⁸. И еще Златоуст свидетельствует, что нагорные иноки остались верны тому принципу, какой он ставит обязательным для их жизни и деятельности, как выражение истинной любви к Богу и ближнему. «Взойди на вершины гор и посмотри на тамошних иноков и увидишь, что все они желают смерти», говорил Златоуст антиохийцам после прощения императором вины их. Златоуст яркими красками рисует картину самоотверженности иноков из любви к ближним – гражданам Антиохии. Мы не будем стараться сокращать золотые слова проповедника. «Когда посланные царем для исследования о случившемся здесь открыли страшное то судилище и все ожидали разных смертей, тогда иноки, обитающие на вершинах гор, высказали свое любомудрие. Прожив безвыходно столько лет в своих пещерах, оставили свои кущи, они сошлись со всех сторон, как сошедшие с неба ангелы, и стал тогда город подобен небу, потому что везде появились эти святые и одним своим видом утешали скорбящих и располагали к совершенному презрению несчастия... Они, пришедши к самым начальникам, говорили смело за виновных. Готовы были все пролить кровь и положить головы свои, только бы исхитить узников от угрожавших бедствий, и сказали, что не отступят, пока судии не пощадят граждан или не пошлют их самих к царю вместе с виновными. Говорят, что один из них сказал и другое, исполненное любомудрия, слово: низвергнутые статуи опять воздвигнуты и приняли свой вид, а вы, если умертвите образ Божий, то как можете поправить сделанное? Многое иноки говорили начальникам и о суде». И далее проповедник рисует картину мужественного предстательства отшельников. «Иноки, люди бедные, не имеющие ничего, кроме худой одежды, жившие в сельской простоте, казавшиеся дотоле ничтожными, пребывавшие в горах и лесах, предстали, как некие львы, с великим и высоким духом, между тем как все боялись и

трепетали. Иноки оказались могущественнее всех... они «письменно» умоляли царя»⁵⁹. «Теперь», торжественно продолжает священный повествователь, «о случившемся здесь услышит царь, услышит и великий город Константинополь, вся вселенная услышит, что в Антиохийском городе (собственно в окрестностях города) живут такие иноки, которые показали дерзновение апостольское. Теперь, как письмо это будет читаемо в столице, все удивятся их (иноков) великодушию, все ублажат наш город, свидетельство иноков будет достаточным доказательством нравов города»⁶⁰. И это не панегирик монахам, затемняющий, ради дружбы, истину; не произведение фантазии проповедника. Нет! Это слово истины пред лицом живых свидетелей события, это – историческая правда.

Блаженный Феодорит, Епископ Кирский, подробно описывает в 20-й главе 5-й книги своей Церковной истории и обстоятельства возмущения в Антиохии и самоотверженную защиту несчастных, какую оказали иноки. Возьмем самую сущность рассказа. «Когда прибыли в Антиохию лица, несшие с собою угрозы царя, тогда все пришли в страх и вострепетали от ужаса... Но подвижники добродетели, жившие в части надгорной, где в то время было много мужей отличных, делали тем людям не мало увещаний и очень утешали их». Это – новая черта, характеризующая настроение пустынников и указывающая их заслуги: они убеждали несчастных антиохийцев не падать духом. Но вот блестательный подвиг отшельников, которым так восхищается Златоустый проповедник до того, что обещает ему всемирную известность и славу. «Святой Македоний» – Златоуст не назвал его по имени, «который был не сведущ ни в чем, относящемся к земной жизни, и даже вовсе не знал божественных изречений, но подвизался на вершинах гор, где день и ночь возносил чистую молитву Спасителю всех, этот Македоний, не устрашившись царского гнева и не обратил внимания на власть присланных вельмож, раз среди города схватил за эпанчу одного из них и приказывал им обоим сойти с лошадей. Эти, видя пред собою небольшого старичка, одетого в бедное рубище, сперва было рассердились, но потом, когда некоторые старшины возвестили им о доблести сего мужа,

соскочили с лошадей и, обняв его колена, просили прощения. А тот, исполнившись божественной мудрости, обратился к ним с следующими словами: «скажите царю, любезные мужи! ты не только царь, но и человек, и потому имей в виду не одно царское достоинство, но помышляй и о природе, ибо, будучи человеком, ты царствуешь над существами одного с тобою естества. Природа человеческая создана по образу и по подобию Божию, не приказывай же так жестоко и свирепо умерщвлять образ Божий, ибо, казня его, раздражаешь Творца. Смотри, ведь вот и ты так гневаешься только из-за медного изображения, но для всякого, в ком есть ум, очевидно, во сколько одушевленное, живущее и разумное превосходнее бездушного. Пусть он, сверх того, подумает и о том, что вам легко, вместо одного, сделать много медных изображений, а ему даже совершенно невозможно создать и один волос убитых». «Выслушав это, дивные те мужи», прибавляет блаж. Феодорит, «передали царю слова старца и ими потушили пламень гнева». – «Я рассказал это, – прибавляет историк, – между прочим, потому, что считал несправедливым предать забвению дерзновение всехвального инока».⁶¹

Тождество почти дословное рассказа Антиохийского проповедника и свидетельства историка.

Глава III-я. Нравственное состояние Антиохийского общества

«Свидетельство иноков, их самоотверженный подвиг», воскликнул Златоуст, «будет достаточным доказательством (добрых, разумеется) нравов города». Правда! честь и хвала церкви и городу, имеющему в числе своих членов таких добрых и любвеобильных лиц, особенно когда таких членов не один – не два, а целое и большое общество. Но каково было само это общество – граждане города Антиохии, его господствующие привычки, обычаи, духовное настроение, воззрения на свои обязанности, взаимоотношения и т. п. за этот период жизни и деятельности Св. Иоанна Златоуста? Разъяснение этого вопроса также необходимо для уяснения нравственного состояния Антиохийской церкви.

Принимая, как афоризм, мысль вашего досточтимого доктора Церковной истории, ординарного профессора Дух. Академии А. П. Лебедева, что «монашество возникает из протesta против нравственного расслабления жизни христианской»⁶², 2) мы, в виду целого сонма иноков и добрых монахов в церкви Антиохийской, сразу готовы вывести заключение: нравственное состояние общества Антиохийского не было утешительно и далеко не соответствовало высокому уровню нравственного состояния священства и монашества. Каково же именно было нравственное состояние Антиохийского церковного общества за время Златоуста?

Для исследования этого вопроса, для нас и для всякого, кто хотел бы заняться его решением, есть один и единственный источник – творения Св. Иоанна Златоуста. Если мы могли встретить у историков некоторые, хотя очень сжатые, сведения о священстве Антиохийском и об Антиохийском монашестве, то уже ровно ничего не можем найти в записях летописцев касательно нравственного быта Антиохийского общества. Антиохия – это один из замечательнейших центров древней цивилизации, представительница и мать городов всего Востока, город – славный процветанием наук, искусств,

промышленности⁶³, вмешавший, по свидетельству Златоуста, более 200.000 жителей. Сюда стекались со всех концов тогдашнего мира: кто для образования, кто для торговых и промышленных целей, а других привлекала сюда роскошь и общественные увеселения. В Антиохии, поэтому, можно было встретить представителей большей части тогдашнего мира. По громадное стечеие отовсюду живых сил, естественно, развивая широко общественную жизнь и оживленную деятельность в Антиохии, с этим вместе соединяло здесь множество условий, разрушительно действовавших на состояние общественной нравственности. При ближайшем знакомстве с творениями Златоуста можно видеть, как часто он, говоря о больших городах, называл их организмами, в которых гнездятся злокачественные болезни, поддерживаемые разрушительными условиями испорченной нравственной атмосферы. Его пресвитерские беседы и сочинения, написанные до священства, неопровержимо свидетельствуют, что Антиохия была центром глубокой нравственной деградации, и здесь Златоуст возмущало в особенности то, что молодое поколение слишком мало было обеспечено от этого постепенного понижения нравственного уровня, благодаря ложному направлению воспитания юношества. Это воспитание лишь в корне губило молодые силы Антиохии, современной Златоусту, и укореняло в детях самые превратные и недостойные понятия. Сам Св. Иоанн, воспитавшийся под руководством доброй, честной, истинно-благочестивой, чудной (по выражению Ливания) матери своей, когда лицом к лицу стал к своему обществу, так поражен был злом, которое со всех сторон охватило Антиохию, что только в удалении от света, от этих центров разврата, думал найти спасение среди тогдашних обстоятельств. Он простился с городом и искал убежища в кельях христианских подвижников. Здесь резкий контраст города и пустыни выдвинулся теперь со всею яркостью пред его взором и отсюда то он начал со всею резкостью и в ярких чертах обличать глубокую деморализацию тогдашнего Антиохийского общества. «О! если бы зло только и ограничивалось тем», восклицает Златоуст, «что родители не

давали бы детям никаких полезных советов; тогда зло не было бы так велико. Но вот вы, родители, побуждаете детей еще и к противному»⁶⁴. 1) Мы постараемся в кратких словах представить возможно полную картину развращения нравов в Антиохии, как изображает ее сам Св. Иоанн, соединив лишь, со своей стороны, различные черты в одно целое.

«В самом деле», продолжим речь Златоуста, «когда отцы убеждают детей заниматься науками, то в их разговоре с детьми не услышишь ничего другого, кроме таких слов: такой то, говорят, человек низкий и из низкого состояния, усовершившись в красноречии, приобрел большое имение, взял богатую жену, построил великолепный дом, стал для всех страшен и знаменит. Другой говорит: такой то, изучив латинский язык, блестает при дворе и всем распоряжается там. И так вы, когда внушаете это детям с юных лет, учите их не другому чему, как основанию всех пороков, вселяя в них две самые неистовые страсти – то есть – сребролюбие и, еще более порочную страсть, тщеславие. Каждая из них и порознь может низвергнуть все». Автор психологически выясняет влияние указанных страстей в душе человека. «А когда они вместе вторгнутся в нежную душу юноши, то губят все доброе»⁶⁵. «Пристрастившиеся к деньгам обыкновенно бывают и завистливы, и злонравны, и склонны к клятвам, и вероломны, и дерзки, и злоречивы, и хищны, и бесстыдны, и наглы, и непризнательны, словом – во всех отношениях злы»⁶⁶.

Проводя до крайних пределов влияние страсти сребролюбия, Златоуст свидетельствует: «вы тех особенно делаете друзьями их (ваших детей), кто только может дать денег, хоть бы и научил крайнему разврату. Христос не позволил бросать жену, разве только за прелюбодеяние, а вы, когда можно получить деньги, приказываете пренебрегать и этою заповедью»⁶⁷. И худо не это одно, что вы внушаете детям противное заповедям Христовым, но и то еще, что нечестие прикрываете благозвучными именами, называя постоянное пребывание на конских ристалищах и в театрах – светскостью, обладание богатством – свободою, славолюбие – великодушием, дерзость – откровенностью, расточительность –

человеколюбием, несправедливость – мужеством. Потом, как будто мало еще этого обмана, вы и добродетель называете противными именами: скромность – необразованностью, кротость – трусостью, справедливость – слабостью, смирение – раболепством, незлобие – бессилием. И что еще хуже, внушаете детям зло не только словами, но и делами: строите великолепные дома, покупаете дорогие поля, окружаете их и прочим блеском и всем этим, как бы каким густым облаком, омрачаете их душу»⁶⁸. Семя, так худо воспитанное, как видится, приносило плод по роду своему, давая не только греховное, но прямо преступное настроение Антиохийскому обществу. Златоуст, ставши священником и проповедником, со всей силой и апостольской откровенностью обличал эти страсти, как ставшие уже закоренелыми привычками в жизни большинства. Так, изображая слушателям своим предательство Иуды, Св. Иоанн говорил: «столь великое зло – сребролюбие, оно сделало Иуду и святотатцем, и предателем». И потом взывает: «услышьте, все сребролюбцы! услышьте и берегитесь страсти сребролюбия. Эта страсть есть ужаснейшая из всех страстей. Отселе гробокопатели, отселе убийцы, отселе всякое зло. Сребролюбивый везде бывает худым человеком: в делах общественных и в делах семейственных»⁶⁹. «Видишь ли, как золото», восклицает Антиохийский проповедник, «не оставляет людей людьми, но делает их зверями и бесами»⁷⁰. «Многие выливали целые бочки вина», прибавляет он, «а не давали ни одного стакана нищим и ни одной монеты нуждающимся; выливали все на землю, когда оно делалось прокислым. Другие не давали ни одного куска алчущему, а целые житницы высыпали в реку»⁷¹. В одной из своих бесед Златоуст представляет поразительный факт бесчеловечия сребролюбца. «Некогда», говорит, «постигло наш город бездождие: все трепетали за жизнь свою и молили Бога избавить их от этого страха – смерти, ужаснейшей из всех родов смерти. Но после, слава Человеколюбцу Богу, полился чрезвычайно обильный дождь и все стали радоваться. Между тем, один из богатейших людей ходил прискорбный и унылый, как бы омертвевший от горя, и когда многие спрашивали его, по какой причине он

печален, тогда он, не могши скрыть своей мучительной страсти, открыто объявил: имея, говорил он, множество мер пшеницы, я не знаю, как теперь мне сбыть ее?!» Отчего же происходит это пристрастие к настоящим благам? спрашивает проповедник и отвечает: «оттого, что предаются роскоши, утучняют плоть, развращают душу, налагая на нее тяжкое бремя, глубокий мрак и грубое покрывало»⁷². Отчего мы предаемся роскоши?» исследует автор. – «От злого произволения», отвечает он и указывает на ближайшие проявления глубокой роскоши – чревоугодие и пьянство. «Тело требует пищи, а не роскоши (разумеется – яств), тело нуждается в том, чтобы его питали, а не в том, чтобы его обременяли и утучняли»⁷³. Грустные картины наглядно выясняют мысль проповедника о том, как «жизненная сила обременяется множеством яств»⁷⁴.

Св. Иоанн Златоуст, объясняя 17-й ст. IV главы послания Ап. Павла к Ефесеям: что такое суэта ума?, так говорить о значении удовольствий: «суэта суэт – великолепные здания, обилие и избыток золота..., гордость и тщеславие, высокомерие и надмение – все это суэта, ибо произошло не от Бога, но произведено людьми». «Почему однако ж», рассуждает проповедник, «оно суэтно? Потому, что не имеет никакой доброй цели. Суэтны деньги, когда их расточают на удовольствие; посмотрим, какое происходит отсюда следствие? тучность тела, отрыжка, ветры, множество помету, головная боль, разлечение, внутренний жар, расслабление всего тела. Как тот, кто стал бы наливать воду в просверленный сосуд, трудился бы напрасно: так и человек, предающийся удовольствиям, поливает поду в просверленный сосуд»⁷⁵. Златоуст показывает, как отсюда «происходят болезни, немощи и безобразие»⁷⁶. Роскошь не только расслабляет, но и делает даже красивую женщину безобразною. Говорить ли еще о происходящих отсюда подаграх, ревматизмах и других болезнях, весьма отвратительных?.. Не говори мне об удовольствии (этого рода) роскоши», с негодованием восклицает проповедник. «Не смотри на роскошествующих только тогда, когда они возлежат, но посмотри на них тогда, когда они встанут; последуй за ними и увидишь, что они более походят на скотов, чем на людей»⁷⁷.

Конечно, здесь разумеется не одно пресыщение яствами, но, и даже особенно, неумеренное винопитие. «Ты увидишь», продолжает Златоуст, «как они страдают головокружением, расслаблением и неповоротливостью, нуждаются в ложе и постели и глубокой тишине, мечутся, как бы во время сильного волнения⁷⁸». «Особенно же то тяжело», говорит Св. Иоанн в другой раз, бичуя пьянство⁷⁹, «что эта болезнь даже и не считается пороком, но за столами богачей бывает соперничество и состязание в этом бесчинстве, и сильно спорят друг с другом о том, кто более осрамит себя, кто более возбудит смеха, кто более ослабит свои нервы, кто более изнурит свои силы». «Имей попечение о плоти», поучает проповедник, «но для поддержания здоровья, а не для удовлетворения чувственности⁸⁰». К видам этой грубой роскоши проповедник присоединяет изображение роскоши утонченной. Объясняя слова Апостола Павла: «час уже нам от сна востати» (Рим. 13:11), проповедник говорит, продолжая свою мысль: «а дабы точнее вам узнать, когда попечение о плоти простирается до похоти и избегать такого попечения, представьте себе людей, предающихся пьянству, обедению, пристрастных к нарядам, забавам, ведущих жизнь изнеженную и роскошную, и тогда вы уразумеете сказанное апостолом. Такие люди все, что ни делают, делают не для поддержания здоровья, а для веселости, для воспламенения похоти⁸¹». И эти пороки – достояние, по Златоусту, не только богатых, но и бедных. «Умоляю тебя», говорит он, «восстань от сна... и отрезвись от пьянства... Я разумею здесь пьянство, происходящее не только от вина, но и от житейских забот, а вместе с тем и от вина. И предлагаю совет свой не одним богатым, но и бедным, всего же более тем из них, которые любят пировать с приятелями»⁸². Проповедник подробно изображает гибельные последствия этого рода роскоши, и это изображение рисует нам во всей неприглядности нравственное состояние Антиохии. «От ваших пиров рождаются у вас худые пожелания, от них сладострастие, от них супруги у вас в презрении, а развратные женщины в чести; от них падают дома, тысячи рождаются зол, все приходит в беспорядок, и, оставивши чистый источник, стремитесь вы к

грязному болоту. А что тело развратной женщины точно есть такое болото, свидетельствуюсь в том не другими, а тобою самим, тобою, который валяешься в этом болоте. Не стыдишься ли ты сам себя, не считаешь ли сам себя нечистым после греха? Посему умоляю вас, бегайте блуда и матери блуда – пьянства». И потом проповедник представляет целую группу пороков и преступлений, из которых одно тяжелее другого губят и душу и тело человека грешника. «Для чего сеешь, где не можешь пожать, или лучше сказать, где если и пожнешь, то самый плод покроет тебя бесславием; если и родится ребенок, тебе будет позор»⁸³. «Для чего сеять там, где самая нива усиливается погубить плод... Видишь ли», восклицает в заключение добрый пастырь, «как от пьянства происходит блуд, от блуда – прелюбодеяние, от прелюбодеяния – убийство»⁸⁴. Указывая преступность такого поведения, Златоуст выясняет гибельность поступка. «Ты женщину, сотворенную для деторождения, располагаешь к детоумерщвлению. Ибо развратная женщина, чтобы всегда быть приятною и привлекательною для своих любовников и выманивать себе больше денег, не откажется и от такого злодейства. Хотя она сама отважится на преступление, но главною причиной будешь ты. Сие же доводит и до идолопоклонства», замечает Златоуст, «указывая на погибель души. Многие развратницы, чтобы возбудить привязанность к себе, употребляют наговоры, возлияния, приворотные снадобья и другие бесчисленные средства»⁸⁵. «Но», что особенно важно для истории нравов города в данный период времени, «многие», – значит, порок был так значительно распространен, что было из кого означить «многих» – «многие», замечает проповедник, «считают дело сие ничего не значущим, и даже многие так поступают, имея своих жен. А в этом случае особенно бывает сток всякого зла. Здесь приготовляются чародейственные отравы уже не против плода в утробе развратницы, но и против супруги, без того уже много обижаемой; здесь составляются тысячи злоумышлений; призывают на помощь бесов, вызывают мертвых; отселе рождается ежедневная брань, непримиримая вражда, всегдашние ссоры... обиды законным детям и тысячи зол»⁸⁶.

Златоуст обличает и другую роскошь своего времени под благовидными формами, скрывающими тонкий разврат с целых полчищем пороков, если не прямых злодеяний. «Покажи мне руку жены, любящей украшения», взывает проповедник, представивши слушателям образ домовитой и странноприимной Сарры – жены Авраамовой⁸⁷, «и ты увидишь, как эта рука снаружи покрыта золотом и внутри отягчена разными вещами. Ты, жена, что ты делаешь? Наряжаешься, чтобы понравиться кому? Мужу. Дурное старание, если ты хочешь таким образом понравиться своему мужу. Как же я буду нравиться ему? Скромностью, любомудрием, кротостью, любовью, единодушием, согласием. А чтобы ты убедилась, что ты стараешься понравиться не мужу, скажу тебе: дома ты снимаешь украшения, а в церковь надеваешь их; если бы ты хотела нравиться мужу, то носила бы их дома». Неумолимая логика! «Но, как я сказал, ты входишь в церковь, украшенная золотом на руках и на шее». «Для чего, скажи мне», говорит проповедник, обращаясь к мужу, «ты носишь шелковые одежды, ездишь на златосбруйных конях и украшенных лошаках? Лошак украшается – снизу золото лежит и на покровах его; бессловесные лошаки носят драгоценности, имея золотую узду!.... Часто, входя в чей-нибудь великолепный дом и выходя из него, что говоришь ты? Я видел прекрасные мраморы, удивительные колонны, прекрасные окна, множество золота на потолке... много фонтанов, много богатства»⁸⁸... Ты надеваешь золотое ожерелье на слугу, золотые чехлы на камни, золотые ремни на себя, золотую одежду, золотой пояс, золотую обувь. Безрассудная расточительность! А ложи, обложенные серебром и украшенные золотом, подножные скамейки, сделанные из тех же металлов»⁸⁹! Златоуст указывает именно греховность, преступность изысканной роскоши. Тут золото, шелк, «а бедный, томимый голодом, сидит при дверях твоих, и Христос мучится голодом». «О, крайнее безумие»⁹⁰! Исчисливши добродетели, коими следовало бы жене обогащаться, он восклицает: «вот, жена, твои украшения! Эти добродетели твои производят единодушие, а те украшения не только не делают тебя приятною, но даже делают тебя несносною для мужа. Когда ты

говоришь ему; отними у других и принеси мне, то на малое время ты нравишься ему, а после будешь иметь в нем врага»⁹¹. Это другое возможное и обычное преступление. «Если бы вошел сюда язычник и увидел вверху – на хорах – женщин, носящих такие украшения, не сказал ли бы он, что здесь театральное зрелище и баснословие. Но язычник соблазняется и говорит: я входил в христианскую церковь, слышал Павла говорившего: жены да украшают себя ни златом, или бисерми, или ризами многоценными (1Тим.2:2), и видел женщину, показывающую делами совершенно противное»⁹². Но ведь Антиохийское общество не из одних же богачей, конечно, состояло. В одно время Златоуст горько жаловался на богачей и для большого убеждения их сделал статистический обзор бедных, находившихся в Антиохии⁹³. «В сем городе», говорил он, находится 20000 богатейших жителей, 60000 – тоже с изобильным достатком, 80000 – которые живут без труда плодами своего образования и трудами рук своих, и только 20000 – так называемых нищих».

Что же представлял, на каком нравственном уровне стоял низший, бедный класс – «нищие» этого народонаселения? В словах Златоуста мы видим, как он обличал и нищих за их несправедливые жалобы на своих благодетелей. Но справедливость требует заметить, что эти обличения делаются, так сказать, мимоходом, между строк, среди обличений немилостивых богачей. Мы возьмем несколько строк из обличительной речи беднякам, в которых можно видеть указания на безнравственные привычки нищей братии и в тоже время глубокое растление нравов богачей и особенно жестокость сердца их. «Если увидишь бедного», говорит проповедник богачу, «и скажешь: мне досадно, что этот молодой человек ничего не имеет, хочет прокормиться, живя в праздности, а может быть, он еще беглый слуга, оставивший своего господина... скажешь: нищий лжет и притворяется. Но нужда сильнее голода», отвечает проповедник. «Ты не представишь себе, что один страх голода служит для него достаточным оправданием в бесстыдстве, но укоряет его за бесстыдство. А сам ты часто бывал бесстыднее его, провождая

жизнь свою в пороках, пьянстве, в невоздержании, в воровстве, хищничестве, в разорении чужих домов... когда ты злоумышляешь, божишься, лжешь, похищаешь, когда делаешь тысячу подобных дел»⁹⁴. Если бы кто сказал: защита в устах покровителя бедных естественна, но вопрос, насколько она справедлива? Мы отвечаем: это слово правды, а не защиты; проповедник не закрывает пороков бедности. Но что значит эти худые привычки у бедных в сравнении с безнравственным поведением богачей, когда именно их поступками бедные и вынуждены прибегать к словам и делам худым? «Никто ведь не раздражается тем, что такой то любомудрствует, или – что такой то кроток идержан, и смиренномудр, и презирает настоящее», говорит Св. Иоанн еще в послании своем из пустыни⁹⁵, «но раздражаются тем, что такой то богатеет, живет роскошно, умножает свое имение и хищничает, что, будучи зол и осквернен бесчисленными пороками, пользуется славою и благоденствует. Вот этим соблазняется народ!» Это говорит человек, наглядно знакомый с положением дел, о которых говорит. А некогда пятигодичное служение диаконское, которое особенно сосредоточивалось на служении нуждающемуся люду в странноприимных домах и во всех углах, где ютилась бездомная беднота, – настолько хорошо ознакомило Св. Иоанна с ужасами положенья нужды непроглядной, безысходного горя и истинной бедности, что Златоуст сам, указывая худые поступки нищих, все таки не перестает просить богатых быть милостивыми к беднякам⁹⁶. Церковь Антиохийская питала до 3000 нуждающихся⁹⁷. «Известно, как важна была в первенствующей церкви должность диакона, по видимому, столь ничтожная», говорит Альберт⁹⁸. Диакон был слугою бедных, раздателем милостыни и стражем у дверей храма, где, прибавим, обыкновенно держатся нищие. «Должность трудная, но зато – самое лучшее приготовление к должности епископа и упражнение в обязанностях любви... Быть, естественно, опорою бедных, изучать их несчастия, видеть собственными глазами крайность нужд, находить причины этому часто в жадности и жестокости богачей, в безжалостных и несправедливых притеснениях правительства, являться к неимущим и слабым,

как бы видимым орудием церкви, получать приятную склонность – быть любимым и благословляемым от тех, которые страдают. Какая роль для человека, которого сердце было так нежно, и который так страстно ненавидел неправду! Легко забывать несчастных, когда не видишь их»... Первое серебро, которое Златоуст отдал бедным – это его собственное. С этого дня до самой смерти он ничего не имел, можно сказать, что это был первый бедняк в церкви Антиохийской»⁹⁹. Так свидетельство этого человека, который знал, видел, так сказать, самую душу бедняков, слово этого человека – Златоуста мы смело принимаем, как свидетельство истины, как историческую правду.

Засим обратимся к другому фактору нравственности антиохийского общества. «Будем удалять юношей не только от зрелищ, взвывал Св. Иоанн, ставши проповедником в Антиохии, «но и от слушания соблазнительных песен, чтобы ими не прельщалась душа их... Не будем водить их в театры»¹⁰⁰! И всегда, во все время своего служения в церкви Антиохийской, Златоуст восставал против театров, искренно считая их училищем самой возмутительной безнравственности¹⁰¹. В нашей же духовной биографической литературе мы встречаем другое воззрение на значение зрелищ для жизни народной, за время Златоуста, которое указывает иные побуждения, по которым Св. Златоуст особенно усиленно ратовал против театральных зрелищ. Постараемся выразить это воззрение в возможно кратких чертах. Римская сцена первых времен христианства стояла действительно в самых близких отношениях к культу и религиозным представлениям античного мира. В драме и трагедии проходили перед зрителями картины и сцены из жизни героев, восставали тени замечательных исторических деятелей. Этим путем традиции и верования языческие незаметно, но глубоко входили в сознание массы и держали ее в своей власти. Естественно, первые христианские моралисты преимущественно с этой точки зрения восставали против языческого театра. Так, между творениями Тертулиана известно сочинение «De spectaculis», в котором этот церковный писатель различными аргументами доказывает вред и

безнравственность театральных зрелищ, называя их «*idolatria*». Он выводит это из самого названия игр и зрелищ, связанных с культом древнего мира, из их обстановки и языческих храмов, которые нередко служили для них помещением. Как антихристианское учреждение, театр представляли царством демонов и их любимою областью. Как доказательство правильности этого взгляда на театр, Тертулиан передает замечательный случай из своего времени, как «одна женщина, возвратившись из театра, почувствовала себя одержимою злым духом, и когда заклинатель спросил беса, где и как он вошел в свою жертву, то получил ответ: я поступил справедливо, потому что нашел ее в своем царстве»¹⁰². С течением времени культ языческий настолько ослабел, что не мог представлять опасности для распространения христианства, и его несостоительность, несмотря на поддержку правительства, становилась очевидною, и отношение церкви к театру несколько изменилось. Правила соборов¹⁰³, как известно, ничего уже не говорят о значении театра, как учреждения языческого характера, и своими постановлениями оберегают лишь от посещения театров членов клира и их семьи, дабы, конечно, не положить тем нарекания на служителей св. алтаря и церкви Божией; ибо, в самом деле, одно с другим – священноцерковнослужительство и посещение театрального заведения – не вяжется, при самых даже невинных постановке и исполнении сценического искусства. Одно то, что театральное зрелище, в лучшем смысле, есть удовольствие, а до удовольствий ли людям, посвятившим себя на служение делу, священнейшему из дел человека на земле, каково душпаstryство?! Посему вполне справедливо вселенский собор и постановил: «Никому из числящихся в священном чине, не монаху, не позволяет ходить на конские ристалища или присутствовать на позорищных играх» (24 пр.). Ко времени Св. Иоанна Златоуста театр сделался учреждением опасным в нравственном отношении по своему деморализующему влиянию. С этой именно точки зрения Златоуст преимущественно и смотрел на театр. Театр отвлекает от церкви, вносит зло и нестроение в жизнь семейную, ослабляет узы супружества, развращает

юношество в самую первую, в самую опасную для него пору его жизни. Это знает, это видит Св. Иоанн по опыту жизни, — открыто говорит в слове о священстве, и всей душой восстает против театра, и во всей подробности выясняет гибельное влияние его на строй нравственной жизни антиохийского общества. Со всей энергией и настойчивостью он направляет свое огненное пастырское слово против всех приманок обольщений. Никого и ничего не щадит, всю гнусность зрелищ из стен театра он выносит на свет Божий. — Зрите и ужасайтесь! — как бы так говорит пламенный проповедник. Вот слова бесчинные, вот песни непристойные, вот актрисы, едва прикрывшие стыд; танцы сладострастные, телодвижения, возбуждающие греховные пожелания, и тут же неизбежно продажные женщины, — все это будит чувственность, воспламеняет страсти, неотразимо располагает к самой страшной, преступной похотливости. И вот Св. Иоанн Златоуст возвысил свой голос против этих грубых, эксцентрических зрелищ, унижавших своим гибельным влиянием человеческое достоинство, убивавших все самое святое в жизни и так оскорблявших нравственное чувство не только христианина, но и вообще человека. Скромный объем нашего труда не позволяет нам во всей широте изобразить священноинственный подвиг Антиохийского пастыря против театральных зрелищ, но мы не вправе пройти их совершенным молчанием и хотя кратко, но представим здесь подлинные слова самого обличителя — Св. Иоанна Златоуста. «Сколько слов потратили мы», говорил Св. Иоанн в своей беседе по случаю низвержения статуй¹⁰⁴, увещевая многих из беспечных и уговаривая оставить зрелища и происходящие от них непотребства. И они не оставляли, но постоянно до сего дня (дня бедствий) сходились на беззаконные позорища плясунов и дьявольское сборище поставили против собрания церкви Божией и на здешние псалмопения раздавались тамошние крики, несшиеся с великою силою. Но вот ныне (во дни страха бедствия Антиохиян), когда мы молчим и ничего не говорим об этом, они сами закрыли место пляски и конское ристалище сделалось пусто». В «послезавтрашний день», говорил Св.

Иоанн в другое время Антиохийцам, «весь город переселится в цирк, когда и дома и площиади опустеют из-за преступного зрелища»¹⁰⁵. Так сильно было расположение Антиохийцев к зрелищам! И это настроение было в городе всеобщим. «Ни бедность, ни недосуг, ни слабость телесная, ни боль в ногах и ничто подобное не удерживает этой страсти. Старики бегут туда быстрее юношей и, стыдя свои седины, опозоривают возраст, подвергают осмеянию самую старость»¹⁰⁶. «Оттого», прибавляет проповедник, «у вас города и развратились, что худы наставники юношества. Ибо как можешь ты образумить беспорядочного и развратного юношу, когда сам в старости поступаешь так легкомысленно, когда сам, после столь долгого времени, не насытился еще этим отвратительным зрелищем»¹⁰⁷. Страсть к зрелищам была так сильна, что Антиохийцы решались посещать их даже во дни поста и покаяния. Они в это время не ели мяса, не пили вина и весь день, ничего не вкушая, проводили на бесстыдных «зрелищах»¹⁰⁸. «Какая выгода постыдимся», взывал Св. Златоуст, «ходить на зрелища беззакония, посещать общее училище бесстыдства, публичную школу невоздержания, восседать на седалище пагубы? Ибо не погрешит тот, кто сцену, это пагубнейшее место, полное всякого рода болезней, эту вавилонскую печь – назовет и седалищем пагубы, и училищем невоздержания, и всем, что ни есть постыднейшего. Действительно, диавол ввергнув город в театр, как бы в какую печь, затем поджигает снизу, подкладывая ни хворост, как некогда иноплеменник тот (Навуходоносор), ни нефть, ни паклю, ни смолу, а, что гораздо хуже этого, любодеинные взгляды, срамные слова, развратные стихотворения и самые негодные песни. Эта печь хуже той, потому что и огонь здесь пагубнее, он не тело сожигает, но разрушает благосостояние души, а еще хуже то, что горящие в этом огне даже и не чувствуют этого». «Ты целые дни просиживаешь там», обличает пастырь заблудших овец своих, «смотря на посрамление и унижение общей человеческой природы, на жен блудниц, на лицедеев, которые, собирая все, что есть худшего в каждом доме, представляют зрелища любодеяния. Да! там можно видеть и блудодеяния и

прелюбодеяния, можно слышать и богохульные речи, так что болезнь проникает душу и через глаза и через слух; там лицедеи представляют чужие несчаствия, отчего и дано им позорное имя. Какими глазами посмотришь ты на жену после таких зрелищ? Как взглянешь на сына, как – на слугу, как – на друга? Надобно быть или бесстыдным, рассказывая, что бывает там, или молчать, краснея от стыда»¹⁰⁹. Страсть к зрелищам не ослабевала в душе Антиохийцев и Св. Иоанн не только не оставлял обличения, но еще усиливал его более и более. «Многие, думаю, из тех, которые недавно оставили вас и ушли на зрелища беззакония, сегодня находятся здесь. И хотел бы я знать их верно, дабы изгнать из священного притвора не с тем, чтобы они навсегда остались вне его, но чтобы исправились и потом вошли сюда снова»¹¹⁰. Но что за важный грех, скажешь, сделали эти люди, чтобы за него изгнать их из этой священной ограды?¹¹¹ – А какой другой тебе еще надобно грех больше греха этих людей, когда они, сделав себя совершенными прелюбодеями, бесстыдно устремляются к священной трапезе? И если хочешь ты узнать и самый способ прелюбодеяния, то скажу тебе. Если случайно встретившаяся на площади и одетая, как попало, женщина своим видом может иногда уловить человека, который из любопытства посмотрит на нее, то как могут сказать о себе, что смотрели не с похотствованием те, которые входят в театры не просто и не случайно, но для этого именно и с таким рвением, что небрегут и о церкви. Проводят целые дни, пригвоздившись глазами к бесчестным тем женщинам, проводят там, где развратные речи, блудные песни, любострастный голос, подкрашенные брови, нарумяненные щеки, наряды, подобранные с особенным искусством, поступь, исполненная очарования и множество других приманок приготовлено для обольщения и увлечения зрителей; где и душа зрителя в беспечности и великой рассеянности, где и самое место возбуждает к любострастию, где мелодия предшествующих и последующих песней, выигрываемых на трубах, свирелях и других подобных инструментах, очаровывает и расслабляет силу ума, подготовляет души находящихся там к обольщению блудниц и делает их легко уловимыми. Если

похоть часто, как какой-нибудь хитрый разбойник, тайно входит в человека и здесь, где псалмы, и молитвы, и слышание божественных слов, и страх Божий, и великое благоговение, то как могут быть выше этой злой похоти те, которые сидят в театре и ничего здравого не видят и не слышат, напротив, и внутри исполнены гнусности и разврата, и отвне терпят поражения чрез все чувства»¹¹². «Не столько потоп, бывший во время Ноя, пагубен, был для рода человеческого», замечает Св. Златоуст в другое время, говоря о зрелищах, «сколько сии плавающие женщины бесстыднейшим образом губят всех зрителей»¹¹³. «Ты бежишь, чтобы видеть на сцене женщин... В сей воде – море любострастия – не тела потопают, а души гибнут... Та плавает с обнаженным телом, а ты, смотря на нее, погружаешься в бездну любострастия»¹¹⁴. Мы не представляем здесь всего множества поражающих речей Златоуста о зрелищах, всегда сильно направленных против этой страсти народа Антиохийского, но не можем хотя в кратких выдержках, но взять возможно цельной картины, хотя и в одной его беседе¹¹⁵. Св. Иоанн подробно изображает грустные преступные последствия увлечения театром. «Скажи мне», говорит он, «отчего нарушается супружеская верность? не от театра ли? Отчего оскверняются брачные ложи? не от сих ли зрелищ? не они ли причиною того, что жены не терпят мужей, а мужья презирают жен своих? Не они ли причиною множества прелюбодеев?»¹¹⁶. И «в самом деле, когда ты расстроившись тамошним зрелищем и сделавшись более сладострастным и похотливым и совершенным врагом целомудрия, возвратишься домой и увидишь свою жену, тебе уже не так приятно будет смотреть на нее, какова бы она ни была. Распалившись возбужденною на зрелищах похотию и пленясь чужим обольстительным лицом, ты отвращаешься от целомудренной и скромной жены, подруги всей твоей жизни, оскорбляешь ее, осыпаешь тысячу упреков не потому, чтобы было тебе за что винить ее, но потому, что трудно высказать страсть и показать рану, с которой ты возвратился оттоле домой; сплетаешь другие предлоги, безумно выискивая поводы к ссоре»¹¹⁷. Вот почему Св. соборы Вселенский VI и поместные Лаодикийский и

Карфагенский так строго запрещают зрелища детям священников и всем мирянам, что так очевидно было нравственно-развращающее влияние этих зрелищ на душу человека христианина. Когда Карфагенский собор в правиле 18-м говорит: «детям священников не представляти мирских позорищ и не зretи оных» и прибавляет: «сие же и всем христианам всегда проповедуемо было, да не входят туда, где бывают хуления», – так это «всегда», конечно, указывает на первые времена христианства, когда язычество и на зрелищах уничижало христианство, хотя можно понимать и в нравственном смысле «хуления имени Божия». В определениях 72-го правила Карфагенского собора, как и 66-го Вселенского VI собора ясно видно уже, что именно нравственное значение дается требованию ограничения постановки зрелищ. Вселенский VI-й собор постановил: «от святого дне Воскресения Бога нашего до недели новые во всю седмицу верные должны во святых церквах непрестанно упражнятися во псалмех и пениях и пениях духовных... и чтению священных писаний внимая и святыми тайнами наслаждался... того ради отнюдь в реченные дни да не бывает конское ристалище или иное народное зрелище». Собор Карфагенский разъясняет постановление Вселенского собора. Мы полностью приведем это правило поместного собора – 72-е, ибо из него видно, что именно нравственное влияние театров имеется ввиду, и что церковь вообще снисходит уже к этим зрелищам и только усматривает лишь несообразность театральных представлений с распорядком постановки их в праздничные дни. «Подобает просити благочестивейших царей, да благоволят узаконить и сие, да воспретится представление позорищных игр в день Воскресный и в прочие светлые дни христианского веры, тем паче, что в продолжение осьми дней святые Пасхи народ более собирается на конское ристалище, нежели в церковь. Должно пременити определенные для позорищ дни, когда они встречаются с праздничными¹¹⁸. Если постановление Вселенского VI-го собора относится к VIII веку по Р. Х., когда уже урегулировались отношения язычества к христианству, – то постановления собора Карфагенского – к началу IV-го столетия

– времени царствования Константина Великого – и тогда уже театр потерял, как видно из правила собора, языческий элемент, – то что же сказать о театре времен Златоуста. Он именно был учреждением лишь нравственно развращающим народ Антиохийский. «Прошу всех вас», говорил Св. Иоанн в заключение слушателям своим, «и сами избегайте гибельного пребывания на зрелищах и посещающих оные увлекайтесь оттуда»¹¹⁹. «Не отсюда ли», восклицает проповедник, как бы обобщая все гибельное влияние зрелищ на нравы, «не отсюда ли развращение жизни?»¹²⁰.

Как ни достаточным представляется нам все вышесказанное для изображения нравственного состояния Антиохийского христианского общества, за время Златоуста, но оставаясь верными исторической правде и пользуясь творениями Златоуста, как историческим источником, мы считаем долгом справедливости присоединить еще одну, правда, печальную картину Антиохийских нравов.

«Говорить ли еще о неистовстве роскошествующих, пьянствующих, – другого рода, т. е. сладострастии», взвывает Златоуст, а мы прибавим – и самого сладострастия другого рода. «Они – пьяницы, развратники», продолжает проповедник, «как неистовые кони, быв возбуждаемы опьянением и вина и блудных страстей, бросаются на всех, устремляясь еще с большем безумием и бесчинством, нежели эти бессловесные, и делают другие бесстыдства, о которых и говорить неприлично»¹²¹. Здесь тоже буквально мы будем говорить словами самого Св. Иоанна Златоуста. «Я еще не сказал о важнейшем зле», пишет Св. Иоанн к верующему отцу¹²², изображая ему нравственное состояние современного Антиохийского общества» – «не раскрыл самого главного несчаствия. Много раз намеревался сказать об этом хоть и со стыдом, но столько же раз и удерживался от того стыдом. Что же это такое? – Какая то новая и непотребная страсть в нашу жизнь вкралась, постигла нас болезнь тяжкая и неисцельная, поразила язва, жесточайшая из всех язв; измышлено какое то новое, нетерпимое беззаконие, потому что нарушаются не только писанные, но и естественные законы. Для распутства

мало уже любодеяния! И как бывает в телесных болезнях, что последующее сильнейшее страдание заглушает собою чувство предшествовавшей боли, так и чрезмерность этого непотребства делает то, что и нестерпимый порок разврата с женщиной перестает уже казаться нестерпимым. Хотя, кажется, иметь возможность избежать этих сетей и женскому полу предстоит уже опасность быть излишним, потому что его заменяют отроки. И ужасно особенно то, что это непотребство совершается с великою дерзостью и беззаконие стало законом. Никто уже не страшится и не трепещет, никто не стыдится и не краснеет, но еще хвалятся этим позором, и целомудренные кажутся безумными, а обличающие развратных – сумасшедшими; если они слабы, то подвергаются побоям; а если сильны, то терпят насмешки, поругания и бесчисленные поношения. Не помогают уже ни судилища, ни законы, ни пестуны, ни отцы, ни приставники, ни учители; одних успели совратить деньгами, другие смотрят только на то, чтобы им была награда, а из тех, кои добросовестнее и заботятся о спасении вверенных им, одни легко поддаются обольщению, а другие боятся силы развратников. Ибо легче спастись от погибели подозреваемому в злоупотреблении властью, нежели избежать рук этих нечестивцев тому, кто стал бы от них отводить детей. Так среди городов, как бы в совершенной пустыне, *мужи на мужех студ содевают* (Рим. 1:27). Если же некоторые и избежали этих сетей, то нелегко им избегнуть худой, падающей и на них от этих развратников славы, во-первых, потому, что их (честных людей) весьма немного и от этого их невидно из-за множества порочных, во-вторых – потому, что и сами те окаянные и злые демоны, не могли иначе отомстить презирающим их, стараются вредить им этою худою славою. Не успев нанести им смертельную рану и поразить их в самую душу, они усиливаются, по крайней мере, повредить их внешнему украшению и вовсе лишить их доброй славы. Есть у некоторых бессловесных вожделение сильное и похоть неудержимая, ничем не отличающаяся от бешенства, но и они не знают этого непотребства, а удерживаются в пределах природы, и сколько бы не разжигались похотью, никогда не

нарушают законов природы. А эти одаренные разумом, наставленные божественным учением, проповедующие другим, что должно делать и чего не должно, слышавшие и писание, нисшедшее с неба – не так дерзко совокупляются с блудницами, как с отроками. А отцы растлеваемых отроков переносят это молча, не зарываются в землю вместе с детьми и не придумывают никакого средства против этого зла».

Всякие комментарии, конечно, излишни; прискорбное дело ясно, как день. Развращение нравов, широкое развитие сладострастия последовательно создали это ужасное непотребство мужеложства. И этот унизительнейший из пороков настолько стал обычным в Антиохии, что люди нимало не стеснялись предаваться ему, и, как видится, это было делом гласным, где практиковалось наравне с прельщением отроков и насилие души и тела. И это преступление законов божеских и человеческих совершалось среди городов; честных людей было так немного, что можно было считать его всеобщим. Именно, как говорит в заключении своей речи Св. Златоуст, «волны порока, подобно стремительному потоку, разрушив все преграды, яростно разлились по душам людей»¹²³. И это горестное обстоятельство – в обществе церкви христианской! Данные – неопровергимы. Этот порок народа преобладал над всеми другими пороками. «Иные, конечно», замечает наш историк – Св. Иоанн, «и соблюли себя от непотребства развратников (впрочем, опять прибавляет, таких именно) за то (и эти немногие) не избегают вот этих жестоких и всегубящих страстей – корыстолюбия и сластолюбия. Но большая часть заражена и этими самыми страстями и, еще сильнее, сладострастием»¹²⁴.

При знакомстве с сейчас описанным печальнейшим явлением в нравственной жизни Антиохийской церкви, по одному из творений Златоуста, написанных за монашеский – ранний период его жизни, можно предположить, что, быть может, порок описывается все-таки как явление минувшее, которое за десять – двадцать лет после могло значительно ослабеть и, пожалуй, исчезнуть, под благодатным влиянием все более и более укоренявшегося христианства. Но увы! это предположение оказалось совершенно несостоятельным. Св.

Иоанн Златоуст, ставши священником – проповедником в Антиохийской церкви, свидетельствует о нем в 391 году. Беседуя о словах Ап. Павла к Римлянам (гл. 1; ст. 26–28), Св. Иоанн указывает психологическое, физиологическое и историческое происхождение этого противоестественного греха, но мы оставляем подробности по причинам понятным. Приведем подлинные слова обличителя-проповедника лишь в нескольких строках¹²⁵. «Все произошло от ненасытного вожделения, которое не любит держаться в подлежащих пределах. Ибо всякий, преступающий законы, поставленные Богом, питает вожделение к несродному и незаконному. Как часто многие, потеряв позыв на обыкновенную пищу, едят землю и мелкие камни; иные же, томясь сильною жаждою, рады пить грязную воду, – так язычники воскипели сею беззаконною любовью. И ежели спросишь: отчего такая стремительность вожделения? Ответствуем: оттого, что они оставлены Богом... А за что оставлены? За беззаконие, – за то, что оставили Бога».

Мы с намерением излагаем слова Св. Иоанна. Ибо одно это доказывает уже, что, значит, настояла серьезная необходимость священнику говорить публично об этом пороке, с высоты церковной кафедры вразумлять и обличать безчинников. А это обстоятельство, в свою очередь, свидетельствует о том, что беззаконие сейчас, так сказать, деется. Сам Св. Златоуст именно и указывает на этот факт, как на наличный в жизни. Святитель говорит о появлении данного порока в язычестве и здесь исследует причины и появления и, так сказать, поддержки беззакония в обществе христианском, в церкви Антиохийской¹²⁶. «Откуда вторглась сия похоть? Отчего произошло сие зло?» И отвечает: «от роскошной жизни, от незнания Бога. Когда люди отвергают страх Божий, тогда оставляет их все доброе».

Очевидно, порок ограничивался в церкви Антиохийской только мужчинами. Мы в творениях Златоуста нигде не встретили ни малейшего намека на подобное беззаконие среди женщин, существование которого Св. Апостол Павел указывает в языческом обществе города Рима. И здесь, в общем очерке нравственной жизни Антиохии, справедливость требует заметить, как отрадную особенность: «среди этой глубокой

деморализации, женщина в Антиохии представляла светлое исключение в пользу нравственного порядка»¹²⁷.

Св. Иоанн в книге своей, написанной в назидание некоей «молодой вдове», с почтительным умилением воспоминает о добродетельной своей матери. Мы приведем это краткое слово доброго сына о благочестивой матери». «Когда я был молод», пишет он, «помню, — учитель мой, — а он был самый закоренелый язычник — (Ливаний, по показанию всех наших биографов Златоуста) при многих удивлялся моей матери. Желая узнать по обыкновению от окружающих его, кто я таков, и услышав от кого то, что я сын вдовицы, он спросил у меня: сколько лет моей матери и давно ли она вдовицею? И когда я сказал, что ей 40 лет от роду и что 20 лет прошло уже с тех пор, как лишилась она моего отца; он, Ливаний, изумился и громко воскликнул к присутствовавшим: ах! какие у христиан есть женщины!»¹²⁸ А в беседе со своею матерью, которую Св. Иоанн сохранил в одном из «слов о священстве», он указывает всю трудность жизни вдовы благочестивой. «Никакими словами», говорит ему мать, «невозможно изобразить той бури и тех волнений, каким подвергается молодая женщина, пораженная скорбью вдовства. Она должна исправлять... разрушать злые умыслы родственников, мужественно переносить притеснения и безжалостные вымогательства сборщиков податей». Конечно, такая личность, как Амфуса — исключение, но все же благочестивая женщина не единственное явление в жизни церкви Антиохийской за время Златоуста. Известно, что Юлиан богоотступник хотел восстановить в Антиохии языческий культ, и не успел в своем намерении именно потому, что встретил сильное сопротивление со стороны таинственных женщин, которые и сами действовали, и располагали к тому же своих мужей. В сатире на Антиохийцев «Misopogon» Юлиан говорит: «женщины все, что у них было, отдавали на вспоможение Галилеянам, между тем, как мужья не хотели ни копейки пожертвовать на поддержание языческого культа». Еще одну особенную сторону влияния христианских женщин Антиохии на мужей отмечает язычество. «Когда эти последние — мужчины — вне своего дома», говорит по этому случаю Ливаний, обращаясь

к императору, «они следуют твоим приказаниям и приступают к капищам; но как скоро возвращаются домой, то совершенно переменяются в присутствии своих жен и становятся врагами язычества». Вот как могли наэлектризовать женщины! Мы уже видели выше влияние нечестивых женщин на легкомысленных мужчин; но вот, как видится, добрые жены также не уступали в благотворном влиянии на благоразумных мужей. Жалобы царя богоотступника и его достойного учителя показывают, что женщины в семье были центром, откуда, через влияние на семейство, выходило лучшее движение тогдашней общественной жизни. Здесь хранились более крепкие и живые силы того времени. Невольно является вопрос: как же могли образоваться настолько печальные явления, как описанные выше, со слов такого современного свидетеля, как Св. Златоуст, – такое глубокое развращение нравов? Отвечаем: во-первых, у добрых жен могли быть худые мужья, потому что, что же поделаешь, когда человек, так сказать, «от рук отился»! Потом, женщин свободомыслящих, в известном смысле, несомненно, было все-таки большинство, которое, естественно, как грубая сила, влияло более. К этому еще, если принять во внимание общечеловеческую склонность к злу более сильную, чем к добру, и преимущественную порочность мужчин в Антиохии; то, по нашему крайнему разумению, решение вопроса несколько уясняется. Св. Иоанн Златоуст часто упрекает современных ему Антиохийских женщин, как мы видели выше, в распущенности; но он же отметил и отрадное исключение и это исключение оказывается, по свидетельству современных языческих писателей, не единственным. Правда, это утешительное явление – эти благочестивые жены и женщины вообще, подобно нагорным инокам церкви Антиохийской, как «яркие светила среди глубокого мрака»¹²⁹. Но раз то и другое явление – и отшельники во множестве, и жены не в единичном числе – есть в Антиохии исторически, – мы, изображая по творениям Св. Златоуста нравственное состояние церкви Антиохийской, не вправе не отметить то явление, на которое указывает наш историк – и мы отмечаем, как факт исторический.

Часть вторая. Религиозное состояние Антиохийской церкви

Предисловие

Святой Иоанн Златоуст в слове своем к «верующему отцу»¹³⁰ указывает, что упадок нравственности в Антиохийском церковном обществе имеет ближайшее влияние на религиозное состояние народа; а именно, что здесь, в низком уровне нравственных воззрений и жизни, начало суеверий и ересей. «Что говорить о низвращении общественного порядка?» рассуждает Св. Иоанн. «Эта язва, внесенная сими нечестивцами, угрожает истребить в народе даже веру в промысел Божий; так она распространяется, возрастает, стремится овладеть всем, ставит все вверх дном и наконец вступает в брань с самим небом, вооружая языки людей уже не против подобных им рабов, но и против Самого Господа Вседержителя. Ибо отчего, скажи мне, так много везде веры в судьбу? Отчего народ все, что ни бывает, приписывает неразумному течению звезд? Отчего некоторые проповедуют слепое счастье и случай? Отчего думают, что все делается без причины и без цели? Из-за тех ли это, которые любомудрствуют, или из-за тех, о которых... я доказал, что они – язва всего общества? Очевидно из-за этих... раздражаются тем, что такой-то богатеет, живет роскошно, умножает свое имение и хищничает, что, будучи зол и осквернен бесчисленными пороками, пользуется славою и благоденствует¹³¹. Вот этим соблазняется народ, тогда как из-за живущих добродетельно не только не скажут ни одного такого слова..., но и стали бы упрекать сами себя, если бы довелось им высказать жалобу на промысел Божий. Если бы все захотели так жить, никто бы и не подумал о подобных речах и не возникло бы главнейшее из этих зол – исследование о том, откуда зло. Когда бы зла не было и не являлось, кому бы пришлось отыскивать причину зла и этим изысканием возбуждать бесчисленные ереси? Ибо и Маркион, и Манес, и Валентин, и большая часть язычников отсюда начали (свои ереси)»¹³². – И так, мы в нашем исследовании религиозного состояния Антиохийской церкви за время Златоуста будем придерживаться порядка, какой указывает сам

Златоуст в вышеприведенной нами выдержке из слова к «верующему отцу». Будем говорить: о проявлениях состояния веры в народе Антиохийском, о суевериях, заблуждениях, ересях, расколах, о причинах того или другого явления в религиозном состоянии Антиохийской церкви. Если сделаем несколько выписок из творений Златоуста, в этом, на сей раз, не извиняемся пред досточтимым читателем, ибо искренно сознаем, что таков предмет нашего исследования, и думаем, что приводить подлинные слова Златоуста есть самый лучший для нас способ уяснить наш взгляд на дело, а для читателя – определить, насколько наше воззрение правильно; для обеих сторон исследование облегчается, нет уже надобности для проверки обращаться к подлинному, главному источнику нашего исследования.

Глава I-я. Общий обзор религиозного состояния Антиохийской церкви

Было время, когда христианский апологет в обстоятельствах положения Церкви Христовой в государствах мира нашелся вынужденным написать: «у всякой провинции, у всякого города есть свое божество, только мы одни – христиане лишаемся права следовать своей религии»¹³³. С началом IV века от Р. Х. эта *libertas religionis* христианству была дана – и в пределах широких. С восшествием на Римский императорский престол Константина Великого христианская вера была объявлена господствующей религией, – высочайше объявлена свобода религии во всей великой Римской империи. «Если Римское правительство», скажем словами почтенного проф. М. Д. Академии В. Ф. Кипарисова¹³⁴, «было сравнительно толерантно к свободомыслию в делах религии, к особенностям в религиозных убеждениях, когда эти убеждения остаются на степени факта внутреннего, и требовало, по крайней мере, иногда, как напр. в эпоху христианских апологетов, только сокрытие убеждений, внешнего сообразования с государственной языческой религией; то христиане такой свободой пользоваться не могли и не хотели, потому что, как говорит Св. Иустин мученик: христиане не могут жить обманом, почитают нечестием не быть во всем верными истине»¹³⁵. Это обстоятельство в свою очередь обусловливало гонение на христиан. Вот теперь Константином Великим объявлена была свобода совести, нужная для христиан, свобода не в смысле и в сфере внутренних убеждений, а именно как *libertas religionis* – свобода вероисповедания, свобода внешнего обнаружения своих религиозных убеждений, открытого выполнения требований своей религии, – словом свобода жить и поступать по христиански во всем. Мы приведем здесь тот юридический акт, которым первый христианский император дал право свободы вероисповедания для христиан, это – знаменитый «Миланский эдикт». Мы берем его в русском переводе – по Церковной Истории Евсевия Памфила. «Заботливо изыскивая

то, что относится к выгоде и пользе государства, между прочим или лучше сказать преимущественно пред всем прочим, говорит порфироносный автор эдикта, мы сочли полезным определить и то, что касается культа и почитания Божества, а именно: решили дать как христианам, так и всем другим людям свободу следовать той религии, какую кто хотел избрать, дабы, Божество, каково бы оно ни было, благосклонно было к нам и всем управляемым нами. И так по здравом и правильном обсуждении, мы объявляем такое наше решение: никому решительно не должно быть возбраняено избрание религии христиан и следовать ее обычаям. Каждый, избравший христианскую религию, пусть свободно без всякого препятствия и соблюдает ее». Ко всему этому прибавить следует, что по желанию и расположению благочестивого царя и даже при непосредственном его влиянии и содействии, всюду в Римской империи, и за ее пределами, как в Иерусалиме, возводились церкви Божии и на место языческих капищ устроились христианские храмы. «Теперь», записал Евсевий Памфил в своей Церковной Истории, говоря о дарованном Церкви от Бога мире, «теперь светлый и ясный день, неомрачаемый никаким облаком, озарил лучами небесного света церкви Христовы во всей вселенной. Была у всех какая то божественная радость», с восторгом замечает историк церкви, «когда увидели, что места, не за долго пред тем опустошенные нечестием тиранов..., снова ожидают, что храмы, начиная с основания до высоты недосягаемой, опять возводятся и получают гораздо лучший вид, нежели прежние разрушенные. Затем для всех нас открылось умилительное и вожделенное зрелище: по городам начались праздники обновления и освящения вновь устроенных храмов, а для этого стали собираться епископы, стекались издалека чужестранцы; дружелюбно сближались между собою народы и члены Христова тела (замечательное выражение) сходились в один состав¹³⁶. Богослужение предстоятелей и священное действие священников стали совершенными, церковные обряды сделались благолепными. Здесь слышалось пение псалмов и других преданных нам от Бога изречений. Там совершалось Божественное и таинственное служение и

преподавались неизреченные символы Господних страстей. Вместе с тем люди всякого возраста, мужского и женского пола, всею силою души радуясь, умом и сердцем воссыпали молитвы и благодарения к Богу... При этом каждый из предстоятелей произносил всенародные слова и по мере своих сил старался возвышать дух собрания». Все это было тогда, когда Константин разделял императорскую власть еще с Ликинием: 313–315 гг. по Р. Хр. После, когда Константин стал единодержавным властителем Римской империи, он снова торжественно подтвердил полную религиозную свободу христианства. Созомен замечает: «Константин торжественною грамотою объявил живущим на востоке подданным, чтобы они чтили христианскую веру и служили Богу усердно, а Богом признавали того, кто действительно Бог»¹³⁷. «Но», прибавляет император, и это мы заметим на сей раз с особенным вниманием, «если мы совершенно неограниченно позволили это христианам, то твоя честность должна разуметь, что этим дается право и другим по желанию соблюдать свои обычай и свою веру. Каждому представляется право держаться той религии, к какой кто сам присоединится»; – «так», – т. е. обеспечивая и другим, кроме христиан, равную свободу, замечает В. Ф. Кипарисов, – «определенено нами для того, чтобы не казалось, что мы какой либо культ или какое-нибудь вероисповедание чего-нибудь лишили» – подразумевается, в его правах перед государством».

(В. Ф. Кипарисов).

Мы буквально принимаем выражения эдикта, оставляя всякие рассуждения о том: говорит ли этот документ о всеобщей и безусловной терпимости ко всем религиям, существовавшим в то время в Римской Империи, или не говорит. Для нас важно знать общий вывод из этих рассуждений нашего ученого (В. Ф. Кипарисова), с которым мы вполне соглашаемся. Эдикт говорит о веротерпимости в отношении к христианам и нехристианам. Таков буквальный смысл эдикта. И то и другое для нас важно, но мы останавливаемся на последней части эдикта, предоставляющей всем вероисповеданиям языческим свободу, ибо это необходимо нам для выяснения значения язычества для христианства за время

Златоуста. «Миланский эдикт», замечает В. Ф. Кипарисов в «Свободе совести», «конечно, относился не только к христианам, но и к язычникам»¹³⁸. В 319 году Константин о язычниках выражается так: «желающие рабствовать своему суеверию публично могут отправлять свои обряды». «Идите к вашим общественным жертвеникам и святилищам и отправляйте празднества по вашему обычая», обращался он к язычникам, «ибо мы не запрещаем и открыто спрятывать обязанности старинного злоупотребления»¹³⁹. Все эти исторические справки, говорящие о том, что в свободе религии даны были одинаковые права христианству и язычеству, при всем искреннем тяготении Царя к последнему. Здесь мы не коснемся вопроса: насколько этой теории Миланского эдикта соответствовала практика самого Константина и его ближайших и отдаленных преемников на Римском престоле; пользовалось ли обещанной свободой как христианство, так и язычество со стороны предержащей власти и во взаимных отношениях; не стесняло ли христианство свободу язычества и других исповеданий, – и язычество и иные исповедания в свою очередь не посягали ли на свободу христианства? Об этом, хотя в нескольких словах, мы скажем ниже. На сей раз, – когда нам предстоит обозреть религиозное состояние церквей – теперь – Антиохийской, а после – Константинопольской по творениям Св. Иоанна Златоуста за его время – 50-ти летие: 347–397 гг., – особенное значение имеет внутреннее расположение христианского общества: решение вопроса, какое настроение души преобладает в этом обществе: христианское, языческое или еще какое? «Я слышу, – некоторые говорят», писал Константин в 323-м году по Р. Хр., как передает Евсевий¹⁴⁰, «будто обряды языческих храмов будут уничтожены; посоветовал бы я», продолжает благочестивейший государь, «это уничтожение всем людям, если бы сильное противоборство гибельного заблуждения в душах некоторых людей не укоренилось слишком глубоко»¹⁴¹. – Церковные историки говорят подробно о внешнем положении церкви, но не знакомят с внутренним религиозным ее

состоянием. Мы своим трудом пополняем этот пробел в истории.

Если известно, что христианство должно было выдерживать нападения от язычества, которое, сознавая свое расслабление, собирало последние свои силы в лице властителей, философов, вообще знатных и сильных людей, чтобы защитить свои колеблющиеся жертвенники от неминуемого разрушения и возвратить утраченную власть над миром, ниспровергнув христианство, то, конечно, вполне интересно знать, что же само то христианство в лице его общества представляло собою в своем внутреннем содержании?..

Во времена Юлиана Богоотступника, в продолжении 30-ти лет, язычество три раза восходило на трон цезарей Рима; язычники были при дворе, в армии, в городах и селениях¹⁴². Но для нас важно знать: было ли само то христианское общество с христианским содержанием и настроением, – или христианская религия была лишь одной внешней формой, под которой сознательно или несознательно жило язычество в своих воззрениях, обычаях, привычках, верованиях? Общее движение в церкви в смысле ее внешнего распространения во всяком случае несомненно. «Дела рыбарей», говорит Св. Иоанн Златоуст, вскоре после смерти Грациана (†383), «процветают с каждым днем более и более! Язычество, распространенное по всей земле, наконец разрушено силою Христовою»¹⁴³. «И это не преувеличение», как замечает В. Ф. Кипарисов¹⁴⁴, – «нет; Св. Иоанн Златоуст говорит об успехах христианства, несомненно, сравнительно с теми средствами, которыми располагало христианство, и находит, что успех, в сравнении с средствами, изумителен с человеческой точки зрения. Златоуст прямо отрицал, чтобы кто-нибудь из христианских царей издавал указы, повелевавшие наказывать неверующих, чтобы заставить их отстать от своего заблуждения»¹⁴⁵. «Наслаждавшееся таким спокойствием», скажем словами Златоуста, «и никогда никем не гонимое заблуждение языческого суеверия само собой ослабело и само собой пало. Ибо христианам не позволяет ниспровергать заблуждение принуждением и насилием, но заповедано убеждением, словом и кротостью совершать

спасение человеческое»¹⁴⁶. Отметим: Златоуст говорит, очевидно, о периоде, ближайшем к его времени, а не о всем периоде времени от Константина Великого¹⁴⁷. Но тот же Златоуст при всех успехах христианства, при весьма значительном его распространении в мире языческом, замечает, что «сатанинский смех еще не совсем истреблен на земле»¹⁴⁸.

Глава II-я. Суеверия

Останавливаемся на этом слове Златоуста и обращаемся к обозрению по его творениям внутреннего содержания религиозной жизни Антиохийских христиан, которым сказано было это слово этим проповедником Антиохийской церкви. Самое выражение Св. Иоанна Златоуста, что «сатанинский смех не совсем истреблен на земле», дает разуметь, что перевес на стороне христианства и что только в малой части властвует заблуждение языческого суеверия. Мы не будем распространяться о христианском благочестии Антиохийского общества. Приведем два-три указания, в которых ясно выражается преимущественное влияние святой веры Христовой. Но на словах Златоуста, называющих заблуждения, суеверия, расколы, ереси, сосредоточим наше внимание.

«Думаю», говорил Св. Иоанн Златоуст в Антиохийской церкви, (объясняя евангелие от Матф. 27:6–9), вызывая милосердие к бедным, – «думаю, что благодатию Божией число собирающихся сюда простирается до 100,000... О! если бы каждый уделял хотя по одному оболу (полушке), тогда и бедных бы не было»¹⁴⁹. Такое число христиан составляет как раз половину всего народонаселения Антиохии, и следовательно язычники и иудеи – остальная часть Антиохийцев представляли собою в отдельности 1/4 народонаселения. Предположение проповедника мы принимаем, как достоверную вероятность. И эти 100,000 если не во всей целости, то в преимущественном большинстве были люди религиозные, хотя и не все в одинаковой степени, как это указывает Св. Иоанн Златоуст, когда, например, и хвалит их усердие к храму, и порицает их холодность к посещению богослужения, и обличает их преимущественное желание слышать его поучения. Припомним слова Златоуста, приведенные нами в начале нашей речи о церкви Антиохийской: «Хвала нашему городу; в нем живет народ, любящий слушать (поучения); храмы Божии наполнены; посмотри на всенощные бдения, соединяющие день с ночью»¹⁵⁰. «Я видел во всех

готовность повиноваться увещанию пребывать в непрестанной молитве, трезвенным умом, бодрственною душою... Посему несправедливо было бы, обличая нерадивых, восхвалить исправных. И так сегодня хочу похвалить вас, воздать вам благодарность за такое послушание»¹⁵¹. «Такое невыразимое множество собралось теперь и с таким вниманием слушает беседу, а в самый страшный час я часто ищу его и не вижу и сильно вздыхаю, что когда надлежит явиться Христу в Святых Таинствах, то церковь бывает пуста»¹⁵². Здесь несомненно Св. Проповедник обличает тех, которые внимали его слову, лишь как изящной ораторской речи, которую так превозносил некогда Ливаний – учитель Антиохийский. О степени впечатления бесед Златоуста на слушателей говорят его обличения в рукоплесканиях и восклицаниях, как знаках одобрения проповеднику. Хотя Св. Иоанн если еще и принимал снисходительно, как выражения внимания и похвалы, восклицания, то вовсе не одобрял рукоплесканий их, в том и другом случае внушая своим слушателям, что он хотел бы видеть иные проявления действенности его слова. «Церковь не театр, чтобы приходить в нее для забавы. Из нее должно выходить с назиданием. Что мне пользы в ваших рукоплесканиях? Что пользы в похвалах и восклицаниях? То мне похвала, если вы все вам внушаемое исполните на деле»¹⁵³. При этом условии, когда дело не оканчивалось лишь рукоплесканиями, проповедник одобрял и эти шумные выражения внимания к его слову. – «Это стечеие (народа), это стояние с напряженным вниманием... не желание выйти отсюда, несмотря на тесноту, пока не окончится это духовное зрелище, рукоплескания и возгласы одобрения – все свидетельствует о вашей душевной теплоте и усердии»¹⁵⁴. «Когда я сказал вчера», говорит Св. Иоанн в другой раз: «пусть каждый из вас сделает свой дом церковью, вы громко воскликнули, изъявляя удовольствие по поводу этих слов. А кто с удовольствием слушает поучение, тот готов представить доказательства и на деле». Затем проповедник с утешением говорит об истинных плодах внимания к слову: «просил я вашу любовь запомнить сказанное в церкви и предложить (дома) вечером двоякую

трапезу: из снедей и при ней угощение словами духовными. Знаю, что вы сделали и вкусили не только той, но и этой» (трапезы духовной)¹⁵⁵. – Но особенным выражением высокого религиозного настроения служит чествование местных святых, которое было одним из сильно развитых церковно-народных обычаев в Антиохии. Это чествование святых выражалось торжественным совершением крестных ходов и праздничного богослужения в церквях в окрестностях Антиохии – Дафне, Антиохийском поле и кладбище¹⁵⁶. На этих духовных торжествах Св. Златоуст всегда выступал с словом проповеди. И эти похвальные беседы – их много: напр. о Св. Игнатии Богоносце, о Св. Вавиле священномученике, святителе Милелие, Св. Романе, св. св. мучен. Домнике и ее дочерях, Домнике и Просдоке и т. п. – и служат для нас источником исторических сведений о высоком подъеме религиозного чувства в Антиохийском обществе. Но как люди способны из всякого блага сделать зло, так что святое дело бывает поводом ко греху, то Св. Златоуст не оставляет без внимания и этой печальной возможности. Торжества в дни таких праздников совершались за городом под открытым небом и сопровождались иногда шумными пиршествами. И вот проповедник старается самые эти обеды сделать назидательными, не идя резко против утвердившегося обычая. «Ты желал бы здесь насладиться и чувственною трапезою? Что же? И здесь при гробе мученика, по окончании богослужения можешь доставить себе это наслаждение и отдохновение, сидя под смоковницею или виноградом и предотвратить упреки совести: ибо мученик здесь недалек от тебя и, назирая тебя вблизи, невидимо предстоит при самой трапезе и не позволит наслаждению перейти в грех»¹⁵⁷.

Но внешние проявления религиозного чувства весьма различны от того внутреннего религиозного содержания, каким живет сам человек дома, в своей семье, чем он руководится в своих воззрениях на взаимные отношения к ближнему? Вот эта сторона религиозного состояния Антиохийского общества за время Златоуста и представляет для нас и прямой интерес и главную цель нашего исследования. Св. Иоанн вводит нас в эту

сокровенную тайнику души Антиохийского христианства. «Одна из любимых мыслей», замечает наш биограф Златоуст (Малышевский), «которую не раз повторяет Златоуст в своих беседах в похвалу святых, состоит в том, что святость познается не столько из чудес и знамений, сколько из жизни святых, из дел веры, любви и святости, украшавших их жизнь»¹⁵⁸. Истинно-религиозный христианин тот, несомненно, кто свои мысли и чувства, и все поведение, всю жизнь и деятельность располагает по руководству истинного учения святой веры и под благодатным влиянием любви Христовой, высшая степень которой – искренно, самоотверженно – *полагать душу свою за други своя*. Прекрасно, – если внешнее проявление неизбежно – показной религиозности соответствует внутреннее религиозное содержание. Но совершенства в людях нет или, по крайней мере, оно – чрезвычайная редкость, и чаще встречается такое явление, что богомольный человек нередко религиозен если и не как фарисей, то все-таки совершенно далек от намерения осуществить высокие идеалы Христова учения в жизни своей. – Вот именно это печальное явление – разлад внешнего исполнения религиозных требований с внутренним содержанием верующего человека – и подметил Златоуст в своих слушателях и увековечил, как исторический факт в своих творениях – поучительных беседах – в слове обличения. «И не стыжусь я разведывать об этом», откровенно говорил он Антиохийцам, когда узнал, что они сами заботятся об исправлении согрешающих¹⁵⁹ – «потому что эта любознательность происходит не от пытливости, но от заботливости. Не бесчестие для врача осведомляться о болящем, и нам не порок всегда разузнавать о вашем спасении». И это знание жизни было у Златоуста в совершенстве. Он проникал своим наблюдением в сокровеннейшие клети домов и угадывал весь уклад жизни духовной в душах своих пасомых. И мы будем говорить, по принятому нами приему, словами Златоуста.

Общенародным противорелигиозным явлением, особенно очевидным и общественным, в христианском обществе Златоуста были так называемые сатурналии, – которые

совпадали с праздником январских календ, – нового года, – соединенные не только с пьянством и распутством, а еще и с нечестием суеверия. Разные беспорядочные действия, которым христианские жители Антиохии предавались в этот праздник, расположили пастыря-проповедника сказать обличительное слово. «Ныне надлежит вам», говорит он, «сразиться не с варварами, сделавшими набег, но с бесами, которые ходят торжественно по площади. Ибо диавольское гулянье, продолжавшееся сегодня во всю ночь, смехи, ругательства,очные пляски и смешная эта комедия отвели наш город в пленение, которое тягостнее всякого неприятельского... – наш город веселится, красуется, весь увенчан; площадь, как любящая наряды, роскошная и богатая женщина, украшается, надевая на себя золото, драгоценные одежды... всякий мастеровой, выставляя свою работу, хочет перещеголять своего товарища... Но это соревнование еще не стоит большого порицания. Более всего огорчают меня игры, которые происходят сегодня в гостиницах, преисполненные распутства и нечестия – нечестия суеверия, потому что занимающиеся ими, т. е. играми, замечают дни, гадают и думают, что если первый день нового года им удастся провести в удовольствии и веселии, то и во весь год будет совершенно тоже, – распутства», – поясняет Златоуст, потому что и женщины и мужчины наполняют стаканы и чаши вином и напиваются без всякой меры.... Крайне безумно по одному счастливому дню заключать, что то же будет и в продолжении года, – не только это безумно, но диавол учит вас так рассуждать, что в делах жизни нашей надобно полагаться не на собственную деятельность, а на дневные обстоятельства»¹⁶⁰. Как очевидно из сейчас приведенной выдержки слова, Златоуст указывает начало народного празднества именно в язычестве. Он не просто порицает праздничный разгул, нет! «Более всего», говорит, «огорчают меня игры», соединяющиеся обыкновенно с проявлением суеверия. И в других беседах Св. Иоанн обличает Антиохийцев в пресыщении и пьянстве, которым Антиохийцы предавались во дни христианских праздников¹⁶¹ и после приобщения Св. Таин по тогдашнему обычаю. Но тогда он

просто обличает несвоевременную неосторожность в яствах и употреблении вина. «После причащения», говорит, «тотчас и начинается пьянство»¹⁶². Насколько различны то и другое слово об одном и том же предмете, видно из заключений слова. В последнем случае, – разрешая вопрос, естественно возможный со стороны слушателей: «неужели же, скажешь, должно поститься после причащения?» – Златоуст говорит: «я не говорю этого и не призываю; хорошо делать и так, но я не требую этого, а увещеваю не предаваться безмерному пресыщению»¹⁶³. К слову. – Изображая нравственное состояние Антиохийской церкви, мы видели уже и там, что Златоуст в пороках общества указывает признаки все еще языческого влияния, как напр., в сладострастной любви мужчин к отрокам¹⁶⁴. Так вообще в суеверных привычках Антиохийцев-христиан Златоуст видит проявление языческих воззрений. Сделаем краткое сравнение. – «Человек, окруженный мраком, не видит ничего перед собой; он веревку принимает за ползущего змия, или, зашедши в тесное место, думает, что его схватил человек или демон. И сколько тут страха и беспокойства. Подобных же вещей боятся и язычники; а чего следовало бы страшиться, этого они не страшатся; но подобно тому, как дети, находясь на руках у своих кормилиц, неразумно протягивают руки к огню; а между тем боятся человека в одежде из козьей волны. Так и эти эллины – настоящие дети, как и сказал об них некто: «эллины – всегда дети». Того, что не составляет греха, они боятся, как-то: телесной неопрятности, одра, занимаемого мертвцом, погребения мертвых, роковых дней и тому подобного. А того, что составляет настоящий грех, как то: сладострастной любви к отрокам, прелюбодеяния, блуда, они и не думают считать за грех. Ты можешь видеть, как язычник омывается после мертвца, но от мертвых дел не омывается никогда. Он много прилагает старания о приобретении денег и в тоже время думает, что пение петухом курицы может иметь влияние на его счастье. Так они помрачены смыслом. У них много примет, устрашающих их, наприм., тако-то, говорят, первый встретился со мной, когда я выходил из дома, – выйдет непременно тысяча неприятностей для меня.

Сегодня ненавистный слуга, подавая мне сандалии, поднес наперед левую, – быть большим бедам и напастям. Сам я, выходя из дома, ступил за порог левою ногою, и это предвещает несчастье, это домашние неудачи. Когда же я вышел из дома, у меня правый глаз мигнул, – это предвещает слезы. Равным образом и женщины, когда тростниковые прутья, ударившись о ткальное дерево, издастут звук, или сами себя они поранят гребнем, – принимают это за худое предзнаменование; опять, когда они заденут основой о гребень и очень сильно, потом верхние прутья, ударившись о древко, от напряженного удара издастут звук, то и это считают за предвещание несчаствия, – и тысяча других у них достойных смеха суеверий. Закричит ли осел или петух, чихнет ли кто, – что ни случится, все их тревожит, так что они как будто скованы тысячами уз и находятся во мраке и гораздо большем порабощении, чем тысячи невольников»¹⁶⁵. Из следующих слов проповедника видно, что он потому говорит о всех этих суевериях язычества, что они не оставлены еще людьми, сделавшимися христианами» Но не будем мы такими, – напротив, осмеявши все такие суеверия, как чада света, как небесные граждане, не имеющие ничего общего с землей, будем считать для себя страшным один только грех и оскорбление Бога»¹⁶⁶. В беседах Златоуста есть и прямые указания, что именно эти суеверия, приметы, привески и заговоры есть язычество в христианстве, только не так очевидно проявляющееся, как в сатурналиях. Говоря второе огласительное слово к готовящимся ко крещению¹⁶⁷, проповедник взыывает: «И так скажем: отрицаются тебя, сатана, – скажем так, как имеющие там, в тот день, отдать отчет в этих словах и будем наблюдать их, чтобы этот залог возвратить тогда в целости; а гордыню сатанинскую составляют: зрелица, конские ристалища и всякий грех, также наблюдение дней, ворожба и приметы. А что такое, скажешь, приметы? Иногда кто-нибудь, вышедши из своего дома, видит человека одноглазого, принимает это за дурное предзнаменование. Это сатанинская гордость». Мы опускаем поучительные внушения проповедника, ибо они, хотя и весьма назидательны, но не отвечают нашей цели – представить в данном случае историю

религиозного состояния христианского общества Антиохии. «Сказать еще нечто другое, более смешное?» продолжает Златоуст. «Я стыжусь и краснею, но вынужден сказать для вашего спасения. Если встретится девица, то говорят: день будет бесполезен; а если встретится блудница, – то счастлив, хорош и весьма полезен. А что сказать о тех, которые употребляют заговоры и привески и привязывают к головам и ногам своим медные монеты Александра Македонского... и не только привески употребляешь у себя, но и заговоры, вводя в дом свой пьяных и болтливых старух... говорят, что заговаривающая таким образом есть христианка и ничего другого не произносит, кроме имени Божия. Но потому я особенно и ненавижу ее и отвращаюсь от нее, что она употребляет имя Божие во зло, что она, называя себя христианкой, совершает дела языческие». – Интересны попытки Златоуста уяснить своим слушателям психологическую сторону влияния суеверий на душу человека. Мы приведем кратко слова его беседы и тем более, что в них мы знакомимся с новым видом суеверия в антиохийском христианском обществе. «Не будем», говорит он, объясняя 2-е послание Св. Апостола Павла к Тимофею, – «не будем верить нелепостям, каковы все предсказания волшебников; но как же, скажешь, что они говорят, то и сбывается? Потому и сбывается, что ты веришь, если только сбывается. Волшебник овладевает тобой, делается господином твоей жизни и располагает ею, как хочет». «Как скоро ты пришел к волшебнику», поясняет ниже Златоуст в этом же слове, «как скоро стал спрашивать, то уже и сделал себя рабом его, потому что спрашиваешь, как верующий в него. С другой стороны этим обманщикам помогает то, когда человек привыкнет верить им; ибо никто не обращает внимания на предсказания неудачные, а только на удачные.... но скажешь: такой-то украл, а один волшебник указал его. Это не всегда бывает справедливо, а по большей части смешно и ложно. Они ничего не знают, а если бы что-нибудь знали, то лучше им следовало бы говорить о своем: каким образом многие идольские приношения были украдены, каким образом множество золота было украдено. Почему они не предсказали

этого жрецам своим? Следовательно, они не знают ничего; они и за деньги не могли предсказать, когда сгорали их идольские храмы и многие из них вместе с тем сами погибали. Если же они и предсказали что-нибудь, то это было делом случая»¹⁶⁸. Не желая много распространяться об одном этом явлении печальном в религиозной жизни Антиохийцев, каково суеверие, – в творениях Златоуста есть и еще много указаний, мы считаем нецелесообразным умолчать об одном обстоятельстве в народной жизни христиан, в котором суеверие ближайшим образом соприкасалось с христианской религией. Св. Иоанн, объясняя одно место в первом послании к Коринфянам, изобразивши безнравственность брачных обычаев низшего класса народонаселения, подробно говорит о возмутительных суеверных действиях над новорожденным младенцем. «После брака, если родится дитя, опять мы видим тоже безумие, видим множество символических действий, достойных смеха. Ибо когда нужно наречь имя младенцу, то еще не называя его именем святого, как древние делали прежде всего, но засветивши светильники и давши им различные названия, называют младенца именем того, который прогорит дольше всех, предполагая, что оттого дитя проживет долье. Потом, если с ним приключится смерть, как часто случается, то следует множество смешных действий. Говорить ли о перевязках, о погремушках, привешиваемых к руке, о красной пряже и о многом другом, доказывающем великое безумие, – тогда как не следует возлагать на младенца ничего другого, кроме спасительного креста.... Ткани, пряже и другим подобным привескам вверяется безопасность младенца. Сказать ли нечто еще более смешное? Никто да не укоряет нас в непристойности, если слово наше касается таких предметов. Что же это такое смешное? Оно считается ничтожным, о чем я и жалею, но доказывает нерассудительность и крайнее безумие. Женщины кормилицы и служанки в бане берут грязь и, обмакнувши в нее палец, помазывают чело младенца. Если кто спросит: что значит эта грязь, это брение? – то говорят: она предохраняет от дурного глаза, от зависти и ненависти. Увы! грязи и брению приписывают такую способность и такую силу – разрушать

всякие козни диавола!» Здесь мы приведем и характерное вразумление заблуждающимся, так как оно в некоторой степени дорисовывает неприглядную картину религиозного состояния общества. «Не стыдно ли вам, скажите мне. Поймете ли вы когда-нибудь, как диавол с юности человека мало по малу раскидывает свои сети и употребляет свои хитрые меры? Если грязь производить такие действия, то почему не помазываешь ею своего чела ты, достигший мужеского возраста и имеющий у себя зависников более младенца? Почему не помазываешь грязью всего тела? Если она на челе имеет такую силу, то почему бы тебе не помазать грязью всего себя?» В заключение св. пресвитер – учитель выясняет слушателям преступность этого рода суеверия пред учением святой веры, пред величием святыни, также сообщающих человеку божественную благодать спасения. «Если это делается у язычников», говорит, «то нисколько не удивительно, а когда поклоняющиеся кресту, приобщающиеся неизреченных таинств и достигшие любомудрия держатся таких постыдных обычаев, это достойно многих слез. Бог удостоил тебя духовного мира, а ты пачкаешь младенца грязью! Бог почтил тебя, а ты сам себя бесчестишь! Если кому кажется это маловажным, тот пусть знает, что это ведет к великому злу и что Павел не считал подобных предметов маловажными и не оставлял их без внимания (приведен текст 1Кор. 2:4)... Помазывающий грязью не делает ли младенца отвратительным? Как он, скажи мне, подведет его к руке священника? Как священник удостоит запечатлеть рукою его чело, которое ты помазал грязью?... «Я не говорю здесь», заявляет в одной из своих бесед Св. Иоанн Златоуст, «ни о предвещаниях, ни о гаданиях, ни о гороскопе (гадание по часу рождения), ни о колдовстве, ни о таинствах магии, ни о тысяче других суеверных обычаев, которым весьма многие из христиан предавались».

Таким образом, за время Златоуста, вся жизнь Антиохийца-христианина проникнута была языческими верованиями со дня рождения и до самой смерти.

Приведем один намек и на то грустное, противорелигиозное явление суеверия, которое можно было видеть в Антиохии даже

при естественно-таинственном акте смерти человека. «Говорить ли о других сатанинских предрассудках при беременности и родах, которые поддерживаются повивальными бабками... о предрассудках при смерти и выносе каждого, о стонах и бессмысленных воплях, о безумных действиях на гробах и попечении о надгробных памятниках, о неблаговременном и смешном множестве плачущих женщин? – о предрассудках касательно дней входов и выходов?»¹⁶⁹.

Но было бы ошибкой останавливаться только на этих явлениях в жизни Антиохийцев, которые так далеки от истинного учения христианского и сделать огульное невыгодное заключение, что уровень религиозной жизни здесь весьма низкий, – нет! Хоть, правда, мало, во все-таки есть в творениях Златоуста показания более утешительного свойства. Св. Иоанн недаром проповедовал, его слово и плод приносило. Мы приведем его свидетельство именно из области сейчас раскрытой нами по предмету о влиянии языческих верований на жизнь христиан. Это свидетельство показывает, что Антиохийская паства была послушна своему святому пастырю-учителю и что зло остатков язычества в христианах Антиохийских пред силою и действием меча слова Божия, возвещаемого Златоустом, при нем же падало.

«Вчераший день, бывший сатанинским праздником сатурналий, вы сделали праздником духовным, приняв слова наши с великою благосклонностью; вы, через пребывание устроив себя органами и сосудами духовными, дали духу ударить в ваши души и вдохнуть благодать Свою в ваши сердца»¹⁷⁰.

В несколько обширном очерке пришлось нам сообщить сведения о проявлениях суеверия в различных его видах, как ни старались мы быть краткими в своей речи. Но таков уже сам в себе предмет. Очевидно, суеверие было весьма распространено между Антиохийскими христианами, что св. пастырь Антиохийский так многократно и так сильно вооружался против заблуждений этого рода.

Оставаясь верными нашей цели представить религиозное состояние Антиохийской церкви за указанный период времени в

его истинном свете, мы отметим и те уклонения от истины веры, о которых Златоуст говорит сравнительно очень немного, так сказать, вскользь, к слову. Но мы убеждаемся, что это как бы мимоходом замеченное заблуждение все-таки действительно было, – долгом считаем занести и его в наше историческое исследование.

Таково в особенности заблуждение – вера в судьбу. Слово Златоуста об этой вере кратко, но знаменательно по своему значению. Мы уже упоминали об этом слове в начале нашей речи о религиозном состоянии Антиохийской церкви. Теперь скажем лишь кратко собственно то, что в слове Златоуста относится именно к данному заблуждению. «Отчего, скажи мне, так много везде веры в судьбу?» писал Св. Иоанн из пустыни к «Верующему Отцу», изображая неприглядное состояние Антиохийского общества¹⁷¹. Далее автор послания показывает, в чем выражалась эта вера в судьбу. «Отчего народ все, что ни бывает, приписывает неразумному течению звезд? Отчего некоторые проповедуют слепое счастье и случай? Отчего думают, что все делается без причины и без цели?» Ставши священником-проповедником Антиохийской церкви, Св. Иоанн опять в 387 году говорил о вере в судьбу, хотя и опять очень кратко, указывая как там, так и здесь, что причина этого явления в религиозной жизни кроется в уклонении людей от истинных правил добродетельной нравственной жизни. «Невозможно, подлинно невозможно, чтобы проводящий нечистую жизнь, не колебался в вере», говорит Св. Иоанн, объясняя слова Св. Апостола Павла: *имуще той же дух веры по писанному (2Кор.4:18)*, и сейчас приводит наглядное доказательство этой мысли своей. «Так», говорить, «пустословящие о судьбе и неверующие (конечно, прибавим – вследствие заблуждения) спасительному учению о воскресении впали в бездну такого неверия вследствие нечистой совести и развратных дел»¹⁷². После, в исследовании религиозного состояния церкви Константинопольской мы еще раз встретимся с этим заблуждением, как и с другими, отмеченными нами в церкви Антиохийской и тогда ближе ознакомимся с самым содержанием веры в судьбу, потому что Св. Иоанн подробнее

говорит об этом заблуждении в церкви Константинопольской. А здесь обратимся к ознакомлению с нарушением в Антиохийском христианском обществе третьей заповеди закона Бога и принятого Евангельского учения о клятве.

Глава III-я. Употребление клятвы в Антиохийской церкви

«Да, подлинно, тяжек этот грех и весьма тяжек», говорит Златоуст. «Он весьма тяжек потому, что не кажется тяжким; потому я и боюсь его, что никто не боится его; потому эта болезнь и неизлечима, что она не считается болезнью»¹⁷³. Ниже мы увидим в словах Св. Иоанна еще подтверждение действительной закоренелости порока. «Клятвы были каким-то закоренелым обычаем у Антиохийцев», замечает г. Малышевский¹⁷⁴. Что такое представляла собою эта клятва? Была ли она просто божбой (по катехизису М. Филарета), призыванием имени Божия всуе, без всякой надобности, лишь по укоренившейся привычке, или это была клятва, когда Бога ставили свидетелем в подтверждении справедливости одного известного дела, – присяга, предосудительно употребляемая тогда, когда по самому качеству обстоятельств в ней не было надобности, – или это была клятва, как проклятие человеку – анафема? Чтобы решить этот вопрос, надобно непременно читать подлинное слово Св. Златоуста.

Господин Малышевский в известной своей биографии Св. Златоуста¹⁷⁵ единственной формой клятвы, так развившейся в Антиохии между христианами, признает, что это есть клятва-присяга. Он, г. Малышевский, говорит: «следует заметить, что клятва была предметом, о котором Златоуст говорил и нарочитые беседы, и о котором он часто говорил и в других беседах... К клятве или присяге привлекали истцы, тяжущиеся, подозревавшие кого либо в краже, обмане и т. п.» Нам дело не представляется так; мы признаем замечание г. Малышевского только частью. Есть в творениях Златоуста слова о клятве, которые по нашему убеждению нельзя понимать в смысле присяги, а только лишь как «божбу». Так ли это? Вот слова Златоуста: «как простой разговор не есть вина», говорит Св. Иоанн, убеждая Антиохийцев хранить себя от клятв, «так и это не представляется виною, но с великою дерзостью совершается это беззаконие, и если кто станет осуждать, то поднимается

тотчас смех, великий хохот не над теми, которые осуждаются за клятву, а над теми, которые стараются исправить это зло»¹⁷⁶. Вот одно доказательство, что клятва, которую Златоуст стремился уничтожить в Антиохийцах, была прежде всего «божбой». В самом деле, не так же походя судились Антиохийцы, что истцы постоянно тащили кредиторов к присяге! А Златоуст, как очевидно из вышеприведенных его слов, ясно дает понять, что употребление клятвы обличает как порок всеобще-народный. Потом, еще осязательнее слово Златоуста доказывает справедливость нашего воззрения. «Но такой-то, скажешь, человек скромный, имеет сан священства, живет весьмадержанно и благочестиво, однако клянется». Думаем, что делать комментарии излишни, – слово говорит само за себя. Какой же епископ, священник или диакон будет брать присягу; и притом по г. Малышевскому надобно предположить, что человека скромного, имеющего священство (выражение Златоуста) привлекает истец тяжущийся, заподозривший это священное лицо, живущее весьмадержанно и благочестиво, в краже, обмане и т. п.: неразрешимые противоречия-показания Св. Иоанна Златоуста и взгляд на эти показания г. Малышевского. Впрочем он, вероятно, этого слова Златоуста не читал. Иначе мы не смеем предположить, чтобы умышленно умолчал, а тем менее извратил, сам посмотрел односторонне; а еще менее смеем думать, что г. Малышевский не считает божбу делом настолько греховным, чтобы Златоусту стоило так сильно вооружаться против нее. А между тем Св. Иоанн именно против этого то порока, скажем опять, по нашему убеждению, так и ратует. Сказавши о легкости отношения к клятве, Св. Иоанн восклицает: «посему я и веду продолжительную речь об этом, ибо хочу истогнуть глубокий корень и уничтожить долговременное зло»¹⁷⁷.

Еще слово-другое в подтверждение вашей мысли: «привычка – дело важное», говорит Златоуст о «клятве»; трудно отстать от нее и уберечься. Она часто сбивает нас против нашей воли и нашего сознания», – подчеркиваем слова, в которых суть дела ясна, как Божий день! Что же? против воли и бессознательно истец влечет ответчика к клятве – присяге? –

вот что надобно предположить, если допустить исключительную верность взгляда г. Малышевского.

Это еще не все, что у Златоуста опровергает заключение г. киевского биографа Св. Иоанна Златоуста. «Привычка поистине великое дело», говорит Антиохийский проповедник, «она имеет силу природы»¹⁷⁸. «И так, чем более ты знаешь силу привычки, тем более старайся освободиться от худой привычки, приучай себя к другой – полезнейшей. Как теперь худая привычка часто может увлекать тебя, несмотря на твое старание, опасение, осторожность, заботливость; так тогда, когда ты приучишь себя к добной привычке – не клясться, ты никогда не допустишь себя впасть в грех клятвы, несмотря даже на свое желание и небрежность. У каждого из живущих и обращающихся с тобою проси милостыни, чтобы он советовал и увещевал тебя избегать клятв».

Еще более сильные доказательства: «частые клятвы – немалая пропасть не только тогда, когда они касаются предметов маловажных, но и тогда, когда касаются предметов весьма важных. Мы же и покупая овощи, и споря о двух оболах, и гневаясь на слуг и угрожая им, во всем призываем в свидетели Бога»¹⁷⁹. «По таким предметам ты не посмеешь на торжище призвать во свидетели и человека свободного, облеченного каким-нибудь обыкновенным саном... а Царя Небесного, Владыку ангелов ты влечешь в свидетельство в разговоре и о торговле, и о деньгах, и о других мелочах»¹⁸⁰. Особенности в слове Златоуста в данном для нас случае мы подчеркиваем.

Потом, «нужно», говорит Св. Иоанн, «не только показать, как тяжек грех, но и дать совет, как избежать его. Ты имеешь жену, имеешь слугу, имеешь детей, и друга, и родственника, и соседа. Внуши всем им бдительность в этом отношении». «Я не думаю, чтобы людям внимательным, бдительным и заботящимся о своем спасении, нужно было более десяти дней для совершенного оставления худой привычки клясться»¹⁸¹. – И это не единственное место в творениях Златоуста, так ясно указывающее, что клятва в Антиохии практиковалась прежде всего, как «божба».

Все сейчас приведенное из слов Златоуста взято из слова огласительного – 23-го, сказанного в Антиохии к готовящимся к святому крещению – в 387 году¹⁸². – Продолжая в том же году настоятельно убеждать своих слушателей оставить клятвы, Св. Иоанн, несколько позже, в «беседе на притчу о должнике десяти тысяч талант», снова говорит о том же способе побеждения этого греха. Златоуст говорит: «если еще и не все исполнили прежний закон о клятвах, так с течением времени оставьте догонять упредивших. Я узнал, что усердие к этому таково, что об этой заповеди и дома и за трапезою бывает состязание у мужей с женами, у рабов с свободными и блаженными, – так звал я тех, которые таким образом вкушают пищу... где муж смотрит за женою, чтобы она не впала в бездну клятвопреступления, а жена наблюдает за мужем... не погрешит, кто назовет такой дом церковью»¹⁸³.

«Оставив, наконец, ту заповедь» (о клятвах), говорить Св. Златоуст, – «знаю, что по милости Божией исполнение ее распространяется по всему городу, так вы делали усердное начало и прочное основание – перейду к другой»¹⁸⁴. «Уста твои научились не клясться?» заключает свою беседу Златоуст; «язык научился везде говорить: ей и ни? Пусть он научится удерживаться от всякой брани и прилагать еще большее старание об этой заповеди»¹⁸⁵. И так, думаем, теперь ясно, о каком виде клятвы идет речь в вышеприведенных словах Златоуста. Что это есть просто «божба», легкомысленное употребление клятвы в обыкновенных разговорах (катехиз. М. Филарета), – это несомненно. Когда имя Божие приемлятся всуе? Оно приемлятся всуе, свидетельствует наш православный катехизис (о третьей заповеди Закона Божия), или понапрасну произносится, когда произносится в разговорах бесполезных и суетных, а тем более напрасно, когда произносится лживо или с нарушением благоговения. Насколько все это убеждает нас в смысле слов Златоуста, что он именно о божбе говорит, когда говорит о клятве в приведенных нами выдержках, служит, между прочим, и следующее соображение. В православном катехизисе в рассуждении о третьей заповеди закона Божия есть вопрос: нет ли в священном писании

особенного запрещения божбы в разговоре? Ответ: Спаситель говорит: Аз же глаголю вам не клятися всяко; буди же слово ваше: ей, ей, ни, ни; лишше же сею от неприязни суть (Мф.5:34–37). Как видится, об этой заповеди в данных местах своих бесед и говорит Златоуст. Это обличение в божбе Св. Златоуста и оставил без всякого внимания г. Малышевский, а это главное, именно эта то клятва-божба и была общераспространенным пороком Антиохийских христиан во время Златоуста. Златоуст именно говорит с человеком, настолько пристрастившимся к клятвам, который больше произносит клятв, чем слов»¹⁸⁶. В других словах своих Св. Иоанн действительно свидетельствует, что существовала в Антиохии и другая клятва – церковная присяга, приносившаяся перед святыней евангелия для непреложного уверения (по выражению правосл. катехизиса). Почему Св. Иоанн Златоуст так вооружался против этого вида клятвы? Потому ли, что в его время нередкость между Антиохийцами была ложная клятва, – когда утверждают клятвою то, чего нет; или потому, что в большинстве случаев присяга кончалась клятвопреступлением, когда не исполняют справедливой и законной клятвы (кат. Митр. Филарета); или потому, наконец, что Св. Иоанн не признавал законным употребление клятвы даже в важных случаях, – словом, вовсе, никогда, ни в каких случаях, ни в каких обстоятельствах? Все это проследить весьма интересно. Но отвечать на все предложенные вопросы может вам только сам Св. Златоуст в своих творениях, к слову которых мы и обратимся.

В 388 году Св. Златоуст говорил беседы по случаю низвержения царских статуй. В XIV и XVШ беседах мы находим слово о клятвах. В них он продолжает свою речь и о божбе, но говорит уже и о присяге и очень ясно. Обычай клясться-божиться, как видится, ослабел. А клятва-присяга оставалась в прежнем виде не только употребления, но и злоупотребления. Наша цель, между прочим, доказать, что клятвы, именно как порок, существовали в Антиохии и тugo поддавались искоренению. И если ослабели, то только благодаря пастырской настойчивости Св. Иоанна.

Возьмем еще несколько слов Златоуста, чтобы выяснить, что задерживало Антиохийцев сразу бросить дурную греховную привычку – божиться. «Сколь многие», говорить, «увлеклись привычкою к клятвам и считали ее неисправимой. Однако, по милости Божией, как употребили вы несколько старания, то большую часть этого порока смыли с себя»¹⁸⁷. Справедливость требует от историка показать, конечно, не только одно худое в жизни людей, но и доброе. Рецепт пастыря своей пастве от болезни, так ее разъедавшей, вполне подействовал. «Не будем говорить: одолеем эту привычку понемногу, потому что тому «понемногу» не будет конца», – поучает проповедник; «вместо этого, станем говорить, что не отстанем, пока сегодня не исправимся от клятв, хоть бы подавляла нас тысяча дел»¹⁸⁸. «Не говори мне: от частого употребления мы отстали, а только изредка увлекаемся к ним, – брось и это «изредка». Если потеряешь один золотой, не обойдешь ли всех с расспросами и поисками, только бы найти его. Так поступи и с клятвами. Если увидишь, что вырвалась у тебя одна клятва, – плачь, стенай, как будто бы у тебя все имущество твое пропало. Опять говорю тоже, что и прежде, – запрись дома, займись и потрудись с женою, с детьми и домашними; скажи наперед сам себе: не примусь ни за частные ни за общественные дела, пока не исправлю душу свою»¹⁸⁹.

Обратимся теперь к клятве-присяге. Особенности формы ее в Антиохийской церкви за это время, и сущность ее, и взгляд Златоуста на клятву этого вида, мы в самом тексте беседы опять подчеркнем во избежание необходимости объяснений. «Что ты делаешь, человек?» взыывает Златоуст, – «заставляешь клясться пред священною трапезою, и там, где лежит Христос закланнй, закалаешь брата своего. Разбойники убивают на дорогах, а ты убиваешь сына пред лицом матери, и совершаешь убийство, преступнее Каинова. Тот умертвил своего брата в пустыне и временною смертью, а ты наносишь смерть среди церкви и смерть вечную. Ужели для того устроена церковь, чтобы клясться? Нет! – для того, чтобы молиться. Ужели для того стоит трапеза, чтобы мы заставляли других клясться? Нет! – для того стоит она, чтобы

разрешали мы грехи, а не вязали. Но если ты не стыдишься ничего другого, так постыдись этой самой книги, которую подаешь для клятвы: *раскрой евангелие, которое держа в руках, заставляешь клясться, и услышал, что Христос говорит там о клятвах, вострепеши и удержись*. Что же Он говорит там о клятвах? – *Аз же глаголю вам не клятися всяко (Мф. 5:34)*. А ты этот закон, запрещающий клятву, делаешь клятвой. О дерзость! О безумие! Ты делаешь то же, как если бы кто самого законодателя, воспрещающего убийство, заставил быть помощником в убийстве. Не так стенаю и плачу я, когда слышу, что иных убивают на дорогах, как стенаю и плачу и содрогаюсь, когда вижу, что кто-нибудь подходит к этой трапезе, *полагает на нее руки, прикасается к евангелию и хлопочет на счет денег; ты сомневаешься, скажи мне, и убиваешь душу?* Приобретешь ли ты столько, сколько делаешь вреда душе и своей и ближнего? если веришь, что этот человек правдив, не вводи его в неволю клясться; а если знаешь, что он лжив, не заставь его нарушить клятву. Пусть гибнет золото, пусть пропадают деньги, только бы иметь нам уверенность более всего в том, что мы и сами не преступили закона и другого не заставили этого сделать»¹⁹⁰. Из всех этих слов Златоуста видно, что чистую, любящую душу его – евангельски доброго пастыря – возмущали: во-первых легкомысленное употребление клятвы-присяги; во-вторых – душепагубные последствия этой клятвы; в третьих – неуважение к святыне храма Божия, престола Господня – евангелия; в особенности же нарушение прямой заповеди Спасителя мира, безусловно запрещающего клятву Своим последователям. И вот он всей силой любви своей благопечительной восстает против всех видов употребления клятвы: и убеждает, и угрожает, и умоляет, – что все доказывает, насколько порок этот был присущ Антиохийцам. «Некоей чудной песне хочу научить вас», говорит он своей возлюбленной пастве, «взяв не мертвую лиру в руки, но вместо струн натянув историю Писания и заповеди Божия. И как арфисты, взяв пальцы учеников, тихонько прикладывают их к струнам и, приучая ударять с искусством, выучивают их из мертвых тонов и струн извлекать звуки нежнее и приятнее

всякого голоса, так сделаем и мы. Взявши вместо струн ум ваш, и прикладывая его к заповедям Божиим, попросим любовь вашу касаться их с уменьем, чтобы этим увеселением исторгнуть нам не собрание людей, но лик ангелов. Недовольно того, чтобы только проследить божественные слова; петь, требуется еще доказательство от дел¹⁹¹. Вот мы уже ударяли по одной струне во всю пятидесятницу, читая вам закон о клятвах»... Будем говорить словами проповедника: «побуждай всех немедля к исполнению этой заповеди. Сорок дней уже прошло; если еще пройдет и святая пасха, то никого не прошу и употреблю уже не увещание, а отлучение, которым нельзя пренебрегать: ссылка на привычку – не сильное оправдание. И так наперед говорю и объявляю всем, что если я, сошедшись с вами наедине и сделав опыт, – а непременно сделаю» – вот истинное душепастырство! – «найду некоторых неисправившихся в этом недостатке, таких подвергну наказанию, прикажу не допускать к святым тайнам не для того, чтобы они оставались без них, но чтобы исправились и затем приступили»¹⁹². Надобно заметить, что клятвы были в сильном употреблении не только в городе Антиохии, но и во всей Антиохийской церкви. И вообще на востоке: позже мы увидим, что и Константинополь не чужд был этого порока в христианском мире. «Везде поют о вашем городе», говорит Златоуст, «что он первый из всех во вселенной украсился именем христиан: так дайте всем знать», говорит, «что Антиохия одна между всеми городами во вселенной изгнала клятвы из своих пределов. И как имя Христово, начавшись отселе, как из некоего источника, распространилось по всей вселенной, так и это доброе дело, получив здесь корень и начало, сделает вашими учениками всех людей, населяющих землю»¹⁹³.

Глава IV-я. Раскол в Антиохийской церкви

От употребления клятвы-божбы, присяги, – столь распространенных между Антиохийцами, Св. Иоанн Златоуст переходит и знакомит нас с клятвой иного рода, которая соединяет в понятии уже не заклятие в верности слова или дела, а прямо есть проклятие – karact¹⁹⁴ в том лишь смысле, как это слово употребляет Св. Ап. Павел, когда говорит: «Христос ны искупил есть от клятвы законные, быв по нас клятва, писано бо есть, проклят всякий висяй на древе»¹⁹⁵. Клятва – анафема, проклятие, как отлучение от церковного общества¹⁹⁶. И эта-то клятва была в сердце и на устах христианского общества не только у священников, но и у мирян, мужей и жен, – и всех исполняла злобы, вражды, ненависти, разделения. И если бы еще между людьми разномыслящими в вере только существовало такое нестроение, это было бы в некоторой мере, хотя преступно во всяком случае, но естественно; а то между чадами единой святой церкви, между православными людьми! И что особенно душепагубно было, так это то, что зло считалось ничтожным, – проклятие употребляли как случится¹⁹⁷. Что дело дошло до такого бедственного состояния, что «находясь в крайней опасности», говорит Св. Златоуст, «мы не сознаем этого, не преодолевая гнуснейших страстей»¹⁹⁸. Св. Иоанн Златоуст, лично бывший свидетелем этого грустного явления в жизни христиан Антиохийских его времени, подробно говорит об этом печальном обстоятельстве, указывая и происхождение его, и главную силу, которой оно держалось, и преступность его, и преступные его последствия как для самих этих христиан, так и для иноверцев – еретиков, язычников и иудеев, во множестве населявших в то время Антиохию. «С чего я начну говорить об этом зле», восклицает Св. Иоанн в начале беседы о проклятии, – «с постановлений ли заповедей или с вашего безумного невежества и бесчувственности? Но когда я буду говорить об этом, не станут ли некоторые надо мной смеяться? Не возопиут ли против меня, – что я намереваюсь беседовать о таком прискорбном и

достойном слез предмете? Но что мне делать? Я скорблю и сокрушаюсь душой и терзаюсь внутренне, — и с великим стыдом молчу, видя беснующихся у пустословиящих, *не разумеющих ни яже глаголют, ни о них же утверждают*¹⁹⁹, — невежественно дерзающих преподавать одно только свое учение и проклинать то, чего не знают²⁰⁰. Внимайте слышанному, прошу вас, дабы нам не погибнуть. Скажи мне, что значит это проклятие (*αναθεμα*), — которое ты произносишь? Вникни в свое слово, рассуди, что ты говоришь, понимаешь ли ты силу его? И так, что значит слово анафема? Не то ли, чтобы такой-то сделался жертвой диавола, не имел права на спасение, был отвержен от Христа? Но кто ты, присваивающий себе такую власть и силу? *Тогда сядет Сын Божий и поставит овцы одесную, а козлища – ошуюю*²⁰¹. Зачем ты присваиваешь себе такую честь, которой удостоен только сонм апостолов, истинные и вполне ревностные их преемники, исполненные благодати и силы? Впрочем, они с таким чувством отлучают еретиков от церкви, как будто исторгая у себя правый глаз, чем доказывается их великое сострадание и сокрушение, как бы при отнятии поврежденного члена. Поэтому они обличали и отвергали ереси, но никого из еретиков не подвергали такому наказанию. И апостол, как видно, по нужде в двух только местах употребил это слово²⁰². Почему же, тогда как никто из получивших власть не делал этого или не смел произносить такого приговора, ты осмеливаешься делать это вопреки смерти Господней и предупреждаешь суд Царя²⁰³? Или вы считаете маловажным прежде времени и Судии произвести на кого-нибудь такое осуждение? Ибо анафема совершенно отлучает от Христа²⁰⁴. Апостол Павел, имея сильную любовь ко Христу, никого не подвергал ни обиде, ни принуждению, ни анафеме, иначе он не привел бы к Богу столько народов и целых городов, но подвергаясь сам унижению, бичеванию, защечению, посмеянию от всех, он совершал такие дела, оказывая снисхождение, убеждая, умоляя²⁰⁵. Подражать этому увещеваю вас всех и вместе с вами и самого себя²⁰⁶. Мы совершаем это служение и вот увещеваем вас. Рукоположение не к властолюбию ведет, не к высокомерию располагает, не господство предоставляет; все

мы получили одного и того же Духа, все призваны в усыновление; кого Отец избрал, тех Он сподобил со властью служить братьям своим. И так, исполняя это служение, мы увершеваем вас и заклинаем отстать от такого зла²⁰⁷. Ибо тот, кого ты решился предать анафеме, или живет и существует еще в этой смертной жизни, или уже умер. Если он существует, то ты поступаешь нечестиво, отлучая того, кто еще находится в неопределенном состоянии и может обратиться от зла к добру. А если он умер, то тем более. Почему? Потому, что он своему Господеви стоит или падает²⁰⁸, не находясь более под властью человеческою²⁰⁹. Притом опасно произносить суд свой о том, что сокрыто и известно Судии веков, Который один знает и меру ведения и количество веры²¹⁰. Отстаньте же, увершеваю вас, от такого зла! Вот я говорю и свидетельствую пред Богом и избранными Его ангелами, что в день суда оно будет причиною великого бедствия. Ибо, как мы, поступающие немилосердно с единоплеменниками *своими*, удостоимся спасения?... Еретические учения, несогласные с принятым нами, должно проклинать и нечестивые догматы обличать, но людей нужно всячески щадить и молиться об их спасении²¹¹».

Чем вызвано было это явление, кто и кого и за что проклинали? Кто внимал проповеди Св. Иоанна, кто своими ушами слышал это исполненное любви и умиления пастырское обличение, те знали, о чем говорил Златоуст. А для нас, чтобы понять сущность всего этого горестного обстоятельства, необходимо уяснить себе бытовое состояние Антиохийской церкви за время Златоуста. Для этой же цели в свою очередь нам надобно взять период времени значительно ранний, чем время жизни и деятельности Св. Иоанна Златоуста.

Св. Иоанн Златоуст в начале своей беседы «о проклятии» говорит: «прежде беседуя с вами о познании непостижимого Бога» – разумеются беседы о Непостижимом – «и предложив много бесед об этом, я доказывал вам, как словами писания, так и рассуждениями естественного разума, что познание Божества недоступно и для самих невидимых сил, для тех сил, которые провождают невещественную и блаженную жизнь, и что мы, живущие во всякой беспечности и рассеянности и

преданные всяким порокам, усиливаемся постигнуть совершенно неведомое и для невидимых существ; мы впали в этот грех, руководствуясь в таких рассуждениях соображениями собственного разума и суетною славою пред слушателями, не определяя благоразумием границы своего естества и не следя Божественному Писанию и Отцам, но увлекаясь, как бурным потоком, неистовством своего предрассудка»²¹². – И такое слово в Антиохии было вполне уместно и вполне справедливо, ибо если где христиане «усиливались постигнуть совершенно недоведомое», то здесь именно; если где христиане в рассуждениях о Божестве руководствовались соображениями собственного разума, то здесь, в Антиохии. И это настроение в неудержимом стремлении своем приобретало направление крайнее, когда христиане приобретали наклонность познавать Божество, не определяя благоразумием границ своего естества и не следя Божественному Писанию и Отцам. Направление это в лучшем своем проявлении выразилось в Антиохии очень рано, задолго до времени жизни и деятельности Св. Иоанна Златоуста. В конце III-го века по Р. Хр. в Антиохии была открыта школа, основателем которой был пресвитер Лукиан²¹³. Наш досточтимый профессор – церковный историк (А. П. Лебедев) замечает, что о Лукиане мы почти ничего не знаем²¹⁴. История знает не столько учителя, сколько учеников его школы²¹⁵. Но направление этой школы положительно известно. Известно, что здешние учителя ясность понимания в догматике предпочитали возвышенности в богословствовании; они хотели быть здравомыслящими богословами, хотели привести в согласие веру и разум²¹⁶, – требование, которое всегда будет предъявлять человек, пока живо человечество, замечает ваш досточтимый профессор²¹⁷. Это понимание естественных нужд человека было настолько справедливым, истинным, что создало направление, которое вошло в течение богословского развития церкви²¹⁸. Приютившись сначала в Антиохии, потом в Константинополе, это антиохийское направление в конце концов вошло в общее течение церковной жизни²¹⁹ и ему суждено было иметь большое значение в дальнейшей истории богословской науки²²⁰.

Расширяя это стремление и желая руководствоваться в познании высочайших догматов веры только рассуждениями естественного разума, ученики этой Антиохийской школы впоследствии стали рационалистами – людьми, которые держались правила: что превышает мысль человеческую, то следует устранять, отвергать²²¹. Насколько опасно такое настроение, показывает вам Св. Иоанн Златоуст в одной из своих бесед на послание к Римлянам. Изъясняя текст Апостола о вере Авраама: *дав славу Богу и известен быв, яко еже обеща, силен есть и сотворити* (IV, 21), Св. Иоанн говорит: «не быть пытливым, значит – славить Бога; а быть пытливым, значит – грешить против Бога²²²». Понятно, конечно, какую пытливость разумеет Златоуст; понятно, что это желание далеко от исполнения известного совета Господня: *испытайте писания...* Но продолжим слово Святого. «Ежели наша пытливость», продолжает он, «и розыски о предметах невысоких не служат к славе Божией (нам кажется, напротив, познание даже ничтожных вещей видимого мира невольно знакомит с премудростью и благостью Творца вселенной, не говоря уже о том, что *небеса именно поведают славу Божию, творение же руку Его возвещает твердь*), – то кольми паче, любопытствуя о рождении Господа, как оскорбители Его славы, навлечем на себя крайнее наказание. Если не должно входить в исследования об образе воскресения, то гораздо менее позволительно стараться проникнуть в неизреченные и страшные тайны. И Апостол сказал не просто – поверив, но *известен быв*. Ибо таковы убеждения веры; они гораздо сильнее и яснее доказательств разума; никакие противные умствования разума не могут поколебать веру. Кто верит доказательствам разума, тот может и переувериться; а кто утверждается на вере, тот загадил уже слух свой для внушений, могущих ослабить веру²²³. С разумной точки зрения – в самом деле, хотеть веру подчинить разуму – нелепое желание! Вера потому и есть вера, что она не подчиняется разуму; где разум берет верх, там нет и не может быть веры²²⁴».

Какое именно влияние оказывал пресвитер Лукиан, основатель Антиохийской школы, на своих учеников; вызывало

ли оно здравомыслящее богословствование или порождало тот крайний рационализм в познании веры, девиз которого: непонятное для разума отрицать? Определить это, за недостатком исторических данных, возможности нет. Но несомненно, что эта школа, от самого ее основания, своим направлением благоприятствовала всем исследователям и испытателям веры, каковыми обыкновенно называли себя ариане²²⁵. Нам нет надобности доискиваться и доказывать, было ли арианство порождением школы Лукиана или не было, — это не входит в наши цели; нам только надобно выяснить причины появления и существования клятвы — *анафемы* — в Антиохийской церкви за время Златоуста. Поэтому имеют для нас значение те исторические данные, которые могут уяснить нам причины этого печального положения церковных дел в Антиохии и показать исторический ход появления раскола, бывшего за время Златоуста не только между разноверцами и православными, но и в среде последних между собою. Св. Афанасий Великий называет арианствующих богословов именно «свободомыслящими» и приписывает им эллинское мудрование²²⁶, т. е. приписывает им такую же свободу в исследовании догматов, замечает А. И. Лебедев, какой держались древние философы в вопросах о мире сверхчувственном во времена язычества²²⁷.

Мы уже упоминали, что история знает не столько основателя школы, сколько учеников его. Филосторгий²²⁸ указывает несколько лиц, которые были более замечательными наставниками в Антиохийской школе, из-под руководства которых выходили сторонники арианского образа мыслей, каковых ваш незабвенный труженик богословской науки, прот. А. В. Горский насчитывает 11-ть, как более важных представителей арианства²²⁹. А есть одно древнее свидетельство, которое утверждает, что и сам ересиарх — Арий был также учеником все того же Лукиана Антиохийского²³⁰. Возможность и естественность этого исторического явления, если не необходимость его появления, как следствия причины, заключается, конечно, в том обстоятельстве, что и арианство держалось существенно тех же принципов, как и эта школа²³¹.

Деяния вселенских соборов представляют подробную характеристику направления арианского свободомыслия в делах веры, которая получает здесь особенную наглядность оттого, что отменяется воззрениями на одни и те же предметы учения веры представителей православия. Картина представляет две стороны людей, как бы овец и козлищ. Вера одних была проста, прямая и искренна. Они веровали, как и чему учила церковь, не вдаваясь в тончайшие исследования. «Мы без хитрости веруем! не трудясь понапрасну отыскивать доказательства на то, что постигается только верою»²³². Учение о Святой Троице им представляется в особенности таким предметом, в отношении к которому бесполезны умствования и требуется одна непосредственная вера. «Таинство Святой поклоняемой Троицы превышает всякий ум и слово, совершенно непостижимо и усваивается только верою»²³³. Таковы выражения православных овец церкви Христовой на 1-м вселенском соборе²³⁴.

Не так заявляли себя заблудшие чада той же Святой Матери, ставшие смрадными козлищами, готовыми испортить зловонием своей ереси чистый воздух учения веры, которым дышит православная церковь. «Прямой, сердечной веры они чуждались, они хотели вопросы веры подвергать такому же рассудочному исследованию, как и всякие другие вопросы. Веру хотели подчинить знанию. Они стояли за религиозное знание и невысоко ценили простую веру. С критикой и анализом вступали они в область религиозных вопросов. Хотели переисследовать и то, что считалось общепризнанным и непререкаемым в силу авторитета древности, – чему и как веровала церковь раньше того. Они утверждали, что древнейшим мнениям в области веры не должно следовать без проверки их»²³⁵. Они из древних отцов никого не хотят равнять с собою», свидетельствуют деяния вселенских соборов²³⁶, «и только одних себя считали мудрыми, будто им и только им одним открыты тайны, которые никому в подсолнечной и на мысль не приходили», – как ясно видно из этого свидетельства, о ком говорит в беседе о проклятии Св. Иоанн Златоуст, когда обличает невежественно дерзающих преподавать одно только свое учение и проклинать

то, чего не знают²³⁷. Общее направление ариан в специальном предмете их учения выразилось теми же свойствами. Вселенский собор был собран для решения спорного доктринальского вопроса в церкви. Вопрос этот, как известно, состоял главным образом из следующих трех пунктов: 1) нужно ли признавать Сына Божия Богом, равнодосточным Богу Отцу; 2) или нужно признавать Его – Сына Божия лишь совершеннейшему из тварей; 3) или, хотя и надобно признавать Его Богом, но Богом не равного достоинства с Отцом²³⁸. Православные члены собора и здесь – на спорный вопрос о сущности Сына Божия в отношении Его Божественности к Божественности Отца опять так же смотрели, как на тайну, которую тщетно хочет постигнуть разум человеческий. «Ипостась Его – Сына Божия», заявляли они, «непостижима для всякого сотворенного естества, как непостижим и сам Отец²³⁹». «Неизъяснимый образ бытия Единородного Сына Божия превышает понятие не только евангелистов, но и ангелов»²⁴⁰. Представители арианствующих представляли собою две стороны; первая – всецело принявшая учение Ария, признавала Сына Божия – тварью²⁴¹ вторая была ни той, ни этой, не были это ариане в собственном смысле, но не были они и православными, потому что, хотя они и признавали Сына Божия Богом, но считали Божество Его не равным Божеству Отца, считая Божество Сына соподчиненным Божеству Отца. Те прямо следовали своей излюбленной теории: непонятно – отвергай; а этим и вера была священна и научно-богословские интересы также дороги, как прекрасно характеризует тех и других досточтимый профессор церковной истории А. П. Лебедев в своих «вселенских соборах IV и V вв.»²⁴². Это – так называемые полуариане.

Решением вселенского собора первого Никейского спорному вопросу дан был такой исход. Собор составил символ, известный в правилах Св. Апостолов, вселенских и поместных соборов и св. отец, в деяниях вселенских соборов и в книге: «Вселенские соборы IV и V века» – А. П. Лебедева. Это Никейское исповедание было привито в церкви неодинаково. И если вообще в научном отношении весьма важно определить: в каких именно местах тогдашнего христианского мира Никейское

исповедание утвердились и в каких – нет, в видах разъяснения хода доктринальных движений в церкви всего IV века и даже V века²⁴³, то для нас это обстоятельство, где принято и где не принято Никейское исповедание, имеет значение несколько в ином отношении. Для нас важны эти сведения в том отношении, что они выясняют причины так великой вражды в церкви Антиохийской между православными и арианами и между самими православными.

В то время, когда Египет, Палестина, церкви Иерусалимская, Александрийская и Римская ревностно и единодушно стояли за Никейское исповедание²⁴⁴, на всем церковном востоке: в Сирии, Фракии, Азии, Понте господствовало арианство, – везде здесь было направление антиникейское и главным пунктом – центром этого направления была Антиохия Сирийская... Антиохия сделалась истинным гнездом, где широко зажил арианизм²⁴⁵. Св. Афанасий Великий свидетельствует, что здесь возникали арианские доктрины и отсюда больше всего выходило доктринальных арианских определений²⁴⁶. Здесь был в 341 году арианский собор епископов, специально устроенный для низвержения Никейских определений, и собор состоял из 97 архиереев, понятно, преимущественно Антиохийского округа, хотя были и из других церквей восточных»²⁴⁷. Здесь образовалось правильное преемство епископов, которые были исключительно ариане и это преемство практиковалось целых 30 лет, – от 330 до 360 года. Вследствие этого древняя православная община в Антиохии с течением времени сократилась до самых незначительных размеров. Все храмы стали достоянием ариан, так что Св. Афанасий домогался хотя бы одной церкви в Антиохии для богослужения православного²⁴⁸. Преимущество на стороне ариан было так сильно в Антиохии, что еретики имели возможность защитников православия судить и осуждать и изгнать. Так совершилось осуждение Евстафия, епископа Антиохийского, искреннего поборника православия на первом вселенском соборе. И это осуждение состоялось только вследствие «привязанности святителя» к Никейскому символу²⁴⁹. Вот ясное проявление Антиохийской вражды между

православными и арианами. Надобно заметить, что чистые ариане были и действовали только вначале, а потом уже только фигурируют полуариане. Так что эти последние составляют собою как бы церковь, а аномеи лишь секту, которая ко времени второго Вселенского собора почти вовсе исчезает из среды церковной²⁵⁰.

Около 330 года был изгнан Евстафий из Антиохии, – поставлен в епископа арианин. Верные православной церкви поставленного епископа за епископа своего отказались признать; и Евстафия нет уже на кафедре Антиохийской, а память о нем не утратилась в Антиохийских христианах, так что многие из них не только не изгнали Евстафия, но и по смерти его остались преданными ему, ибо Антиохия любила его, как «мужа отличавшегося красноречием, целомудрием и благостью проповеди», как замечает историк²⁵¹. Тогдашняя церковь имела богословское направление: сочинения епископа Евстафия, – и они были целы во времена 1-го Вселенского собора, и деяния Вселенских соборов²⁵² замечают, что эти сочинения на соборе, благодаря Александрийствующим, не читались. Но эта посмертная любовь к Евстафию имела последствия для церкви неблагоприятные. Излишek во всем вреден. Некоторые из антиохийских православных христиан связали свою веру с личностью, как бы говоря: нет Евстафия и православия нет. И это даже тогда, как на кафедре Антиохийской, освободившейся от арианина, восседал уже чисто православный епископ, блаженный Мелетий, который и словом и делом заявлял в церкви свое православие. Произошел раскол уже между самими православными, образовались партии в церкви Антиохийской: евстафиане и мелетиане. Конечно, всякое явление имеет свою причину, хотя бы кажущуюся только законною. Нам дело представляется в следующем виде. Скажем кратко, как могло у православных образоваться нерасположение к епископу православному же. – Только что сошел со сцены епископ – арианин Евдоксий, ариане – под этим названием будем разуметь полуариан – остановились на Мелетии, бывшем епископе Берии Сирийской и пригласили его стать епископом в Антиохии. Этот «кrotчайший муж», по выражению Феодорита –

Церковного Историка, «всегда соблюдал мудрую умеренность в спорах о вере и старался по возможности от них уклоняться». Эту миролюбивую осторожность в рассуждениях о предметах веры ариане почили знаком тайного расположения к арианству и потому надеялись, что он без труда согласится явно перейти на их сторону, чем увлечет за собою многих из православных. Расчет оказался неверен. Этот муж, кротчайший из людей, с кротостью сердца и чистотой веры соединил безбоязненную твердость в исповедании истины и, когда потребовали того обстоятельства, не замедлил открыто пред многочисленным собранием антиохиян показать, что и сам он содержит и других убеждает содержать неизменно Никейское учение о единосущии Сына Божия с Богом Отцом. И вот, обманутые и посрамленные, ариане всей душой возненавидели Мелетия. Но, с другой стороны, и православные, доселе остававшиеся верными Евстафию, не все признали Мелетия своим епископом: многие, имея в виду, что он все-таки избран и поставлен арианами, убоялись иметь общение с Мелетием и остались вовсе без епископа. Так произошло разделение между самими антиохийскими православными: одни признавали епископом Мелетия, другие не признавали; явились таким образом: евстафиане и мелетиане. У мелетиан свое общество и свое общество у евстафиан и еще третье общество у ариан. Ариане, обманутые в своих ожиданиях, изгнали Мелетия из Антиохии и поставили епископом города Евзоя, своего приверженца, а православные общества управлялись священниками: евстафиане – Павлином, мелетиане – Флавианом, которые впоследствии, почти одновременно, и были епископами в Антиохии.

Одно обстоятельство особенно усилило раскол между православными в Антиохийской церкви. Епископ Мелетий был заточен при Валенте. Грациан освободил его, и изгнаник возвратился в Антиохию, где епископствовал Павлин. Мелетиане требовали, чтобы Павлин разделил с Мелетием управление церковью. Павлин отказал. Возникли серьезные недоразумения. Столкновение, по настоянию лучших людей в церкви, кончилось на сей раз таким решением: когда умрет кто-

либо из этих двух архиереев, оставшегося в живых всем уже признать епископом всей Антиохийской церкви; а чтобы кандидаты архиерейства не смели и думать о получении этого сана для Антиохии, пока в живых Павлин или Мелетий, произнесена была клятва, чтобы искателям не только не домогаться епископства, – и не принимать его, если бы народ вздумал избрать кого-либо²⁵³. Оба епископы были старцы и умиротворение враждующих было очень возможным. Обстоятельства не заставили долго ждать решение вопроса. Мелетий вызван был в Константинополь на вселенский собор и там скончался. Естественно было ожидать, что останется епископом в Антиохии один Павлин и всем бедам конец. Но случилось не так: сейчас избрали и рукоположили в епископа священника Флавиана, – смятения в церкви Антиохийской снова возгорелись и притом с большею силою. К прежним причинам раздора присоединилась новая: нарушение клятвы, данной торжественно и с общего согласия; смущились даже самые мелетиане, так что некоторые ушли от Флавиана к Павлину. Павлин скоро умер. Казалось бы, теперь все обратятся к Флавиану, – но нет. Мелетиане нарушили клятву и евстафиане сочли себя также необязанными сохранять клятву, – избрали себе в епископы некоего Евагрия и опять стало двуепископство. И только со смертью этого новобранца – евстафианина, – а она не замедлила – кончилось двуепископство. Но распра опять таки, хотя ослабела, но не исчезла в Антиохийской церкви. Были православные люди, которые отказались иметь общение с Флавианом, продолжали называться евстафианами и долго еще имели свои собрания²⁵⁴. Вот именно в это-то время епископства Павлина, Флавиана и еще когда в умах всех царила анафема друг другу в обоих лагерях церкви, и беседовал об этом нестроении в церкви и многократно обличал с церковной кафедры Св. Иоанн Златоуст, пресвитер и проповедник церкви Антиохийской. Напрасно уверяет г. Малышевский, что только Павлину и павлинистам слышалось проклятие и даже замечает: «так передает речи их Златоуст»²⁵⁵. Нет! из беседы о проклятии, – а ее именно имел в виду г. Малышевский, – видно, что партии не оставались в долгу одна у другой. «Две стороны

восстановленные одна против другой», говорит о. Агапит, — книги того и другого указаны много раз, — «друг друга проклинали»²⁵⁶. И это верно. Читайте беседу Златоуста и вы убедитесь, что, говоря о Павлине, приверженцы Флавиана говорили: «он еретик» и прочее; в свою очередь сторонники Павлина говорили о Флавиане, что он еретик²⁵⁷. Надобно заметить, что этот раскол — самое больное место в религиозном состоянии Антиохийской церкви за время Златоуста, в особенности, именно в период его пресвитерства нестроение было в полном разгаре. Конечно, религиозный энтузиазм не может быть продолжительным состоянием души. Явилось равнодушие в вере, холодность к церкви. «Посмотри, какое у них, производящих расколы, неравенство. Те из них, которые так поступают по отношению к церкви, — одни вовсе никогда не приходят сюда, или же дважды в год и то без порядка и как случится; другие приходят чаще, но также беспорядочно, для пустых разговоров и разглагольствий ни о чем»²⁵⁸. «Иные представляются усердными, это — те, которые производят такие бедствия в церкви. И так, если и вы ради этого обнаруживаете такое усердие, то лучше бы вам быть в числе нерадивых»²⁵⁹. И вот религиозное нестроение переходит в нестроение нравственное и здесь находит для себя новую почву и свежую пищу, волнения народные и взаимную вражду. Любовь Христова, долженствующая соединять членов единого стада Христова под единым пастырем, была разрушена; на месте ее водворилось самолюбие; заиграли страсти: гордость, зависть, ненависть...

В своих беседах Златоуст открывает своим слушателям именно эти внутренние причины распрай в церкви Антиохийской. Он ясно показывает, что не только и не столько различие в догматах, сколько страсти человеческие служат, в данном случае, виною церковного разделения, и что люди, поддерживающие это разделение, располагаются к этому настроению нежеланием сохранить в неповрежденной чистоте исповедание веры, но любочестием и властолюбием, вообще славою. «Долго ли же будем, подобно червям, точить корень церкви?» взвывает Св. Иоанн. «Все мы здесь, предстоящие в

храме, именуемся верными, но наша вера недейственна, потому что угасили мы в себе теплоту и тело Христово содели мертвым. По имени мы братья, а по делам враги; называемся членами одного тела, и разделены между собою, как дикие звери²⁶⁰. Видишь ли, какой позор навлекаем на себя, как расточаем и губим паству. Соделаемся же наконец истинными членами единого тела; отгнав от себя ненависть и зависть и презрев людскую славу, облобызаем любовь и единомыслие»²⁶¹. Св. Златоуст многократно говорит об этой распре, трогательно изображая печальное состояние Антиохийской церкви, но всегда с кротостью и терпимостью относится к врагам. – Сам Св. Иоанн, ученик Мелетия, стоял на стороне Флавиана, которым он был посвящен в пресвитера. Но проникнутый духом всепрощающей любви и мудрой снисходительности, Златоуст руководился беспристрастием к своим и чужим и так возвысился над враждою, разделявшей христиан Антиохийских, что ни одно слово вражды не сошло с его уст; он всех привлекал к себе своей любовью; а он искал одного, чтобы прекратилось разделение. К нему приходили все: мелетиане и евстафиане и всем он возвещал слово мира; всех убеждал любовь иметь между собою. «Вот все мы собрались в одних стенах», говорит он, «в одной церковной ограде, составляем одно согласное стадо (в эту минуту), ни с кем не препираемся, управляемся одним пастырем – Христом; все вместе вопием; все вместе слушаем, что говорят нам; вossылаем общие молитвы. Но о том то и плачу особенно, что при стольких побуждениях к единодушию, восстаем друг на друга²⁶²»... «я вижу, что подчиненные одному военачальнику вооружаются друг против друга; восстают друг на друга, один у другого грызут и терзают члены, друг над другом смеются, издеваются, наносят друг другу тысячи ран; везде осталось одно имя братства»²⁶³. «Устыдитесь, устыдитесь сея трапезы, с которой все приобщаемся; устыдитесь сея жертвы, на ней предложенной – Христа закланного. Будем убегать зависти, потушим злобу, воздадим друг другу взаимною любовью»²⁶⁴. Сия исполненные истинно евангельской мудрости увершания Св. Иоанна, скажем словами одного из биографов Златоуста, не

могли не произвести сильного действия на сердца Антиохия. И если не вдруг прекратилось у них разделение по слову Златоустного, то его, конечно, внушениям должно приписать то, что по смерти Авария, преемника Павлина, епископом Антиохийским остался уже один Флавиан и прежние раздоры начали уступать место согласию и единодушию²⁶⁵. Мы с намерением подчеркнули последние слова заметки о. В. Лебедева; именно, можно сказать: раздоры начали уступать место согласию и единодушию, но и только. – Хорошее начало половина дела. Необходимо предполагать, что одни из павлинистов – (или евстафиане), говорит г. Малышевский, тронутые словами Златоуста, сами отказались от своей особности и подчинились власти одного епископа – Флавиана, другие принуждены были к тому же убеждениями слушателей Златоуста²⁶⁶. Упразднение двуепископства в Антиохии несомненно могло служить поводом к прекращению раскола между православными членами одной и той же церкви. Но чтобы видеть, как это было на деле, мы обратимся опять к творениям Златоуста.

Смерть Евагрия и препятствия, несомненно поставленные Флавианом для замещения свободной кафедры, не оставили в покое евстафиан, представителем которых был Павлин и его преемник. И мы в творениях Златоуста можем видеть, как сильны были в евстафианах корыстолюбие и любоначалие. Св. Иоанн, объясняя слова Св. Апостола Павла к Ефессям: «едино тело, един дух, якоже и звани бысте во едином упование звания вашего» и проч. (IV, 4–7), сказал обширную беседу о необходимости любви между христианами, и вся беседа, замечательно, представляет одно целое, где каждое слово направлено к обличению, к вразумлению, к поучению, к вдоворению мира. Мы возьмем некоторые места, «проливающие свет» на состояние церкви именно в это время пресвитерства Златоуста и указывающие особенные черты в печальном факте этого раскола. – «Апостол Павел требует от нас такой любви», начинает свое слово проповедник, «которая связывала бы нас между собою, делая неразлучными друг от друга, и такого совершенного объединения, как бы мы были

члены одного тела. Словами: «едино тело» он требует, чтобы мы сострадали друг другу, не желали благ ближнего своего и участвовали в радостях один другого. Потому весьма кстати прибавил: *и един дух, научая, чтобы при едином теле было у нас и единодушие, так как может быть едино тело, но не один дух: когда, напр., кто-нибудь будет другом еретиков, или словами: един дух, он хотел побудить нас к взаимному согласию, как бы так говоря: так как вы получали единого духа и пили от одного источника, то между вами не должно быть разделов»* (стр. 178 и 179). Потом проповедник указывает виновников и гибельные последствия нарушения единения церковного для всего общества христиан и для каждого члена в отдельности. Мы приведем несколько слов Св. Иоанна Златоуста и окончим нашу речь об Антиохийском расколе. «Любовь соединяет, созидает, сближает и сопрягает нас между собою... Если же нам еще поручено созидать и других и мы не созидаем, но сами первые производим разделения, то что мы должны потерпеть за это? Ничто не может производить столько разделений в церкви, как любоначалие. Сказанное мною относится не к начальствующим только, но и к подчиненным²⁶⁷. Вред от разделений не меньше того, какой причиняют церкви враги, а гораздо больше²⁶⁸. Разделения роняют церковь в глазах ее врагов, когда против нее ведут брань ее собственные дети. Все это имел я сказать против тех, которые без разбора пристают к людям, отделяющимся от церкви. Что говоришь ты: у них та же самая вера и они также православны? – говорит проповедник, представляя возражения раскольников; скажи мне, – отвечает он им, – ужели вы считаете достойным то, что их называют православными, тогда как у них оскудела благодать рукоположения²⁶⁹. Как перенесем мы насмешки язычников? Если они укоряют нас за ереси, то чего не говорят они по поводу расколов? Если, говорят, одни у них доктрины, одни таинства, то ради чего у них один предстоятель церкви нападает на другую церковь? Смотрите, говорят, у христиан все достойно порицания. У них и любоначалие, у них и обман²⁷⁰. Вот еще достойное посмешения и служащее к нашему стыду. Если у нас кто-нибудь будет обличен в самых постыдных делах

и на него захотят наложить какую-нибудь епитимию, то все весьма беспокоятся и боятся, как бы, говорят, он не отделился от нас и не пристал к другим²⁷¹. И так я говорю и свидетельствую, что производить разделения в церкви не меньше зла, как и впадать в ереси²⁷². – Скажи мне, если бы подданный какого-нибудь царя, не переходя к другому царю и не передаваясь во власть другого, взял в свои руки порфиру царя и, спустивши ее всю от пряжки, разорвал на несколько частей, меньше ли бы он был наказан, чем тот, кто передался бы другому царю? Но что если бы после этого он, схватив за горло своего царя, заколол его и разрубил на части его тело, какому бы наказанию должно подвергнуть его, чтобы наказать достойно? Если же тот, кто так поступит с царем, совершил преступление, какому бы наказанию должно подвергнуть его, чтобы наказать достойно? Если же тот, кто так поступит с царем, совершил преступление, превосходящее всякое наказание, то какой геенны заслуживает тот, кто закалает Христа и рассекает Его на члены? Расскажите же вы, жены, какие находитесь здесь, расскажите этот пример всем: так как этот порок большею частью замечается в женщинах, – и возбудите в них страх»²⁷³.

«Церковь есть отеческий дом: едино у ней тело, един дух»²⁷⁴. «Скажите, чего вы хотите; укажите справедливую причину, по которой вы отступаете, и я буду отвечать вам. Но вы не говорите ничего. Посему я прошу вас и самих твердо оставаться здесь и отложившихся привести, чтобы нам воспослать единодушную благодарность Богу, которому слава во веки. Аминь»²⁷⁵.

Глава V-я. Ереси в Антиохийской церкви

Восхваляя заслуги Св. Священномученика Игнатия, Св. Иоанн Златоуст говорит: «представим то время, в которое он получил власть епископства. Ибо не все равно управлять церковью тогда и теперь. Ныне, по благодати Божией, нет никакой опасности епископам, но везде глубокий мир и все мы наслаждаемся спокойствием, так как учение благочестия распространилось до концов вселенной и цари вместе с вами тщательно блеют веру. Но тогда ничего такого не было; напротив... везде были... войны, сражения, опасности, и начальники, и цари, и народы, и города, и племена, и свои, и чужие были враждебны верующим»²⁷⁶. Какой это был мир, какое спокойствие, коими наслаждалась церковь в то время, Св. Златоуст выясняет в похвальном слове Св. Евстафию, архиепископу Антиохийскому. «Так еще недавно прекратилась языческая война и все церкви лишь только отдохнули от жестоких и непрерывных гонений и еще немного прошло времени, как затворены все храмы идольские, разрушены жертвенники и сокрушено все бесовское неистовство»²⁷⁷. И здесь тотчас автор указывает иную войну, нарушавшую мир церкви. «Все это – ослабление язычества», продолжает проповедник, «огорчало злого беса и он не мог спокойно переносить мир церкви, – то что он делает? Он производит другую жестокую войну. Та была внешняя, а эта внутренняя; а в такой войне гораздо труднее сберечь себя и легко погибнуть подвергающимся ей»²⁷⁸. В такое время этот блаженный Евстафий управлял нашею церковью. Болезнь эта, как некая сильная зараза, поднялась из стран Египта; прошедши между лежащие города, скоро вторглась и в наш город»²⁷⁹. Мы уже знаем, что это за болезнь и почему скоро она вторглась в Антиохию и какие условия благоприятствовали быстрому развитию здесь этой заразы и упрочивали ее долгое существование. Последнее обстоятельство: что упрочивало существование арианства в Антиохии, – ибо ясно, что о нем идет речь у Св. Златоуста в похвальном слове Евстафию, – мы

еще раз заметим. Известно, что Антиохийская школа покоилась на принципах философии Аристотелевой, требовавшей строго рациональных представлений, разграничения высших и низших понятий²⁸⁰, и «ум ариан был упражняем в особенности категориями Аристотеля, которыми они и пользовались в своих богословских суждениях»²⁸¹. Здесь узел, тесно связующий арианство с Антиохией и причина, почему скоро эта болезнь пришла в этот город, и первое условие, почему упрочилась тут. Здесь эта болезнь распространилась быстро и сильно действует, как повальная болезнь, и не только здесь, в одном городе Антиохии, а во всех тех местах, где жило антиохийское направление умов. Эта зараза коснулась всего востока: Сирии, Азии, Понта и Фракии; прошла по всем слоям общества, начиная с представителей церкви, низших пастырей, клира, царей и народа, так что история встречает только отдельных личностей, ревностно защищавших потом Никейскую веру и посвятивших жизнь свою на борьбу с арианством, каковы, напр., были славные Каппадокийцы: Василий Великий, Григорий Богослов и Григорий Нисский²⁸². Арианство – было сила. Защитник православия в Антиохии – архиепископ Евстафий был изгнан и умер на чужбине²⁸³. Если в Александрии при известном настроении умов²⁸⁴ учение Ария нашло все-таки себе сочувствие, то чего можно было ожидать для этого заблуждения в Антиохии? Между прочим: Александрия и Антиохия – два противоположные полюса. Святой Григорий Богослов, изображая взаимные отношения епископов александрийствующих и антиохийствующих (выражение А. П. Лебедева)²⁸⁵ на II-м вселенском соборе, представляет картину характерного свойства: «те и другие сошлись между собою, как вепри, остря друг на друга свирепые зубы и искощая огненные очи²⁸⁶.

Но не одна эта болезнь, не одно заблуждение арианское было злом, с которым надобно было бороться в последние десятки лет IV столетия в Антиохии. Св. Иоанн Златоуст в похвальном слове Св. Священномученику Игнатию говорил о мире для церкви, – и не скрывал, что и «теперь» – во времена Златоуста, «управление церковью представляет много забот и

трудов предстоятелям ее». Раскол в церкви Антиохийской представляет собой, так сказать, религиозное состояние самого православного общества в Антиохии. Но это общество жило не особняком, изолированным от всяких других влияний. Среди 200 000 народонаселения в Антиохии было много во-первых заблудших религиозно чад церкви Христовой, было много язычников и иудеев. И все это были враги православной церкви Христовой, желавшие деятельно вредить целости церкви Христовой. И это было так возможно и удобно. Все они: еретики, язычники и иудеи жили не около, а среди православных, между ними и могли своими верованиями, воззрениями, убеждениями влиять на православное народонаселение Антиохии, привнося в общество православных христиан свои взгляды на учение Св. веры. Пастырю церкви Антиохийской нужно было прежде всего утверждать свое православное стадо в основных истинах веры, потом надобно было бороться с врагами Св. церкви. Св. Иоанн, уроженец Антиохии, получивший воспитание и окончательное образование в Антиохии, хорошо знал все значение отношений к православной церкви Антиохийской и стремление влиять на ее чад со стороны всевозможных ересей, язычества и иудейства. В ряду его творений, среди его церковных бесед, есть сочинения и исключительно направленные для борьбы с ерсями, с язычниками и иудеями, и потом, и в особенности, в общих нравственного и доктринального характера или содержания беседах много указаний на эту борьбу. И эти специальные сочинения против ересей, язычества и иудейства Св. Иоанна Златоуста, и эти указания на борьбу с этими врагами в его сочинениях вообще, а в церковных беседах в особенности, служат для нас источником, в свою очередь, для исследования религиозного состояния Антиохийской церкви за время Златоуста. И если бы мы оставили без внимания эту сторону общего религиозного состояния всей Антиохии, наш обзор религиозного состояния православной Антиохийской церкви, по нашему убеждению, представился бы не только неполным, а даже неверным, что было бы для нас весьма прискорбно, ибо мы желаем и стремимся представить нравственно-религиозное состояние Антиохийской церкви в его

истинном свете. Итак, нам предстоит исследовать отношение 1) еретиков, 2) язычников и 3) иудеев к православным чадам церкви Антиохийской.

Ереси

Но прежде чем мы возьмем в руки наш источник для знакомства с первым врагом церкви Антиохийской, скажем несколько слов о том: что представляли собой ереси за время жизни и пастырской деятельности Св. Иоанна Златоуста в церкви вообще и Антиохии – в частности. Это вам необходимо показать, чтобы возможно верно определять: с кем сражаться приходилось Св. Иоанну Златоусту, чтобы видеть, насколько опасно было зло для церкви, нужна ли была война, или только надобно было искоренять остатки враждебных влияний прежде бывшего нападения – все это может выяснить нам истинное религиозное состояние Антиохийской церкви. Возьмем период времени несколько ранний в том же IV веке. «С чем сравнить настоящее состояние?» спрашивает Св. Василий Великий и дает следующее беспристрастное, изображение состояния церкви в эпоху арианства его времени: «без сомнения, оно подобно морской битве, в которую мужи браннолюбивые и привыкшие к морским сражениям вступили с раздражением друг против друга. Как страшно с обеих сторон устремляются ряды кораблей! Предположи, если угодно, что корабли порываются сильной бурей, что мгла покрывает все туманом, что невозможно различить ни врагов, ни друзей»²⁸⁷. «И теперешнее обуревание церквей не сильнее ли всякого морского волнения? Друг на друга нападая, друг другом низлагаемся. Кого не нисправерг противник, того уязвляет защитник. Если враг низложен и пал, то нападает на тебя твой соратник. Как скоро враг прошел мимо, друг в друге уже видят врагов»²⁸⁸. Эпоха представляла картину удивительного религиозно-умственного брожения. Все спорили, все говорили, все с жаром стояли, кто за то, кто за другое, но мало прислушивались друг к другу. Все волновались. Не доставало спокойного обсуждения дела; умышленно или неумышленно не понимали друг друга»²⁸⁹. А propos: здесь мы будем немного в роли копииста трудов нашего досточтимого профессора, но не считаем себя вправе измышлять иную форму изложения фактов для выяснения

данного положения вещей. Ибо нам представляется: очень уже верно очерчена эпоха арианства, предшествующая времени пастырской деятельности Златоуста в Антиохии и что для нас так необходимо по намеченным целям. Мы крепко уверены в совершенной исторической справедливости показаний автора – нашего церковного историка.

Слова Святителя Василия Великого ясно относятся прежде всего к взаимному отношению ариан к православным и православных к арианам; а потом указывают взаимоотношения православных между собою. «Представляя себе две партии в истории церкви IV века – арианскую и противоарианскую или православную, антиохийскую и александрийскую», говорит автор «Вселенских соборов IV и V вв.», «мы должны быть далеки от мысли, что это были две партии, строго разграниченные во всех своих воззрениях, симпатиях и антипатиях средостением ограды. Вся церковь за исключением великих мужей в обществе православных и глав арианства – все представляло подвижной текучий элемент. Партии сближались, разъединялись, опять образовывались новые. Все представляло какой-то бурно-стремящийся поток. Взгляды партий на своих друзей и недругов были неустойчивы. Кто считался другом, своим для одних в известной партии, тот же считался недругом, волком у других в той же партии»²⁹⁰. В иллюстрации примеров, приведенных вашим досточтимым историком А. П. Лебедевым – мы возьмем только имеющие отношение к церкви Антиохийской и ближайшие к периоду времени Св. Златоуста. «Неодинаково смотрели в церкви на знаменитого Мелетия, епископа Антиохийского. Василий Великий всю жизнь остается в самых дружественных связях с Мелетием, ведет с ним дружественную переписку и восхваляет его. При одном случае он писал Мелетию: «все здешнее исполнено болезней и мне одно прибежище от зол, – мысль о твоей святости. Если, по молитвам твоим, пока я еще на земле, удостоюсь личного свидания с тобою и сподоблюсь внимать полезным урокам сего живого гласа или принять напутствие для настоящего и будущего века, то признаю сие величайшим из благ и почту для себя началом Божия к себе благоволения»²⁹¹.

Но однако же, тот же Мелетий остается вне церковного общения с Св. Афанасием²⁹². В церкви Римской и Александрийской Мелетий считался прямо еретиком, последователем Ария²⁹³, и Св. Афанасий поддерживал самые тесные сношения с Павлином, епископом Антиохийским, и всех сторонников Павлина называл своими возлюбленными²⁹⁴. Не так смотрели на Павлина другие представители православия. Василий Великий чуждался Павлина; он укоризненно отзывался о нем за его склонность к учению Маркелла и за то, что последователей этого еретика он принимает в общение²⁹⁵. Диодор, пресвитер Антиохийский лично упрекает Павлина за то, что он отвергал троичность Ипостасей²⁹⁶. Все в церкви было в каком-то беспримерном движении. Все дело сводилось к взаимным недоразумениям, взаимному недоверию²⁹⁷. Нужно было водворяться относительной тишине, поулечься увлечениям, и мир церкви мог наступить быстро, разумеется, в среде колеблющихся, увлекающихся. Так действительно и было²⁹⁸. Время, срок было лучшим средством для уврачевания ран. Это и видим в истории. Св. Иоанн Златоуст свидетельствует о трудах Св. Евстафия, епископа Антиохийского, против влияния новорожденной ереси ариевой и о его попечении о своей пастве и о всей церкви Христовой. «Он, бодрствуя, и наблюдая, и предвидя издалека все, имевшее случиться, отклонял угрожавшую войну и как мудрый врач, прежде нежели болезнь вторглась в город, приготовлял врачество и управлял этим святым кораблем с великою предусмотрительностью, посещая все места, воодушевляя корабельщиков, мореходцев, и возбуждая их к вниманию и бодрствованию, так как морские разбойники нападали и покушались овладеть сокровищем веры. И не только здесь оказывал он такое попечение, но и во все места посыпал людей, которые бы учили, убеждали, советовали, заграждали доступ противникам. Он был хорошо научен благодатью Духа, что предстоятель церкви должен заботиться не о той одной церкви, которая вверена ему Духом, но и о всей церкви по вселенной»²⁹⁹. Проповедник наглядно изображает подробности душпастырства блаженного архиепископа Евстафия. «Он не только заграждал уста врагам,

опровергал богохульные речи, но обходил и самых овец и узнавал, не уязвлен ли кто стрелою, не получил ли тяжелой раны, – и тотчас прилагал врачество. Делая это, он во всех вложил закваску истинной веры, и не прежде отошел, как когда уже, по устроению Божию, блаженный Мелетий пришел принять всю эту закваску; тот посеял, а этот пришедши пожал»³⁰⁰. Похвальное слово Св. Златоуста Мелетию, архиепископу Антиохийскому изображает, как этот ревнитель православия подготовлял торжество православия в пастве своей. Все это было во время еще сильного господства арианства в Антиохии. «Как только он вступил в город, тотчас был изгнан из него врагами истины, которые преследовали его. Но Бог попустил это, желая показать и его добродетели и вместе ваше мужество. Так как он, пришедши сюда, стал избавлять город от еретического заблуждения и, отсекая гнилые и неисцельно больные члены от тела, возвращать целой церкви совершенное здоровье; то враги истины, не вынося такого исцеления и склонив тогда царя, изгнали Мелетия из города, надеясь таким образом восторжествовать над истиной и воспрепятствовать исправлению прежде бывшего. Но случилось противное тому, чего они ожидали, и еще более обнаружилась ваша ревность и еще яснее просияла мудрость учителя: его мудрость тем, что в течение неполных тридцати дней он успел так утвердить в вас ревность по вере, что, несмотря на бесчисленные ветры, нападавшие впоследствии, учение его осталось в вас непоколебимым; а ваша ревность обнаружилась тем, что вы с таким тщанием приняли семена, посевенные им в течение неполных тридцати дней, что они пустили корни в глубину вашей души и уже не были истогнуты никакими случившимися искушениями»³⁰¹. И благие начинания не остались без успеха, – доброе семя принесло свой плод. Арианству нанесен был удар сильный, настала пора арианству усмиряться; пришло время, и мир в церкви стал водворяться³⁰². Ослабление значения арианства наглядно показывалось уже в судьбе самого Мелетия. Св. Евстафий, первый защитник православия в церкви вообще и в Антиохии в особенности, был изгнан из своего кафедрального города, – и безвозвратно. Мелетий в тридцать

дней показал себя, как добный пастырь Христова стада, – обнаружив тактику своих отношений к ереси – и тотчас изгнан; но на сей раз истина уже восторжествовала над заблуждением: «возвратившись из первого изгнания», скажем словами Златоуста, «он пробыл здесь не тридцать только дней, но целые месяцы, и год один, и два и больше»³⁰³ и целых восемнадцать лет (358–376)³⁰⁴. «Так как вы представили достаточное доказательство своей твердости в вере, то Бог и дал вам снова безбоязненно наслаждаться лицезрением отца»³⁰⁵. В последние годы святительства Мелетия арианство еще держалось в Антиохии, но уже сила его истощалась. В 379 году вступил на римский престол православный, благочестивейший государь – Феодосий 1-й³⁰⁶, и почва под ногами ариан стала еще менее твердою. С своей стороны Св. Златоуст, говоря о Мелетии, указывает в жизни его еще одно обстоятельство, послужившее орудием окончательного разрушения самостоятельности арианства в Антиохийской церкви и частью вообще на востоке. «Его – Мелетия – вызвала царская грамота, по устроению Бога, подвигшего к этому царя, вызвала его не в близкое и соседнее место, а в самую Фракию, чтобы и Галаты, и Вифиняне, и Киликийцы, и Каппадокийцы, все жители Фракии узнали наше сокровище, чтобы епископы всей земли, взирая на святость его, как на первоначальный образец и снимая с него очевидный пример служения в этом достоинстве, приобрели верное и яснейшее правило, по которому должно устроить церкви и управлять ими. Тогда многие из многих мест вселенной стеклись туда, как по великолепию города, так по причине пребывания в нем царя; епископы же церквей в то время, как церкви начали наслаждаться миром и тишиной после продолжительной борьбы и бури, все были созваны туда царскими грамотами. Поэтому тогда прибыл туда и Святой Мелетий»³⁰⁷. Речь идет о II вселенском соборе.

Мог ли иметь такое значение в соборном собрании отцов церкви Мелетий, епископ Антиохийский, какое придает ему Св. Златоуст? Отвечаем: мог и должен был иметь. Вопрос здесь главным образом, конечно, не о личных достоинствах святителя, потому что в этом случае мало быть человеком

высоких нравственных качеств, а о том значении, какое он мог иметь в отношении к главной цели II-го вселенского собора. А для сего достаточно вспомнить: 1) что самая мысль составления символа Константинопольского могла принадлежать только представителям Антиохийского направления³⁰⁸, ибо Афанасий Великий – представитель Александрийского направления – признавал неизменяемость и досточтимость Никейского символа³⁰⁹. 2) Собор Константинопольский вселенский в своей деятельности опирался более всего на собор Антиохийский 378 года³¹⁰. К сожалению, мы имеем очень скудные сведения³¹¹ о деятельности этого собора и не можем фактически подробно доказать этого влияния собора 378 г. на вселенский II-й собор; но отзыв отцов Константинопольского собора 382 г. придает первому авторитет, приравнивающий его к соборам вселенским³¹². – Несомненно, что Мелетий бесспорно занимал первенствующее положение и имел таковое же значение на II-м вселенском соборе. Об этом прямо и ясно свидетельствует Григорий Богослов³¹³. Известно, что Мелетий в церквях сирских и малоазиатских пользовался известностью, уважением и популярностью. По словам Василия Великого, весь восток признавал Мелетия истинным епископом Антиохийским и все почитали его, как человека «неукоризненного в вере и по жизни не имеющего никакого сравнения с другими»³¹⁴. Заметим кстати: вот, между прочим, доказательство, что похвальное слово Мелетию, сказанное Св. Златоустом, не есть панегирик, пристрастное восхваление благодетеля, незаслуживающее исторического доверия. Дружественное отношение Св. Василия к Мелетию было так благоприятно для последнего, что он был поставлен на высокий престол Антиохийской церкви арианами³¹⁵, которые имели основание, по свидетельству Св. Афанасия³¹⁶, считать его своим единомышленником и поэтому надеялись найти в нем опору себе³¹⁷. Он не оправдал их надежд³¹⁸, но подозрение в нечистоте его верований могло быть косвенно³¹⁹. Мелетию ставили в вину слишком раздельное представление о трех ипостасях Божества³²⁰. Словом, Мелетий в своем доктринальном развитии проходит школу, какую

проходили многие из тогдашних ариан: начал с решительного арианства и кончил несомненным православием³²¹. – Но вопрос: почему нам все это надобно говорить о Мелетие? что тут и как может быть интересным и относящимся к общей специальной цели, в частности, к исследованию последнего нашего вопроса? – Отвечаем: потому мы считаем необходимым сделать наше замечание о ходе доктринальского развития Мелетия, что нам могут возразить: да мог ли иметь Мелетий не только первенствующее значение, а даже хоть какое-нибудь – на вселенском соборе, когда на нем должно было тяготеть обвинение в неправославии, как мы видели выше в свидетельстве Афанасия? А это возражение, будь оно основательно, может навести на сомнение о преобладающем значении влияния арианского направления на II-м вселенском соборе. Это же обстоятельство, если бы сомнение могло стать уверенностью, имеет уже прямое отношение к нашей цели, как увидим ниже. Для нас очень важно убеждение, что собор Константинопольский – разумеем II-й вселенский – был выражением направления Антиохийского³²². Мысль эта новая. Она первый раз высказана профессором Моск. Дух. Академии А. П. Лебедевым в его знаменитой книге: «Вселенские Соборы IV и V вв.». Здесь высокочтимый автор рассматривает факты, составляющие в деятельности соборной подтверждение ему собственно принадлежащей мысли, как говорит он: мы надеемся найти в них более или менее ясное подтверждение нашей основной мысли (вышесказанной). Тем охотнее беремся за эту задачу, заявляет Алексей Петрович, что с подобной точки зрения еще никем не был обозрен ход дел на Константинопольском соборе³²³. В этом капитальном труде мы находим точку опоры для нашего исследования и убеждение в истинности воззрений³²⁴. Все двадцать четыре золотые страницы дают ясное и неопровергимое подтверждение влияния Антиохийского направления на II-м вселенском соборе и мы целиком цитируем эти страницы, как основу доказательства правильности нашего воззрения. Мы для нашей цели еще несколько остановимся на вероучительной деятельности II-го вселенского собора. Возьмем сущность

догматических определений этого собора, поскольку они выразились в символе этого собора. Символ этот, говорит А. П. Лебедев в своем знаменитом труде, – важен в троеком отношении: во 1-х, утверждением и раскрытием учения о Божестве второго лица Св. Троицы, Сына Божия; во 2-х, формулированием учения о Христе, как Богочеловеке; в 3-х, раскрытием догмата о Духе Св., третьей Ипостаси Св. Троицы³²⁵. Это вселенское исповедание веры полагало конец арианству, что в нем, его адептах неосновательного. В лучших, добросовестных сторонниках арианства были присущими: неудержимая жажда истины, полная готовность искать истину, стремление возможно полнее выразуметь истины веры, с дерзновением и усилием передать в слове то, что ускользало от всякого разумения; желание, чтобы словесные формулы, будь они самые возвышенные, в которых выражается вера, – говорили бы не слуху только, но и сердцу и разуму человеческому. Здесь в символе веры второго вселенского собора – Константинопольского – все это благородное настроение, – мы говорим о лучшей стороне в арианстве, – нашло себе полное удовлетворение. Это заключение мы основываем на следующих соображениях. 1) Возьмем всю систему арианизма в его главных и крайних положениях. Известно, что сущность арианства состоит в том, чтобы отличить, выделить Ипостась Сына от Ипостаси Отца. 2) Арианствующих богословов в IV в. волновали вопросы о лице Богочеловека, о воплощении Христа, о совершении Им дела искупления³²⁶. 3) Во втором антиохийском символе, предъявленном арианствующими, встречаем отчетливое учение о Духе³²⁷. Составители символа настаивают на мысли, что Ипостась Духа не следует смешивать с другими Ипостасями³²⁸. Постараемся уяснить себе содержание символа Константинопольского, чтобы видеть, насколько он мог удовлетворять пытливые умы арианствующих исследователей высочайших тайн христианской религии.

В изложении догмата о рождении Сына Божия от Отца в этом символе взята та же формула, какая есть и в символе Никейском; сделаны лишь следующие изменения. Изъяты

слова: «из сущности Отца» и прибавлены слова: «прежде всех век», по последнему слову богословско-исторической науки.

Исключены первые слова, потому что они давали представление, что был от вечности момент, когда Сын как бы выделился, произошел из существа Отца... Отцы исправили не совсем точный язык Никейского символа. «Иже от Отца рожденного прежде всех век». Эти последние слова момент рождения Сына ставили вне сферы всякого представления о каком-либо времени: бытие Сына и рождение Его являются у отцов Константинопольских одним и тем же предвечным актом. Рождение и бытие Сына не отличные один от другого акты, но один и тот же акт. Выражения: «рожденного прежде всех век» и «единосущный» в символе Константинопольском должны были пополнять и пояснять одно другое. Все отличия символа Константинопольского от Никейского в изложении учения о Богочеловеке сводятся к тому, что собор Константинопольский имеет целью возможно яснее изобразить плотское естество Богочеловека. Сюда направляются изречения: «от Духа Святого и Марии Девы» – указание на сверхъестественное, но человеческое рождение Христа; «распятого же за ны при Понтийском Пилате, погребенного» – признаки истинно человеческого страдания Христа; «седящего одесную Отца», «приидет со славою» – указание на то, что Богочеловек с Своим человеческим естеством пребывает и по окончании земного пришествия, «в нем же приидет судить мир и с ним же пребудет во веки»³²⁹.

В Константинопольском символе есть учение о Духе Святом, как истинно Божественной Ипостаси Троицы³³⁰. Это учение провозглашено было, замечает А. П. Лебедев, без сомнения для ниспровержения бесконечных неправильных воззрений относительно третьей Ипостаси Святой Троицы³³¹. (*)

(*) Симв. Никейский.

Веруем во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца всего видимого и невидимого; и во единого Господа Иисуса Христа Сына Божия единородного, рожденного от Отца. т. е. из сущности Отца, Бога от Бога, Свет от Света, Бога истинного от Бога истинного, рожденного, несотворенного, единосущного

Отцу, чрез Которого все произошло, как на небе, так и на земле; ради нас человеков и ради нашего спасения снисшедшего и воплотившегося, вочеловечившегося, страдавшего и воскресшего в третий день, восшедшего на небеса, и грядущего судить живых и мертвых; – и в Духа Святого.

Симв. Константиноп.

Веруем во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца неба и земли, видимого всего и невидимого; и во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия единородного, рожденного от Отца прежде всех веков, Свет от Света, Бога истинного от Бога истинного, рожденного, несотворенного, единосущного Отца, чрез Которого все произошло; ради нас человек и ради нашего спасения сшедшего с небес и воплотившегося от Духа Святого и Марии Девы, и вочеловечившегося, распятого за нас при Понтии Пилате и страдавшего и погребенного и воскресшего в третий день по писаниям, и возшедшего на небеса и седящего одесную Отца и паки имеющего прийти со славою – судить живых и мертвых, Которого царству не будет конца. И в Духа Святого, Господа, животворящего, от Отца исходящего, со Отцем и Сыном спокланяемого и сславляемого, глаголавшего чрез пророков.

Теперь, в виду сейчас изложенного содержания символа и лучших стремлений арианства, если мы поставим на вид, что «бурные споры привели мысль арианствующих богословов к несомненной истине, что не все, далеко не все можно доверить рассудочной критике в области религии и первое всего догмат о Троице, что в шестидесятых и семидесятых годах мы не видим уже у ариан таких бурных страстных соборов, какими были Тирский, Селевкийский и некоторые другие, что последняя четверть IV века с самого ее начала представляет эпоху, когда вообще в религиозных кружках благоразумие берет верх над полемическим ожесточением, когда напряженность сменилась успокоением, когда все почувствовали нужду умиротворения, – то будет понятно, с каким расположением могло быть принято арианами Константинопольское исповедание веры. А если ко всему этому присоединить свидетельство Св. Афанасия о современном ему настроении ариан, тогда становится ясно, как

Божий день, что благоразумные ариане с радостью встретили символ II-го Вселенского собора. «Во всем, что ни делают теперь ариане, слышится лишь один и тот же зов: пойдем к отцам своим и скажем им: анафематствуем арианскую ересь и признаем собор Никейский»³³². Ариане выражали желание во время Св. Афанасия признать собор Никейский, символ которого не отвечал существенным их вопросам. Тем более могло быть готовности признать собор Константинопольский и принять его символ. Из символа Никейского исключены были слова: «из сущности отца»³³³, а эти слова возбуждали и поддерживали бесконечные и жаркие споры, постоянный протест пытливых христиан в Антиохии, в числе которых ариане были первыми. Арианство имело исторические связи с Антиохийской школой, а задача этой школы с самого начала ее существования состоит в том, чтобы утвердить учение о полной всецелой человеческой природе в Христе, так сказать, уравновесить в Нем элемент естественный с сверхъестественным³³⁴. И этому направлению, как нельзя более, отвечает символ II-го Вселенского собора. Что же из всего этого следует заключить? В исповедании вселенской церкви ариане увидели истину; туман заблуждений, застилавший им глаза, рассеялся: догмат о Божестве Сына и Духа Святого наконец был принят и арианами, несмотря на то, что он выше разума³³⁵. В этом факте смерть арианству. Этот момент решил судьбу арианства и в самом сердце – средоточии арианства в Антиохии. Второй Вселенский Собор был в 381 году, а в 383 году рушилось арианское епископство в Антиохии: умер Дорофей, епископ ариан, и епископия их более не возобновилась. Лучшие люди в арианстве, умные люди, добросовестные искатели спасительной истины в символе II Вселенского Собора нашли удовлетворение своим законным стремлениям. Сила арианства исчезла из их рядов. Спрашивается, что же осталось от арианства в Антиохии? Справедливо можно сказать, как замечает Малышевский, что еретики еще держались в Антиохии³³⁶, – только пламень пожара потух, а головни еще дымились. Правда, они причиняли соблазн и смущение православным антиохийцам³³⁷, – но только от этого

соблазна и смущения и оберегал Св. Златоуст, как добрый пастырь, свое православное стадо. Эти, во всяком случае, неособенно многочисленные сторонники арианства были просто, надобно полагать, не возмогшие еще переубедить себя, заблудшие в вере, жалкие люди, если они были умные и сердечно верившие в свое заблуждение. А что это не были закоренелые еретики, это видно из слов самого Златоуста, в которых он указывает, что не только полуариане, а даже аномеи ходили слушать его вместе с православными и наконец стали высказываться с желанием услышать в его проповеди рассуждения и по предмету их учения³³⁸. Это обстоятельство доказывает в свою очередь нетвердость в своих убеждениях этих заблудших людей, что они более и более колебались в своих воззрениях. Десять слов Св. Златоуста удостоверяют, что аномеи все-таки существовали и могли иметь хотя некоторое влияние на православных чад церкви. По самому существу их стремлений, это должны были быть люди мыслящие. Сообщим кратко необходимые сведения об этих чистых арианах. Ариооло – название, выражающее сущность учения ереси. Сын Божий не только не равен и не единосущен Отцу, но даже не подобен Отцу по существу. – Это были истые или крайние ариане. Полуариане признавали Сына подобным Отцу. Эти последние распадались на две партии: одна признавала Сына во всем подобным Отцу, другая – просто подобным, подобным не по существу, а по воле³³⁹.

Общая исходная мысль аномеев коренилась в гностицизме. После Ария и Аеция эта мысль резко была наконец формулирована Евномием³⁴⁰. Гностики усвоили себе совершенное знание, высшее того, какое есть в церкви, как ее исповедание, основанное на простой вере. В духе такого самообольщения Евномий и аномеи утверждали, что Божество по самому существу своему доступно нашему знанию, постижимо разумом так же, как человек и его природа, что с таким знанием о Божестве они видят различие от Него Христа Сына Божия, в котором нет Божественности, нет подобия Божия по существу, так что Он является творением Божиим, хотя и высшим других творений³⁴¹. И вот, в обличение этого дерзкого и

нечестивого учения Златоуст говорит «о непостижимом»: «знаю, что Бог есть повсюду, и повсюду есть Бог, но каким это образом – не знаю. Знаю, что Он безначален, не рожден, вечен, но как это – не знаю, потому что для мысли недоступно бытие такого существа, которое не получало начало ни от себя, ни от другого». В 10-м слове о четверодневном Лазаре, размышляя о плотском смирении Христа, Св. Иоанн Златоуст говорит: «Итак, узнав из всего сказанного о власти Христовой, если увидим, что Он иногда делал и говорил нечто смиренное, не будем приписывать Ему уничиженного естества. И самое принятие плоти допустил по смирению, а не потому, чтобы Он был ниже Отца. Откуда это видно? Ибо враги истины разглашают и это, говоря: «Если Христос равен Родителю, то почему Отец не принял плоти, а Сын принял образ раба? Не очевидно ли потому, что Он ниже отца? – Влияние ариан на православных также ясно указывает Св. Иоанн в своих беседах. Из многих мест мы возьмем хотя одно. «Единородному говорит Отец: *соторим человека по образу нашему и по подобию*. Здесь наносит он смертельный удар и мыслящим по ариански. Да и последующие слова показывают нам единосущие Отца и Сына. Вот Он говорит: «*по образу нашему*» – и из-за этого хотят Бога называть человекообразным. Что в самом деле может сравниться с этим безумием, когда еретики не только не хотят пользоваться учением богоухновенного писания, но и обращают оное в величайший себе вред. Говорите, что слова «*соторим человека*» сказаны не к какой-либо из служебных сил, но к Самому Единородному Сыну Божию: и умствующим по ариански отсюда же доказывайте равночестие Сына с Отцом»³⁴². Объясняя псалмы, Св. Златоуст останавливается на словах: «*из чрева прежде денница родих тя*» и говорит: «Это означает равенство чести Отца и Сына. Это может заградить уста и тем, которые держатся мыслей Ария»³⁴³. И много есть указаний в сочинениях и беседах Златоуста о существовании в Антиохии ереси чистых и более умеренных ариан и об их отношении к православным. Сущность бесед с еретиками и об еретиках одна и та же, хотя выражения и различны. Мы считаем достаточным для нашей цели то, что дословно здесь привели из

творений Св. Иоанна и о других указаниях умалчиваем, не желая быть многословными³⁴⁴. Здесь мы окончили бы наше исследование о существовании аномеев в Антиохии, но не считаем себя вправе оставить без внимания одно обстоятельство. В книге: «Вселенские Соборы IV и V вв». А. П. Лебедева мы встретили подстрочную заметку, – выписываем суть ее: аномеи имели очень мало кредита в обществе христианском; их влияние было ничтожно; ко временам II-го вселенского собора вовсе исчезают из среды церковной. «Вообще полуариане составляли собой – церковь, а аномеи лишь секту». Наше знакомство с творениями Златоуста убеждает нас в справедливости этого замечания. Аномеи были, но они именно уже «почти» исчезают из сферы церковной, ходят в православную церковь, слушают православного пастыря и сами даже просят говорить с ними об их веровании. Эту слабость секты мы в своем месте подметили. И еще скажем для наглядности: Златоуст говорит: «Теперь по милости Божией, слыша, что они – зараженные этим злом (аномеи) сами приглашают меня и желают, чтобы я обратился к этим состязаниям, смело приступаю к исполнению моего намерения (о непостижимом)»³⁴⁵.

Взгляды на вещи бывают различны. Г. Малышевский в речи об арианах в своей биографии «Св. Иоанн Златоуст» говорит, что аномеи имели своего епископа в Антиохии – Феодора или Дорофея († 383), т. е. признает общество их церковью, – и вообще дает какое-то смешанное представление: не уяснишь, о ком он говорит: об аномеях или полуарианах³⁴⁶. Если так, если аномеи были, напр., малочисленны, то спрашивается, чем объяснить борьбу Св. Златоуста с ними, как видится, довольно сильную? – 10 слов против аномеев! Но во-первых: Христос, изображая доброго пастыря, представил такой пример его попечительной деятельности, что он оставляет 99-ть незаблудших овец своего стада и идет искать одну, заблудившуюся в горах. Потом: если отцы церкви писали по преимуществу против аномеев, то не потому, что их умствования были более распространенными, а потому, что литературная борьба с ними представляла более удобств;

крайние воззрения легче было опровергнуть, тогда как идеи полуарианские представляли собой материал очень неопределенный, трудно уловимый для критики³⁴⁷. Мы со своей стороны заметим: Златоуст действует, как пастырь-проповедник и ищет спасения, хотя бы и одного заблудшего от пути истины человека; говорит много и долго потому, думаем, что вообще имеет дело в этом случае не с толпой, а с людьми размышляющими, ибо полагаем, только умные люди могли уклониться в чистое арианство-аномейство, начисто отвергающее веру и на место ее ставящее доводы разума: если Бог непостижим, значит, мы почитаем Бога, которого не знаем³⁴⁸. А разбивать разумовые убеждения не так то легко! Думают, что аномеи были сильнее и многочисленнее всех других еретиков в Антиохии, потому что сам Св. Златоуст говорит: «давно порывался я предложить вам слово об этом – о непостижимом, – но удерживался и медлил, видя, что многие из зараженных сим недугом (ересью аномеев) с удовольствием слушают меня». Могли быть люди, сочувствующие только заблуждению, а к secte не принадлежащие всецело; потом, что представляли эти многие в Антиохии, где 200.000 народа и 100.000 православных, а остальное население: язычники, евреи и целый полк различных еретическиствующих личностей?

Полуарианство в Антиохии уже робко высказывало свои взгляды и избитые выражения арианского заблуждения были настолько ходячей монетой, что пастырь-проповедник до того не считает адептов ереси опасными, до того считает их ничтожными, что указывает своей обширной пастве возможность самозащиты, как мы видели выше в кратких указанных вами выдержках, а таких мест в беседах его много. И сам пастырь-проповедник говорит о заблуждениях арианских, кроме слова против аномеев, не нарочито с специальной целью, а к случаю, мимоходом, вскользь. – Итак в Антиохии ариане: 1) аномеи, 2) полу- ариане: а) более умеренные и б) менее умеренные были и к православной церкви отношение имели, но все они весьма серьезной опасности для церкви не представляли, ибо все были в состоянии предсмертной агонии. Вот, по крайнему нашему убеждению, истинное состояние

арианской ереси в Антиохии за время Златоуста по его творениям.

Св. Иоанн Златоуст в одной из своих бесед в Антиохии укоряет своих сограждан-единоверцев в легкомыслии, с каким они увлекались всяkim ветром учения и нередко переменяли свои верования. «Хотите», говорит³⁴⁹, — «хотите ли, я скажу вам, что говорят о нашем городе, как осуждают нас в удобопреклонности на убеждения других? Говорят, что у нас всякий, кому угодно, найдет себе последователей и не будет иметь в них недостатка». И конечно, колеблющиеся всяkim ветром учения были люди без своих убеждений, без своих воззрений на дело, просто любители суесловия, острословия, словопрений, говорившие о вере в театрах, цирках, на конских ристалищах, которых эти рассуждения забавляли³⁵⁰. «Вижу», говорит Св. Иоанн, «людей, которые, не обучив разума Божиим словом, не имея даже познания о писании, — о многом другом умолчу от стыда, — неистовствуют и пустословят, не разумеюще, ни яже глаголют, ни о них же утверждают, осмеливаются стоять на одном своем»...

Характерен взгляд Св. Златоуста, как он смотрел на состояние душевных сил у еретиков, — взгляд, дающий в свою очередь понятие о том, что представляли собою ереси в Антиохийском обществе. «Умоляю всех вас обходиться с еретиками, как со страждущими помешательством в уме, с впадшими в неистовство (бесноватыми) и по мере сил своих стараться уврачевать их, беседуя с ними кротко и снисходительно»³⁵¹.³⁵²

При таком настроении Антиохийского общества, при его легкомыслии, неудивительно, что здесь, в самой Антиохии, в городе находились последователи многих ересей. Св. Иоанн Златоуст в своих творениях указывает существование ересей — и старых, возникших в прежние столетия, и новых, появившихся в IV веке. Там были, по этим показаниям, кроме ариан в их различных видах, и Маркиониты, и Манихеи, и последователи Павла Самосатского, Маркелла и Фотина, Аполлинария, Валентина и Македония.

Св. Иоанн Златоуст в некоторых местах своих творений и прямо называет ереси или их начальников, а иногда, и большою частью, обличает лишь заблуждения. Поэтому представляется необходимым вообще, а особенно в последнем разе, наметить сущность вероучения каждой из вышепоименованных ересей, чтобы прямо можно было видеть, приводя выдержки из творений Златоуста, – о каком заблуждении идет речь. Итак, мы сообщим предварительно сведения о сущности каждой из означенных ересей, предварив хотя кратчайшими историческими сведениями об ее происхождении и существовании.

Маркиониты происходили от Маркиона, родившегося во II веке в Синоне. За любодеяние он был отлучен от церкви собственным отцом, епископом Понтийским. Маркион искал прощения в Риме от Аникиты. Но когда сей не отважился разрешить связанного другим епископом, то огорченный сим отказом Маркион пристал к Кедрону еретику и впоследствии сам сделался ересеначальником. Не умев объяснить существования добра и зла в человеке и в мире, он допускал два начала, – одного творца духов и душ, – а другого творца тела и материи. По его учению плоть служит началом всех греховных движений в душе человека; он осуждал супружескую жизнь и утверждал, что Сын Божий Иисус Христос имел только призрачное тело³⁵³.

Современные нам биографы Св. Иоанна Златоустого: свящ. В. Лебедев, г. Малышевский, г. Альберт, о. архимандрит Агапит о существовании всех сейчас названных ересей или ничего не говорят или говорят очень мало, до того, что только называют указанные заблуждения по имени: были, мол, чего же вам больше. Малышевский и Альберт ниже именуют; о. Лебедев лишь только называет; о. Агапит говорит нечто, но так уж мало, что единственно дает вот эти краткие исторические сведения о Маркионе, происхождение его ереси и содержание ее учения, да еще одну картину – крещение у Маркионитов. Все эти авторы или совсем не придают значения поименованным ересям в жизни христианского общества Антиохии IV века или хотят сосредоточить свое внимание, так сказать, на главном,

преимущественною популярностью пользовавшемся заблуждении, каковым признают арианство; или, не имея прямо исторических указаний, не сочли возможным взяться за таковые показания современного Антиохийского проповедника, или просто не хотели. Как бы то ни было, но сведений о ересьях в Антиохии, бывших за время Златоуста, у всех наших биографов нет. В творениях Св. Златоуста указания есть, и мы считаем прямым своим долгом пробел этот пополнить. Первые указания Св. Иоанна на ересь Маркиона мы встретили в сочинениях иноческого периода жизни Св. Златоуста и вообще в творениях его за время до священства.

«Когда бы не было зла, – человек богатеет, хищничает и все-таки благоденствует, – кому бы пришлось отыскивать причину зла и этим изысканием возбуждать бесчисленные ереси? Ибо и Маркион, и Манес, и Валентин отсюда начали свои ереси»³⁵⁴. Мы сделаем краткий, но возможно полный кодекс пунктов еретического учения словами Златоуста без всяких комментариев. «Принявшие сумасбродство Валентина и Маркиона... исключают из числа божественного писания закон, данный от Бога Моисею»³⁵⁵.

Постараемся привести в некоторую систему указания Златоуста на заблуждения Маркиона сообразно показанию его учения, сделанному выше... «*В начале сотвори Бог небо и землю*». «Моисей и все ереси, появляющиеся в церкви подобно плевелам, исторгает этими же словами. Подойдет ли к тебе Манихей, утверждающий, что прежде существовала материя, или Маркион, или Валентин, или кто из язычников – говори им: в начале сотвори Бог небо и землю»³⁵⁶. «Чтобы не подумали, что тварь чужда Еgo, Божией премудрости, как впоследствии говорили клеветники Маркиониты, Он – Христос для совершения чуда употребляет в орудие самую тварь – пять хлебов и две рыбы»³⁵⁷. Да посрамится Павел Самосатский, да посрамится Маркион, которые не хотели видеть, что видели волхвы, первенцы церкви. Да посрамится Маркион, видя, что Богу покланяются»³⁵⁸. «А что Он – Христос уклонялся, когда иудеи искали убить Его, этим Он подтверждал Свое воплощение и удостоверял в нем, чтобы ничего не могли

сказать ни Павел Самосатский, ни Маркион»³⁵⁹. «Зараженные учением Маркионовым суть чада диавола, потому что они изглаждают ту истину, для утверждения которой все сделал Христос и для уничтожения которой все усилия употребляет диавол, – я разумею крест и страдания»³⁶⁰. По мнению их – еретиков – Христос или не воскрес, – если воскрес, то до воскресения согрешил, – они утверждают, что воскресение состоит в очищении души и освобождении от грехов. Это не учение апостольское. Маркион и Валентин – вот кто это выдумал»³⁶¹. «Понеже, что сотворят крестящиеся мертвых ради, аще отнюдь мертвые не восстают, что и крещаются мертвых ради (1Кор.15:29). Как искажают эти слова зараженные ересью Маркиона. У них, когда кто-нибудь умирает из оглашенных, то они, спрятав живого под одром умершего, приступают к мертвому, говорят с ним и спрашивают: желает ли он принять крещение? Так как он ничего не отвечает, то спрятанный под одром отвечает за него, что желает принять крещение и таким образом крестят его вместо умершего, разыгрывая как бы представление на зрелище»³⁶².

«Доселе еще делает он – Св. Ап. Павел – помышления низлагающе и всяко возношение взымающееся на разум Божий. И хотя многие из еретиков предпринимали терзать его, но растерзанный по членам, он являет великую силу. Ибо пользовались им и Маркион и Манихей, но рассекши его на части, как это сейчас видели»³⁶³. Во всех этих указаниях Златоуста ясно видно существование ереси Маркиона, знакомство Св. Иоанна с подробностями учения ереси, которые проповедник в своих беседах опровергает, доказывая, что единый Творец неба и земли, видимых всех и невидимых – Бог, что зло не в материи, что Спаситель мира – Богочеловек, – в особенности утверждая истину спасительности Христовых страданий. «Поелику имели явиться последователи Маркиона, Валентина и Манеса, отвергающие сие строительство спасения», говорит Златоуст, по сему Он непременно напоминает о страдании и чрез самые таинства, дабы никто не был обольщен, – и таким образом сею священною трапезою и спасает и вместе наставляет, ибо это начало благ»³⁶⁴. Оставляя

другие и многие места творений Златоуста, указывающие на ересь Маркиона³⁶⁵, заключим наше обозрение этой ереси беседой Св. Златоуста против осуждения Маркионитами супружеской жизни. «Богу угодно, чтобы все люди воздерживались от брака (1Кор. 7: 79), «говорит Св. Иоанн. «Он предложил трудный и важный подвиг только для тех», прибавляет он, «кто в состоянии исполнить его» (Лк. 7:10; 1Кор. 7:25). «Однако ни Маркион, ни Валентин, ни Манихей не выдержали этой умеренности. Поэтому они погубили и всех последователей своих, обременяя их... бесполезным и невыносимым трудом». Так писал Св. Златоуст, еще бывши диаконом, в слове о девстве³⁶⁶. После, к концу своего пресвитерства в Антиохии, Св. Иоанн снова возвращается к ереси Маркиона, – факт, что она жила еще среди Антиохийцев, хотя уже более в практической жизни, чем в теоретическом учении.

«Устроивши по всем градам пресвiterы»... «Аще кто есть непорочен, единые жены муж» (Тим. 1:5–6). «Для чего он – Св. Ап. Павел – представляет такого человека? Он заграждает уста еретикам, осуждавшим брак, показывая, что это дело нисколько непредосудительно, но так честно, что при нем можно восходить даже на священный престол (епископский); вместе с тем он укоряет людей невоздержных, не позволяя после второго брака принимать эту власть» (епископа)³⁶⁷. И в другом месте бесед на это же послание к Тимофею Св. Ап. Павла Св. Иоанн еще раз обращается к Христову учению о святости брака. «Да отвергшея нечестия и мирских похотей» (Тит. 2:11–14). «Христос, говорит, пришел для того, чтобы отверглись нечестия. Нечестием Апостол называет нечестивое учение, а мирскими похотями – порочную жизнь. «Целомудренно и праведно поживем в нынешнем веце». Видишь ли, целомудрие, как всегда я говорю, состоит не только в том, чтобы воздерживаться от прелюбодеяния, но и в том, чтобы воздерживаться и от прочих страстей: как тот прелюбодей пристрастен к телесному наслаждению, так этот любостяжательный – к богатству. Итак, скажешь, страсть к богатству слабее, нежели страсть к телесному наслаждению? Это всем известно и открывается из

многого: и во-первых, страсть к телесному наслаждению происходит в нас необходимо, – как происходящая в нас необходимо, она и обуздывается с великим трудом, потому что она внедрена в нас от природы; во-вторых, древние о страсти к богатству не много рассуждали, а о страсти к женщинам – много, для сохранения целомудрия. Живущего законным браком с женою даже до старости никто не станет осуждать, а корыстолюбивого все, и даже из внешних языческих философов многие презирали богатство, а женщин никогда. Так эта страсть сильнее той. Впрочем, слово наше обращено к церкви, посему будем приводить доказательства не от вне, а от писаний. О любостяжании блаженный Павел говорит почти в виде заповеди (1Тим. 6:8), а о женах так: *не лишайте себе друг друга, точно по согласию и паки вкупе собирайтесь* (1Кор. 7:5), и часто преподает правила касательно законного сожития. Он позволяет удовлетворять это пожелание и вступать во второй брак, с великим попечением говорит об этом предмете и никого не подвергает за это наказанию³⁶⁸. Христос касательно богатства многократно заповедал, чтобы мы убегали проистекающей от него гибели, а о воздержании от жен говорит не так. О богатстве, послушай, что говорит: *иже не отречется от всего своего имения* (Лук. 14:33), – но нигде не сказал: иже не отречется от жены, потому что знал, как это было бы жестоко. И блаженный Павел говорит: *честна женитьба и ложе не скверно* (Евр. 13:4). К чему мы сказали все это? К тому, что любостяжательные невоздержнее прелюбодеев, то желание так естественно, что хотя бы иной и не приближался к жене, природа действует и производит свое, а здесь у любостяжателей не бывает так»³⁶⁹. Св. Иоанн Златоуст в одной беседе на первое послание к Тимофею указывает причину, почему он так распространяется о браке: «если ты не вступаешь в брак, потому что хочешь упражняться в страхе Божием и между тем не упражняешься, то не принесет тебе никакой пользы и то, что ты служитель пришельцам и святым. Впрочем, если не делаешь и этого, то, очевидно, воздерживаешься от брака больше потому, что осуждаешь это дело – брак, как скверный и нечистый – сие свойственно еретикам»³⁷⁰.

Понятно, что в каждом слове проповедника Антиохии слышится чувство искреннего желания пастыря охранить свое православное стадо от колеблющего его ветра еретического учения о важнейшем жизненном акте. Мы сделали выдержку в некоторой подробности и не раскаиваемся. Это слово в возможной его целости выясняет сущность дела: и существование еретического учения, и его влияние на православных чад церкви Христовой, и борьбу пастыря с волком, не щадящим стада. Наши цитаты творений Златоуста в указаниях заблуждений Маркиона невольно касались других еретиков: Валентиниан и Манихеев относительно тех воззрений, которые представлялись общими в означенных ересях. Скажем несколько слов о каждой ереси особо. Все эти три ереси: *и Маркиониты, и Валентиниане, и Манихеи* – ереси древние, в историческом своем происхождении III века, II-го и даже I-го. О *Валентине* мы встретили следующие сведения. Это был выразитель гностицизма египетского типа³⁷¹. Он был родом из Египта, жил в первой половине II-го века, прибыл в Рим при папе Гигине в 140 году, стал знаменит при Пие I-м и дожил до времени папы Аникиты. Умер на острове Кипре в 160 году. Сочинения его до нас не дошли³⁷². Система Валентина обстоятельно излагается в древнейшем и важнейшем источнике для изучения гностицизма вообще, у Св. Иринея, епископа Лионского, в первой книге его: «обличения и опровержения лжеименного знания»³⁷³. Постараемся определить положение валентинизма в гностицизме, чтобы иметь ясное представление, в какой форме это заблуждение опровергается Св. Златоустом, как ересь, существовавшая в его время в Антиохии. – Гностицизм – так называется совокупность религиозно-философских (теософских) систем, которые появились в течение первых двух веков нашей эры и в которых основные факты и учение христианства, оторванные от их исторической почвы, разработаны в смысле языческой, – как восточной, так и египетской – мудрости³⁷⁴. Мы не беремся говорить о происхождении гностицизма, но считаем необходимым хотя кратко указать основные черты в

классификации гностических учений. Владимир Соловьев представляет следующие различные группы гностицизма:

1) существенная для гностиков непримиримость между абсолютным и конечными, между Божеством и миром. Происхождение мира объясняется неведением или ненамеренным отпадением или отдалением от Божественной полноты. Творец неба и земли является совершенно отдельным от верховного Божества, но не злым, а только ограниченным существом. Этот первый вид представляется гностицизмом Египетским. Сюда принадлежат как зачаточная форма гностицизма в учении Керинфа, современника Св. Ап. Иоанна Богослова и наученного в Египте, по свидетельству Св. Иринея, так и самые богатые содержанием и наиболее обработанные и долговечные учения, а именно: системы Валентина и Василида.

2) Гностическое раздвоение выступает с полюю резкостью именно в космогонии. Мир признается прямо злонамеренным созданием противобожественных сил.

3) Гносис Малоазиатский, представляемый главным образом Кердоном и Маркионом. Здесь гностические антитезы выступают не столько в космогонии, сколько в религиозной истории, противоположность не между злым и добрым творением, а между злым и добрым законом – антиномизм – между ветхозаветным началом формальной правды и евангельской заповедью любви³⁷⁵. Мы не будем излагать подробностей учения валентиниан о Боге, о эонах, о мире и душе, о Христе и спасении. Св. Ириней говорит о Валентинианах, что они, как дознал он – Св. Ириней – извлекли свое учение из всех ересей гностического характера.

Св. Иоанн Златоуст в нескольких беседах своих сосредоточивает внимание на учении еретиков о материи, как начале зла и особенно опровергает их заблуждение о том, будто и материального начала в Спасителе не было, – ибо материя не воспринимает спасения, и тело Его было особенное, призрачное³⁷⁶. Все это мы видели уже в вышеприведенных нами цитатах из творений Златоуста³⁷⁷. Приведем еще одно свидетельство Златоуста о существовании ереси Валентина в Антиохии и закончим наше обозрение этого заблуждения. Еще

Св. Ириней в опровержение ереси Валентина, доказывая, что Иисус Христос есть истинный Бог и истинный человек³⁷⁸, разбирает пророчество Исаии о рождении Еммануила от Девы и показывает цель пришествия Христова на землю (гл. XVI–XXV). Это же доказательство не забыто против учения тех же еретиков и Св. Златоустом. Вот оно: «дабы кто-нибудь, слыша об Еммануиле, не впал в ересь Маркиона и в болезнь Валентина касательно домостроительства, он, пророк», говорить Св. Иоанн, «отдельно прибавляет и яснейшее доказательство домостроительства, указывая на пищу, ибо Он, говорит, масло и вино снест³⁷⁹».

Насколько сильно развита была ересь эта в Антиохии – наш взгляд выражен выше: Златоуст говорит мимоходом, – думаем, что заблуждение не было в особенной силе в Антиохии.

По тесной связи между заблуждениями Маркиона, Валентина и Манихеев в слове Златоуста отметим теперь особенности ереси *Манихейской*, которые указывает Златоуст в своих творениях.

В сочинении «о девстве» Св. Иоанн рассуждает о богоугодности девства и здесь же со всей силой убеждения обличает неправильное учение еретиков об этом подвиге, будто бы для всех обязательном. «Подвиг девства», говорить автор, «один и тот же как у нас, так и у еретиков, у них даже может быть больше; награда за подвиг не одна и та же: их ожидают узы, слезы, плач и вечное мучение, нас жеребий ангельский». Далее сочинитель раскрывает преступность ересеучения: «почему же», спрашивает он, «за одни и те же подвиги столь противоположные воздаяния? Потому, – отвечает, – что одни избрали девство, чтобы поставить закон, противный Богу (еретики); мы же принимаем его, исполняя волю Божию».

Обосновавши затем взгляд Христа и Его Апостолов на подвиг девства: *моги вмстити, да вмстит*, – относительно девства я не имею повеления Господня, но даю совет, – Златоуст восклицает: «однако ни Маркион, ни Валентин, ни Манихей но выдержали этой умеренности»... Из следующих слов об еретиках: «они погубили последователей своих» можно, пожалуй, заключить, что автор указывает на

историю ересей когда-то бывших в церкви Антиохийской. Но вот свидетельство, что ересеучение сейчас живет среди верных истине: «О, вы несчастней даже еллинов», говорит автор, ибо хотя «еллинов и ожидают муки геенны, однако они по крайней мере в здешней жизни наслаждаются неоднократными брачными союзами, деньгами и другими удовольствиями жизни. Вы везде терпите мучения и страдания, здесь – добровольно, а там – против воли». И потом прямо и положительно говорит о том, что живо и действительно среди людей, кому он пишет, следование преступному учению еретиков. «Вы, говорит, которые исполняете его, потерпите наказание»³⁸⁰. Поясним слово Златоуста историческим показанием на *вероучение Манихеев*. Мы встретили сведения о возникновении Манихейской ереси у отца церковной истории Евсевия Памфила. «К этому времени – 285 г. по Р. Х. – приготовил свое сумасшествие, свой превратный смысл и Манес, давший имя известной демонской ереси, ибо точно сам демон, враг Божий – сатана ко вреду многих выбросил на свет этого человека... он дерзнул представлять из себя Христа, провозглашал себя утешителем и самим Духом Святым. Ложное и безбожное учение свое сшил из тысячи мнений, принадлежавших давно угасшим ересям»³⁸¹. Подробнее говорит об этой ереси Сократ, церковный историк IV века, обращая внимание на исторические условия возникновения ереси. «Незадолго до времени Константина к истинному христианству начало прививаться христианство язычествующее. Тогда к христианству Манес принаравливал учение языческого философа Эмпедокла». И далее рассказывает, кто был Манес, откуда и как он отважился на такую дерзость, указывая, что Манес соединил в одно целое христианство и учение Эмпедокла и Пифагора³⁸². – В чем заключается сущность этой ереси? «Первоначальная сущность его системы», говорит Фаррар, «была антихристианская, так как это был дуализм. Манес учил, что существует два вечных начала – свет, который есть добро, и материя, которая есть зло. Христос не истинный человек, а только облеченный в телесную видимость. Христос на кресте – эмблема страданий каждой души. Манес – Параклет, коего Христос обещал послать в мир.

Священство Манихеев – избранные; они назначались поддерживать влияние Манеса посредством аскетического воздержания от брака, винопития и животной пищи, за что они наслаждались истиной, знанием и разумом – паролями манихеев. Чистые души, освобожденные посредством знания от проклятия злой материи, сначала переходят в солнце, потом на звездное небо, наконец в первоначальный свет. Неочищенные и неосвобожденные души должны были достигать своего очищения посредством бесконечных переселений, причем они проходили через тела животных и растений. Манихеи пользовалось своими диалектическими способностями для уничтожения ветхого завета и доказывали, что первоначальное откровение было безвозвратно искажено иудейскими монотеистами. В Евангелиях также, по их заявлению, было много вставок и противоречий. Но все места, в которых апостолы Иоанн и Павел говорят о противоположности между светом и тьмою, плотью и духом, они приводили в подтверждение своего собственного дуализма, так как, по их мнению, в этих частях нового завета содержалось первоначальное откровение. Особенным злом системы этих еретиков было то, что они свободно пользовались всякими выражениями христианства в совершенно ином смысле от того, какой придавали им христиане. Их таинства, известные только избранным, были омерзительного свойства. Они имели свой праздник «Кафедры» Манеса, который состоял в том, что пред пышно задрапированным креслом, стоявшим на площадке, возвышавшейся на 5 ступеней, поклонялись все бывшие в собрании манихеев³⁸³. В IV веке Манихеи представляли собой могущественную и многочисленную общину³⁸⁴. Блаженный Августин многие годы и живым словом и письменем неустанно боролся с этой ересью, и целые десятки книг написал против Манихеев, желая ниспровергнуть учение дуализма, стремясь установить учение о верховном единстве Бога, о зле, как небытии и отрицании, которого источник в человеческом несовершенстве, в немощности человеческой воли, а не в Боге, не в вашей телесной природе, не в природе вещей, которые

сами по себе безразличны³⁸⁵. Теперь несомненно понятны будут нам речи Златоуста, в которых он обличает ересь Манихейскую.

Свои мысли против Манихейского девства Св. Иоанн повторяет в других местах своих творений. «Хотя их – дев – тело и неосквернено, но мысли, которые важнее тела, развращены... Но она покажет мне бледное лицо, тощие члены, бедный покров и кроткий взгляд? Какая в этом польза, если внутренний взгляд бесстыден. Покров их беден, но ведь не в одеждах и цвете лица, а в теле и душе заключается девство»³⁸⁶. А что именно здесь речь о преступном еретическом безбрачии, так вот указание Св. Златоуста, встречаемое тут же. «Все подвижники воздерживаются от сего, говорит Павел (1Кор. 9:25), т. е. от всего того, что вредит чистоте душевной, и никто не увенчивается, если незаконно будет подвизаться»³⁸⁷. Итак, какие же условия этой борьбы?... брак честен и ложе нескверно» (Евр. 13:4)³⁸⁸.

Обратимся к свидетельствам Златоуста о других заблуждениях Манихейства в Антиохии. – Было здесь в ходу учение о судьбе душ неочищенных. – «Сами они дерзают низводить существо Божие до кошек и собак», говорит Златоуст о язычниках в слове на Рождество Христово, «а многие из еретиков – даже до животных еще худших. Они – язычники – и подобно им преданные нечестию Манихеи, низводя существо Божие до собак, обезьян и различных зверей, ибо они утверждают, что душа всех этих животных происходит из Его существа, – не боятся и не стыдятся»³⁸⁹.

Нередко Св. Иоанн говорит против Манихеев и других еретиков о происхождении зла в мире. Говоря о ереси Маркиона, мы привели одно место из творений Златоуста³⁹⁰, – дополним его здесь несколькими указаниями. «Чтобы опровергнуть наших противников, рассмотрим все возражения», говорит Св. Иоанн. «Они говорят, что Бог, сотворивший мир, есть какое-то злое существо. А умереннейшие из них, хотя сего не утверждают, но, называя Бога правосудным, не признают Его благим. Дают Христу другого какого-то отца, коего и нет и который ничего не сотворил... Бог, которого они не называют благим, пребывает в своей области и сохраняет принадлежащее

ему, а Бог благий входит в чужую область и вдруг хочет сделаться спасителем того, чего не был творцом³⁹¹. Зло не рождено. Под каким-то благовидным предлогом вымыслили – злоба диавольская – новое нечестивое учение. Желая показать, что зло не от Бога происходит, люди ввели новое нечестивое учение, признав зло нерожденным»³⁹². Объясняя слова Св. Евангелиста Иоанна: «и мир Его не позна», Св. Златоуст говорит: «отчего не все знают и Отца (Господа Иисуса Христа)? Ибо некоторые говорят, что все в мире становится самодвижно; другие попечение о всем приписывают демонам; а есть и такие, которые, кроме истинного Бога, измыслили для себя какого-то другого. Из сих иные богохульствуют, утверждая; будто есть какая-то противная Богу сила, и еще думают, что закон Божий принадлежит какому-то злому духу. Что же? ужели потому, что некоторые отвергают Бога, и мы будем говорить тоже, или согласимся, что Он – зол, как и это некоторые богохульствуют? ³⁹³». Христос низвергает этим чудом – претворяет воду в вино, – и возродившееся противное церкви учение. Ибо есть такие, которые говорят, что существует некоторый иной создатель мира, и что видимое не Им (Богом) сотворено, а каким то другим враждебным Ему богом. Это – лжеучение Манихеев», прибавляет Св. Иоанн³⁹⁴. Златоуст представляет образчик извращения еретиками слов Св. Писания. Например: *Начаток духа имуще и мы сами в себе вздыхаем* (Рим. 8:23). «Дабы еретики, говорит Св. Иоанн, не имели повода думать, что апостол осуждает все начинающее, он говорит далее: мы вздыхаем не в осуждение настоящего, но от желания большего. Это самое выразил он словами: *всыновления чающе*». Неудачность извращения еретиками слов писания метко указывает Св. Иоанн в самом писании. «Пользовались им, – апостольским учением, – и Маркион и Манихей, но рассекши на части. Впрочем и самыми сими частями они изобличаются»³⁹⁵. Известно было в Антиохии и душепагубное понимание смерти и воскресения Спасителя мира... «Христос умре грех наших ради». Впрочем прежде надобно выслушать, что говорят об этом зараженные ересью манихейскою враги истины, восстающие против собственного спасения. Что же

говорят они? Смертью, говорят они, Павел называет здесь ни что иное, как пребывание в грехе, а воскресением – освобождение от грехов»³⁹⁶. Св. Златоуст обличает манихейство и в уничтожении ветхозаветного учения. Останавливаясь на словах Спасителя: «не приидох разорити закон, но исполнити», Св. Иоанн говорит: «сим обуздывается бесстыдство не только иудеев, но и заграждаются уста еретиков, которые говорят, что древний закон произошел от диавола»³⁹⁷. Ко всем этим указаниям Св. Иоанна Златоуста на существование ереси Манихейской в Антиохии в его время мы должны прибавить, что вышеизложенное нами есть только часть обличений, которую мы в сокращенном виде взяли из творений Златоуста лишь для наглядного доказательства, насколько наши исследования отвечают цели нашего труда: показать религиозное состояние церкви Антиохийской за время Св. Златоуста по его творениям. Желающий ближе ознакомиться с указаниями Иоанна Златоуста на ересь Манихейскую может найти многие места в его творениях. Например: Слов. т. III, стр. 178–179; Слов. и бесед. на разн. случ. т. I, стр. 491–492; Шесть слов о свящ., стр. 93–95; Бесед. на раз. м. Св. Писания т. I, стр. 167; т. II, стр. 50, 128, 540; Бесед. на кн. Бытия т. I, стр. 22; Бесед. на псал. т. II, стр. 492; Бесед. на св. Мф. 7, т. II, стр. 336, 598, 448, 372, 634; т. I, стр. 266, 551; т. III, стр. 412; Бесед. на св. Иоан. т. II, стр. 476. Одно это множество речей Златоуста доказывает, между прочим, что ересь Манихейская сильно была развита в христианском обществе в Антиохии.

Вместо послесловия в обозрении нашем ереси Манихейской сделаем несколько примечаний. Заметим между прочим, что наши указания в творениях Златоуста, особенно где автор не называет ереси, непроизвольны, хотя некоторые взяты на основании авторитетной отметки Monchfocona «contra manicheos или manicheos intelligit».

В ряду ересей Манихейство естественно могло найти себе почву в Антиохии. Как система рационалистическая с ее лестью умственной горделивости, с ее постоянными ссылками на свободу, истину и мудрость и особенно с ее притязанием на особое озарение, – такое заблуждение могло иметь даже

обаяние для многих умов в Антиохии, при известном уже вам настроении Антиохийской школы.

Если указания Златоуста касаются некоторых сторон заблуждений ереси, а не ее учения в его полноте; то не надобно забывать, что Св. Иоанн не систему излагает, а говорит беседу к народу, как пастырь-проповедник. Предполагается: слушатели знают о чем идет речь; а предмет известный в подробностях, достаточно лишь наметить, чтобы получилось понятие, о чем говорят собеседники. А потом можно думать, конечно, что этим слушателям, в большинстве представляющим всегда, прежде всего, все-таки толпу – народ, рационалистические тонкости ересеучения в их целостности не могли и быть известны, а известно было кое-что и все-таки чрез это кое-что ересь в их душах находила сочувствие и делала их своими тропинками. IV-й век изобиловал ересями антихристианского свойства, ересиархи которых прикрывались именем христиан. Заблуждения извращали учение веры не только о Христе, Его Ипостаси, Его Божестве, Его человечестве; нет! они касались даже и высочайшего христианского догмата Пресвятой Троицы. Выразителем этой ереси был Савеллий еще в III веке по Р. Хр. Естественные вопросы: кто был этот Савеллий и в чем состояло его ересеучение? На оба вопроса находится ответ в церковно-исторической современной литературе. «Хотя мы знаем весьма мало о нем лично», говорит Фаррар в своем труде о святых отцах и учителях церкви, «однако же он наиболее оригинальный, глубокий и умный из доникейских монархиан, (которые в той или другой степени отрицали божество Христа). И его система представляет наиболее правдоподобную соперницу православному тринитариизму. Воззрения его имели пантеистический характер и заимствовали некоторые свои элементы из языческой философии. Он смотрел на Троицу не как на совместную существа, но как на последовательную Троицу *откровения*, возвращающуюся опять к единству»³⁹⁸. Прибавим: эта ересь была отраслью патрипассиан, с Проксеем и Ноетом, учение которых влекло за собою предположение о распятии Бога-Отца³⁹⁹, как выясняет это обстоятельство о. Кирилл (Лопатин) в учении Св. Афанасия о Святой Троице⁴⁰⁰.

«Савеллианство», говорит он, «принадлежит к антитринитарным ерсям III-го века и ближайшим образом к патрипассианскому их направлению»⁴⁰¹. «Впрочем, к патрипассианским идеям», прибавляет о. Кирилл, «в нем – Савеллианстве – были примешаны и евлонейские мысли». «По нашему мнению», продолжает почтенный автор, Савеллий соединил оба направления монархиализма, развил свое учение в цельную систему, превратив прежний монархиализм христологического характера в действительный полный антитринитаризм», подчеркивает слова, определяющие, по нашему убеждению, сущность ереси, – «отрицавший личное бытие всех трех Лиц христианской Троицы. Он превратил личное явление Бога в лице Иисуса Христа в простое откровение Божества и различие трех Божеских Ипостасей истолковал как различие способов откровения Бога. Он признал Бога не единосущным в трех Ипостасях или не трехличным, а в строгом смысле одноличным»⁴⁰². Савеллианская троица с христианской Троицею имеют общее одно только название Отца и Сына и Св. Духа, потому что в христианской Троице: Отец, Сын и Св. Дух суть действительные Божеские Лица, равносущные и единосущные между собою, а в Савеллианстве они суть только простые имена для означения одного и того же Божеского существа в различных формах Его домостроительной деятельности»⁴⁰³. Антиохия знала и эту ересь. Св. Иоанн Златоуст в одном из своих сочинений, написанных им до пресвитерства, упоминает и об этом заблуждении и потом с церковной кафедры неоднократно указывает на ересь Савеллия. Хотя не говорит Антиохийцам: «вы держитесь», как выражался в слове о других ерсях, как мы видели выше; но предположить, что проповедник бесцельно упоминает еретические учения, предохраняя лишь свою паству от заражения ерсью, мы находим неосновательным, потому, что подобное заявление могло навести слушателей на размышления об ереси и, пожалуй, любопытство: «а какое такое это учение Савеллия?» Мы позволим себе уверенность, что Савеллианство, хотя не в особенно сильной степени, опять таки не во всей целости системы своей, держалось в Антиохии. Указаний на это немного

и они весьма кратки, и мы хотя главнейшие из них приведем дословно. «*Не познал еси Мене Филиппе!*» (Ин. 14:9). «Некоторые», говорит Златоуст, «вследствие этого изречения впали даже в недуг Савеллия»⁴⁰⁴. «*Умолю Отца и иного Утешителя даст вам*» (Ин.14:15), т. е., поясняет Св. Иоанн Златоуст, «*иного*, такого же, как Я. Да постыдятся же зараженные недугом Савеллия и имеющие ненадлежащее понятие о Духе Святом»⁴⁰⁵. «*Да вси чтут Сына, якоже чтут Отца*». «Но каким образом, скажешь, посылаемый и посылающий могут быть одного и того же существа? Опять ты переносишь слово на человеческое и не разумеешь, что все это говорится только для того, чтобы мы и виновника Его познали и не впали в ересь Савеллия»⁴⁰⁶. Св. Златоуст, говоря об ереси Савеллия, указывает на связь ее с другими ересями. но некоторой одинаковости содержания их заблуждений. «*Сын есть сияние*». «*Слыша о сиянии*», говорит Златоуст, «*подумай, что Сын не имеет собственной Ипостаси. Мысль такая нечестива и свойственна безумию Савеллиан и Маркеллиан*»⁴⁰⁷. «*Одержимые Савеллиановым неистовством отпали от правой веры и учение их имеет большое сходство с ересью Павла Самосатского*»⁴⁰⁸. Проследим и мы указания Св. Златоуста в его творениях на эти заблуждения, ознакомившись предварительно с историей возникновения и содержанием учения каждой из сейчас поименованных ересей.

Павел Самосатский еретик старый. Секта эта, говорит Фаррар⁴⁰⁹, основана была в 260 году, и сообщает биографические сведения, которые мы, с своей стороны, не считаем лишними в нашем труде, желая дать цельное представление об ереси. «*Павел был*», рассказывает Фаррар, «*decenarius procurator, высокий гражданский сановник, который в 260 году избран был в сан епископа Антиохии*»⁴¹⁰. Он смотрел на Λόγος и Св. Духа, как на простые силы Божии», продолжает Фаррар, – «*не имеющие личности. Вследствие того, что он слово «омоусиос» употреблял в смысле тождества Христа с Отцом, Синод Антиохийский отверг это слово, как имеющее Савеллианский смысл*»⁴¹¹. «*Павел Самосатский*», сообщает Св. Иоанн Златоуст, «*как говорят, из угождения какой-то женщине*

отрекся от своего спасения»⁴¹². Очевидно Златоуст говорит об отношениях Павла к Зиновии, царице Польмиры в Антиохии. «Он, по-видимому», замечает Фаррар о Самосатском, «предан был безграничному честолюбию, заносчивости... и даже позволял себе в церкви петь гимны в честь себя. Он был низложен третьим Антиохийским собором в 269 году, но его низложение не могло быть приведено в исполнение раньше победы Аврелиана над Зиновией в 272 году»⁴¹³. Об этой ереси Св. Иоанн Златоуст говорит подробно и настолько ясно излагает заблуждения ереси, что нам, кажется нет надобности предварительно излагать систему ересеучения, как это считали необходимым при сведениях о других ересях, обличаемых Златоустом. Мы здесь увидим заблуждения Павла: о Боге, о Христе, отвержение ветхого завета и искажение нового.

«Творец существует прежде творения. Дивлюсь безумию Павла Самосатского, как он дерзал противоречить столь очевидной истине. Он заблуждался не по неведению, но очень хорошо понимая дело⁴¹⁴. Бог, который завещал Новый Завет, дал и Ветхий⁴¹⁵. Этим достаточно пророк заграждает уста последователям Павла Самосатского, которые отвергают предвечное бытие Единородного»⁴¹⁶. Последователи Павла Самосатского говорят, что Христос существует с того времени, как произошел от Марии»⁴¹⁷.

«Теперь пред нами Иудей, хотя и носит вид христианина, именем Павел Самосатский. Что же он говорит? Говорит, будто Христос есть простой человек»⁴¹⁸. «И слово бе к Богу» (Ин.1:1). «Его зачатие, рождение, воспитание, возрастание миновав, и вдруг – Св. Иоанн возвещает нам об Его вечном рождении. Какая сему причина? Так как прочие евангелисты, большую частью, говорят о человеческом естестве Сына Божия, то должно было опасаться, чтобы по этому самому кто-нибудь из людей, пресмыкающихся по земле, не остановился только на этих одних доктринах, что и случилось с Павлом Самосатским»⁴¹⁹.

«Яко Сын человеч есть, не дивитися сему (Ин. 5:27). Павел Самосатский не так читает это место. А как? область даде Ему суд творити, яко Сын человеч есть»⁴²⁰. Христос то

оставлял свою плоть одинаковою и лишенною собственного Его Божеского содействия, дабы, открыв ее немощь, показывать ее природу; то покрывал ее, дабы ты знал, что Он был не простой человек. Разнообразил и перемешивал слова и дела, дабы не подать повода к болезни и безумию ни Павла Самосатского, ни Манихеев, ни Маркиона, потому Он и предсказывал будущее, как Бог и уклонялся от страданий, как человек»⁴²¹. Оставляем другие указания⁴²² Св. Иоанна Златоустого на эту ересь, потому что существенное в заблуждении вообще нам представляется достаточно ясным. А так как и прочие цитаты в творениях Златоуста вращаются в обличениях тех же пунктов Павла Самосатского, какие указываются и в выдержках, то становится несомненным, что именно эти заблуждения были особенно знакомы Антиохийцам.

Четвертый век, несмотря на то, что он ознаменован был такими явлениями, как 1-й и 2-й Вселенские соборы, был веком нескончаемых споров и разделений⁴²³. За каждым, большею частью, кратким периодом некоторого спокойствия, начинаются снова волнения и разделения⁴²⁴. Полною жизнью жили старые ереси, как указано нами, и рождались новые, каковы: Маркелла и Аполлинария.

Заблуждение Аполлинария, как новорожденное, за время Златоуста не успело еще сделаться общеизвестным и Св. Иоанн не замечал в Антиохийцах наклонности к этой ереси, ибо нигде не говорится ни слова обличения, ни предостережения ни прямо, ни намеком. Аполлинарий, епископ Лаодикийский, только в 362 году начал публично отрицать совершенство человечества во Христе.

Что представляло собою заблуждение Маркелла для православной церкви вообще и в частности для Антиохии? Но прежде сообщим кратко исторические сведения о Маркелле, возникновении ереси, ее судьбе в церковной жизни IV века.

Маркелл – епископ Антиохийский⁴²⁵. Он в искренней ревности за православное учение, выраженное в Никейском символе веры, был сотрудником Св. Афанасия в деле полемики его с арианством на Никейском соборе⁴²⁶. И здесь то Маркелл и стал еретиком. Известна сущность арианства. Маркелл в борьбе

против этой ереси ариан впал в противоположную арианству крайность – заблуждение Савеллия⁴²⁷. Св. Василий Великий свидетельствует⁴²⁸, что Маркелл строил свои еретические доктрины на выражении «όμοούσιος». Когда читаешь эти показания, невольно приходит на сердце мысль: обстоятельства образования заблуждения в душе Маркелла именно так естественно могут возбуждать в историке прежде всего чувство жалости и сострадания к заблуждающемуся. Человек так ревновал на защиту истины против ереси и зарапортовался, сам впал в заблуждение! Противоборствуя ереси арианской, стремившейся отличить, выделить Ипостась Сына от Ипостаси Отца⁴²⁹, сам впал в заблуждение: слил Божество Сына с Божеством Отца⁴³⁰. Сочинение: «Вселенские Соборы IV и V вв.» знакомит с подробностями учения Маркелла, что нам так необходимо, чтобы уяснить себе, что приводимые нами слова Златоуста указывают на существование именно этой ереси в Антиохии. «Маркелл учил, что воплотился не Сын Божий, второе лицо Св. Троицы, имеющее ипостасное бытие, но Логос, всегда остающийся при Отце, составляющий Его дополнение и определение, не самостоятельная сущность, но Логос, который и явившись в мир, остается при Отце, и, по совершении спасения рода человеческого, имеющий возвратиться к Отцу и в Отца⁴³¹. Потом – Маркелл не допускал личного бытия Святого Духа⁴³². Особенное внимание не только православных, но даже ариан, учению которых было диаметрально противоположно учение Маркелла, останавливало на себе учение Маркелла о Сыне Божиим. На соборе Антиохийском 345 года ниспровергаются мнения Маркелла о лице Богочеловека», замечает автор «Вселенских соборов IV и V вв.»⁴³³. Причем упоминается и самое имя Маркелла и его ученика Фотина. «Проклинаем тех, кто ложно именует Сына простым только Божиим словом..., которым угодно, чтобы Сын не прежде веков был Сыном Божиим, но с того времени, как от Девы приял вашу плоть. Ибо им желательно, чтобы Христос с сего только времени имел начало царствования, которое и кончилось бы по скончании века».

Второй Вселенский собор изображает в своих особенностях плотское естество Богочеловека, и это представляет отличие Константинопольского символа от Никейского, в котором – символе – собор имеет в виду устраниТЬ всякие подозрения относительно призрачности, проходимости человеческого естества во Христе. Все основания есть предполагать, что отцы направляют свои определения против учения Маркелла (и Аполлинария). Что символ имел в виду ниспровержение учения Маркелла, это видно из того, с какою силою он утверждал мысль, что Богочеловек всегда пребывает лицом, отличным от Отца: – «седяша одесную Отца», «царству Которого не будет конца»⁴³⁴. Учение Константинопольского символа о Духе Святом провозглашено было, без сомнения, для ниспровержения бесконечных неправильных воззрений относительно третьей Ипостаси Св. Троицы, а также и вопреки Маркеллу, отрицавшему Ипостасное бытие Св. Духа», замечает досточтимый автор «Вселенских соборов»⁴³⁵. Прежде чем приведем мы слова Св. Иоанна Златоуста, указывающие его слушателям на ересь Маркелла, мы остановимся еще на одном обстоятельстве, которое может пролить свет на решение вопроса: была или не была в данное время эта ересь в Антиохии, имела или не имела она своих adeptов в период пастырской деятельности Златоуста среди Антиохийских христиан? Вопрос, как очевидно, очень важный для нашего исследования о религиозном состоянии Антиохийской церкви за время Златоуста. Вот это обстоятельство. Маркелл, даже и после того, как сделалось известным его заблуждение, пользовался расположением лиц весьма важных в тогдашнем православном мире. Св. Афанасий Великий пишет⁴³⁶: «о Маркелле, епископе Анкирском, не нужно и говорить, потому что всем известно, как он был обвиняем арианами и оправдался»⁴³⁷. И это расположение к Маркеллу не единично. Маркелл и Аполлинарий пользовались славою и уважением в кругах православных; постоянно или весьма долго были защищаемы православными от нападения ариан⁴³⁸. Но надобно прибавить при этом: Маркелл и Аполлинарий стояли всю жизнь в самых тесных связях с поборниками Никейской веры⁴³⁹,

которые как будто игнорировали их заблуждения, покрывая их своим снисхождением, и помнили лишь об их заслугах в церкви⁴⁴⁰. Это были общества Александрийствующего богословствования. А в кружках Антиохийствующих оба эти лица – Маркелл и Аполлинарий – считались страшными врагами христианского учения⁴⁴¹. Спрашивается, могла ли ересь Маркелла найти себе место в обществе г. Антиохии? Отвечаем: в передовых представителях Антиохийского направления безусловно не могла, но в народе г. Антиохии, увлекавшемся, как видели, всякими ветрами учения, пожалуй, и могла. Но движение учения Маркелла во всяком случае могло быть известно не только представителям Антиохийского направления, но и народу – толпе, который в то время так интересовался религиозными вопросами, что друг другу среди обычных житейских занятий предлагали религиозные вопросы⁴⁴². Это последнее обстоятельство, что народ Антиохийский слышал, знал о существовании ереси Маркелла, на основании слова Св. Иоанна Златоуста, мы положительно утверждаем, а что были еретики Маркеллисты, этого, на основании слова Златоуста, мы не допускаем иначе, как только в форме Савеллианизма или в тесной связи с ним. Но вот это слово Златоуста и, прибавим, единственное в ряду творений его за Антиохийский период его пастырской деятельности. В беседе на 9-й ст. 1-й гл. Евангелия от Иоанна: «*б^е свет истинный, иже просвещает всякаго человека, грядущаго в мир*», проповедник говорит: «Сын есть сияние»... слыша о сиянии, говорит апостол, не думай, что Сын не имеет собственной Ипостаси. Мысль такая нечестива и свойственна безумию Савеллиев и Маркеллиан»⁴⁴³. В виду вышеизложенного нами соображения, мы недоумеваем, как возможно сказать: Св. Иоанн Златоуст в творениях своих показывает нам, что... в самой Антиохии находилось значительное число последователей... Маркелла? А такое показание делает о. В. Лебедев в своем «подробном описании жизни и пастырской деятельности Святого Отца вашего Иоанна, Архиепископа Константинопольского, Златоустого», напечатанном в академическом журнале: «Прибавления к

творениям Св. Отец, – т.т. XIV, XV, XVI – данное место стран. 81, XV т. Доискивались мы подтверждения справедливости этого показания в творениях Св. Златоуста, – и не нашли, и потому позволяем себе думать: слово о. Василием Лебедевым брошено наобум; точной справки с творениями Златоуста не сделало. А нам это так необходимо для точного разумения религиозного состояния Антиохийской церкви, и мы потрудились кропотливо порыться в творениях Златоуста, – и вот результат: указаний, подтверждающих показание о. В. Лебедева, нет у Златоуста. Справедливо замечает о. Василий: «иногда Св. Иоанн ограничивается одним указанием на какое либо заблуждение и в таком случае все опровержение состоит у него только в том, что шатким и неопределенно высказанным мнениям еретиков противопоставляет он непоколебимое и ясное сознание положительной истины»⁴⁴⁴. И в подробном примечании указывает, между прочим, именно место той же беседы Златоуста, какое мы выше дословно приводили⁴⁴⁵. Одно и единственное место нашли мы во всех творениях Златоуста, прямо указывающее – и только на существование ереси и Македония: «Где теперь», восклицает Св. Иоанн в похвальном слове Св. мученику Роману⁴⁴⁶, – «где теперь у нас Македоний, восстающий против Утешителя, подавшего дарование языков? Мученик говорил, когда у него язык был уже отрезан»⁴⁴⁷.

Были ли эти еретики в Антиохии? Созомен⁴⁴⁸ дает понять, что во Фракии, Вифании, Геллеспонте и областях отдаленнейших Константинополе, Исаврии⁴⁴⁹, где сильнее всего утверждалось антиохийское направление, были единомышленники Македония и было их в той стране множество. Историк при этом рассказывает о гонении, воздвигнутом против Македониан царем Валентом и епископом Евдокием, вследствие чего Македониане прибегают под покровительство папы римского. Но ознакомимся с ересиахом и его учением; надобно же знать, с кем имеем дело. Македоний был епископ Константинопольский, низложен в 360 г.⁴⁵⁰ за отрицание Божества Св. Духа. Он основал временную секту, известную под именем духоборцев; осужден вселенским

собором 181 года». Учение Македониан известно», говорит автор «Вселенских Соборов» IV и V вв. «Сын Божий подобен Отцу», «Дух – тварь». Рассказы Созомена о посольстве Македониан в Рим знакомят с их настроением в отношении к учению веры. «Мы храним веру, утвержденную на Св. Никейском Соборе», говорят они в своем исповедании⁴⁵¹, «ту веру, в которой, вопреки превратному учению Ария, свято и благочестию принимается единосущее. Ария, равно как его учеников и единомышленников и всякую ересь патрипассиан, Маркионитов, Фотиниан, Маркеллиан, Павла Самосатского... и все ереси осуждаем». Но историк замечает при этом⁴⁵² о Македонианах: «приняли имя «единосущный», как однознаменательное с выражением: «подобный по существу». Римский папа Ливерий хвалил их за единомыслие и согласие в отношении к учению⁴⁵³. После некоторые из них отвергли слово: «единосущный»⁴⁵⁴. В 381 году Македониане были призваны на II-й Вселенский собор в тех видах, чтобы воссоединить их с церковью, так как они «не многим чем отличались в своих понятиях о вере»⁴⁵⁵. Но дело кончилось ничем. Македониане во всем соглашались с собором, а слова «единосущный» в православном смысле не приняли⁴⁵⁶ – и еретики остались еретиками. Можно думать, что близость направления Македониан к направлению Антиохийскому, – отвечаем на поставленный нами вопрос, – могла расположить Антиохийцев к ереси Македония. И это заблуждение могло быть не только известным, но и принятым в христианском обществе Антиохии. Но за неимением точного указания ни в истории, ни в слове Златоуста, в данном случае заключать, что Македониан было значительное множество в самой Антиохии, опять таки неудобно, ибо от возможности до действительности далеко.

Евсевий Памфил, оканчивая свою историю, пророчит мир и благоденствие для церкви⁴⁵⁷. Но именно после Евсевия тотчас, так сказать, с особеною силою в церкви IV-го века появились несогласия и споры: ереси порождались с такою быстротой, что церковь, не успев окончить борьбу с одним врагом, должна была вступать в борьбу с другим⁴⁵⁸. Но у церкви были и другие враги, которые вторгались в стадо Христово, более или менее

различными способами стремились влиять на религиозное настроение христианского общества, с которыми церкви Христовой, как благополечительной матери, приходилось считаться, охраняя своих детей. Эти иные враги и для церкви вообще и для Антиохийской в частности, нападавшие как волки на овец Христовых, были враги внешние: язычники и иудеи.

Глава VI-я. Секта Иудействующих в Антиохийской церкви

Еще во время Св. Апостолов, когда только что свет Христов просветил Антиохию, явились здесь евреи. Антиохия, находясь в соседстве с Финикиею, великой Арменией, Киликией и Каппадокией, славилась обширною торговлею. И это было причиной, почему евреи во все времена во множестве стекались сюда. Рассеявшимся от гонения, бывшего после Стефана, – передает книга Деяний Апостольских, – прошли до Финикии, Кипра и Антиохии, никому не проповедуя слова, кроме Иудеев. Но были из них некоторые Кипряне и Киринейцы, которые, прошедши в Антиохию, проповедовали Еллинам благовестия Господа Иисуса. И рука Господня была с ними, так что великое число уверовало и обратилось к Господу. Дошел слух до Иерусалимской церкви и послали Варнаву в Антиохию. Он, прибыв туда и увидев благодать Божию, возрадовался и убеждал всех держаться Господа всем сердцем. Потом Варнава пошел в Тарс искать Савла и найдя его пришел в Антиохию. Целый год собирались они с тамошнею церковью и научили немалое число людей... В сие время пришли из Иерусалима пророки (Деян. 11:19–27). Но после этого так радостного известия, Св. Лука находит необходимым отметить и одно печальное обстоятельство за самое первое время христианства в Антиохии. «Некоторые, говорит, пришедши из Иудеи, учили братьев: вы не можете спастись, если не обрежетесь по обряду Моисееву» (XV, 1). Очевидно, эти пришедшие христиане из Иудеи сами были евреи. Проповедь, которую они принесли с собой в Антиохию, была для них словом искреннего убеждения, которому они замечали некоторое одобрение, как им казалось, в самих Апостолах. Объясним это. Иудеи, уверовавшие в Иисуса Христа, с самого начала не отделялись резко от господствовавшей Иудейской церкви, – по прежнему собирались на молитву в Иерусалимский храм, приносили там жертвы, вообще выполняли весь обрядовый закон Моисеев.

Будучи воспитаны в уважении к закону Моисееву, они не могли так скоро усвоить в себе мысль, что обрядовый закон, бывший только сению грядущих благ, с пришествием Спасителя делается излишним, и многие из них утверждали, что он необходимо должен быть соблюден и в христианстве. Под влиянием древней Иудейской мысли, что обетования Божии о Мессии и Его царстве относятся к одному только народу еврейскому, многие из уверовавших Иудеев и утверждали, что в христианскую церковь должны вступать только Иудеи, язычники же, чтобы быть принятыми в церковь, должны предварительно сделаться Иудеями, т. е. принять обрезание и выполнить весь обрядовый закон Моисея. Апостолы, получавшие от Господа Иисуса Христа наставление проповедовать Его евангелие всем народам, чтобы не произвести разделения в только что устрающейся церкви, в уничтожении такого заблуждения действовали с особенной осторожностью. Распространяя на первых порах христианство между Иудеями, к которым ближе всего им было обратиться с проповедью, они ожидали того времени, когда уверовавшие из Иудеев сами собой убежатся в том, что обрядовый закон Моисеев должен быть отменен и язычники должны быть принимаемы в церковь без обязательства соблюдать закон Моисеев. В этот именно период проповеди здесь Апостолов выходцы из Иудеев и пришли в Антиохию. Но здесь далеко не разделяли их воззрений. Здесь были уже верующие не только из Иудеев, но и из язычников. Сразу произошло смущение, несогласие, разделение; выходило: что те верующие во Христа, которые приняли крещение раньше прибытия в Антиохию Иудействующих прозелитов христианства, не могли быть приняты в общество церкви Христовой, ибо они приняты без всякой мысли о законе Моисеевом. Дело проповеди апостольской могло остановиться, как, надобно полагать, и было в действительности. Апостолы Павел и Варнава восстали против этого учения, и малая церковь Антиохийская отправила их в Иерусалим за точным решением спорного вопроса: следует или не следует в самом деле обрезать язычников? Составился первый христианский собор – собор Апостольский. Собрались Апостолы: Петр, Иаков,

Иоанн, Павел, Варнава, и пресвитеры, и верующие Иудеи. Последние поддерживали учение, – особенно уверовавшие фарисеи, – выходцев в Антиохию. Петр, Павел и Варнава представили примеры, что Бог дал благодать спасения и язычникам через них и без Моисеева закона. А Иаков выяснил, что церковь Христова для всех народов, а не для Иудеев только; «посему я полагаю, – заключил Апостол, – не затрудняться обращающимся из язычников, а написать им, чтобы они воздерживались от оскверненного идолами, от блуда, удавленины и крови, и чтобы не делали другим того, чего не хотят себе». И все бывшие на соборе приняли в конце концов это слово, как закон, освященный Богом: «изволися Святому Духу и нам» (Деян. 15). Но Иудействующие христиане в Антиохии продолжали стоять на своем; произошел раскол, который пустил здесь корни и был весьма душепагубен. Этот раскол имел последствием, как нам кажется, следующие два грустных явления: 1) оставались христиане Иудействующие и 2) Иудеи – блестители закона Моисеева, мыслию которых было: «вы не хотите пред принятием христианства исполнить обрезания и соблюдения закона Моисеева, а мы не хотим себе самого христианства». И вот – запальчивый прозелитизм еврейства! Во времена Златоуста были христиане, имевшие общение и с церковью Христа и с синагогой еврейской; были и ярые Иудеи. Те и другие имели влияние на жизнь, на мысль, на чувство верных Христу; первые служили соблазном: «что же верно? так ли – христианину иудействовать надо или иначе – без еврейства спастись можно? – а другие – жиды – прямо завлекали христиан к себе, переманивая в свою веру, хотя только по внешности: «хоть раз побывай в синагоге». Со всеми этими грустными явлениями в религиозной жизни Антиохийской церкви знакомят нас творения Св. Златоуста.

При Златоусте Иудеи имели в Антиохии своего патриарха, две синагоги: одну в самом городе, другую в предместье Дафны, близ пещеры Матроны; пышно совершали свои праздники; хвалились своими постами, обрядами; говорили, что в синагоге произнесенная клятва священна и действительна, и наконец, себе только приписывали истинное искусство

врачевания болезней. Все это для нас важно звать настолько, насколько это еврейство имело отношение к христианскому обществу и оказывало на него свое влияние. Специальные слова Златоуста «против Иудеев» представляют картину религиозного состояния тогдашнего Иудейства, характеристику нравов евреев вообще, частью патриархов этого времени, свойство постов, праздников, и потом указывают отношение Иудеев к христианам, что Иудеи пытаются воздействовать на христиан, – «Многие уважают Иудеев», говорит Св. Златоуст в 1-м слове, «и нынешние обряды их считают священными. Потому спешу исторгнуть с корнем это гибельное мнение»⁴⁵⁹. II проповедник исполняет свое намерение, разбирает еврейскую святость и самим слушателям предоставляет решить: есть тут истинно святое или нет? «Синагога не лучше театра», продолжает Златоуст: «приведу на это свидетельство из пророка: *«лице жены и блудницы бысть тебе, не хотела еси постыдитися ко всем»* (Иер. 2:3). А где блудница предается блудодеянию, то место и есть непотребный дом. А лучше сказать, синагога есть не только непотребный дом и театр, но и вертеп разбойников, и логовище зверей, вертеп не просто зверя, но зверя нечестивого это святынище!» А вот каковы священники: «где теперь наша святыня?» говорит Св. Иоанн. «Где первосвященник? где одежды и слово судное? (Исх. 27:15) и явление – сияние, которое открывало будущее (нагрудник первосвященника)? (стр. 30). Не говори мне об этих ваших патриархах – корчевниках, торгашах, исполненных всякого беззакония. Какой тут священник, скажи мне, когда нет того древнего помазания, ни всей прочей святыни? Какой священник, скажи мне, когда нет ни жертвы, ни алтаря, ни богослужения! Хочешь, расскажу тебе законы о священстве, по которым в древности были поставляемы первосвященники, дабы ты знал, что нынешние, так называемые вами, патриархи не суть священники, но только носят личину священников и играют, как бы на сцене, или даже не могут выдержать и личины, так далеки они не только от истины, но даже от ее подобия»⁴⁶⁰. Понятно, какова была паства при таких пастырях. Укажем, как Златоуст еще раз представляет пустоту

современного ему богослужения евреев. «Где теперь жертвенник? Где кивот? Где скиния и святая святых? где херувимы славы, где очистилище, где чаша, где сосуды возливания? Где огнь, свыше ниспосланный? Все оставил ты и удерживаешь только трубы! Видишь ли, что Иудеи только играют, а не служат Богу»⁴⁶¹.

Для обздания наглости Иудеев и обличения их в том, что они беззаконно поступают⁴⁶², Св. Иоанн подробно рисует картину церковных собраний их – сбираща Иудейского. Мы берем места из его творений, представляющиеся вам наиболее рельефными, более идущими к делу и потому более интересными. «Собрав толпу изнеженных людей, говорил Св. Иоанн, и скопище распутных женщин, весь этот театр актеров увлекают в синагогу⁴⁶³. Но как каждый порок в своем обнаженном виде отвратителен, то, обыкновенно, чтобы привлечь к себе внимание людей, принимает хоть сколько-нибудь приличную форму; несомненно, искуситель Христа не прямо так таки дьяволом и явился ко Христу, а непременно, надо полагать, в благообразном виде, быть может даже в образе ангела света».

Так Антиохийские жиды представляли на вид вниманию народа; «мы постимся и торжественно молимся; у нас в синагоге святыня». Послушаем Златоуста, как он разоблачает эти посты и уясняет значение этой святыни». «Поститься тебе, Иудей, надлежало тогда, когда пьянство тебе причиняло столько бедствий, когда пресыщение порождало нечестие, – тогда, а не теперь; потому теперь пост неуместен и мерзок⁴⁶⁴. Запоздалая ревность по закону Моисееву! Постящему же должно быть кротким, сокрушенным, смиренным и не опьянять себя гневом, а ты бьешь подобных себе рабов. Так Иудеи тогда постились в судах и сварах (выше приводится пророчество Исаии 58:4), а теперь постятся в неумеренности и крайней невоздержности, пляша босыми ногами на площади; у них», говорит Св. Иоанн, «цель постяющихся и вид пьянистующих⁴⁶⁵. Некоторые считают синагогу местом досточтимым⁴⁶⁶. Почему же вы уважаете это место? В нем, скажите, лежит закон и пророческие книги⁴⁶⁷. Не говори мне, что там – в синагоге – лежит закон и книги

пророков. Этого не довольно для освящения места⁴⁶⁸. Ужели, где будут эти книги, то место и будет свято? вовсе нет»⁴⁶⁹ – говорит Златоуст и представляет примеры для разумного доказательства своей мысли: «палачи держат в руках у себя тела мучеников, так ужели их руки стали святы⁴⁷⁰? Ужели поэтому будут эти палачи заслуживать уважения, не крайне ли это безумно⁴⁷¹? Птоломей Филадельф, собирая отовсюду книги и узнав, что у Иудеев есть писания, преподающие учение о Боге и о самом лучшем устройстве жизни, вызвал из Иудеи мужей и чрез них перевел эти писания и положил их в храме Сераписа (он был язычник), где и доселе находится этот перевод книг. Что же? Ужели храм Сераписа из-за этих книг будет свят? Нет, сами они святы, но месту не сообщают святости по нечистоте собирающихся в этом месте. Так надобно судить», прибавляет проповедник, «и о синагоге. Пусть там не стоит идол, зато живет демон⁴⁷², ибо душевное расположение собирающихся в нем, – в этом месте – синагоге, оскверняет его⁴⁷³, – это место. Что важнее? то ли, когда священные книги лежат в известном месте, или то, когда люди говорят о содержащемся в этих книгах⁴⁷⁴? Самое произношение слов не освящает⁴⁷⁵: диавол сказал от Писания, искушая Господа в пустыне, – ужели освятились уста его⁴⁷⁶? Я потому-то особенно ненавижу синагогу, гнушаюсь ею, что, имея пророков, Иудеи не веруют пророкам; читая писание, не признают свидетельств его. А это свойственно людям в высшей степени злым. Когда они говорят, будто пророки и Моисей не знали Христа и ничего не сказали об Его пришествии, какое же еще большее может быть оскорбление для этих святых, как не обвинение их в том, что они не знают своего Владыку»⁴⁷⁷? – Но ревностный пастырь Христова стада в Антиохийской церкви имел особенное условие и побуждение к своему горькому чувству. «За то-то особенно и ненавижу синагогу, что в ней лежат закон и пророки, и ненавижу теперь более, чем когда бы в ней не было их. А почему? Потому, что это служит сильною приманкой, большим обманом для простых душ⁴⁷⁸. Чтобы отворить дверь обманам и дать лжи больше благовидности, демоны примешали к ней несколько истины, подобно как приготовляющие ядовитые составы,

обмазывая края сосуда медом, делают то, что вредное зелье легко принимается⁴⁷⁹. Да и какой теперь ковчег у Иудеев, говорит Златоуст, когда у них нет ни очистилица, ни жертвы, ни помазания, ни скрижалей завета, ни святого святых, ни архиерея, ни фимиама, ни всесожжения и жертвы, ни всего другого, что делало ковчег досточтимым! Мне кажется этот нынешний ковчег их ничем не лучше и даже гораздо хуже тех ковчегов, которые продаются на площади. Эти нисколько не могут вредить подходящим, а тот каждодневно наносит великий вред приближающимся к нему⁴⁸⁰. Говорим это, продолжает Св. Иоанн, не обвиняя закон, да не будет сего! но желая показать преизбыточествующее богатство благодати Христовой. Закон не противится Христу, да и как может противиться, когда и дан Христом и руководит нас ко Христу? Принуждены мы сказать сие о законе по причине неблаговременного упорства пользующихся законом не так, как должно»⁴⁸¹. Насколько обман удавался жидам, насколько приманка действовала на простых людей и даже привлекала христиан, сам Св. Иоанн Златоуст рассказывает один печальный, но знаменательный случай. «Там – в синагоге – не поклоняются Богу, нет! там место идолослужения», говорит проповедник. «А между тем некоторые из христиан обращаются к этим местам, как к священным. И это говорю не по догадкам, но по указанию самого опыта»⁴⁸². Чтобы почувствовать всю силу слова проповедника и сознать все значение его для слушателей, надо читать в подлинных выражениях автора... «Поверьте мне, не лгу, я видел, что какой-то негодяй и безумец, выдающий себя за христианина, – не могу назвать истинным христианином отважившегося на такой поступок, – принуждал одну почтенную, благородную, скромную и верную женщину войти в синагогу еврейскую и там поклясться по спорному между ним и ею делу. Так как эта женщина взвывала о помощи и просила остановить такое беззаконное насилие, говоря, что ей, причастнице Божественных Таин, не подобает идти в то место; то я, возгоревшись и воспламенившись ревностью, восстал и не дозволил влечь ее на такое преступное дело, но освободил от этого нечестивого принуждения. Потом я спросил влекущего,

христианин ли он, и когда он признал себя таким, я строго выговорил ему, порицая его за бесчувственность, крайнее бессмыслие, и говорил, что он ничем не лучше осла, если говорит о себе, что поклоняется Христу и в то же время влечет кого-нибудь в вертепы Иудеев, распявших Его. И долго говорил я ему – во-первых, на основании Божественных Евангелий, что вовсе не должно ни самому клясться, ни другого принуждать к клятвам; потом, что не должно принуждать к этому не только верную и посвященную в таинства христианские, но и никого из непосвященных. Когда же поговорив много и долго, изгнал я из души его ложную мысль о важности синагоги, то спросил его о причине, по которой он, оставя церковь, влек эту женщину в еврейское соборище. Он отвечал, что многие сказывали ему, будто клятвы, там данные, особенно страшны». (Ibid. стр. 458–459). «Иудеи пугают вас, как малых детей», говорит Златоуст христианам, «а вы не чувствуете этого. Как негодные слуги, показывая детям страшные и смешные маски – ведь они сами по себе не страшны, но только представляются такими по слабости ума детского – возбуждают большой смех, так и Иудеи пугают только слабых христиан своими личинами. – Могут ли в самом деле устрашать обряды их, срамные и постыдные?! Не таковы ваши храмы; нет! они истинно страшны... ибо где Бог, где так много говорят о вечных муках, то место страшно. А они – Иудеи – ничего этого и во сне не видят, так как живут для чрева, прилепляясь к настоящему и по своей похотливости и чрезмерной жадности нисколько не лучше свиней, козлов; только и знают, что есть да пить, драться из-за плясунов, резаться из-за наездников. Это ли, скажи мне, заслуживает почтения и страха»⁴⁸³? Как привлекала легковерных греховная приманка у жидов, Златоуст дает понять в следующем замечании. «Это говорю, – продолжает он, – не о здешней только синагоге, но и о той, которая в Дафне; там пропасть, называемая пропастью Матроны, еще более гибельная. Слышал я, что многие из верующих туда заходят и спят около этого места»⁴⁸⁴.

Значительно влияли Иудеи на христиан искусством врачебной помощи, которое они проявляли не просто как

профессиональное знание, а под условием участия христиан в их религиозных обрядах. Св. Златоуст многократно обличает слабость христиан, поддававшихся этому обольщению. Приведем одно-два обличения пастыря проповедника. «Если он, ходящий в синагоги еврейские, укажет на какие-нибудь врачевания и скажет тебе, что Иудеи обещают вылечивать и поэтому он бегает к ним, – раскрой их хитрости, обаяния, навески, чародейства. Ведь они не иначе вылечивают, как этим способом; впрочем только кажется, что вылечивают, а на самом деле не вылечивают, – нет»⁴⁸⁵. «Я пойду еще далее и скажу вот что: если Иудеи и точно вылечивают, то лучше умереть, нежели прибегнуть к врагам Божиим и таким образом получить исцеление»⁴⁸⁶. «Ты ищешь у демонов исцеления», говорит Златоуст, объясняя преступность подобного лечения у евреев, – «оны, демоны, не щадят души: ужели, скажи мне, пощадят тело? Но пусть бы они и могли и хотели врачевать, что впрочем невозможно, (подразумевается подобными средствами), рассуждает проповедник, «тебе – христианину не следует однако ж на малую и скоропреходящую пользу покупать бесконечную и вечную погибель... Язычники ведь своим искусством часто вылечивали от многих болезней и восстановляли здоровье недужных. Что же? Неужели поэтому должно принимать участие в их нечестии?»⁴⁸⁷ И ты принимаешь их чары и волшебные лекарства, – таким поступком ты показываешь, что им веришь более, чем Христу»⁴⁸⁸.

Но все это – временные увлечения христиан еврейством, случайные отступления от закона церкви Христовой, а было и еще влияние жидовства на христианство в степени сильнейшей. В Антиохии была секта *Иудействующих христиан*. Св. Иоанн Златоуст дает подробные сведения об этой секте. Эти Иудействующие христиане принимали прямое участие в Иудейских обрядах, ходили в еврейские синагоги, как единоверные жиdam, соблюдали Иудейские посты, отличались от прочих христиан особенно празднованием Пасхи вместе с Иудеями и имели особенное представление о ней. «Чего бежишь видеть в синагоге богопротивных Иудеев, скажи мне?» взыывает пастырь, – «людей, трубящих в трубы? Но надлежало

бы тебе, сидя дома, скорбеть о них и плакать о том, что они противятся заповеди Божией».

«У жалких и несчастных иудеев наступает непрерывный ряд праздников: трубы, кущи, посты; а многие из тех, которые называются нашими и говорят о себе, будто бы веруют по нашему, одни ходят смотреть на эти праздники, а другие даже участвуют в праздниках и постах иудейских. Этот то злой обычай хочу я изгнать из церкви»⁴⁸⁹.

«Иудеи умертвили Сына твоего Владыки, а ты осмеливаешься сходиться с ними в одном и том же месте!» – усовещивает проповедник согрешивших». Умерщвленный Иисус Христос почтил тебя так, что сделал своим братом и сонаследником, а ты... ходишь в скверные места их собраний, вступаешь в нечистые преддверия и участвуешь в бесовской трапезе⁴⁹⁰. Не нечестиво ли то место, где живут демоны? А место, где собираются Христоубийцы, где преследуют крест, где хулят Бога, не знают Отца, поносят Сына, отвергают благодать Духа – такое место не более ли пагубно?⁴⁹¹ Как же думаешь спастись, уклоняясь к иудейским беззаконным обычаям? Разве можно считать за одно и то же и христианство и иудейство? Что ты соединяешь несоединяемое? Они распяли Христа, Которому ты покланяешься! видишь, какое различие! Как же бежишь к ним – убийцам ты, говорящий о себе, что поклоняешься Распятому?⁴⁹² Как же осмеливаешься ты, скажи мне, после пляски с демонами, снова идти в апостольское собрание? Как не страшишься приступать к священной трапезе, участвовать в ней и приобщаться драгоценной Крови после того, как ты ходил к проливавшим кровь Христа и имел с ними общение? Тебя не ужасают и не приводят в страх такие преступления? Или ты не благоговеешь к самой этой священной трапезе?»⁴⁹³ – Добрый пастырь, в искреннем попечении о заблуждающихся христианах – Иудействующих, просит всех верных сынов церкви Христовой помочь ему и братии его спасать заблудших овец, искать их и сказывать священникам; но, как видится, желание это не было исполнено в точности, частью и потому, что уходившие в синагогу просили не сказывать о них священникам. «Ведь и сам ты считаешь величайшим грехом идти в нечистое то место –

синаагогу. Это видно из того, как ты отправляешься туда», — замечает Златоуст иудействующему христианину, «ты стараешься уйти туда тайно, и слугам, и друзьям, и соседям запрещаешь доносить на тебя священникам; а если кто донесет — сердишься». И потом обличает невнимающих его просьбе. «Ты знаешь укравшего, знаешь украденного (Иудеями); видишь, что я, зажегши как бы светильник — слово учения, везде ищу украденного с плачем, — и стоишь в молчании и не объявляешь!.. Не поленитесь же, но все без изъятия со всем усердием ловите таких больных: женщины — женщин, мужчины — мужчин, рабы — рабов, свободные — свободных, дети — детей, и поймавши, приходите в следующее собрание, чтобы от нас получить похвалу и от Бога награду, которая гораздо превосходит труды подвигающихся в добре»⁴⁹⁴. Иудеи хвалились своими постами и христиане были участниками их обычая. «Подумайте!» — взывал пастырь-проповедник к своим пасомым, «подумайте, с кем имеют общение постящиеся теперь? С теми, которые кричали: *распни, распни Его* (Лк. 23:21); с теми, которые говорили: *кровь Его на нас и на чадах наших* (Мф. 27:23). Осмелился ли бы ты пойти к осужденным за покушение на верховную власть и говорить с ними? Не думаю. Как же странно — с таким старанием избегать сделавших зло человеку, а с оскорблявшими Бога иметь общение и поклонникам Распятого праздновать вместе с распявшими Его. Это не только глупо, но и крайне безумно»⁴⁹⁵. В другом месте Златоуст объясняет, почему пост с Иудеями преступен для христиан. «Поститься в то или другое время непредосудительно; но разделять церковь, жить в раздорах, производить раскол и постоянно уклоняться от церковного собрания, — это непростительно»⁴⁹⁶. Дело в том, что иудействующие христиане начинали предпасхальный пост с евреями раньше всех прочих христиан и потом держали посты с евреями в такое время, когда в церкви Христовой постов совсем не было. Заблуждение Иудействующих христиан доходило до того, что они постились и в самый праздник Св. Пасхи и радость светлого праздника омрачали постом и плачем, извращая самое понятие о Пасхе христианской. Собственно

этот обычай христиан был ли преступен с канонической точки зрения о Пасхе и посте? – На востоке было известно празднование пасхи христианской одновременно с Иудеями в 14 день месяца Нисана, а потому и пост четырехдесятницы начинался, конечно, ранее. Но когда этот обычай послужил соблазном для христиан западных: в одном месте Пасху праздновали в это время, в другом – в другое, первый вселенский собор – в Никее постановил одно общее для всех время празднования Пасхи. Сократ – церковный историк, представив образец бесконечного различия в церквях относительно обычаев, действовавших здесь и там в соблюдении поста, замечает, – игнорируя, надобно сказать, постановление Вселенского собора: «Так как никто не может указать на письменное повеление от Апостолов относительно этого вопроса; то явно, что Апостолы предоставили все это воле и выбору каждого, чтобы всякий делал доброе не по страху и принуждению»⁴⁹⁷. А Св. Иоанн Златоуст преимущественно и указывает на постановление Вселенского собора, обличая Иудействующих христиан и по иудейски постяющихся и празднующих Пасху в Антиохии. «Более 300 Отцов, собравшихся в Вифинской стране, постановили это – касательно празднования Пасхи не в одно время с Иудеями, – и ты бесчестишь их всех? Одно из двух: ты обвиняешь их или в невежестве, будто они не знали хорошо того, что утверждали или – в робости, будто бы они, хоть и знали, но лицемерили и изменили истине. Это необходимо следует, если ты не исполняешь их постановления. Но что они обнаружили тогда и великую мудрость и мужество, это показывают все деяния Соборов»⁴⁹⁸. Представивши, как образец мудрости, Никейский символ веры, и как доказательство мужества – исповедничество многих отцов, обращая на это последнее обстоятельство особенное внимание, – Златоуст продолжает: «они то вместе с изложением веры постановили и то, чтобы этот праздник Пасхи совершали христиане все вместе и согласно. Итак, могли ли эти мужи, не изменившие вере в столь тяжкие времена, лицемерить в назначении известных дней для празднования поста и Пасхи христианской?».. Смотри, что ты делаешь, когда осуждаешь

столь многих Отцов и не только их, но и всю вселенную, потому что и она одобрила их определение»⁴⁹⁹. Заметим с своей стороны: это место в 3 § III-го слова Златоуста против Иудеев дает повод к двойственному понятию мысли проповедника. О чем здесь говорит он? Ясно, что о праздновании Пасхи собственно христианской, как светлого праздника Воскресения Христова, только одновременном с Иудеями, как было в обычай на востоке, о чем и рассуждал 1-й Вселенский собор. Но слово Св. Иоанна против Иудействующих христиан – сектантов, празднующих Пасху совершенно в других мыслях, как дни страданий Христовых, куда, очевидно, постановление собора относиться не может по самому существу дела. А если так понимать, то какое значение должно было иметь слово Златоуста о постановлении Вселенского собора о времени поста и Пасхи в христианской церкви? Нам кажется, замечание Св. Иоанна Златоуста о постановлении Вселенского собора надобно принять, как понятие посредствующее. Златоуст как бы так говорит: не только ваше сектантское извращение совершения поста и Пасхи, а вот даже совершенно одинаковое по мысли совершение поста и Пасхи, но разновременное, – и то запрещено Вселенским собором. Поймите же ваше заблуждение, люди! Сколь много вы виновны пред церковью, совершая пост и Пасху с Иудеями, и в совершенно извращенном виде. Вина раскольников, таким образом, много усугублялась. Это одно. А потом. Кроме собственно сектантов – Иудействующих христиан, в Антиохии были несомненно и просто такие христиане, которые придерживались обычая совершать пост и Пасху по древнему восточному обычая одновременно с Иудеями. Златоуст, обличая сектантов, кстати говорит обличение и первым, только в этом уклоняющимся от послушания церкви. И еще думается нам: Иудействующие христиане, вероятно, в оправдание своего уклонения указывали в этом случае на древний восточный обычай. Так вот Златоуст разрушает это мнимое основание для их самооправдания. И в этих целях подробно говорит о постановлении Вселенского собора о посте и Пасхе. Любопытен приговор касательно споров о времени и характере празднования Пасхи, имеющийся у

церковного историка IV века – Сократа. Мы приведем этот взгляд на это обстоятельство, как религиозное явление внутренней жизни христианского общества IV века, в видах разъяснения суждений и убеждений, возможных в обществе, современном Сократу, или, что тоже, современных периоду жизни и деятельности Златоуста. «Считаю нужным», говорит Сократ, «изложить собственные мысли о Пасхе. Мне кажется, что подражатели Иудеев, т. е. христиане, праздновавшие пасху одновременно с Иудеями, не имеют достаточных оснований упорно защищать свою практику. Они не берут во внимание того, что по смене Иудейства христианством, обрядовая сторона Моисеева закона упразднилась. И это открывается само собой. Христианам ни одно предписание Христово не позволяет иудействовать; народ Иудейский находился под игом рабства, а последователи Христа призваны к свободе и потому Апостол убеждает не соблюдать более ни дней, ни месяцев, ни лет» (2Кор.2:16–17). Но не становясь на стороне последователей иудейского предания, Сократ далек от того, чтобы без всяких рассуждений одобрять противников иудействующей практики в вопросе о праздновании Пасхи. Он находит, что и антииудействующая партия не имеет под собой незыблемых оснований»⁵⁰⁰. Совершающие же празднование Пасхи в четырнадесятый день Нисана, т. е. вместе с иудеями, утверждают, что это предано им от Апостола Иоанна; а Римляне и западные говорят, что свое обыкновение получили от Апостолов Петра и Павла. Но те и другие не могут представить на то письменного доказательства»⁵⁰¹. После этого понятно, что все споры подобного рода должны были представляться Сократу несоответствующими заповеди Апостольской о взаимной любви и согласии.

«Цель Апостолов», говорит он, была не та, чтобы предписывать времена праздников, но чтобы дать руководство к правой жизни и благочестию. Вот что угодно Богу, говорит Апостол: *угодно Духу Святому и нам не возлагать на вас никакого бремени более, кроме необходимого* (Деян. 15:18), т. е., замечает историк, «кроме того, что соблюдать нужно. Между тем есть люди», продолжает он, которые, пренебрегши эти

заповеди о днях праздников, спорят будто о душе и незаметно делают противное тому, что угодно Богу»⁵⁰². Не выражается ли в этих суждениях общий взгляд людей того времени, когда возникали такие жаркие споры о законности и незаконности совершения поста и Пасхи – одновременно с Иудеями? Что замечание историка представляет прямо протест именно взгляду Златоуста на совершение поста и Пасхи вместе с Иудеями – в этом сомнения не может быть, если мы припомним неблаговоление Сократа к Златоусту вообще и особенно неприязнь первого к последнему именно за искреннюю и деятельную ревность его к обращению заблуждающихся. Известно, что, по замечанию историка греческих историков IV и V вв. А. П. Лебедева, Сократ почти соглашается с мнением некоторых современников, что низложение Златоуста с кафедры нужно рассматривать как кару Божию, постигшую Златоуста за то, что он сурово поступал с иноверцами, являлся ненаклонным к религиозной терпимости⁵⁰³. Но все это: и постановление Апостольского собора, и собора Вселенского, и мнения частных лиц IV века, все это говорит и судит лишь об одновременном с Иудеями совершении поста и Пасхи. Златоуст же говорит об этом явлении в церковной жизни, так сказать, между прочим; а главным то образом его обличения Иудействующим христианам его времени указывают, что совершенно иной вид, прямо противный духу христианской церкви, имеет совершение христианами поста и Пасхи вместе с Иудеями. Разница доктринально важная, – разница, которой не знали и не обсуждали соборы и которой не указывает во всей этой подробности и даже в том виде, как Златоуст, – ни один современный историк – летописец. Извращение вселенского взгляда Св. Церкви Христовой на значение и совершение поста и Пасхи изумительное, дерзкое, так что, вчитываясь в слова обличения Златоуста этого сорта раскольникам, вполне разделяешь чувство ревности о душепастырстве Св. Иоанна.

«Поверь же», восклицает проповедник, «поверь, – скорее сложу свою голову, нежели оставлю без внимания кого-нибудь из таких больных – Иудействующих христиан, если только увижу»⁵⁰⁴. И это чувство понятно. Понятна и решимость

пастыря, призывающего сынов своей паствы разделить с ним св. труды его. – «У нас большая часть города состоит из христиан и однако же есть еще больные Иудейством», говорит Златоуст, – «конечно, и они – больные – достойны осуждения, но и мы не свободны от него, когда небрежим об них в болезни: нельзя было бы им долго быть в болезни, если бы они пользовались особенною попечительностью с нашей стороны. Поэтому предупреждаю вас теперь, чтобы каждый из вас привлек брата, хотя бы для этого нужно было сделать принуждение, употребить силу, причинить неприятность, или вступить в спор; все сделай, только бы похитить его из сети диавола и исторгнуть из общества христоубийц»⁵⁰⁵. Сократ полагает, говоря о доктринах спорах IV века, «что эти споры могли быть менее шумными и пожалуй их совсем не было бы, если бы представители церкви показывали менее склонности к этим спорам»⁵⁰⁶. Но вот, имея в виду данный случай у Златоуста – совершение поста и Пасхи с Иудеями, в виде настолько извращенном против православного обычая, – необходимо и справедливо ответить на замечание Сократа словами нашего церковного историка, что «религиозные споры возникали не потому, что находились охотники спорить; а потому, что предметы споров были так важны, что оставаться в бездействии являлось делом невозможным»⁵⁰⁷. Св. Златоуст указывает всю важность уклонения Иудействующих христиан от единения с церковью. «Знаю, что у нас, по милости Божией, большая часть свободна от этой болезни: однако же поэтому не должно еще пренебрегать врачеванием. Если бы даже больных было 10 человек, или 5, или 2, или только один, – и тогда не надлежало бы оставлять его без внимания; пусть он и один, притом незначительный и презренный человек, однако же он брат, за которого Христос умер. Не о том говорю, что он больной – один, – но о том, что один, оставленный без внимания, сообщает свою болезнь и прочим. Это-то и губит и расстраивает все, что мы пренебрегаем малым. А чтобы тебе увериться, что нет ничего гибельнее внутреннего раздора и несогласия, послушай, что говорит Христос: «всякое царство, разделившееся на ся, запустеет» (Мф. 12:25). не довольно ли

других ересей? Нет! мы еще рассечем сами себя! Так вот что мы наперед скажем им – христианам, держащимся Иудейства: «ничего нет хуже, как раздоры и брань, как расторгать церковь и раздирать на многие части хитон, которого не осмелились разорвать и разбойники»⁵⁰⁸. Но представим словом самого Св. Иоанна, какая это «болезнь», какая «рана»⁵⁰⁹ в теле Христовой церкви была среди христианского общества в Антиохии за время Златоуста.

Разъясняя значение предпасхального поста четыредесятницы, Св. Иоанн говорит: – представим речи Св. Златоуста в несколько систематическом порядке, какой представляется нам удобным для выяснения вопроса в кратких словах о посте: «что значит пасха? что четыредесятница, что такое Иудейская пасха и что наша?»⁵¹⁰ Ведь пасха и четыредесятница не одно и тоже, но иное пасха, иное четыредесятница. Четыредесятница в каждый год бывает однажды... Отцы, собравшись вместе, назначили сорок дней поста для молитв, слушания Слова Божия и церковных собраний, дабы все мы тщательно очистив себя в эти дни молитвами, милостынею, постом, всемощными бдениями, слезами, исповедью и всеми другими средствами, приступали таким образом с чистою совестью, сколько нам возможно, к святым тайнам⁵¹¹. Вот мы в течение всего года не перестаем взыывать и проповедовать о посте, и никто не внимает словам нашим; но лишь настанет время четыредесятницы, тогда хоть бы никто не убеждал и не советовал, и самый ленивый пробуждается, потому что получает совет и убеждение от самого времени»⁵¹². Что значит пасха? Пасха есть предмет не поста и плоти; но веселия и радости, ибо Уничтоживший грех сделался очищением всего мира, примирением долговременной вражды; отверз врата небесные; людей ненавистных Богу сделал друзьями; возвел наше естество на небо и посадил одесную престола; доставил нам и другие бесчисленные блага. Итак, из-за всего этого должно не плакать и не сокрушаться, а веселиться и радоваться»⁵¹³. Но прежде чем мы укажем подробности учения Св. Златоуста о значении Пасхи, мы необходимо должны отметить еще одну особенность

празднования Пасхи иудаизирующими христианами. Очевидно, иудаизирующие христиане кроме того, что одновременно с Иудеями праздновали пасху и, кроме этого, как теперь мы из слова Св. Златоуста видим, что имели и совершенно иные мысли празднования этого праздника в церкви Христовой, вспоминая дни страданий Спасителя. Кроме всего этого еще употребляли в это время и еврейские опресноки, и в оправдание свое говорили, как увидим сейчас, что так Сам Христос праздновал Пасху, как говорили православным: «вы сами не так ли постили прежде?»⁵¹⁴ Златоуст разъясняет и то и другое. «И Христос праздновал с ними – Иудеями Пасху», говорит Св. Иоанн, «не для того, чтобы мы праздновали ее с ними, но чтобы посредством тени ввести истину. Он и обрезанию подвергся, и наблюдал субботы, и совершал праздники, и вкушал опресноки, и все это делал в Иерусалиме, – но мы к чему этому обязаны?»⁵¹⁵ Что такое опресноки?⁵¹⁶ Наши опресноки состоят не в замешанной муке; но в безукоризненном поведении и добродетельной жизни. Для чего же Христос совершил тогда Пасху? Так как древняя Пасха была образом будущей, а за образом надлежало следовать истине: то Христос, наперед показавши тень, потом предложил на трапезе и истину. А с появлением истины тень уже скрывается и делается неуместною. Итак, не представляй мне это в возражение, а докажи, что Христос повелел это делать и нам»⁵¹⁷. «Что значит наша Пасха?»⁵¹⁸ Св. Иоанн Златоуст дает особое догматическое-литургическое понятие о Пасхе в церкви Христовой. «Четыредесятница в каждый год бывает однажды, а Пасха трижды в неделю, а иногда четырежды, и даже столько раз, сколько мы захотим, потому что Пасха не пост, а приношение и жертва, совершающаяся всякий раз, как бывает собрание – литургия. Что Пасха это и есть, послушай слов Павла: «Пасха наша – за ны пожрен быть Христос» (1Кор. 5:7) и «елижды аще ясте хлеб сей и чашу сию пиете, смерть Господню возвещаете» (1Кор.11:26). Значит всякий раз, как ты приступаешь к приобщению Св. Таин, – с чистою совестью – совершаешь Пасху, – не тогда, т. е. когда постишься, но когда участвуешь в оной жертве»⁵¹⁹. Затем в частности Св. Златоуст

опровергает убеждение иудействующих христиан, что в Пасху следует употреблять опресноки (да слышат, скажем, ныне католичествующие)». Мы сколько ни желали, ни старались, никак однако же не можем наблюсти тот день, в который Христос распят... и совершил Пасху... Когда Христос распят, тогда был первый день опресноков и пяток; но пяток и первый день опресноков не всегда могут совпадать. Вот, например, в настоящем году первый день опресноков совпадает с воскресеньем, поэтому надлежало бы поститься всю неделю и вам, когда уже пройдут и страсти и настанет крест, распятие Христово и воскресение пришлось бы все поститься. И часто это случалось, что пост иудейский продолжался после креста, после воскресения, пока не кончится неделя. Таким образом никак нельзя наблюсти время»⁵²⁰. «Иудейская пасха есть образ, а христианская – истина»⁵²¹, скажем в заключение словами Св. Златоуста. Очевидно, заблудшие люди сознавали всю справедливость слов пастыря православной церкви. Но заблуждения упорно держались. «Я столько времени наблюдал – по иудейски – пост и теперь ли переменять мне обычай», повторяет Златоуст возражение раскольника, иудействующего христианина. «Поэтому самому и перемени», отвечает Св. Златоуст, «столько времени ты отделялся от Церкви, возвратись же наконец к Матери»⁵²². Но ревность пастыря была неутомима. «Иудеи хотят окружить наших овец», говорит он, – «то необходимо бороться и ратовать, чтобы ни одна овца не была похищена у нас зверями»⁵²³. И он постоянно проповедовал, поучал, обличал. И говорил: «эти беседы предстанут и мне в день Господа нашего Иисуса Христа и вам. Если вы послушаете, они доставят вам великое дерзновение, а если не послушаете, они – эти слова – противостоят вам, как строгие обличители»⁵²⁴. Есть основание предполагать, что искреннее душпастырство, – слово любви и попечения, произвели свое действие: «суеверные увлечения иудействующих ослабели, secta иудействующих умалилась; это отрадное явление замечается в судьбе иудействующих в церкви Антиохийской, хотя слабые отростки ее еще видимы и в позднейшие времена»⁵²⁵.

«Скажи мне: какая польза от слов твоих?» спрашивает Златоуст и отвечает: «невероятно, чтобы семя, повергаемое в таком множестве, не принесло мне класа... Если не все послушают, половина послушает; не половина, так третья часть; не третья, так девятая; не девятая, так хоть один из такого множества послушает, лишь бы послушал. Не перестану говорить, хотя бы никто не слушал; я – врач и предлагаю врачество; я – учитель и должен увещевать. Никого не исправлю? Что ж такое? Я за это имею награду... Невероятно, чтобы в таком множестве никто не исправился. Каждодневно, говорят, слушаю и не делаю. Слушай, хотя и не делай, потому что от слушания доходят и до делания. Не переменишь образа мыслей... но будешь осуждать себя за то, что не делаешь. Откуда же это самоосуждение? Оно плод моих слов! Когда ты скажешь: «увы, я слышал и не делаю!» Это «увы» есть уже начало перемены к лучшему»⁵²⁶. Конечно, прибавим мы, пастыри – делатели, а совершивший – Бог.

Глава VII-я. Отношение язычества к христианству

«За все благодарение Вседержителю и Царю всех Богу», торжественно и молитвенно восклицает Евсевий Памфил, заключая написанную им церковную историю, – «величайшее же благодарение Спасителю и Искупителю душ наших Иисусу Христу, чрез Которого мы молим, чтобы твердый мир, не нарушаемый ни внешними, ни душевными беспокойствами, всегда пребывал с нами»⁵²⁷. Но «светлый и ясный день, который озарил лучами небесного света Церкви Христовы во всей вселенной»⁵²⁸, омрачился – и скоро – некоторыми «облаками»⁵²⁹. Христиане достигли того, что царский дом стал христианским и покровителем церкви; но явилось внутреннее нестроение; церкви освободились от жестоких и непрерывных гонений, затворены храмы идольские, разрушены жертвенники⁵³⁰ языческие; но язычество еще не умерло в душах весьма многих людей, оно имеет жертвенники в сердцах своих поклонников. И оно живет и действует против христианства, и если не грубой силой – не огнем и мечом, – как в былое время, а иными уже средствами, менее видимыми, но едва ли не более действительными.

Что представляло из себя язычество в IV веке после того, как христианская религия была объявлена господствующею, государственною в великой всемирной Римской империи? Как относилось язычество к христианскому обществу в Антиохии? «Заботливо изыскивая то, что относится к выгоде и пользе государства, мы сочли полезным определить и то, что касается культа и почитания Божества», писал император Константин Великий в своем знаменитом для истории мира и особенно христианского Миланском эдикте, «а, именно, решили дать как христианам, так и всем другим людям свободу следовать той религии, какую кто хотел бы избрать». Это слово было законом на право свободы совести.⁵³¹ Но не дальше, как сын Великого Царя – первого христианского императора уже настолько нетерпимо относился к язычеству, что принцип религиозной свободы сделался, по выражению историков IV века, одним

пустым звуком⁵³². Констанций в 341 году издал жестокий для язычества эдикт: «да прекратится суеверие, да престанут гнусные жертвоприношения! Если же кто вопреки нашему повелению будет совершать жертвоприношение, тот без ослабления будет наказан»⁵³³. В 346 году тот же повелитель издает еще более суровый закон в отношении религии язычников, которым подтверждает свои прежние повеления и послушникам царской воли прямо угрожает смертною казнью⁵³⁴. Что же язычество? Пало, уничтожилось, вымерло под грозою и громами, раздававшимися над ним с высоты трона? Царское слово становилось делом, но приносило ли плоды в интересах христианства, это другой вопрос. Римское правительство языческих времен, издавая закон против христианства, не подозревало в нем той внутренней крепости, какую придавали ему великие религиозно-нравственные идеи, которых ни меч не сечет, ни огонь не жжет. Христианские императоры в своей ревности к новой религии забыли, что политикой насилия можно было уничтожить только внешние принадлежности языческого культа; но всякие наистрожайшие меры, ниже самая смерть бессильны отстранить его внутренние сокровенные основания. Хотя эти основания ни в каком случае не могут идти ни в малейшее сравнение с внутренней сущностью христианства; но психологический закон одинаков для мысли и сердца: убеждения, за которые пришлось потерпеть, верования, так сказать, выстраданные становятся для человека еще дороже, и он начинает держаться за них еще крепче, упорнее, чем как это было прежде. Вот вследствие этого-то свойства души человеческой, религиозные гонения почти всегда приводят к результатам диаметрально противоположным чем, какие ожидались от них. «Нет предмета более свободного, чем религия», рассуждает Лактанций о свободе совести. Религия не нуждается ни в насилии, ни в обиде, потому что к религии принудить нельзя. Вот другое условие нецелесообразности и бесплодности принудительных мер в деле религии. Есть одно средство воздействия в религиозном вопросе: религия есть, прежде всего, дело убеждения, а на убеждения существенным образом могут действовать лишь только одни убеждения. Этот

путь самовернейший: путем убеждения человека можно расположить отказаться от своих воззрений; а мерами насилия – никогда, разумеется не внешним образом, а искренно, душой. «Расположение к религии должно быть предоставлено более слову, чем мечу», скажем словами Лактанция⁵³⁵, «дабы здесь участвовало произволение». «Не мечом и стрелами, не с помощью воинов возвещается истина, но убеждением и советом; какое же убеждение бывает однако там, где прекословяющий имеет перед собою заточение и смерть»⁵³⁶. Теперь с восшествием христианства на престол цезарей Рима, владык всего мира, язычество потеряло покровительство государственной власти, а с потерей этого условия – и силу над христианством; оно стало действовать на христиан теми способами, как дотоле действовало христианство на язычество: словом убеждения. У известной части христиан, а может быть и довольно значительной, должно было неизбежно сохраниться расположение к язычеству. Гонения христианских царей заставляли многих язычников делаться христианами по имени, по внешности; почему, по статистике, язычников убывало, а христиан прибывало. Но что это за христиане были? «Невольник – не богомольник», говорит русская пословица. Эти деланные христиане душой, всем существом своим, были преданы язычеству, оставаясь с тем же умственным и нравственным складом, какой они имели до своего показного христианства. Эти христиане вносили в христианство много языческих элементов. Это – условие, благоприятствовавшее воздействию язычников на христианское общество, – а вот и средства для воздействия на христиан, бывшие в руках язычества. Язычники имели своею собственностью, как их историческое, неотъемлемое, даже в силу давности, достояние: науку, литературу, философию древнего мира. «Словесные науки и греческая образованность – наши, говорит христианам император Юлиан, «а ваш удел – необразованность и грубость, так как у вас вся мудрость состоит в одном: «веруй»»⁵³⁷. Кто любил в языческом вкусе Гомера, Платона и все множество корифеев античной культуры, тот с воодушевлением сражался теперь за язычество против христианства. И таких борцов в IV

веке было не мало; обстоятельства же благоприятствовали этим борцам. Образование школы – находились в это время почти исключительно в руках язычников – и в Ефесе, и в Милете, и в Никомидии, и в Кесарии Каппадокийской, и других местах. Знаменитое училище в Афинах, куда со всех сторон шли учиться высшей мудрости, изучать древнюю литературу, красноречие и философию, – это училище было школой языческой. Здесь были и учителя – язычники, и предметы изучения – все и только языческое. В этих школах и в Афинах учились и христианские дети. Учителя этих школ в своих рядах имели, именно теперь – в IV веке, таких замечательных и популярных профессоров, как риторы: Ливаний, Гимерий и Фемистий. – История знает, что все эти влиятельные лица были смелые, энергичные и талантливые защитники язычества и *ipso* ожесточенные враги христианства. Эти учителя, эти риторы, как Ливаний, отличавшийся благородным характером, в особенности пользовались не только уважением, даже любовью среди своих учеников. Представим себе картину: аудитория полна слушателей; ритор с высоты профессорской кафедры излагает в завлекательной формовке слова и мысли красоту древнеклассической литературы, зародившейся, возросшей и расцветшей на почве язычества. Пленительная свежесть и чарующая красота дивных созданий античного гения, развертываемые талантливым лектором, понятно, должны были произвести весьма сильное впечатление на слушателей. И все это: и речи с особо предназначенней лектором целью, и внимание слушателей – были сосредоточены на мыслях, и лицах, и предметах, имеющих тесную связь с религией языческой. Опыт показал, как влияние этих школ обаятельно действовало как на язычников, так и на христиан, располагая первых живее, осязательнее чувствовать ту нравственную связь, которая соединяла их с религией предков, вообще со всем языческим прошлым, которому принадлежали произведения древней классической литературы, а в души других это обаяние и влияние простирало святотатственную руку, стремясь похитить из сердца юных христиан сокровище св. веры; – словом – языческая школа язычников укрепляла в

язычестве, а христианских воспитанников увлекала к политеизму. «Душепагубны Афины», замечает об афинской школе ее воспитанник Св. Григорий Богослов, «потому что изобилуют идолами, которых там больше, нежели в целой Елладе, так что трудно не увлечься за другими, которые их защищают и хвалят»⁵³⁸. «И действительно, если есть в одном народном веровании такая река, которая сладка, когда течет и через море, и такое животное, которое прыгает и в огне всеистребляющем, то мы (Григорий Богослов и Василий Великий) походили на это в кругу своих сверстников-товарищей школы»⁵³⁹.

Насколько было велико искушение, насколько было «трудно не увлечься», вот наглядное доказательство. Юлиан император, рожденный и воспитанный первоначально в христианстве, языческими философами и риторами Афинского и Малоазийских училищ, где он получил свое общее образование, был склонен к отступничеству от христианства. И, вероятно, этот пример не был единичным. Вот какое сильное средство – оружие духовное – было в руках язычников – врагов христианства, средство подействительнее всякой грубой силы, ибо влияло прямо на сознание человека, на убеждение, и по самому внутреннему своему свойству было способно покорить себе слабые, греховные ум, и сердце, и волю – всю душу человека.

Это религиозно-философское движение касалось преимущественно интеллигентных слоев общества; низшие классы населения привлекали к себе магия, теургия, мистерии, которые, влияя на чувства, удовлетворяли религиозным запросам народных масс. Если эти последние средства предназначались для пробуждения и поддержания интереса к языческой религии в язычниках собственно, то не оставались без прямого или косвенного влияния и на общество христианское. – Для интеллигенции – риторы, философы; для массы, для народа – жрецы; для первых преимущественно школы, для вторых особенно храмы, цирки...

Со всеми этими и с другими духовными средствами язычества для влияния на христианское общество наглядно

знакомит нас Св. Иоанн Златоуст в своих антиохийских творениях. Его слова – для вразумления, для обличения язычников, для ограждения христиан от соблазнов языческих, – дают довольно ясную картину отношений язычества к христианству в Антиохии за время Златоуста. «Когда язычник спросит»⁵⁴⁰, говорит Златоуст своим читателям, очевидно, из числа простых людей, из низшего и малообразованного класса, «откуда видно, что Христос есть Бог, то мы не станем брать доказательства с неба... Ибо, если я скажу язычнику, что Христос воскрешал мертвых, язычник не только не примет сих доказательств, но и станет смеяться. Очевидно, что и самый вопрос может быть предложен или из праздного любопытства, или, еще хуже, иронически, ибо нельзя предположить, что человек, желающий знать истину, при неудовлетворительном ответе, станет смеяться. Чем же мне убедить его, если он не из образованных?»⁵⁴¹

Да, – простые люди – язычники и то желали и могли лукаво совопросничать; какого же отношения можно и должно было ожидать от людей образованных? Особенno неутешительное сознание являлось в душе Златоуста, когда он видел и сознавал, что даже в разговоре язычников – простых людей о предметах веры перевес был на стороне первых. – «Странно, что тот, кто называет себя христианином», говорит Св. Иоанн, «ни слова не умеет сказать в защиту своей веры. Вот причина», восклицает проповедник, «почему язычники не спешат оставить свои заблуждения. Если они, защитники, всячески стараются прикрыть свое постыдное учение, а мы, служители истины, не можем открыть и рта пред ними; то как им не обвинять наше учение в слабости, как не подозревать в нас обмана и неразумия. Но потому ли они и хулят Христа, как льстеца и обманщика, который увлек чернь, пользуясь ее невежеством?»⁵⁴² «Если бы вы внимательно занимались Писанием и каждодневно приучали себя к борьбе, то я не стал бы внушать вам удаляться состязаний с язычниками; но как вы не умеете пользоваться Писанием, то я боюсь ваших состязаний, боюсь, чтобы язычники не победили вас безоружных»⁵⁴³. Это уже, очевидно, идет речь о совопросниках

не простых, а о людях, способных прикрыть свое худое и правильно или неправильно отыскивающих возможность найти недостатки в другом. Но вот другое указание Св. Златоуста, которое прямо говорит о совопросниках, просвещенных наукою... «Если эллины – люди, стоящие не более трех пенязей, циники, принявшие такую же, стоящую не более трех пенязей, философию, или вернее не самую философию, а только имя ее, – облекшись в мантию и отрастиавши волосы, посрамляют многих, то не к большему ли способен любомудрию истинный. Если один ложный вид, только тень философии, – так возвышает, то что сказать о том, если мы возлюбим истинное светлое любомудрие»⁵⁴⁴. Сильного знанием веры и убежденного в ее превосходстве христианина Св. Златоуст благословляет смело исповедовать свои святые убеждения, находясь среди язычников. В похвальном слове Св. мученику Лукиану проповедник говорит: «Он говорил смело пред начальниками и царями. Это и мы будем делать ныне. Если мы будем находиться в собраниях богатых и славных язычников, то станем смело исповедовать свою веру, будем посмеиваться их заблуждению. Если они начнут свое превозносить, а наше унижать, то мы не станем молчать и переносить безответно, но, обличив их гнусность, будем превозносить все христианское с великою мудростью и смелостью»⁵⁴⁵. «Не слушайтесь глумлениями язычников», утешал Св. Иоанн простых христиан, когда им приходилось иметь дело с речистыми язычниками. И именно на научной точке зрения язычники сосредоточивали свои диспуты с христианами. Св. Златоуст передает в одной из бесед на первое послание к Коринфянам рассуждение язычника с христианином на тему: кто ученее и красноречивее – Платон или Павел? Христианин по своей простоте старался доказать, что Павел был ученее Платона. Св. Иоанн указывает нетактичность этого приема со стороны христианина. «Если бы он – христианин – доказал это, то победа осталась бы за язычником. Ибо если Павел был ученее Платона, то естественно многие сказали бы, что Павел одержал победу не силою Божией, но силою своего красноречия». – Все это частности, отдельные случаи столкновения язычников с

христианами на почве состязаний. Чем же в общем представлялось взаимоотношение язычества к христианству и христианства к язычеству за время Св. Иоанна Златоуста?

Слава и сила проповеди Златоуста, направленной к обличению язычества, достигавшей и слуха язычников, имела действием то, что в Антиохии язычество более и более поникало пред христианством, что здесь упадало влияние жрецов, философов и риторов⁵⁴⁶. Здесь знаменитый Ливаний, учитель красноречия в школах Никомидии, Константинополя и самых Афин, доживал свои последние годы († 395). В школе этого ритора учился некогда Св. Иоанн и своими дарованиями и успехами удивлял своего учителя, так что Ливаний из всех своих учеников никого так высоко не ценил, как Св. Иоанна. Сохранился рассказ: раз ученики спросили Ливания, когда он приближался к смерти, кого бы он хотел назначить своим преемником? Ливаний ответил: «Иоанна, если бы христиане не похитили его у нас»⁵⁴⁷. И вот теперь этот то самый Иоанн – пресвитер и проповедник Антиохийский – своим мощным словом во имя Христа боролся с язычеством: с высоты кафедры церковной во всеуслышание пред собранием, в котором пребывала целая сотня тысяч людей, словом живым и действенным⁵⁴⁸ беспощадно громил язычество, – выставлял в своих дивных беседах на публичное посмешище и позор нелепые и противные общечеловеческой нравственности басни языческих поэтов о богах; показывал несообразность с здравым разумом языческих религиозно-философских учений, бичевал языческие суеверия; указывал христианам ухищрения язычества привлекать к себе чад церкви Христовой через гульбища, игры, празднества, конские ристалища, цирки и театры, где в каждое удовольствие и развлечение везде примешан был, сознательно конечно, – яд язычества; обличал пороки язычников, указывая начало их и корень в безнравственных верованиях язычества⁵⁴⁹. И последствием этого душпаstryства Св. Златоуста было осязательное торжество проповеди христианской над языческим красноречием Ливания. Он рассказывает, что в последний год своего учительства в Антиохии, он, к крайнему своему

огорчению, замечал, как умаляется число его слушателей: тогда как прежде сотни учеников сидели в школе у ног его, теперь, когда он также ревностно учительствует, как и в былые годы, видит их по двенадцати, даже по семи⁵⁵⁰. С падением Ливания тускнела слава и других языческих учителей; язычники шли толпами от своих учителей слушать великого проповедника истины Христовой, и многие-многие становились христианами. В беседах Златоуста есть много слов, обращенных к новопросвещенным⁵⁵¹. Со второго года священства Св. Иоанна в Антиохии, – 387 г. начались обращения язычников по слову его, как можно судить по беседам его, и Св. Иоанн постоянно, в установленное церковью время крестил их во все время проповеднического своего служения в Антиохии. Искреннее, неизменно – постоянное попечение о спасении душ человеческих, эта любовь к ближнему, при содействии благодати Господней, побеждала силу заблуждений языческих. Сия есть победа, победившая мир – вера наша (Иоан. 5:4). Яко всяк рожденный от Бога побеждает мир (4 ст.).

Проповедание Св. Иоанна в Антиохии вполне можно назвать апостольским служением. Эта постоянная и неоскудевающая в течение двенадцати лет проповедь возбуждает самое искреннее удивление. Позднее, в ту эпоху, когда Георгий Александрийский писал биографию Златоуста, Св. Иоанну могли приписывать всевозможные чудеса, забывая часто признаваемое самим Св. Златоустом соображение, что была великая разница между временами апостольскими и последующими, и что в эти последние источник сверхъестественных дел значительно иссяк и чудеса видели только при гробницах святых и мучеников. Но его проповедь изумительнее всяких чудес; она сама – лучшее чудо, дивный плод милости и любви, – той любви, которая является великим из непреложных дарований, завещанных Иисусом Христом своим истинным ученикам.

Св. Иоанн Златоуст был для Антиохийской церкви и города Антиохии *светильник, горяй и светяй* (Иоан. 5:35). И этот светильник естественно должен был быть *поставленным на*

свещнице (Мк. 4:25) высшем, да светит всем, иже в храмине большей и ширшей суть (Мф. 5:15).

С полным правом можно сказать, что, собственно говоря, Св. Иоанн при святителе Флавиане был истинным епископом Антиохии. И если бы он был предоставлен самому себе, то, несомненно, не захотел бы покинуть этот город, так как любил его вдвойне: и как свою родину, и как апостольский по преимуществу город, общую дочь Апостолов Петра и Павла, «митрополию всего христианства», по его собственному выражению. Некогда он наследовал бы своему старому епископу и состарился бы среди своих «возлюбленных»⁵⁵².

Но слава Антиохийского проповедника распространилась уже слишком далеко и имя его приобрело уже слишком большую известность, чтобы ему можно было ограничиться служением в Антиохии.

При одной из великолепных бесед Златоуста присутствовал раз первый министр императора – Евтропий, – во время посещения Антиохии. Слово проповедника привело его в восторг. И вот, когда освободился патриарший престол в Константинополе, сановник подсказал императору Аркадию имя Златоуста. И назначение Антиохийского пресвитера на патриаршую кафедру тотчас состоялось. «Иоанн, прекрасный по жизни, смелый словом и убеждением», свидетельствует Созомен⁵⁵³ «весыма многих привлек к добродетели, ибо, проводя жизнь свято, увлекал слушателей к своему образу мыслей не искусством каким-нибудь или силою слова, а тем, что проповедовал истину и искренно изъяснял священные книги. Если слово украшается делами, то естественно является достойным веры», прибавляет историк, «а без них оно говорящего обличает во лжи и сколько бы он ни старался учить, делает его обвинителем собственных слов. Иоанн был знаменит тем и другим: он отличался строгими правилами жизни и точностью в своих действиях; выражение его речи было ясно и блестательно, сильною убедительностью цвело слово Иоанново. И так, сделавшись знаменитым между знающими – через свои опыты, а между не знающими – через молву и но всей Римской империи прославившись словами и делами, он

признан был достойным епископства над Константинопольскою церковью. Когда же клир и народ решил это, согласился и царь и послал привести Иоанна». Возможный отказ избранника и нежелание Антиохии потерять великого оратора были искусно и деликатно предупреждены. Областеначальник Антиохии – Астерий, – по указанию Евтропия, пригласил ничего не подозревавшего пресвитера Иоанна посетить вместе с ним часовню одного мученика за стенами города и когда Златоуст прибыл туда, то его схватили и отвезли в Пагры, первую станцию по дороге в Константинополь. Там он, несмотря на все возражения, посажен был в императорскую колесницу, оказавшуюся уже наготове под охраной солдат дворцового конвоя и уполномоченных, с возможною скоростью перевозим был от станции к станции, пока не был доставлен в столицу Востока⁵⁵⁴ и здесь с седалища пресвитерского возведен на престол патриарха Царя-Града, столицы императоров, преемников Константина Великого.

Последуем и мы за Святителем, чтобы видеть в его живом слове бесед, в его творениях нравственно-религиозное состояние церкви Константинопольской.

Отдел II-й. Константинопольская церковь. Ея история

На том месте, где теперь стоит Константинополь, в глубокой древности была расположена Мегерская колония – Византия – Byzantim, основанная в 658 году до Р. Х. на европейской стороне Босфора. Узкий пролив, соединяющий Черное море с Мраморным, обеспечивал за этой колонией важное торговое и промышленное значение. «Золотой Рог» – бухта Хриσόκερας – имел всемирную известность и господствующее значение. Колония собирала пошлину с судов, идущих из Эгейского моря в Черное и обратно; вела торговлю с европейскими и азиатскими странами и неминуемо должна была играть важную роль в борьбе Азии с Европой. Город – Виζάντιον, по преданию, был устроен по указанию Дельфийского оракула⁵⁵⁵. Дальнейшую историю Византии мы пройдем молчанием. За тысячелетний период своего существования в начале небольшая колония, потом знаменитый приморский город испытал много различных превращений в своей судьбе: был в руках различных властителей – «Персов, и Греков, и Римлян». Не политическая судьба Византии интересует нас, а история веры и церкви христианской в этой местности. Византия имеет значение для нас, как место основания Константинополя. А знать, хотя кратко, историю возникновения, устройства и существования этого с самого основания своего христианского города важно для нас в тех целях, чтобы видеть, что представлял собой этот «новый Рим» в то время, как стал здесь в сане архиепископа Св. Иоанн Златоуст.

Византия получила «свет Христов» в самое первое, самое раннее время апостольского периода. Она имела своим просветителем Апостола – одного из двенадцати избранных учеников Христовых и первым епископом ученика Апостольского. Наша славянская Четья-минея под 30 ноября в нескольких строках знакомит нас с началом христианства в Византии. «Андрей Святой, первозванный Апостол Христов», повествует нам святой списатель «подвигов и страданий»

Апостола⁵⁵⁶, «по вольной страсти Господней и воскресении и вознесении Его, приявшу ему, якоже и прочиим апостолом, Духа Святого и разделяемым бывшим странам, падоша ему жребием Вифилийский и Пропонтийский страны, с Халкидом и Византиею, и Фракиею, и Македониею, даже до Черного моря и Дуная досяжуша (и проч.). Отплы во Фракийский град Византию, идеже он первый Христа проповеда, и много научив, пресвiterы церковные постави. Стакия же, его же Павел святый, в послании к Римлянам поминает, епископа им рукоположи». И с того времени, – от 36-го года⁵⁵⁷ за 350 лет⁵⁵⁸, – к году патриаршества Св. Иоанна Златоуста, история христианской Византии представляет великий сонм преемственно бывших предстоятелей этой церкви – целую тридесятницу архиереев. Но особенное значение в истории христианской церкви вообще Византия получает в начале IV-го века, с построением на месте древней Византии Константинополя, с восшествием веры Христовой на престол Римских императоров.

Созомен сообщает подробности построения Константинополя. По его сказанию, еще Византия получила почесть быть столицей императоров и потом, по откровению от Бога, Константин Великий после того, как обозначил было форму и величину своего столичного города на поле Илийском близ Гелеспонта, построил именно на месте древней Византии Фракийской город своего имени, что царь и сделал, распространив прежнюю Византию и обнесши ее огромными стенами⁵⁵⁹. Этими краткими сведениями летописи об основании Константинополя мы и ограничимся. Но возьмем дословные показания историка об одном обстоятельстве, связанном с историей построения новой столицы в Римской Империи. Эти последние сведения нам необходимы для выяснения некоторых обстоятельств в нравственно-религиозном состоянии Константинопольской церкви, указываемых, в свою очередь, творениями Св. Иоанна Златоуста – этого главного исторического источника для нашего труда. «Царь захотел построить соименный себе и равночестный Риму город», замечает историк, город равный «с Римом в правах и в

власти»⁵⁶⁰. И потом прибавляет: «так как для населения обширного города туземцев было недостаточно; то в разных местах по предместьям построил он большие дома и, отдав их во владение знаменитейшим людям, поселил их там с семействами; а этих вызвал частью из древнего Рима, частью из других мест». «Учредил он – царь», свидетельствует историк, «другой верховный совет, называемый сенатом и предоставил ему те же права и преимущества, какие принадлежали древним Римлянам»⁵⁶¹. Подробно описавши благоустройство и благоукрашение нового города, Созомен говорит: «старание царя соименный себе город сделать во всем равным Риму Италийскому не осталось без успеха, ибо, при помощи Божией, это население так выросло, что и по числу жителей, и по богатству, всеми ставится выше Рима». Особенno ценно следующее известие летописца: «Константинополь так располагает всех к христианской вере, что иудеи в нем – многие, а язычники почти все перешли в христианство. Притом столицею ему пришлось сделаться в такое время, когда вера особенно распространилась, так что не оскверняли его ни требища, ни языческие храмы, ни жертвоприношения... Возвеличивая сей новосозданный город, Константин украсил его многими и великолепными молитвенными домами»⁵⁶². Феодорит, Епископ Кирский в церковной истории дополняет эти сведения, приводя текст послания Константина Великого Евсевию о приготовлении свитков божественных писаний. Из этого послания видно, что действительно в Константинополе «к святейшей церкви вновь присоединилось весьма много людей», так что с быстрым приращением всего оказывается весьма приличным и умножение здесь церквей и для этих церквей царь просит Евсевия, чтобы он «приказал опытным и отлично знающим свое искусство писцам написать на выделанном пергаменте 50 томов удобных для чтения и легко переносимых для употребления». В этих томах, писал царь, «должно содержаться божественное писание, которое особенно нужно иметь и употреблять в церкви»⁵⁶³.

Все эти летописные сведения историков знакомят вас с первоначальным и внешним и внутренним состоянием города и

церкви Константинополя. Здесь жил император, здесь был его двор, здесь поселились богатые и знатные люди из других городов; естественно сошлись для торговли и промыслов множество народа; не забыли новой столицы, конечно, и ученые люди, техники, художники, — и всем им здесь могло быть много дела. Привилегии, всегда бывающие для первых поселенцев, привлекли иностранцев с разных сторон, несомненно, во множестве. Ибо где труп, там собираются орлы (Мф. 24:28), как «туда, где явится Христос» во время 2-го пришествия, придут все святые⁵⁶⁴. И все эти люди, вся эта толпа собравшихся из разных стран и областей принесли с собой свои верования, обычай, пороки, заблуждения и предрассудки. Это — предположение, но, смеем утверждать, вероятное до несомненности. Замечательно: Созомен, говоря о благоустройстве Константинополя, указывает подробности построек, из которых одни служили для устройства, а другие для украшения города, дворцы⁵⁶⁵, площади, торговые ряды, портики, водохранилища, поставленные для украшения столицы статуи: как Аполлона, Дельфийские треножники и знаменитый пан⁵⁶⁶ и в ряду всего этого множества построек историк не забыл пометить и ипподром — место конеристалища. Константин знал, с кем имеет дело. Римское общество, как известно, весьма любило ипподром. Созомен замечает, что благочестивейший император и умер едва не в цирке. «Больной вышел, говорить, в цирк на зрелище, после обеда ему сделалось хуже... в следующую ночь жизнь его прекратилась»⁵⁶⁷.

Но Константинополь был город чисто христианский, со множеством базилик, где читалось слово Божие. Не по числу ли храмов в своей новой столице Константин и приказал приготовить «50 томов Писания?» Казалось бы, что все так благоприятствует распространению и утверждению истинной святой веры в городе Константина — и увы, — едва прошло десять лет от его основания, как Арий, давно осужденный Вселенским собором, как еретик, самолично прибыл сюда искать лицемерного общения с церковью и поднял бурю среди еретиков⁵⁶⁸. Заблуждение его охватило многие умы и многие

архиереи под предводительством Евсевия, епископа Никомидийского⁵⁶⁹, склоняли «Александра, располагавшего тогда епископским престолом в Константинополе⁵⁷⁰ принять Ария в общество с церковью. Александр не хотел: произошло разделение между епископами и христианами, единомышленниками Ария и Евсевия. Сам равноапостольный император склонился было на сторону Евсевиан, и лишь Арий в день, назначенный для принятия его в церковь, умер в 336 г.⁵⁷¹ Здесь в Константинополе тем, на этот раз, и кончилось разделение. Но дерзкое заблуждение несчастного не окончилось с его жизнью. Скоро опочил и ревнитель вселенской истины – епископ столицы Александр; скоро скончался и равноапостольный император Константин, – и ересь взяла полную силу среди христиан Царя-града. Так что влиянием Ариан преемник кафедры Александра, епископ Павел, благочестивый и просвещенный, непоколебимый защитник православия, четырежды был низвергаем и возводим с своего епископского престола и враги истины наконец достигли того, что исповедник был сослан царем арианином в Армению, где агенты ариан и удавили священномуученика. Это последнее событие совершилось в 350 году и почти 30 лет также, как в Антиохии, епископскую кафедру в столице империи занимали арианствующие архиереи, – доколе, с воцарением Феодосия, не был призван в архиепископы Константинополя Григорий Назианзин, оставивший истории свидетельство о состоянии – и религиозном и нравственном – Константинопольской церкви за свое время, которое мы и приведем здесь, хотя не полностью. Но возвратимся несколько назад.

Константинополь, как столица, скоро приобрел важное значение в делах церковных. По выражению Григория Богослова, он сделался и оком вселенной; городом могущественнейшим на суше и на море; взаимным узлом востока и запада, куда отовсюду стекались, и откуда, как с общего торжища, исходило все важнейшее⁵⁷². Константинополь сделался одним из главных средоточий, где находило себе деятельность поддержку и откуда разливалось по окрестным странам арианство. Деятельность здешних епископов: Евсевия,

прежде Никомидийского, Македония, Евдоксия, Демофилы, вся посвящена была противодействию Никейскому направлению богословствования⁵⁷³. И арианствующие действовали открыто – свои воззрения утверждали собором – как Константинопольский 350 года в Символе о Сыне Божием и Св. Духе⁵⁷⁴; и действовали так успешно, что в столице ко времени прибытия сюда Св. Григория Богослова не нашлось в 379-м году у православных ни одного храма.

Понятны теперь будут и скорбь и радость Святителя Григория Богослова, изображенные им в его прощальном слове, произнесенном на 2-м Вселенском соборе в Константинополе 381 года. «Некогда паства сия», говорил святой, «была мала (в год его прибытия в столицу) и несовершена, даже судя по видимому, это была не паства, а малые следы и останки паства, без порядка, без надзора, без точных пределов; она не имела ни свободной пажити (при Юлиане были закрываемы храмы Божии), ни огражденного двора, скиталась в горах, и вертепах, и пропастех земных⁵⁷⁵, рассеянная и разбросанная (Валент многих православных отправлял в ссылку; препятствовал свободе отправления богослужения, а между тем арианам покровительствовал и поощрял их козни против православных) там и здесь; всякий, кому как случалось, находил себе надзирателя и паstryря, промышлял о своем спасении; она была подобна стаду, которое львове изнуриша⁵⁷⁶, погубила буря или рассеял мрак»⁵⁷⁷. «Нива сия», продолжает Святитель, «не походила на ниву не только Бога, Который благими семенами и учениями благочестия возделал и возделывает целый мир; но даже на ниву недостаточного и маломощного бедняка. Такова была наша нива, такова жатва⁵⁷⁸. Но как скоро Бог, Который убожит и богатит, мертвят и живит⁵⁷⁹, посетил благостью Свою, то рукою крепкою Свою и мышцею высокою «соделал паству сию благоустроенною и расширенною». И если она не совершенна, но через постоянные приращения восходит к совершенству; а я предрекаю, что и будет восходить. Ибо гораздо было необычайнее из прежнего состояния прийти в настоящее, нежели из настоящего достигнуть верха славы»⁵⁸⁰. Потом

Святой Архипастырь говорит о своем попечении, о неутомимом бдении, о трудах, о многочисленных скорбях, о гонениях, злословиях, клеветах и об опасностях для самой жизни в борьбе с еретиками⁵⁸¹. В 325-м году окончено основание Константинополя. За эти 60–70 лет Константинопольская церковь сколько должна была вытерпеть гонений, разделений, споров касательно истин веры и разных заблуждений. Между епископами, управлявшими этою церковью, коих было за этот период времени 10, только 3 иерарха были православные и благочестивые⁵⁸², и все они страдальчествовали. А прочие архиереи – или прямо еретики, или люди корыстолюбивые, жестокие, невоздержные, поучительные, лица вообще не имеющие достоинства истинного пастыря Христова стада. Нектарий, преемник Григория Богослова, управлял церковью 16-ть лет; но не имел ни знания, ни ревности, ни святости⁵⁸³ жизни своего святого предшественника.

Одно отрадное сведение передает Созомен: Нектарий был православный епископ⁵⁸⁴, старался удерживать во власти православные храмы, приобретенные святым Григорием из владения ариан, не силою слова, не ревностью за истину, а мерами внешними, как государственный сановник⁵⁸⁵. Ариане такими мерами настолько были озлоблены, что сожгли дом Нектария «в досаде», замечает историк, «что он владеет церквами»⁵⁸⁶. «Доблестные пастыри», рассказывает Феодорит, говоря о II-м Вселенском соборе в Константинополе, «в епископы того великого города», после Св. Григория, «избрали Нектария, мужа благородного, украшавшегося знаменитостью рода и сиявшего собственными добродетелями»⁵⁸⁷. И более – ни слова. Созомен, в совершенной противоположности этому льстивому взрению, указывает: избрали в епископы человека некрещенного⁵⁸⁸, которого крестили единственно для того, чтобы сделать епископом⁵⁸⁹, порочного⁵⁹⁰, (друга его, не принявшего священства, Созомен хвалит⁵⁹¹), хотя правда «принадлежавшего к знаменитому классу сенаторов»⁵⁹², имя которого в списке избираемых было помечено начальствовавшим на соборе (IV Вселен.) лишь «из угоддения» другу и последним в ряду многих⁵⁹³. Избрание же есть дело

собственно царя, который, конечно, увидел имя своего человека в списке кандидатов на престол своей церкви, невольно заинтересовался и «долго держа палец на последней подписи, избрал Нектария»; и это избрание не только удивило, – изумило собор. Но, тем не менее, Нектарий был поставлен в епископа столицы. И все это совершилось в присутствии вселенского собора! Забыты или презрены правила Св. Апостолов–80 и 1-го Вселенского собора 2-е⁵⁹⁴. Этот стариk, говорит о Нектарии один из нынешних биографов Златоуста⁵⁹⁵, не имел никакого другого достоинства, кроме своего сана и 16 лет служил для удовольствия царя⁵⁹⁶. Но, когда умер Нектарий, мир царствовал в церкви, арианство и многобожие были подавлены⁵⁹⁷. Но тот глубоко ошибается, кто отнесет это обстоятельство к пастырским заслугам Нектария. Решали дело с разномыслящими эдикты Феодосия. Этот суровый воин и в делах веры с той же энергическою решимостью выступал против врагов церкви, как и против врагов империи и своих собственных; и, конечно, не убеждал так или иначе веровать, а прямо приказывал – верь «по высочайшему повелению». «Согласно учению апостолов и евангелия, мы должны верить в одно Божество Отца, Сына и Святого Духа, совершенно равного достоинства и святую Троицу», повелевал Феодосий. «Мы уполномочиваем ученикам такого учения называться вселенскими, православными. Итак как мы полагаем, что все другие слепы и неразумны, то клеймим их ненавистным именем еретиков и запрещаем собраниям их называться церквами. Независимо от Божьего суда, они должны терпеливо сносить и те наказания, которые определит им *наша власть, руководимая небесною мудростью* (Кодек. Феод. т. XVI, зак. 2, но Габб. гл. 27). Фаррар пометил Нектария святым (стр. 898). Не знаем оснований: в «месяцеслове всех святых, празднуемых православною восточною церковью» (СПБ. 1891 г. печ. по благ. Св. Синода), мы имени этого Нектария не нашли.

Но для нас важны, в данном случае, не лица, а обстоятельства состояния церкви ко дню смерти Нектария. Что же представляла теперь религиозная жизнь церкви Константинопольской? Жар богословских прений, скажем

словами указанного нами биографа Златоуста⁵⁹⁸, ныне значительно охладел⁵⁹⁹. Недоуменные вопросы веры для мыслящих людей в арианстве, искренно ищущих истины, насколько это возможно в области веры, были, в исповедании веры – Никео-Константинопольского символа, удовлетворены; остались лишь ярые, но бессильно противящиеся истине подонки некогда сильного общества арианского, способные лишь на грубые манифестации. Нет! Не эта болезнь свирепствовала в церкви Константинопольской теперь, не с этими врагами преемнику Нектария предстояло здесь считаться; была другая язва, среди столичного стада Христова, которую надобно было архипастырю врачевать и чем скорее, тех лучше, ибо это был «струп» застарелый. Нектарий, как барич, восседая в почести патриарха столицы, бездействовал: видя, не видел того, что творилось перед его глазами; дела церковные под его управлением пришли в упадок; благочестие во всех слоях общества ослабело; пороки древней и новой империи господствовали между всеми обитателями города; Константинополь представлял собою поле, заросшее тернием, – нравы испортились у христиан. Надо было это поле расчищать и засевать новыми семенами благочестия. Вот что предстояло теперь главным образом новому архипастырю Константинопольской церкви: – надобно было ему бороться с врагами в своем собственном стаде, в лоне самой церкви православной.

Такова печальная история состояния церкви Константинопольской ко времени вступления на престол этой столичной кафедры церкви Св. Иоанна Златоустого! И Св. Иоанн, как пастырь добрый, небоязненно вышел на опасную борьбу с лютым врагом и душу свою положил за овцы своя! И на память векам и народам, а паче пастырям стада Христова, на все времена оставил свои письмена, исполненные духа и силы Христа Пастыреначальника, как памятник своего священнейшего душпастырства в великой Патриаршей Константинопольской церкви.

Нам эти творения Святого Святителя дают возможность исследовать нравственно-религиозное состояние

Константинопольской церкви за время его святительства.

Часть первая. Нравственное состояние Константинопольской церкви

Глава 1-я. Клир

Февраля 26-го 1898 года исполнился полуторатысячный юбилей святительства Св. Иоанна Златоустого с того для, как он 26 февраля 398 года был рукоположен в епископа с званием архиепископа Константинопольского⁶⁰⁰.

С первого дня начал он здесь свою служебную деятельность и с первого своего слова знакомит нас с состоянием Константинопольской церкви. Этой первой проповеди не сохранилось, но есть указания, что Св. Иоанн обещал в ней «побороть ересь не оружием насилия, а Св. писания»⁶⁰¹. Из последующих бесед его известны некоторые подробности первого слова Златоуста в Константинополе. Сам Св. Златоуст указывает, что первые слова его были об оружии Давида и Голиафа; что в ней он развил мысль, «как филистимляне в полном вооружении, защищенные панцирями и щитами, укрепленные мечами и копьями, рассеялись от одного удара юного пастуха, не имевшего для своего охранения ни панциря, ни меча, вооруженного только верою и упованием на Бога»⁶⁰². «Один огражден был со всех сторон множеством всякого оружия», говорит Св. Златоуст, «а другой вовсе не имел такого оружия, огражден был верою; один снаружи блистал латами и щитом, а другой изнутри сиял духом и благодатью»⁶⁰³. Ясно, что этим библейским примером проповедник давал разуметь своим слушателям, что он пришел к ним как Давид, для борьбы, но что он желает пользоваться не внешними атрибутами власти, величием, блеском, а тем менее насилием, а что пришел он к ним на великое служение пастыренаачальства в церкви Христовой, единственно одушевленный живою верою и пламенным желанием их спасения. «Отрок победил юношу, безоружный преодолел вооруженного, пастырь низложил воина, пастушеский камень разбил и сокрушил воинскую медь. Поэтому и мы возьмем в руки этот камень т. е. краеугольный духовный. Ибо... духовный камень низложил голову иноплеменника»⁶⁰⁴. Но не дальше как из 2-го слова Святителя в Константинополе видно, что не одни ереси теперь составляли

предмет пастырских забот Св. Архиепископа, – тут же во 2-м слове Св. Иоанн указывает, что ему предстоит борьба со всем строем жизни в новой благодарованной ему церкви, уклонившимся от своего назначения. «Волки со всех сторон окружают овец, непогода и волнение непрестанно преследуют этот корабль, жестокий пламень ересей угрожает, окружая со всех сторон. Видеть в этой части города насажденную церковь также удивительно, как если бы кто увидел среди горящей печи маслину цветущую, одетую листьями и обремененную плодами»⁶⁰⁵. Несомненно Златоуст своим «проницательным взором»⁶⁰⁶, как только прибыл в Константинополь, сразу увидел всю эту жизнь, многобурную, многосуетную, исполненную роскоши, сребролюбия, зависти; тотчас понял, что его патриархия – кафедральный город – есть метрополия всяческих зол»⁶⁰⁷.

Святитель хвалит свою паству за многочисленные собрания в храмах⁶⁰⁸, за пламенное усердие к слушанию поучений⁶⁰⁹, превозносит религиозность императорского дома: «и цари», говорит, «ликуют вместе с нами, оставляют царские чертоги и присутствуют при гробе мученика»⁶¹⁰.

«Что мне сказать и о чем говорить? взывает Святитель... Об усердии города? о ревности царицы? о стечении начальников? о сонмах иноков? о лицах девственниц? о чинах священников, о ревности мирских людей, рабов, свободных, начальников, подчиненных, бедных, богатых, пришельцев и здешних граждан?»⁶¹¹. Но проповедник, в тоже время видел это, так торжественно проявляемое, благочестие не имеет за собой истинной добродетели, что есть оборотная сторона жизни этих же самых людей, которая представляет собой порок и нечестие; что это благочестие, если показное, а выражение действительного чувства, то все же временное и скоропреходящее, как религиозный энтузиазм, который, повторим, никогда не может быть продолжительным; что, в общем, в жизни столицы, в поведении, в поступках людей – не только смена добра и зла, а что здесь зло преобладает над добром. В этом убеждают нас Константинопольские творения Святителя, ибо в них похвалы добродетели паствы не особенно

многочисленны, а обличения чуть не пояснены. Опытному пастырю душ человеческих не много времени надобно было, чтобы проникнуть в тайник сердец человеческих в его обширной пастве. На третьем году своего архипасторства Святитель задает вопрос слушателям: «скажите, сколько теперь вообще жителей в нашем городе? Думаете ли, что 100,000, а прочие язычники и иудеи?»⁶¹². И потом спрашивает: «Сколько, вы думаете, есть в нашем городе спасаемых?» Тяжко слышать то, что я намерен сказать, однако скажу: из числа столь многих тысяч нельзя найти более 100 спасаемых; но и в этом сомневаюсь... ибо, скажи мне, какое нечестие в юношах! какое нерадение в старицах! образцы для подражания утратились»⁶¹³.

Мы подчеркнули последние слова. Да! в это время, ко времени святительства Златоуста в Константинополе, здесь – соль земли обессилела⁶¹⁴; свет мира⁶¹⁵ померк; помрачились те, из коих каждому сказано: образ буди верным: словом, житием, любовью, духом, верою, чистотою, истину – целомудрием, говорит Св. Златоуст и поясняет слова Апостола⁶¹⁶, то есть, «сам будь первообразом в жизни, являясь перед другими, как образ, как одушевленный закон, как правило и устав жизни благой»⁶¹⁷; и прибавляет, что «Апостол не о пресвитерах» только говорил здесь, а, и преимущественно, «о епископах»⁶¹⁸. «Не поради о своем даровании», заповедует Апостол через Тимофея всем пастырям и архипастырям стада Христова на все времена, «внимай себе и учению; и пребывай в них», заповедует Апостол; «сия бо творя и сам спасешися и послушающии тебе»⁶¹⁹. Ко времени святительства Св. Иоанна Златоуста как раз – и епископы, и пресвитеры, и весь причт церковный, весь клир Константинопольский, даже более, весь чин духовный, все – за весьма немногими исключениями, перестали внимать себе и богооткровенному учению благочестия, вознедели о дарованиях, преподанных им Св. церковью, и ни сами себя не спасали, ни взирающих на них, так что ко всем этим служителям св. алтаря Господня и церкви Божией удобоприложимо слово Христово, «яко взясте ключ разумения, сами не внидосте, и входящим возбранисте»⁶²⁰. И вот, сделавшись епископом, повествует историк⁶²¹, Иоанн

прежде озабочился исправлением жизни подчиненных себе клириков. Вникая в их жизнь и вообще поведение, он и обличал их, и исправлял, а некоторых даже отлучал от церкви. «Будучи склонен к обличениям по природе и справедливо негодяя на поступающих неправедно, он, в сане епископа, еще более предался этому чувству, ибо, получив свободу, природа тем легче возбуждала язык его к обличению и тем быстрее воздвигала гнев его против согрешающих»⁶²².

Какие это были «поступки неправедные» в клире времени Златоуста, в чем состояли «грехи» священно-церковно-служителей и всего чина духовного, – это ясно указывают творения Святителя Иоанна.

«Мне вменяют» говорит Св. Григорий Богослов, как бы в преступление скудость моего стола, простоту моих одежд, мои открытые и нежеманные манеры. Я не знал, что мне нужно во всем соперничать с префектами, консулами, военачальниками, много занятymi своим богатством: между тем как мое богатство принадлежит бедным; я не знал, что мне нужно ездить на дорогих лошадях, развались в изящных экипажах, чтобы все сторонились от меня, как от дикого зверя⁶²³. Это было сказано за 25 лет до вступления Св. Златоуста на Константинопольскую кафедру, и Златоуст, наследовав архиепископский престол после такого блестящего сановника, каковым был Нектарий, как раз лицом к лицу увидел в дворце архиепископа и пышность, и роскошь: очевидно, что сюда, в жилище первосвятителя столицы, внесены были привычки градоначальников, замечает Тьери⁶²⁴, богатые драпировки, дорогая посуда и роскошная мебель⁶²⁵. При его прибытии в столицу самые церкви сияли блеском роскоши: здесь шелковые и золотые украшения покрывали алтари храмов; пурпуровая обивка украшала стены; богатые ковры закрывали пол; богатые церковные одеяния и драгоценная священно-служебная утварь дополняли собою пышность помпы и совершении богослужения⁶²⁶. И к этому храмы обладали денежными капиталами, и земли, как недвижимая собственность, составляли имущество церквей⁶²⁷. Соответственно такой обстановке была, как известно, и жизнь архиепископа церкви Константинопольской. В 16-ть лет

патриаршества Нектария, он, по старости и неспособности, не обмолвился ни единственным словом с кафедры церковной⁶²⁸. Он задавал лишь пиры и великолепные обеды, проводя жизнь государственного сановника, а никак ни архипастыря церкви; утопал в роскоши и пышности⁶²⁹.

Достойное такого руководителя, все подчиненное ему духовенство, – и высшее и низшее, – все так и смотрели на сан святительский, как на место власти, покоя, счастья и наслаждений... И сами на себя смотрели не как на служителей Божиих, а тоже как на людей, имеющих возможность, благодаря своим чинам и санам, так или иначе поблагодушествовать в жизни. То и другое – взгляд современников на служение святительское и поведение клира и всего белого и черного духовенства своего кафедрального города Св. Златоуст в наглядных картинах указывает в своих творениях этого периода его жизни. «Я открою, отчего епископство сделалось предметом домогательств», говорит Св. Иоанн в одной из бесед на Деяния Апостольские⁶³⁰, «слова мои относятся не ко всем, а к тем лишь, кто домогается власти⁶³¹. Причина в том, что мы домогаемся его – епископства, не как обязанности управлять другими и заботиться о братьях, а как чести, как покойной жизни». «А если бы ты знал», говорит далее Святитель, «что епископ должен принадлежать всем и носить тягости всех; что другим, когда они гневаются, прощают, а ему никогда; что других, когда они согрешат, охотно извиняют, а его – нет, – ты не добивался бы этого начальства, ты не стремился бы к нему... Епископ подлежит приговору всякого, суду всех, – и умных, и неразумных; каждый день, каждую ночь он изнуряется в заботах; у него много недоброжелателей, много завистников... Не говори мне о тех, которые всем угоджают, которые хотят спать, которые идут на это дело, как на покой, – не о них речь, но о тех, которые спасение подчиненных предпочитают своему собственному... А что сказать касательно заботы о слове, о учении?» продолжает проповедник, изображая трудности архипастырского служения, – «что сказать о трудности при рукоположении? или уж я крайне немощен, заявляет он недоумевающей пастве, – жалок и ничтожен, или это

действительно так, как говорю... Говорю не иначе, а именно так, как думаю и чувствую... Не полагаю, чтобы между священниками было много спасающихся; напротив, гораздо больше погибающих, и именно потому, что это дело требует великой души... Другие грешат, вина падает на него. Если и один кто отойдет от этой жизни без посвящения в таинства, не ниспровергает ли это всего его спасения?... известно, что погибель и одной души составляет такую потерю, которой не может выразить никакое слово... Сын Божий сделался для этого человеком и столько претерпел, – то подумай, какое наказание повлечет за собою ее погибель?»⁶³². «Не говори мне: согрешил пресвитер или диакон, – вина всех их падает на главу рукоположивших. Укажу еще на другой случай: случится кому-нибудь из людей нехороших быть принятым в клир, объявляется недоумение: какое надобно принять решение касательно его прежних грехов?» «Итак», заключает Святитель свое назидание, – «если бы все стремились к архиерейству, как к обязанности заботиться о других, то никто не решился бы скоро принять его. А то мы гоняемся за ним так же, как за мирскими должностями: из-за того, чтобы быть в славе, чтобы достигнуть почестей у людей, мы погибаем пред очами Божиими. Начальники округов и местные правители не пользуются такою честью, какою начальствующий в церкви. Войдет ли он в царский дворец, – кому первое место? Будет ли у женщин или в знатных домах, – никому другому нет большого перед ними почета. Все погибло, все испорчено! Это говорю я не с тем, чтобы пристыдить вас, а для того, чтобы удержать вас от этой страсти»⁶³³.

Очевидно, эти мысли об епископском сане, эти поползновения к архиерейству именно в таких расположениях души и в таких намерениях сердца в пасомых Златоуста были. Это ясно, как день. «Я сроднился с вами; вы для меня все, – и отец, и мать, и братья, и чада. Так не думайте же, что хоть что-нибудь говорится мною по неприязни к вам: нет! я говорю для вашего исправления»⁶³⁴. Историческая справка вполне подтверждает слово Святителя проповедника. «Можно было видеть в то время, когда Св. Иоанн был только что привезен из Антиохии для поставления в епископа; можно было видеть», –

говорит Палладий, этот интереснейший биограф Златоуста, близкий друг его и товарищ в гонениях»⁶³⁵, – целую толпу претендентов на это достоинство, о которых даже никто и не думал, – людей недостойных названия людей, имеющих титло священства; одни осаждали передния «двора»; другие сорили золотом; третыи готовы были просить на коленях благосклонности народа; но народ, возмущенный их низостями, усердно просил императора избрать пастыря, достойного своего сана». Позволим себе краткое отступление от прямой нашей задачи, чтобы показать, что слово и дело у Златоуста были в полном согласии, а не так, как у иных учителей и священноначальников, что на других они *возлагают бремена тяжка и неудобносима, сами же перстом не хотят двинути*⁶³⁶.

Св. Иоанн Златоуст и в собственной личности, и в образе жизни, как и деятельности представлял совершенный контраст со своим предшественником. «Весьма малого роста, сухой, и только высокое чело и проницательные глаза придавали известное достоинство его бледным, изможденным чертам»⁶³⁷, вот внешний образ Св. Иоанна Златоуста. Самая бедная одежда из простых тканей, – род монашеского одеяния, – покрывала тело Св. Архиепископа⁶³⁸. А каковы были дворцовые покои архиепископа, – следующая иллюстрация наглядно знакомит нас со скромным жилищем Святителя, Епископ Акакий, друг Златоуста, посетил его в Константинополе, и когда Св. Иоанн поместил его вместе с собой, приезжий глубоко оскорбился, встретивши уже очень простой покой и также просто меблированный, ибо не того ожидал он у первого сановника церкви и думал, что по неуважению к нему отвели ему такое помещение⁶³⁹. А пища? «Если бы кто проник в уединение Иоанна, то мог бы найти его нередко в поздний час вечера принимающим натощак немного овощей»⁶⁴⁰. Званных пиров, обедов – никогда: ни он ни к кому, ни к нему – никто. Вся пышность, вся роскошь архиепископского дома, все украшения и драгоценности кафедральной церкви, кроме необходимых вещей, все земли, – все было продано; все деньги церковные взяты, – и все употреблено на бедных столицы»⁶⁴¹.

Во всей обстановке, во всем поведении святителя клир, особенно близко стоявший к Св. Архиепископу, видел и осуждение своих поступков, и поучение не словом уже, а самым делом, жизнью. Но продолжим наше обозрение образа жизни этого столичного клира. – Обратимся прежде к двору Архиепископа, представителем которого был эконом его архиерейского дома.

Но прежде чем говорить о настоящих распоряжениях Св. Архиепископа по экономии своего дома, из которых видно известное состояние этой части клира, мы приведем взгляд Св. Златоуста на обязанности этого должностного лица- эконома при архиепископе.

Еще в одном из слов о священстве, если принимать их за произведение «допресвитерское», Св. Иоанн высказал мысль, что принявший на себя эту должность «должен быть» мудр в экономии. Но по ясности взгляда, выраженного в этом сочинении, можно думать, что в нем говорит не теория, а опыт автора, и так и хочется признать его произведением прямо епископа церкви. – Каковым был эконом архиепископа? «В противном случае, говорит он, имущество бедных может подвергнуться ущербу, как и был тому пример. Некто, принявший на себя эту должность, собрав большое количество золота, хотя не издержал его на себя, но и не раздавал его бедным, кроме малой части; а все прочее, зарыв в землю, хранил до тех пор, как настала война и предала сокровища в руки врагов»⁶⁴².

Любопытно видеть взгляд Св. Златоуста на этот же предмет в жизни церкви за период пресвитерства Св. Иоанна, когда он стал к нему лицом к лицу. Возьмем необходимое из антиохийской беседы об обязанностях церкви пектись о бедных. «Церковь сама ныне содержит дома, поля, дает поземельную за дома, содержит колесницы, конюхов, мулов и многое другое для вас же (мирян) и по причине вашего жестокосердия. Проистекают отселе вот какие беспорядки: и вы без плода остаетесь, и священники Божии не занимаются надлежащим... Когда вы (миряне) до безумия заняты мирскими попечениями..., страх обял отцов ваших на счет участи вдов, сирот и дев, как

бы не сгибли толпы сих несчастных от глада и жажды. Потому они принуждены были установить такой порядок: они совсем не хотели доводить дело до такого нестроения; они желали, чтобы только ваше усердие было их собственностью, дабы от него только получить все плоды, а самим бы пребывать в молитвах. Вы принудили их подражать людям мирским, живущим домами. Отсюда все извратилось, ибо когда и вы и мы занимаемся одним и тем же, то кому умилостивлять Бога? Мы не смеем отверзть уст, поскольку мы не имеем уже ничего особенного пред людьми мирскими... Наши епископы в подобных заботах превзошли самых приставников, экономов и корчемников. И, тогда как им надлежало бы пектись о ваших душах, они каждый день озабочены тем, чем обыкновенно занимаются сборщики, приемщики, счетчики и казначеи... Ваше бесчеловечие и нас (иереев) делает смешными, когда мы, оставив молитву и учение и другие святые занятия, толкаемся и день, и ночь, иные с виноторговцами, другие с хлебопродавцами, трети с торговцами иного рода. Отселе ссоры и споры, повседневные укоризны, отселе священнику дают имена, приличные более мирским доможилам; между тем как... надлежало бы заимствовать наименования от тех действий, от коих заповедали заимствовать и апостолы: от питания нищих, от защищения обнажаемых, от попечения о странных, от вспомоществования бедствующим, от смотрения за сиротами, от заступления вдов, от покровительства дев. О! если бы каждый уделял хотя бы по одному оболу (полушке), и тогда – и бедных бы не было, и мы не стали бы претерпевать столько поношений и осмеяний за заботливость о стяжаниях... Ныне священники Божии хлопочут и о собрании винограда, и о жатве, и о продаже, и о покупке вещей... Мы, приываемые в самое святилище небес, принимаем на себя заботы, свойственные купцам и корчемникам. Изливаю скорбь мою..., чтобы над вами, удрученными столь тяжким рабством, сжалились наконец»⁶⁴³.

В другой беседе, тоже в Антиохии, Златоуст указывает опасность греха от такого положения вещей, греха, особенно тяжкого для лица, презревшего мир в самом желании своем служить Богу и спасению ближних.

«Ужасная, возлюбленные», взыывает благопопечительный пастырь, «ужасная и большого врачевства достойная болезнь вкрадась в церковь, ибо те, которым даже не велено умножать богатства и праведными трудами, но велено отверзать дома свои неимущим, – те самые извлекают выгоды из бедности других, выдумывая благовидный образ хищения, искусно прикрывая любостяжение, давая деньги взаймы из процентов»⁶⁴⁴. Намек очень прозрачен. В антиохийском слове Златоуста слышится жалоба, скорбь о таком обстоятельстве, как экономия в церкви, это бремя для ся служителей, ненужное и душевредное. Св. Иоанн, не забудем, – часто говорил в присутствии местного архиепископа. Это одно уже – ручательство, что он в своих речах проводил мысли и чувства своего Владыки. Мало этого: отсутствие жалоб на проповедника за этот период его деятельности – второе свидетельство, что он выражает единодушное мнение своих собратий. Но то, что было так обременительно и так противно Антиохийскому клиру, клиру Константинопольскому было так приятно, так желательно, любезно; ибо отвечало душевному настроению этого клира с высших членов его до низших. Ибо в Антиохии все духовные были таковы, что о них можно было сказать: дух суть; а в Константинополе – таковы, что о них должно было сказать: суть плоть. Там бежали от искушений; здесь боялись, как бы искушение не ушло из рук; там печальные исключения – чрезвычайная редкость; здесь отрадные явления – представляют собой чрезвычайное исключение. И большее испытание и искушение предстояли приставникам к имуществу церковному – экономам. Ясно, что эконом архиепископской кафедры искушению не противился; и как привычка вторая природа, то одна возможность избавить душу его от греха и погибели состояла в том средстве, какое употребил Святитель Златоуст. «Он отрешил эконома», свидетельствует Палладий, «объясняя, что эти люди умеют только воровать, и что, будучи священниками, они посвящают на кухонные счеты время, нужное для дела Божия»⁶⁴⁵. И этому свидетельству биографа – современника, человека, так близко стоявшего к Златоусту, вполне доверять можно. Антиохийские беседы во всей целости

подтверждают совершенную возможность, даже необходимость именно такого распоряжения Св. Иоанна, когда он, став архиепископом столицы, воочию увидел всю силу зла. С другой стороны, свидетельство Златоуста, взятое из Антиохийских бесед, подтверждает, в свою очередь, справедливость показания Палладия. Зло не ограничивалось личностью эконома или вообще лицами этого сословия в форме казначеев, комиссаров и т. п. Нет! Злоупотребления имуществом церкви, представлявшим собственность бедных, охватили собою весь клир Константинопольской церкви. Палладий, говоря о пороках этого клира, отмечает три: «корысть, обжорство и распутство»⁶⁴⁶.

В Антиохии Св. Златоуст отклонял от клира даяния в пользу бедных, быть может, имея в виду какой-нибудь единичный случай неутешительного свойства в недолжном употреблении известным лицом имущества церкви, или, быть может, в предположении только печальной возможности. Здесь, в Константинополе, он смотрел на дело совсем иначе. Там он преподавал совет доброхотным дателям, как предосторожность в добром деле, мотивируя личное участие в раздаче помощи нуждающимся, как более полное выражение любви к близким. Здесь он предъявляет жертвователям прямо требование: не давать денег в руки клирикам и причину этого указывает, именно, в злоупотреблении имуществом бедных. Объясняя слова Апостола Павла об обязанностях вдовиц в 1-м послании к Тимофею⁶⁴⁷: «аще странные прият, аще святых нозе умы, — Златоуст говорит: благотворя «ты больше получаешь, нежели даешь», «ибо даешь взаймы Богу, а не людям». «Каких именно святых? тех, которые переносят скорби, а не вообще святых; ибо могут быть святые, пользующиеся от всех великими услугами. Не тем угодай, которые живут в изобилии; а тем, которых жизнь проходит в скорбях, в неизвестности, которых многие не знают». И к этому проповедник присовокупляет свой совет благотворящей вдовице. «Не предоставляй предстоятелю церкви разделять милостыню; сама послужи, чтобы получить награду не только за издержки, но и за служение; давай собственными руками, сама засей почву... Ты сеешь на небе; ты

сеешь в душах, откуда никто не похитит того, что посеяно, но где оно сохранится постоянно, и с великой заботливостью, и с великим тщанием»⁶⁴⁸. И потом обращается с тем же словом к благотворителям вдовиц. «Для чего ты сам себя лишаешь награды? Великая бывает награда и за то, когда кто может распределять и достояние других. Почему ты не получаешь награды! А чтобы убедиться, что за это бывает награда, послушай, что говорит писание: «поставили Апостолы окружавших Стефана на служение вдовицам»⁶⁴⁹. Будь поэтому и ты распорядителем своих благ; на сие поставляют тебя человеколюбие, страх Божий. Это избавляет от тщеславия; это утешает душу; это освящает руки; это усмиряет помыслы; это учит любомудрию; это делает тебя более усердным: это дает тебе возможность снискивать благословение; ты отходишь, приемля на главу свою благословения вдовиц... *Отыскивай святых мужей, – истинно святых, которые сидят в пустынях, которые не могут просить, прилепившись к Богу; соверши дальний путь, подай сам лично».*

Мы знаем уже из истории церкви Антиохийской, что Св. Иоанн, бывши там диаконом, близко ознакомился с бедностью нищих, и в этой беседе прямо видим слово опытной мудрости. Естественно, может быть, что он встречал в сотоварищах по служению и уклонения от долга: деньги заманчивы и способны прилипать к рукам (хотя в IV веке бумажных денег и не было); но что эти уклонения в Антиохии представляли собой в сравнении с злоупотреблениями в этой сфере в церкви Константинопольской? В римском клире это покушение на имущество бедных привлекло внимание власти гражданской. «Законы правоверных императоров нас поставили в невозможность получать пожертвования и наследства. Жрецы идолов, проститутки, конюхи цирка их получать могут; мы же, христианские священнослужители – лишены этой возможности. Я не жалуюсь на то, но я краснею потому, что мы это заслужили»⁶⁵⁰. Св. Иоанн Златоуст на злоупотребления церковным имуществом смотрит, как на святотатство, заслуживающее тяжкого наказания от Бога, ибо если, по его – Св. Иоанна – выражению, не давать бедному от стяжаний своих

значит «обкрадывать Иисуса Христа», – то тем более удерживать или давать иное назначение данному в пользу бедных имуществу было непростительно в глазах бескорыстного и прещедрого святителя. – «Если взявший из своего – святотатец», говорит Св. Златоуст, беседуя об Анании и Сапфире⁶⁵¹, – то тем более взявший из чужого. Посему не думайте, будто, если теперь не бывает сего страшного наказания, постигшего несчастных супругов за утайку цены своего имения, если наказание не следует тотчас за преступлением, будто оно остается без наказания... Святотатство очень тяжкое преступление, возлюбленный!.. Пусть же никто не соблазняется», заключает Святитель, «если и теперь есть святотатцы. Ибо, если они были тогда, то тем более могут быть теперь, когда столь много зол. Но обличим их пред всеми, чтобы и прочие имели страх⁶⁵². Удивительно ли, что Св. Архипастырь в праведном негодовании на клириков, «видя, что милостивая диакониса, – из богатых вдов столицы, – расточает свое имение просящим и, все презирая, печется только о Божественном», из опасения, что недостойные приставники попечения о бедных раскрадут себе ее даяние, властью остановил ее порывы к неустанному благотворению. «Хвалю доброе твое расположение», сказал ей святитель, «но стремящийся к высоте добродетели ради Бога должен быть домостроителем, между тем как ты, расточая богатство богатым, не более делаешь, как вливаешь свою собственность в море. Разве не знаешь что имущество ты добровольно посвятила просящим ради Бога, и что быв поставлена распорядительницею в деньгах, как бы уже вышедших из твоей власти, ты подлежишь отчету? И так, если хочешь послушаться меня, то, для пользы нуждающихся, умерь раздачу остального, ибо этим сделаешь добро многим». Так, заметим, свидетельствует историк современник Созомен⁶⁵³. В беседах о клириках, живущих с девственницами, еще раз Златоуст подтверждает пристрастие к корысти. «Если бы даже от вашей услужливости девственницам не происходило ни осуждения, ни вреда, ни соблазна, но можно было делать это без дурной молвы, – и тогда не были ли бы вы жалки, умножая ее

богатство, упражняя ее в любостяжании, вмешиваясь в дела и руководствуя к мирским заботам, исправляя для нее должность экономов, опекунов и каких-нибудь торговцев»⁶⁵⁴. Итак, сомнений никаких: клирики Константинопольские были корыстолюбивы, и священные руки их не были чисты.

Другой современник Златоуста, биограф его и друг, – подлинными словами Святителя, в своем диалоге дает понятие о другом пороке этого столичного клира, современного Златоусту. Слово кратко, но сильно. «Клирики посещают дома знати; переходят из одного богатого дома в другой, отыскивая обеда и роняя достоинство своего сана низким угодничеством»⁶⁵⁵. В порыве священного гнева Златоуст, дополняет Палладий, уподобляя их блудолизам и плутам комедии⁶⁵⁶. «Избегайте пиршеств богатых», увещевал Св. Архипастырь заблудших клириков, «довольствуйтесь тем пропитанием, которое дает вам усердие верных; бойтесь от испарений пышных столов сих перейти в вечное пламя ада»⁶⁵⁷. В беседах Святителя мы не нашли прямых обличений клира в этом пороке. Все внимание Св. Архипастыря было сосредоточено на важнейшем в преступной жизни Константинопольских клириков: их беззаконном сожительстве с девственницами, на распутстве тех и других на глазах всей церкви. Памятником священной ревности об исправлении беззаконников служат два слова Златоуста в его столичных творениях. Мы сейчас имеем три перевода этих замечательных слов, изображающих конкубинат в духовенстве: один представляет оба слова в их целом⁶⁵⁸; два другие в отрывках⁶⁵⁹.

Тьери, скажем здесь еще раз к слову, относит оба эти слова к диаконскому периоду деятельности Златоуста. Но этому противоречит и смысл слова, так властного, и обстоятельства, изображенные в словах. Они подтверждают, что это произведение Св. Златоуста за период Константинопольский. Ибо того грустного явления, какое указывает здесь Златоуст, в Антиохии не было; там клир высоко, как мы видели, держал знамя веры и престиж церкви, оставаясь верным долгу и дисциплине своего священного звания. К чему же бы стал

писать автор вещи, ненужные и никого не интересующие?! Наконец, самая форма внешняя опровергает собой возможность появления этого труда в диаконский период жизни Златоуста. Чуть не в пятый раз заметим: эти слова – беседы; а в беседах проповедник имеет обращение к слушателям и в заключение прославляет имя Св. Троицы, – форма, которой вполне отвечают данные два слова.

Еще одно примечание. Такие неприглядные явления, как сожительство клириков с девственницами, – достояние столиц. Мы видим в пороках совершенное сродство в ветхом Риме и в Риме новом. *Exempli gratia*, чревоугодие.

Блаженный Иероним, изображая пороки римского клира, представляет римского церковника, который, будучи рожден в крестьянской семье и вскормлен в своей деревне – кашей и просом, надев рясу, получил талант узнавать по вкусу породу поданной к столу сони⁶⁶⁰, различать колхидского фазана от египетского, рыбу из Британского моря от Каспийского⁶⁶¹. Почти ту же картину жизни клира в Константинополе, какую вели священники и диаконы в этом городе, роскошном и жадном к наслаждениям, мы видели выше. И одно и тоже заметили мы там и тут в речи, – корыстолюбие Константинопольского клира. Антиохия – провинция, и, как ни низок уровень нравственной жизни в Антиохии, по изображению того же Св. Златоуста; но клир там был от архиерея Божия, за время Златоуста, до клирика церковного именно «свет мира». И если что было там истинно доброго, как видели мы, то это – священники и иноки. Если бы кто осмелился сказать о свидетельстве: «пристрестен проповедник к родному городу», так вот, помимо прямо исторических свидетельств, всегда подтверждающих правдивость показаний бесед, свидетельство, заключающееся в самой сущности бесед одного и того же проповедника, стоявшего на высоте кафедры церковной там и здесь.

Там слышится известному классу людей всегда одобрение; здесь одно порицание. Почему? потому что там и тут именно так говорить, а не иначе требовали обстоятельства. Иначе нельзя указать иной разумной цели. Мы не говорим уже, что праведная жизнь проповедника и страдания его за истину, даже до смерти,

исключают самую возможность пристрастия в этом неподкупном святом человеке. Но к делу. Из обоих слов мы возьмем для характеристики клира Константинопольского главные черты.

Автор начинает исследование с того, «в каких случаях мужчина может жить с женщиной». Он находит их два: брак и прелюбодеяние. «Но с недавнего времени», присовокупляет он, «явился третий случай: люди имеют при себе девиц, которым они ни супруги, ни любовники». Так начинает слово обличения своего Св. Архипастырь. В другом месте он называет этих людей «духовными»; но по всему содержанию слов видно, что это суть «лица духовные», «клирики», даже прямо священники и чина монашеского. Так уж Тьерри прямо и называет этих людей священниками.

В обоих словах, – и в первом преимущественно, обращенном к клирикам, святитель изображает тяжесть страстного душевного состояния клирика, погрязшего в ложном братстве, суетность такой жизни и соблазнительную обстановку в доме и отношения священника к своей «возлюбленной» в храме, низко роняющие нравственное достоинство священника. Будем говорить, хотя кратко, словами самого святителя проповедника. «Зачем они – эти люди, имеющие при себе безбрачных отроковиц, зачем они держат их при себе» – спрашивает обличитель; «на это, говорят, много есть резонов. Вот некоторые из них: общество женщин, независимо от всякого незаконного или законного сожительства, имеет за собою большую приятность. Если бы было не так, то духовные из-за чего бы подвергали себя подозрению и худым толкам? Да! Это обращение с женщинами имеет за собой приятность более живую и более заманчивую, чем самый брак... В браке чувства скоро успокаиваются и насыщаются; но любовь, внушенная девицей, увлекает, но не насыщает. Она постоянно разгорается и делается более и более живой. Нужно вообразить картину горького состояния этих несчастных. Они уподобляются голодному человеку, который имеет перед глазами великолепный роскошный стол, но не смеет прикоснуться к нему. Этот вид сильнее заставляет его чувствовать мучение голода. Тоже бывает и с этими духовными. Всегда видеть то, к чему нельзя

прикоснуться, или касаться того, чем нельзя владеть, – это страшная мука! Не могу сказать, что те люди целуют или обнимают своих сожительниц; но когда некоторые обвиняют их и в этом, я постараюсь показать, что если они простираются и до этого, то навлекают на себя мучение, тягчайшее вышесказанного. Желание разгорается постоянно сильнее и сильнее. Зачем они ищут таких мучительных испытаний? Это признак того, что их болезнь дошла до крайности».

«Но говорят, в них не возбуждаются пожелания. Вот счастливые люди», отвечает Златоуст, со своей стороны, я очень бы желал владеть такою силою. Можно верить, что есть и такие люди: но я желал бы убедиться в том, что молодой человек, во всем цвете лет, живущий с молодой девицей, сидящий с нею, разделяющий с нею стол, каждый день обращающийся с нею, – я не говорю уже о прочем: эти постоянные смехи и восторженная веселость, слова, полные неги, и все другие увлечения, о которых совестно говорить, – чтобы живя, говорю я, в одном и том же доме, разделяя с нею трапезу и беседы, разговаривая совершенно свободно, – он не испытывал того, что испытывает человек; чтобы он всегда был чист от худых пожеланий и не чувствовал никакой страсти: вот в чем я хотел бы убедиться. Но нельзя в этом убедить... Обложившие все тело свое железом, одевающиеся в рубище, ушедшие на вершины гор, постоянно живущие в посте и всенощных и неусыпных бдениях, соблюдающие всякую строгость в жизни, не позволяющие никому из женщин входить в свои хижины и пещеры, – едва преодолевают неистовство похоти. Но эти девы, отвечают духовные, имеют нужду в защитнике, опекуне, правителе, ходатае... Извинение, от которого должно краснеть», восклицает Златоуст. «Как! Духовные делаются опекунами, экономами у женщин?! Неблагородны ваши надежды, – говорит клирикам Св. обличитель их, – когда вы, получившие заповедь нести крест и следовать Христу, отвергнув крест, сидите около прялки или корзинки. Потому нас везде и называют сластолюбцами, тунеядцами, льстецами и женскими угодниками».

Таково состояние души клирика, живущего с «безбрачной отроковицей». Скажем теперь словами святителя о внешней обстановке домов сожительства, выражющей весь преступный характер этого печального явления в церковной жизни.

«Зачем жить с девой! Но она бедна, говорите вы, я ей помогаю. Прекрасная любовь! и сверх того, нет ли бедных мужского пола? Почему бы тебе не собрать их? Но вам нужны женщины. Есть и женщины старые, слепые. Ваша любовь имела бы более цели и достоинства. Но этих старых женщин вы не захотите видеть и во сне: вы всюду ловите тех, которые молоды и красивы, руководствуясь непростительной причиной этой ловитвы. Мне нужна женщина для управления моим домом. Разве есть у тебя множество иноземных и недавно купленных рабынь, которых нужно приучать к пряже и другим работам; или – обширное хозяйство? Ничего такого ты не скажешь; но только то, чтобы она наблюдала за шкатулкой, одеждою и прочим скучным имуществом, накрывала стол, постилала постель, зажигала огонь, омывала ноги»...

«Войдем в их жилище», говорит проповедник. «Бедная сожительница должна работать собственными руками. Священник тут же, подле нее; у них общая комната, общая утварь. Скажите же мне, какое зрелище представит жилище человека, своим саном предназначенного к уединенному созерцанию? женские юбки, пояса, головные уборы висят по стене; в комнате: чепец, прялка, веретено, ткацкий станок, корзины; по всем углам запасы шерсти и льна с бердами и чесалками: вот убранство, украшение жилища священника!...

Служанки или соседки прибегают туда поработать или поболтать с хозяйкой: раздается хохот; священник принимает участие в их веселости, в их сплетнях, рассуждает о шерсти, веретене и пряже – словом, становится бабой, живя с бабой и когда кумушки заводят ссоры, священник прибегает их разнимать. Невозможно», заключает проповедник, «чтобы живущий с женщиной и занимающийся такими беседами не был сплетником, болтуном и гнусным человеком».

«Предположим теперь, что духовная сестра богата. Тогда будет и иная обстановка у священника, новое зрелище в его

жилище, новая беда. Если сестра богата, нужно, чтобы ни в чем не было у нее недостатка, потому что матроны изящного и утонченного света менее требовательны в удобствах, нежели эти сестры, — и обо всем должен предупредительно позаботиться священник. И как хлопочет он, чтобы угодить ей! Вот он бежит к серебреннику узнать, готова ли посуда или зеркало; будет ли вовремя доставлена амфора для вина или бутылка для масла, — ибо многие из девственниц занимаются более мирских этими сосудами. От серебренника он идет к парфюмеру, — этого рода девы страстно любят всякие притирания: им нужны постоянно новые и дорогие, ибо девственницы употребляют и ароматы различные и драгоценные. Священник объясняет продавцу, какие именно любит его госпожа. От парфюмера к продавцу тканей, фабриканту полотен или ковров; там — к башмачнику, к столяру, к портному, к красильщику. Священник ходит, торгуется, спорит! И вот дело свящееннослужителя проходит в беготне из лавки в лавку. Вечер у девственницы. Клирик один обращается в толпе служанок, как руководитель оркестра, подпевающий в лице женщин».

Но это еще не все. Златоуст проникает своей мыслью в самые сокровенные покои сожителей и всю грязь выносит оттуда на свет, обличая зло. Он касается времени, когда нужно мыться, когда нужно спать, и представляет неизбежные нравственные неудобства. В первом случае «братья не может услужить девственнице, если не будет весьма бесстыден. Случается, что они, проснувшись в одно и то же время, — предполагается, что спят на разных постелях и даже в разных комнатах, — идут один к другому, лежащему, и разговаривают между собою ночью... Если же случится сожительнице внезапно заболеть, тогда уже и стены бесполезны; но, встав прежде других, он входит к лежащей девственнице, садится около нее и исполняет другие услуги, которые прилично исполнять иногда только женщинам; и она не стыдится, но еще утешается... Когда же встанут и служанки, то срам бывает еще хуже: ибо они с непокрытой головой, в одной нижней одежде, с обнаженными руками бегают в его присутствии». Обличитель открывает

завесу самой тайны жизни, он рисует картину обстоятельств, когда страсть уступит долг... «Когда же прибудет повивальная бабка, тогда его то выгоняют против воли, то позволяют войти, и он не стыдится, и когда придут посторонние девицы, он еще хвалится... подлинно говорят все: будто в дома девственниц каждый день приходят повивальные бабки, как к рождающим, не для того, чтобы ходить за родильницею, – бывало с некоторыми и это, но для того, чтобы разведать, которая из них растленная и которая нерастленная».

Потом Св. обличитель представляет картину позора конкубинатов на площади от народа. «Как, когда, где и у кого зайдет речь о них, то разговаривающие об этом непристойном сожительстве, желая указать принадлежащую такому то, называют ни матерью, ни женой, ни сестрой, а названием постыдным и смешным. Но как будто для того, чтобы всякое место видело позор клириков, они обнаруживают его даже в храме», свидетельствует Св. Златоуст. «Вот открывается церковь. Сколько новых осквернений и нового срама вас ожидает! Священник толчется у дверей в ожидании своей дамы, и когда она является, он идет впереди нее, точно ее евнух или слуга, прочищает ей дорогу сквозь толпу и по пути вызывает общие улыбки... Когда приближается страшная минута таинства, священник обращает голову к присутствующей тут госпоже; он переговаривается с ней взглядом, – и это все происходит пред очами Бога и верных. Если кто-нибудь только посмотрит на них угрюмо и неприятно, то их угодники скорее готовы перенести все, нежели допустить их терпеть это, – чело священника хмурится, злоба закрадывается в его сердце... И нужно ли описывать все безобразие?!..»

Проповедник обличал клириков, что они притворяются, будто отказались от настоящих благ; убеждал не шутить нешуточными предметами: «прошу, увещеваю, припадаю к коленам вашим», взвывал пастырь к заблудшим, – «умоляю, престанем!»...

И как «умоляет» Св. Архипастырь?!

«Если бы и было наслаждение», говорит он грешной девственнице, то что значит малая капля воды в сравнении с

беспределным морем? «Слыши, дщи, и виждь, и приклони ухо твое, и забуди люди твоя и дом отца твоего, и возжелает царь доброты твоей», – взывал некогда Давид ко вселенной, находящейся в худом состоянии. Это и мы провозгласим тебе, изменив немного слова пророка и скажем... *и забуди дурную привычку свою и живущих с тобою и возжелает царь доброты твоей*. Чего тебе больше этого? Увещеваем тебя воспевать это изречение, как бы некоторую божественную песнь, и дома, и на торжище, днем и ночью, на пути, и в горнице, голосом и мыслию, и непрестанно повторять душе: *слыши, душа моя, и виждь, и приклони ухо твое и забуди дурную привычку свою и возжелает Царь доброты твоей*»...

«Подлинно, одно из труднейших дел – отвергнуть пристрастие и старую привязанность, расторгнуть многосложные соблазны, окрылиться и вознести до сводов небесных», говорит Святитель «мужу, живущему с девственницей» и прибавляет: «освободивший самого себя и избавивший весьма многих других от осуждения, представь, какую получит награду, и, окрыляясь надеждою воздаяний, презри дурную привычку, чтобы тебе, протекши настоящую жизнь согласно с волею Божией, с чистой совестью увидеть там свою возлюбленную и насладиться святейшим собеседованием с нею; ибо, по истреблении телесных страстей и угашении гибельной похоти, там не будет никакого препятствия мужчинам и женщинам быть вместе, когда прекратится всякое порочное воззрение и все, вводимые в царство небесное, будут в состоянии вести жизнь ангелов».

Вот пороки и слабости духовенства, всенародно, с высоты кафедры церковной объявленные миру.

Конкубинат был болезнью, пустившей глубокие корни, и язвой застарелой. В этих самых словах обличения Св. Златоуст говорит, что эти люди принимают к себе безбрачных отроковиц и держат их при себе до глубокой старости и потом указывает, что *такое сожительство вошло в обычай*⁶⁶².

Кто были эти клирики Константинопольские: священники, диаконы и церковники? Из 1-го обличительного слова Св. Златоуста видно, что это были *люди одинокие*⁶⁶³. По самому

свойству обстоятельств видно, что это были люди не женатые; ибо где же быть сожительству с безбрачной отроковицей, если бы клирики имели жен?! Да тут и мысли не могло явиться ввести в дом подобную девственницу. Ревность жены сразу обуздала бы мужа, да и отроковицу вразумила бы так, чтобы и другим было «неповадно», как писалось в древних русских царских манифестах. Не в этом вопрос, что клирики были люди безбрачные, – это ясно; но были ли они просто люди безбрачные или еще в чине монашеском?

«Какое погибает дело, какого исполненное любомудрия! Девство оскорблено, отделяющая его завеса уничтожена, быв расторгнута бесстыдными руками; святое святых попрано, почтенное и достоуважаемое сделалось презренным и пренебрегаемым всеми и звание, столь честнейшее брака, унижено и низложено так, что более ублажаются вступившие в брак».

Такое слово Св. Обличителя «девственницам, жившим с мужчинами» не оставляет сомнения в том, это были девственницы, публично, пред церковью, сказавшие свой обет. Святитель даже прямо указывает на этот обет. «Не лучше ли было бы ей вступить в брак», говорит он о богатой девственнице, сожительствующей с мужчиной, «нежели, оставаясь безбрачной, попирать обеты, данные Богу?»

Кто были эти грешные мужи, сожительствовавшие с девственницами? – Наш историк нравственно-религиозной жизни в церкви Константинопольской указывает, что это были: во первых, духовные мужи. «Для чего, скажи мне, ты хочешь быть почитаем от женщин?» – взывает Св. Иоанн к одному из них, и присовокупляет: «весьма недостойно духовного мужа желание такой чести». Во вторых. «Оба слова», несомненно сказанные во время епископства Св. Иоанна в Константинополе⁶⁶⁴, «представляются плодами истинно пастырской ревности Святителя о нравственной чистоте лиц, посвятивших себя преимущественно на служение Богу» – читаем в надписании первого слова⁶⁶⁵, «но позволявших себе сожительство с посторонними лицами другого пола, которое было запрещено 1-м Вселенским собором и осуждено Св.

Василием Великим». «Великий собор без изъятия положил, чтобы ни епископу и вообще никому из находящихся в клире не было позволено иметь сожительствующую в доме жену, разве мать, или сестру, или тетку, или те токмо лица, которые чужды подозрения», указывает Собор⁶⁶⁶.

Св. Василий Великий так изъясняет это правило, что духовные лица, хотя бы и не были обличены в преступной связи с живущими с ними женщинами, подвергались запрещению священнослужения. «Прочти», написал он пресвитеру Григорию, «правило, изложенное святыми отцами нашими на Никейском соборе, явно запрещающее иметь сожительствующих в доме жен... Тем более следовало тебе исполнить мое требование, что ты, как говоришь, свободен от всякой телесной страсти и я не так, как бы за случившееся беззаконное дело определил то, что определил, но потому, что научился от апостола не полагать претыкания брату, или соблазна. Повелели тебе удалить от себя ту жену... Доколе же сего не сделаешь: тысячи оправданий не принесут тебе... никакой пользы, но умрешь запрещенным в священнослужении»⁶⁶⁷. Дозволение жить вместе с родственницами или лицами женского пола совершенно безподозрительными, понимается так, что «собор отделял состояние безбрачных священнослужителей белого духовенства от иночествующего духовенства и первым не давал правил последнего, которые были всегда строже»⁶⁶⁸. И это надписание «Слова» и справка по канону церкви достаточно уясняют, кто были «мужи, жившие с девственницами»; но есть указания, подтверждающие то же самое в содержании самых «слов» Златоуста.

«Аще соль обуяет, – говорит Господь, – чим осолится. Бог желает, чтобы мы были солио, светом и закваскою так, чтобы и другие могли получать от нас пользу».

И еще. «Если такой человек неспособен к житейским и гражданским делам, то гораздо более – к великим духовным, которые требуют столь доблестных мужей, что намеревающиеся приступить к ним не могут и касаться их, если не сделались из людей ангелами.

Были ли Константинопольские клирики – лица из «белого духовенства», или из «иноков»?

Судя по тому, что историки IV века указывают институт монахов, как отдельное сословие в церковном обществе⁶⁶⁹, что подтверждает и сам Св. Златоуст в своих беседах, как мы увидим то в своем месте, надобно бы предположить, что Константинопольские клирики были не из монахов. Но здесь невольно является соображение: об Антиохийских монахах было замечено (выше), на основании исторических справок, что они, между прочим, отличались тем, что не чуждались принимать на себя священные саны и сам Св. Иоанн Златоуст представляет ясное доказательство этому, – то, по признанной нами одинаковости религиозного направления Антиохии с Константинополем, в свою очередь, можно допустить, что и Константинопольские клирики могли быть из монахов. Это соображение мы особенно отметим, как имеющее для нас значение в определении не только возможности, а даже, так сказать, необходимости известного склада нравственной жизни Константинопольского клира. Но рассуждению об этом мы дадим место ниже, когда будем говорить о Константинопольских монахах. Это обстоятельство дает возможность предполагать, что клирики Константинопольские могли быть из монахов. Есть указание, что эти клирики были прямо из мирян, лишь безбрачные люди. Известно, что древняя христианская церковь в самом начале своем, в лице искренно благочестивых людей в священном достоинстве и только имущих ревность не по разуму о святыне своего сана, видела и такие опыты, что священные лица всех трех степеней церковной иерархии, с принятием сана, разлучались со своими женами. И этот взгляд стал настолько необходимостью в обществе христианском, что вошел в обычай, принял силу закона и настолько укоренился, что собор Апостольский счел для себя необходимостью постановить правило: «епископ, или пресвитер, или диакон, да не изгонят жены своей под видом благоговения. Аще же изгонит, да будет отлучен от общения церковного, а оставаясь непреклонным, да будет извержен от священного чина»⁶⁷⁰. Ревность дошла до крайности: по благоговению к святыне благодати священства

приемлющие священный сан стали считать брак скверной. «Изгнание жены»⁶⁷¹ запрещается священным лицам потому, как изъясняет Зонар, что сие казалось бы осуждением супружества⁶⁷². Но во внимании именно к осуждению брака тот Апостольский собор счел долгом еще яснее и еще положительнее разъяснить неразумие ревнителей. «Аще кто епископ, или пресвитер, или диакон, или вообще из священного чина удаляется от брака и мяса, и вина, не ради подвига воздержания, но по причине гнушения, забыв, что все добра зело и что Бог, созиная, мужа и жену сотворил их, и таким образом, хуля, клевещет на создание: или да исправится, или да будет извержен из священного чина и отвержен от церкви»⁶⁷³. Заблуждение коснулось и мирян, и там нашлись неразумные. Собор и им прибавил внушение, сказав: «такожде и мирянин отлучается и извергается при упорстве»⁶⁷⁴. В IV веке дело дошло до того, что миряне стали гнушаться принимать таинства от женатых священников. И настолько сильны были толки, настолько охватили практику жизни, что опять вызвали поместный собор, – Гангрский 340 года, – оградить попираемую истину святости брака постановлением, что собор и сделал. Правило IV-е гласит: «Аще кто о пресвитере, вступившем в брак, рассуждает, яко недостоин причащатися приношения, когда таковой совершил литургию, – да будет под клятвою»⁶⁷⁵. Но насколько сочли христиане обязательным решение собора, – это вопрос! Очень могло быть, что правило указано; а практика сама по себе, дела остались в том виде, как было до собора. «Привычка, говорят, вторая природа».

Очень естественно, что в Константинополе, за время Златоуста, клирики, уступая заблуждению народному, вышеизложенному, вступали в священные должности, и не вступая в брак. И потом свободно устраивали конкубинат, без особенного зазрения совести, быть может, оправдывая свою жизнь теми же народными воззрениями, которые вынудили их быть безбрачными. Если даже не все клирики были люди безбрачные; то все же могли быть на половину, на четверть их общего количества. В таком городе, как Константинополь, и малая часть могла быть значительной. Ибо эта столица еще при

Константине Великом имела множество храмов. Сам основатель города «построил здесь около 430 церквей для христиан»⁶⁷⁶. «Церквей в Константинополе было также много, как в Риме», читаем мы в исторической записке «о Византийских церквях и памятниках Константинополя» Н. Кондакова. Вениамин Тудела насчитывал, по словам других, столько же, как дней в году; Альберик в 1202 году полагал, что их было 500. Дюканж пересчитывал в своем каталоге 212 церквей и 158 монастырей; Паснати из актов патриархата прибавляет еще 5 церквей и 17 монастырей, – очевидно», прибавляет автор исторической записи, «как городских, так и подгородних, и на большом расстоянии от города. Но как многие из этих церквей и монастырей – или меняли имена своих патронов, или зачастую имели их по нескольку, и потому в актах и хрониках эти имена умножают число против действительности, то не будет большою ошибкою положить число всех и за все время существования Византии в 500»⁶⁷⁷. Автор записи представляет доказательства своих предположений. С одной стороны – известный «Эдикт императора Константина равноапостольного, предоставивший базилики, т. е. рыночные и судебные залы христианским общинам». – «Византия имела много языческих храмов и наиболее замечательные из них были превращены в христианские церкви»⁶⁷⁸.

Потом, – «свидетельство Унгера о постройках Константина в избранной им столице, – что новое – Византийское – искусство было христианское и переход императора в христианство имел величайшее значение для его развития». И третье: «Обычай иметь домовые церкви у Константинопольских вельмож и патрициев должен был рано начаться: были дворцовые церкви, – и от императоров обычай переходил к придворным»⁶⁷⁹.

В «исторической записке» Н. Кондакова, мы встретили весьма интересное для нашего труда указание о той церкви, в которой проповедовал Св. Архиепископ Константинопольский – Иоанн Златоуст. «Храм святой Софии древнейшей постройки был только начат при Константине», сказано здесь, «кончен же и освящен при сыне Констанции в 360 году»⁶⁸⁰. – В своем месте

мы скажем несколько подробнее о базиликах, как преимущественном типе храмов до IV-го века вообще и времен Св. Иоанна Златоуста в частности, – их внешнем виде и внутреннем устройстве от алтаря и кафедры до гиниконита и дверей церковных, насколько все это считает необходимым для нашего «труда». Если мы нисколько не увеличим этого числа храмов ко времени Св. Златоуста, то и тогда количество клириков громадно – в тысячах. Мы склонны думать, скажем в заключение, что клирики, обличаемые в конкубинате, были только безбрачны, хотя не исключаем, что могли они быть и из монашеского звания, по примеру так сродной и так близкой Константинополю церкви Антиохийской.

Оканчивая наше исследование нравственного состояния священного клира Константинополя, мы еще раз остановимся на этом клире, чтобы взвесить всю тяжесть преступного поведения их и через это показать во всей наготе и истинности нравственное состояние этого клира.

Мы уже видели в словах Златоуста, что сожительство клириков с девственницами стало обычаем в Константинополе. Но надобно видеть, как относились сами клирики и их сожительницы к этому неприглядному обычая; и прежде – чем именно, какою силою держался обычай в этой среде; как власти духовные смотрели на это явление в данное время, и как смотрел православный народ?

Св. Иоанн Златоуст, изобразивши в 1-м слове обличения всю тяжесть душевного состояния сожителей: быть так близко друг к другу и не иметь так возможного и так заманчивого совокупления, говорит: «Если это дело по свойству своему столь прискорбно, почему же многие с таким рвением предаются ему?» Заметим подчеркнутое нами слово. Это слово наводит и на грустные заключения, но указывает и на отрадную сторону в этом печальном явлении. Грустное заключение: развратники имеются в большом количестве в клире, – «многие»; отрадная сторона: многие, следовательно, не все клирики заражены этой язвой.

Но возвратимся к нашей речи. На свой, так естественный, вопрос, Св. Златоуст отвечает: «на это я могу сказать, что это

самое и служит величайшим доказательством крайней их болезни». Насколько страсть помрачила разум у тех и других, насколько увлечение было сильно у несчастных клириков, – Златоуст неоднократно свидетельствует в своих обличениях. Он в одном месте, разрушая заявление грешников, будто они в таком близком сообществе не чувствуют греховного возбуждения, представляет подвижников в горах, в цепях, которые и в таком самоумерщвлении плоти «едва преодолеваюят неистовство плоти». Сказавши это, прибавляет: «А ты говоришь, что когда видишь живущего вместе с девственницей, привязанного к ней, забавляющеся с ней, соглашающеся лучше отдать свою душу, нежели сожительницу и потерпеть, и делать все, нежели разлучаться с возлюбленною, ты не веришь ничему худому и считаешь это не делом похоти, а благочестия». Но может быть сожительство было тайной, содержалось в секрете и лишь только, при всей осторожности, выплывало наружу, но все всегда маскировалось, чтобы ни словом, ни делом не показать истинного положения дела? Нисколько! – Нельзя предположить такой наивности ни во властях, ни в народе столицы, чтобы кто верил сказкам клириков и мог искренно думать, будто они, в самом деле, хранители, и заступники, и питатели, и ходатай девственниц – вне страстных увлечений. На словах они: да! – таковыми себя и ставили; но на деле, – в поступках, в поведении, в жизни, – публично, открыто выставляли своей позор. Стоит, напр., обратить внимание на появление в храме этих «возлюбленных», «духовных сестер», чтобы видеть всю беззастенчивость отношений к ним их сожителей – священников. Как-будто было «нужно, чтобы никакое место не оставалось незнающим их бесчестия и рабской услужливости, они и в этом святом и страшном месте открывают всем свое невоздержание и, что всего тяжелее, они еще хвалятся тем, чего следовало бы стыдиться, ибо, встречая своих девственниц у дверей они рассталкивают других и, шествуя впереди, величаются пред глазами всех и не стыдятся, но еще хвалятся этим; обнаруживают свое невоздержание пред множеством свидетелей». Нужно ли нам еще что прибавлять,

чтобы выразить всю наглость, с какой позор выставлялся сими клириками?

Св. Иоанн Златоуст, желая уяснить тяжесть такого безнравственного поведения клира, говорит в том же 1-м слове обличения: «Подлинно как живущему развратно никогда невозможно спастись, так и заслужившему себе дурную молву невозможно избежать наказания. «Даже», – прибавляет Св. Иоанн, «если нужно сказать нечто дивное, – кто совершил великие грехи, но сделает это незаметно и никого не соблазнит, тот подвергнется меньшему наказанию, нежели согрешивший легче, но с дерзостью и с соблазном для многих».

Такова была нечувствительность к сознанию своей греховности у преступного клира, «опьяняемого пристрастием». «Подлинно», говорит Св. Иоанн, «это хуже всего, что мы даже и не сознаем, как мы расслабели и сделались мягче всякого воска». – Естественно, что древо принесло плод по роду своему. Священство Константинопольское, вместо того, чтобы быть оком в церкви, *светом мира и солью земли* стало тем, каким изображает его Златоуст. Мы приведем его взгляд во всей его полноте и картинности образов. «Как тот», говорит он, кто возьмет льва, взирающего гордо и грозно, и отрежет у него гризу, вырвет зубы и остижет ногти, делает презренным, смешным и для детей преодолимым того, который был страшен, непреодолим и потрясал все одним рычанием; – так точно и эти женщины, кого ни возьмут, делают уловимыми для диавола, изнеженными, раздражительными, бесстыдными, неразумными, гневливыми, дерзкими, непристойными, низкими, неблагородными, бесчеловечными, раболепными, подлыми, наглыми, болтливыми». – Что же власти, поставленные пасти стадо Христово, что же архипастыри, обязанные право править слово истины, – что они делают против этого позорного обычая. Ужели не воздвигают браны; ужели не подвизаются?

Обратимся к истории. В беседе нашего историка, Св. Иоанна Златоуста, нет указаний. Одно только видно, что зло беззаконного сожительства – старое зло, – зло, открыто живущее. Это, конечно, доказывает, что некому было заблудшее возвратить и больное уврачевать! Григорий Богослов сказал,

было, смелое слово обличения в роскоши и пышности этим священникам и всему клиру столичной церкви; но, как неугодный их сиle, был скоро отставлен. И благое начинание осталось без плода! Нектарий, ближайший предместник Златоуста, предпринимал ли что против столь сильного и опасного недуга своего клира? Да ровно ничего! Мы встретили у церковного историка IV века один случай, рассказанный из жизни Нектария. Созомен⁶⁸¹, повествуя о том, как и по какой причине отменен был пресвитер духовник, говорит следующее: «В церкви Константинопольской кающимися заведовал поставленный над ними пресвитер, пока одна благородная женщина, получившая повеление от пресвитера, за исповеданные нею грехи, поститься и молить Бога, по этой причине, находясь в церкви, не открыла, что она обесчещена одним диаконом». Очевидно, здесь речь идет не о сожительнице известного сорта, а прямо об изнасиловании диаконом столичной матроны. Народ знал, народ видел и – безмолвствовал, как будто так и быть тому надлежало. Быть может, он награждал иногда выходки духовенства презрением, двусмысленной улыбкой, – но и только. Люди благомыслящие молчали, чувствуя свое одиночество, бессиление для борьбы, или не хотели вчиняться, терпеливо ожидая благоприятных изменений. Духовное начальство, видя, не видело, и, слыша, не разумело, или – ни видеть, ни слышать не хотело, само будучи занято всецело суетой грешного мира. Зло царило. Златоуст выступил против него во всеоружии силы духовной, призывая всех и каждого вооружиться против нечестия. «Скажи мне», взыывает он, «если бы ты видел что кто-нибудь из воинов, одевшись в шлем, сапоги и броню, взяв меч, копье и щит, луки, стрелы и колчан, когда труба уже громко трубит и вызывает всех вон, когда враги дышат сильной яростью и готовы разрушить город до основания, – бежит не вон, к воинскому строю, а уходит домой и сидит с этим оружием около женщины; то не пронзил ли бы ты его, если можно, не говоря с ним ни слова?.. Если же ты исполнился бы такого гнева, то как, думаешь ты, взирает Бог на твои дела, гораздо непристойнишие тех? Ибо эти дела столько постыднее и непристойнее тех, сколько наша

война жестока, враги сильнее, и награды за войну больше, и вообще все столько отличнее, сколько истина отличается от тени». Всех звал Св. архипастырь на войну со злом, одних – побороть его в самих себе, других – всеми силами оградить церковь от поношения. Противопоставив пороку осмение, стыд, подозрение от многих, осуждение, насмешки, порицания, говорил он – одним: «будем остерегаться от такой тяжкой болезни! Так мы принесем пользу самим себе, принесем пользу и жалким сожительницам, принесем пользу и соблазняющимся»... «Христос вооружил нас духовным оружием», говорил святитель, обращаясь к другим, а более ко всем, «чтобы мы отражали враждебные силы, чтобы поражали предводительствующего ими диавола, чтобы прогоняли свирепые полки бесов, чтобы разрушали их укрепления, чтобы, связав властителей и миродержателя тьмы, отводили их в плен, чтобы обращали в бегство духовные силы зла, чтобы дышали против них огнем, чтобы были готовы и приготовлены на ежедневную смерть. Для этого он *нас облек в броню правды, для этого опоясал нас поясом истины, для этого возложил на нас шлем спасения, для этого обул ноги наши во уготованье благовестование мира и вручил нам меч духовный, для этого воспламенил огонь в душах ваших (Еф. 6:14–17)*».

Что сделало это слово обличения праведного святителя – архипастыря? Прежде всего много врагов породило оно в этой нечестивой среде, которой говорил он так любвеобильно. Суды, бывшие потом над Св. Златоустом, в списке обвинителей его, имели имена лиц этого клира⁶⁸². В нашем воображении рисуется целое полчище клириков, женонеистовых преступников своего долга, из уст в уста со скрежетом зубовным передающих друг другу ужасную для них речь Св. архипастыря; злоба сатанинская жжет их души и страстные ковы мести куют сердца их. Нам представляется целое сонмище бесчестных девиц, продавших за страстные наслаждения в бездне греховной стыд, совесть и честь... Нам слышится их шепот змеиный во тьме ночной на преступном ложе с возлюбленным развратником, как пламень ада поджигающий их распутных сожителей на кровь и смерть Св. обличителю греха: «Слышал слово? Ну, что ж? Брось

меня; иди к своему архиерею!»... Из области возможностей, представляемых нашей фантазией, споспешницей мысли, перейдем к жизни действительной, и здесь мы найдем полное подтверждение воображаемой нами картине⁶⁸³. 398-й год – время проповеди обличения клира, – можно считать роковым в жизни Святителя. Несомненно в этот год в душах врагов его подписан смертный приговор ему. Он задел за живое женщину, коснулся ее преступной жизни, так ей любезной и так было прекрасно обставленной, – и участь обличителя в ее лукавом сердце решена. Женщины таких обид не прощают. И этот взгляд наш – не преувеличение. Нет! Пред лицом всего мира на веки осталась драма: «Златоуст и императрица Евдоксия!»

«Се есть ваша година и область темная»⁶⁸⁴ мог сказать Святитель, оставляя свою кафедру в 404-м году. Его не стало в столице, а беззаконие продолжало жить и пережило остаток так немногих лет жизни Св. Архиерея. Неужели это семя слова, исполненного духа и жизни, так таки и не пало, хоть единственным зерном, на добрую почву? О! нет. Мы видим не единицы, не десятки, а многих, многих, шедших в след слову спасения, возвещенного беседами Св. Златоуста. Целый сонм честных, добрых деятелей – в вертограде Господнем среди церкви Божией в этой самой столице в лице священнослужителей и мирян, которые, «добре страдальчествовавше» за истину, так ясно предъявившуюся миру в их праведном Архипастыре, – жизнь свою положили за возлюбленного учителя. Несомненно, десятки тысяч православных христиан благословляли тот день, когда в священных стенах архиепископской базилики раздалось слово обличения беззаконию. Быть может, сотни сердец в самом преступном клире дрогнули от этого слова, и новые думы благодатные оно навеяло на грешные души. Быть может, не один иерей и диакон сказали в своей совести: «восстав, иду... согрехих». Но то ведомо единому всеведущему Богу! Духовная жизнь совершается сокровенно от взоров людских. Но мы, за время Св. Златоуста, видим конкубинат в духовенстве во всей его греховной силе.

Еще одно слово. Да! 398-й год был роковым в судьбе Св. Иоанна, скажем еще раз. На соборе при Дубе в самых первых

пунктах обвинений, взведенных на Св. Златоуста, прежде всех других вин приводится эта: «будто бы архиепископ оскорбил всех клириков в совокупности, называя их людьми развращенными, готовыми на все, людьми, не стоящими ни гроша («трех оболов», следуя греческому выражению); что он даже сочинил против них книгу, наполненную клеветами»⁶⁸⁵. И кто же приносил жалобы, обвиняя Святителя в клевете на клириков? Да все те же клирики. Два лица из этого клира особенно близко стоят к заправиле суда, Александрийскому патриарху: диакон Иван, отрешенный за прелюбодеяние, и другой тоже диакон, удаленный из клира за убийство...

И что еще? Обвинители не усомнились самого святителя – обличителя их сквердной жизни, – оклеветать в нарушении нравственности: «Он принимает женщин и остается с ними наедине, удаляя всех других»⁶⁸⁶. Это обвинение так возмутило чистую душу Святителя, что он не забыл его в глухи своей ссылки. Оттуда он писал епископу Кириаку, другу своему (выразим смысл текста): Они осмелились обвинять меня в любодеянии, – «будто я переспал с женщиной». Если бы я мог показать народу мой слабый телесный состав, – одного этого было бы достаточно для моего оправдания. Смерть поразила меня при жизни, и тело, влакимое мною, – не более, как труп; обнажите тело мое и вы увидите мертвенностъ членов моих»⁶⁸⁷. Он принимает женщин и остается с ними наедине». Какое безличное обвинение! «Многих, всех», – а кто эти многие, кто эти все? Что делал с ними архипастырь; что говорил? Никто ни слова. Так строятся беспутные слухи о честном трудящемся человеке! «Говорят»... А кто? – Никого нет, кто решился бы подтвердить слух. И оценка слухов – «глас народа, – глас Божий», – vox populi, vox Del, – слишком преувеличенная оценка, и это изречение мудрости народной совершенно «не к месту и не к делу» – здесь. Если бы эти обвинители праведника захотели представить лиц женского пола в свидетели справедливости своих обвинений, они не нашли бы никого. Надобно бы им прежде всего указать на диаконису Олимпиаду, потому что никто из женского персонала не стоял к Св. Иоанну так близко, как она, – эта вдовица, еще во цвете лет⁶⁸⁸

служившая своему отцу и учителю от именей своих. И святитель любил ее. Он звал ее: «госпожа моя, почтеннейшая, боголюбезнейшая, возлюбленная, дорогая и досточтимая жена». – Читайте письма праведного изгнанника к этой святой диаконисе, – и вы увидите всю широту самой искренней, самой сердечной любви между ними – Св. Иоанном и Св. Олимпиадой: как он стремится успокоить ее унывающую душу, утешить сердце, скорбящее в разлуке. «Я думаю, что ты страдаешь», пишет Олимпиаде Златоуст из своего изгнания, «что разлучена с нашим ничтожеством, и что об этом ты постоянно плачешь и всем говоришь: не слышим того языка, не наслаждаемся учением, к которому привыкли... Не малый подвиг, требующий полной силы души и ума мудрого, чтобы перенести разлуку с любимою душой. Кто это говорит? Если кто умеет любить истинно, неподдельно, если кто знает силу любви, тот знает, что я говорю»⁶⁸⁹. Казалось бы, чего лучше для врагов, – вот свидетельница самая сильная против их Св. обличителя. И они не указали на эту «женщину», хотя и привлекли ее к суду, но только не по этому делу. Почему? Да потому, что нельзя. У одного – это тело, обремененное трудами, изможденное болезнями, скорбями, страданиями, непрестанным подвигом проповеди, молитвы, – исключало всякую возможность здраво помыслить о возможности появления чувства греховного. Другая – так удручала плоть свою, так удалялась от мира, что заслужила искреннюю похвалу от Св. архипастыря, так строго обличавшего распущенность нравов. «Ублажаем тебя», писал он ей из изгнания, «удивляемся тебе, так как, освободившись от всего этого – прелестей мира, ты показала образец умерщвления, вооружаясь на духовную борьбу»⁶⁹⁰. И эти ли чистые души возможно обвинять в любодеянии?!

«Принимает женщин», – ком грязи из-за угла. Бессовестные обвинители, бессовестные свидетели и бессовестные судьи, – вот сбощище сатанинское, судившее Св. патриарха! Председатель суда – человек, потерявший честь, стыд, совесть, забывший Бога и свою душу, прибывши в Константинополь из Александрии, лишь утопал здесь в роскоши и пышности. Дорогими подарками, взятыми из Египта, одарил он придворных

чиновников и матрон столицы и в их сообществе весело проводил время. Поместившись в дворце Плакидии, этот александриец жил, как прилично жить разве только царю или консулу: двери его были открыты, стол накрыт для всех и каждого; он задавал блестящие пиры для нужных ему бессовестных свидетелей и обвинителей Св. патриарха Константинопольского. И ко всему этому одна богачка столицы, молодившаяся старуха, которую Св. Иоанн обличал так много и так сильно (увидим ниже), была наперсницей египетского архиерея. Таков был Феофил, патриарх Александрийский, председатель Дубского собора⁶⁹¹. К этому иерарху в особенности пред всеми, ему подобными, можно по всей справедливости приложить слово, метко сказанное о таких пастырях Св. Иоанном Златоустом, или, правильнее, в нем одном можно соединить черты различных недостойных пастырей, сказавши: «церковь в этом человеке имела волка вместо пастыря, морского разбойника вместо кормчего и палача вместо врача»⁶⁹².

Мы отмечаем весь этот грустный факт, чтобы во всей ясности показать, как глубоко было падение клириков в грехе любодеяния и как сильна была их нераскаянность, – вот, между прочим, доказательство, как беззаконное сожительство не хотело расстаться со своим удовольствием, и как сильно оно держалось в Константинопольском духовенстве, когда и не стало Златоуста.

Но обратимся к обозрению нравственного состояния другого сословия в духовенстве – чина монашеского.

Глава II-я. Монашество

А) монахини

«Он принимает женщин и остается с ними наедине» – обвиняли на беззаконном сборище в Дубе Св. Иоанна Златоуста, набрасывая темную тень безнравственности на эту светлую, чистую личность. Но что Святитель женщин принимал, – в своем месте нашего труда мы увидим, что даже к женщинам в дом ходил, – это верно. Только вопрос, требующий уяснения: зачем принимал он женщин, в каких целях был с ними лицом к лицу? А вот зачем. Ответим словами Златоуста, имеющимися в его творениях и свидетельством современника – его биографа. И сам Св. Златоуст, и Палладий, его друг, указывают в этих женщинах монахинь.

Что это за личности, кто они были, как они жили, их занятия, обязанности, права? Этого нельзя сказать в двух словах. Ответ для своей обстоятельности требует внимательного исследования вопроса по летописи и творениям Св. Златоуста. – Два рода монахинь известно было за время Златоуста: одни жили обществами в монастырях под надзором старицы, которая называлась игуменьей; другие жили в домах своих родителей, где они служили Богу так же, как и жившие в монастырях. Знатные имели при себе других дев, обязанных служить и сопутствовать им, когда они являлись в публике.

Не видно, чтобы эти последние обязывались отказываться от своего имущества и давать обет нищеты, подобно тому, как они отказывались от брака по обету целомудрия, ибо они давали обет пред алтарем в присутствии епископа во время совершения Св. таинства⁶⁹³. Эти то лица и были известны под именем девственниц. Св. Златоуст говорил слово против тех, которые имеют своими сожительницами девственниц⁶⁹⁴. И потом: Св. Златоуст говорил слова о том, что посвятившие себя девству не должны жить вместе с мужчинами⁶⁹⁵. В этих словах обличения мы знакомимся с хорошей и дурной сторонами жизни этих девственниц. Добрых подвижниц Златоуст хвалит и указывает прекрасные черты в их жизни. «Вы», говорит он им, «показавшие такую жизнь, – чистую, святую удостоившиеся

быть в брачном чертоге с женихом – Господом, имеющие горящие светильники и украшающиеся досточтимым венцом девства, лучшим всякой царской диадемы»⁶⁹⁶. И потом изображает поведение посвятившей себя девству, представляя появление ее в обществе образцом всякого любомудрия, как бы ангел сошел с неба», – «настолько своим видом и поведением привлекающим к себе всех, располагающим всех взирающих на нее к изумлению и удивлению ее святости, – так же как если бы кто-нибудь из херувимов явился на земле»⁶⁹⁷. Любопытны при этом и назидательны, и исторически интересны самые подробности поведения добной девственницы. «Когда она идет, то идет как бы по пустыне; в церкви сидит в глубочайшем молчании, не обращает взоров ни на кого из проходящих ни женщин, ни мужчин, а только на своего Жениха, как бы явившегося и присутствующего; когда она пойдет домой, то опять беседует с Ним в молитвах и слышит только Его голос через писания; находясь дома, она помышляет только о Нем, своем Возлюбленном, остается как бы странницею, пришeliцею и гостьюю и делает все так, как следует делать чуждой здешним предметам; избегает не только взоров мужчин, но и общества мирских женщин и о теле своем заботится столько, сколько требует только необходимость и все попечение свое обращает на душу»⁶⁹⁸. Кто же не будет удивляться, кто не станет изумляться, видя ангельский образ (вот где начало наименования чина монашеского таким именем) в жизни в женском поле». При этом подвижнице девства Св. Иоанн называет «золотою душою»⁶⁹⁹. Прекрасный образец подвига Св. Иоанн наглядно представляет в жизни святой диаконисы Олимпиады. Считая ее почти не женщиной, а существом ангельским, Златоуст живописует чудную совокупность ее добродетелей: превозносит чистоту ее жизни, которая, будучи посвящена целомудренному вдовству, заслугой равняется жизни дев, посвященных Богу; хвалит ее милосердие, превышающее самое девство и благотворительность, имеющую первенство перед делами милости всех; прославляет ее терпение, перечисляет ее скорби, от дней юности ее тяготевшие над нею, каковы преследования ее от близких и чужих, великих

и малых друзей и врагов, не исключая и священников⁷⁰⁰. Но особенное внимание останавливает на ее добровольных лишениях, измождениях, постах, борьбе духа с плотью, представляющих собой живую картину подвигов истинных обетных девственниц. Вот одно – другое место из 2-го письма Св. Иоанна к Олимпиаде. «Слова: «трезвость, воздержность» совсем не применимы к тебе, благочестивая и достопочтенная жена!» пишет он ей; «нужно найти другие, нужно возвысить язык, чтобы передать идеальное совершенство твоей жизни. Какое слово выразит строгость твоих святых бдений? Ты победила сон для молитвы, как покорила голод для поста и для тебя стало так же естественным бдение, как для других сон»⁷⁰¹. Еще величественнее Св. Иоанн изображает подвиг христианского терпения Св. Олимпиады... «Радуйся, – говорит, – и веселись, так как ты с первого своего возраста шла среди беспрерывных и сильных страданий. И в самом деле», рассуждает Златоуст, «болезнь тела и разнообразная, и всяческая, более тяжелая, чем бесчисленные виды смерти, не переставала тебя постоянно осаждать, и множество ругательств и оскорблений и ябеды – клеветы не переставали устремляться против тебя; а сильные и непрерывные приступы уныния и источники слез постоянно беспокоили тебя. Каждое же из этого само по себе было в состоянии принести большую пользу тем, кто перенес, вытерпел его. Ибо ничто не делает так блистающими, славными и достойными соревнования, удивления и ничто так не преисполняет бесчисленных благ, как множество искушений, испытаний, и опасности и труды»... «Велика выгода от страданий», – продолжает утешитель, – «даже если кто пострадал и не из-за Бога, а все-таки страдал и переносил бы благородно и кротко, за все прославляя Бога»⁷⁰². Подобных Олимпиаде Св. жен диаконис в церкви Константинопольской при Златоусте было немного, правда, а без него и еще меньше, – но и Олимпиада не была единичной личностью. Мы знаем Св. жен этого периода, богатых и знатных, но вместе благочестивых и боголюбивых, и милосердных, сходных по духу и званию с Олимпиадой; таковы: Ампрукта, Пентадия, Сальвина и самоотверженная Савиниана,

посетившая Златоуста в Кукузे⁷⁰³. Внутреннему настроению истинных подвижниц соответствовало и внешнее поведение их. «Удивляюсь», пишет Олимпиаде Св. Златоуст, «не только невыразимой простоте твоего одеяния, превосходящей простоту одежд и самых нищих, но в особенности тому, что в одежде, обуви, походке твоей нет ничего подкрашенного, поддельного, все безыскусственно, а это все – краски добродетели, извне живописующие хранящуюся в тебе мудрость»⁷⁰⁴. Но это был лик избранных и таковых не было много. «Подумай», писал Св. Иоанн Олимпиаде, «подумай, дорогая и достопочтенная жена, что в борьбе дух человеческий укрепляется самыми испытаниями, которые он претерпевает»⁷⁰⁵. Но большинство людей, всякий раз, как им случится быть искушенными бедствиями и всякий раз, как они находятся в несчастиях, скажем словами Златоуста, «а потом призываются к роскоши и успокоению духа и жизни изнеженной и распущенной, бегут на зов очень ревностно»⁷⁰⁶. И на этот призыв к роскоши и успокоению духа и жизни распущенной отзывались сочувственно многие не только просто из девственниц, но из высшего их разряда – диаконис.

Мы различаем эти два вида монахинь в Константинополе за время Златоуста. И так, как диаконисы по своим обязанностям стояли ближе к клиру, – мы об них и говорим прежде, чем о других девственницах. Здесь мы считаем долгом дать некоторые сведения об этом звании – диаконис. Диаконис в Восточной церкви уже более пяти веков не существует. А в древней церкви, начиная с времен Апостольских, диаконисы представляли собой необходимое звено в клире. Они имели особые права и обязанности. В постановлениях апостольских сохранилась молитва, читавшаяся при их рукоположении епископом. Ограничимся сведениями возможно краткими. Диаконисами назывались в древней церкви лица, назначенные для надзора за принадлежавшими к ней женщинами. Обязанности их были следующие: они приготавливали женщин к крещению, научая, как и что они должны отвечать на вопросы крещающего, и как должны вести себя после крещения; помогали епископу при крещении женщин и, вместо него,

делали помазание частей тела, за исключением лба; смотрели за дверью, в которую входили женщины в церковь; расставляли их по местам и наблюдали, чтобы они в церкви вели себя благочинно; присутствовали при беседах епископов, пресвитеров и диаконов с женщинами; заботились о благотворительности по отношению к женщинам. По постановлениям апостольским, в диаконисы должны быть избираемы целомудренные девы или, по крайней мере, вдовы, бывшие за одним мужем, верные и благоговейные. Постановлением Юстиниана при Константинопольской церкви положено быть 40 диаконисам⁷⁰⁷. Сколько их было здесь при Златоусте, мы не знаем; но, очевидно, было тоже много: добрые из них – на перечет, а худые без числа. Знать это число, конечно, не столь важно, как интересно знать их нравственное состояние. Выше мы говорили, как Св. Златоуст изображает прекрасное поведение истинных девственных жен и представили совершенный образец олицетворения этого изображения. Конечно, Св. Иоанн имел и другие образцы; Олимпиада лишь лучший из них.

Оставаясь лишь верными исторической правде, мы не должны скрыть и обратную сторону этой медали, даже не в праве – по тому одному обстоятельству, что об этой обратной стороне говорит сам наш историк – Св. Златоуст. Последуем за ним. «Девство есть столь великое дело», говорит он, «и нуждается для себя в столь великом труде – борьбе, что Христос, сойдя с неба, чтобы сделать людей ангелами и здесь насадить высший небесный образ жизни, даже и тогда не решился предписать его – девства и возвести требование его на степень закона. Но хотя Он предписал закон умирать, постоянно распинать себя и благодетельствовать врагам; однако девства не узаконил, а предоставил, чтобы это зависело от добровольного решения, выбора слушателей, сказавши: могий вместити да вместит (Мф. 19:12). «Ибо», прибавляет Святитель, «велико бремя этого дела, трудность этой борьбы и пот от этих состязаний, равно как и место этой добродетели обрывисто»⁷⁰⁸. И увы! не малое число диаконис ко времени архиепископства Св. Златоуста в Константинопольской церкви,

оказалось, именно на этом месте «оборвались»... Преобразование клира, чтобы быть полным, должно было коснуться и диаконис, составляющих часть клира. Как не щекотливо было это дело, но Св. Златоуст исполнил этот долг со своей обычной решимостью. Большая часть диаконис жило очень суетно, стараясь совместить, сколько возможно, служение Богу и страстям. Многие, как видится, оскверняли святое место постыдным поведением. И вот Св. Архиепископ, собрав надлежащие сведения о каждой из них, как грозный судия, призвал их к себе для объяснений «по касающемуся до них делу» – и наиболее виновным, очевидно из вдов, сказал кратко, ясно и вразумительно: «я возвращаю вам свободу; вы хорошо сделаете, если вновь вступите в брак»⁷⁰⁹. Комментарии излишни. По идее, в диаконисы должны были быть избираемы лучшие из девственниц или честных вдов после первого брака, произнесших обет жизни безбрачной на веки. Каков был институт этих лиц, посвятивших себя девству, мы несколько ознакомились в истории совместного жительства их с клириками. Здесь лишь несколько дополним те сведения и, по неизбежной необходимости, в том же неприглядном направлении, ибо другого не указывают нам творения Св. Златоуста, – наш главный и почти единственный источник для обозрения этой стороны церковной жизни в клире. Укажем некоторые стороны этой жизни...

«Апостол Павел», говорит Св. Златоуст «беседуя с женщинами, возлюбившими мирскую жизнь, не только отклоняет их от ношения золотых украшений, но и не позволяет облекаться в роскошные, дорогие одежды. Ибо он знает, знает ясно, что это тягостная болезнь души, – такая, которую преодолеть трудно, которая служит величайшим доказательством развращенного ума и для борьбы с которой нужен ум очень мудрый. Это и доказывают не только женщины, следующие обыкновенному образу жизни, но и те из них, которые, казалось, были мудры и получили в удел принадлежать к сонму дев». ... «Многие», продолжает Св. автор, «и из таких дев были совершенно постыдно и плачевно пленены этой страстью и, превозмогши большее, были

покорены этим пороком»⁷¹⁰... Продолжим наше сказание словами Златоуста... «Многие из приступивших к этому состязанию – подвигу девства не преодолели той страсти к щегольству в деле ношения своих одежд; но были пленены и покорены ею более, чем даже и те женщины, которые преданы миру. Не говори мне этого, что они не надевают на себя золотых украшений, не одеваются в шелковые и вышитые золотом платья, и не имеют украшенных драгоценными камнями ожерелий. Ибо более тягостное преимущественно пред всем и с избытком обнаруживающее их болезнь и властную силу их страсти, есть следующее: они проявили свою крепость, упорно настаивали и употребляли силу на то, чтобы посредством простых одежд превзойти украшение облеченных в золото и в шелковые платья и, вследствие этого, являлись более их прелестными, занимаясь, как они думают, безразличным делом, а как показывает природа этого дела, гибельным и вредным. Если эта погрешность навлекла столь великое наказание на светских еврейских женщин, и притом в то ветхозаветное время; то какое могут иметь извинение обязанные своими мыслями жить на небесах и подражать ангельской жизни и проводящие жизнь в благодати, когда они отваживаются на тот же самый грех в еще гораздо большей мере? В самом деле, когда увидишь деву, нежащуюся в богатых одеждах, влекущую свои платья по земле, – за что пророк произнес обвинение, – похотливо, сладострастно ступающую, и голосом, глазами, одеждой смешивающую – приготовляющую вредоносную чашу для взирающих на нее бесстыдными глазами, более и более выкапывающую пропастей для проходящих мимо и отовсюду расставляющую силки, – то как эту, наконец, называешь ты девою, а не причислишь ее к женщинам, ведущим блудную жизнь? Ибо не столько последние бывают приманкою, обольщают, сколько первые, отовсюду простирающие крылья удовольствия»⁷¹¹... В тех же письмах к Св. диаконисе, из коих мы сейчас привели несколько слов, Св. Златоуст указывает еще раз, какое важное значение для нравственной жизни имеет расположение к роскоши в одежде. «Я попытаюсь показать льва по ногтю», – пишет он Св. Олимпиаде, «сказавши нечто

немногое о твоем платье, об одеждах, облегающих тебя просто и кое как. Ибо хотя эта добродетель кажется меньше остальных, однако если бы кто либо исследовал ее тщательно, то нашел бы, что она очень велика, очень важна и бывает присуща только душе мудрой, презирающей все житейское и летящей, стремящейся к самому небу»⁷¹². Обращаясь от слова к делу, от мысли к самой жизни, Св. Иоанн, обличая дев недевственных, прямо указывает им, что именно невоздержание их в расположении к украшениям в одеждах было поводом ко греху и для них самих и для их сожителей. «Для чего ты», спрашивает он каждую из них в слове обличения, «украшаешь себя одеждами?» – «Одежды даны нам не для того, чтобы мы украшали себя, но чтобы скрывали стыд наготы; не для того, чтобы мы одевались в то, что может срамить нас хуже наготы. Самая нужда в одеянии есть уже стыд и срам и происходит от греха, то для чего ты увеличиваешь это осуждение»⁷¹³. «Ты стараешься, чтобы многие влюбились в тебя»⁷¹⁴. Ты превосходишь и зрелищных женщин изысканностью одежд, прельщая ими рассеянных юношей»⁷¹⁵.

Мы уже знаем преступное поведение этих недостойных девственниц из нашего подробного обзора их беззаконного сожительства с клириками. Там видели мы и внутреннее состояние их душ и внешнее поведение и в доме, и на улице, и в храме. Здесь возьмем из того же слова обличения девственницам одну-другую черту из их поведения, не помеченную в нашей речи о незаконном их сожительстве с клириками. Здесь мы укажем опять словами Св. Златоуста, что жизнь дев могла быть названа именно жизнью публичных женщин, что эти падшие создания настолько глубоко пали, что не только не сознавали своего падения, а даже оправдывали свое беззаконное сожитие с мужчинами, и потом представим решение вопроса: чем обусловливалась неизменность возможности преступного сожительства? «Они» – виновные девственницы, – говорит Св. Иоанн, «еще принимают к себе некоторых мужчин, вовсе им незнакомых, и поселяют их вместе с собою; живут вместе с ними все время, как бы показывая чрез это, что они против своей воли привлечены к девству, потерпев

крайнее насилие и таким способом утешают себя за это насилие и принуждение»⁷¹⁶. «Девство», продолжает Златоуст, «при сожительстве с мужчинами, осуждается всеми больше прелюбодеяния; потеряв свое значение, оно упало низко, даже ниже самой пропасти прелюбодеяния. Замужняя заботится, как бы угодить одному мужу; а ты, девственница – многим, и притом знакомым тебе не по закону брака, а некоторым другим образом, порицаемым и осуждаемым всеми..., боюсь, чтобы ты не оказалась причисленною к бесчестным женщинам»⁷¹⁷. «У нас тело нерастленно и не повреждено блудом, скажете вы. Знание и искусство повивальной бабки», отвечает грозный обличитель, «может видеть только то, подвергалось ли тело совокуплению с мужчиной; но чисто ли оно от постыдного прикосновения, от прелюбодеяния и растления посредством лобзаний и объятий, это обнаружится в тот день, когда живое Слово Божие представит все обнаженным и открытым пред глазами всех». «Ты не рождала и не испытывала болезней рождения. Что постыднее такого оправдания?! Что достойнее сожаления того, когда девственница хочет доказывать свое девство тем, к чему могут прибегать и многие из блудниц?! Те, скажешь, обличаются другим образом, когда предаются разврату? Каким же, скажи мне, другим? Внешним видом, взорами, походкой, любовниками, которых привлекают к себе... Хорошо ты нам изобразила черты блудницы; но посмотри: не к тебе ли прежде нее относятся эти черты и признаки»⁷¹⁸?

Последний вопрос, который в данном случае представляется нам небезынтересным: – в каких годах девицы посвящали себя в девственницы? Решение этого вопроса может указать: физически могли они или не могли оставаться в незаконном и греховном сожительстве с клириками до старости последних? Св. Златоуст, как видели выше, обличает беспутных клириков в том, что они выискивают себе девственниц красивых и молодых. Это показание обуславливает собою возможность искушения для обеих сторон. Златоуст говорит, что и клирик «во цвете лет». «Поразмысли», пишет Св. Иоанн Олимпиаде с пути в изгнание, «какова, по своему существу, юность и цветущая пора юности, когда пробуждается очень сильное пламя

природы, когда возбуждается большая буря страсти... Ведь души более молодых ограждают себя не очень большим благоразумием и не проявляют большого рвения к добродетели; но буря страстей бывает тем более тяжелою, а управляющий страстями рассудок – более слабым»⁷¹⁹.

Итак, условие, благоприятствующее возможности к греховному расположению и самое главное, есть. И долго, долго, по словам Златоуста, это условие – моложавость, миловидность и привлекательность у девственниц хранилась и служила поддержкой греховному расположению к ним сожителей. «У брачных после родов и воспитания детей тела делаются слабыми», свидетельствует Златоуст в слове к клирикам, «а те и в 40 лет не уступают юным девам»⁷²⁰. Еще один вопрос: в самом деле – жили или не жили клирики с девственницами брачною жизнью? По Златоусту: и да, и нет, но больше – нет. Конечно, трудно близ огня не обжечься и близ котла не зачерниться. Ясно, что промахи у клириков бывали, иначе не было бы места в речи у Златоуста об акушерках. Но сила не в этом, не в блуде – в смысле совокупления; а особенно, по смыслу слов Златоуста, в том внутреннем прелюбодеянии, которое так сильно осуждено Христом Спасителем. Здесь именно в отсутствии блуда – совокупления и состоит главный секрет привязанности клириков к девственницам. «Болезни чревоношения и рождения, рождение и воспитание детей и следующие за ними частые болезни, изнуряющие тело и погашающие цвет юности, ослабляют действие удовольствия. У живущих с девственницами возбуждается похоть вдвойне: и оттого, что страсть не подавляется дозволенным совокуплением; и оттого, что причина, возбуждающая страсть, долго остается сильною»⁷²¹. Конечно, это обстоятельство не исключает собой возможности привязанности мужчин к женщинам и при действительном сожительстве. Внебрачное совокупление имеет свою заманчивость, ибо «запрещенный плод», говорят, «сладок»... Но все-таки, на основании этих показаний самого Св. Обличителя беззакония, мы заключаем: в большинстве случаев, это сожительство не было наложничеством, а было лишь духовным

прелюбодеянием в форме платонической любви. Одно странное обстоятельство в ряду причин привязанности девственниц к клирикам указывает Св. Златоуст, а именно: страсть к тщеславию. Насколько могла быть серьезною эта причина, доказывается уже опровержением Св. Иоанна. Он говорит: «пусть будет сожитель, если хочешь, не из простолюдинов и не из презренных людей, но из имеющих великую силу в церкви; пусть отличается от всех знатностью рода своего и силою красноречия и во всех отношениях пусть будет знаменитым, – и однако, при всем том, он не может сделать сожительницу знаменитою и почтенною»⁷²². Как бы то ни было, искушение очень близко всегда предстояло обеим сторонам, – это несомненно. Эта совместная жизнь была именно «опасная яма»⁷²³. Тем не менее, с формальной стороны дела клирики могли обвинять Св. архипастыря, как было указано нами выше, в оскорблении их показной честности и в клевете, что и было на соборе Дубском.

Если из этого ранга девственниц могли быть диаконисы, естественно, ценз их должен быть уже очень низок. И Златоусту ничего другого не оставалось сказать им, как совет, – пойти скорей замуж. Понятным становится и следующее свидетельство Палладия, который приводит слова Святителя к клирикам, которые справедливо могут быть отнесены, с некоторым ограничением, и к диаконисам. «Уж если выбрать из двух зол», говорит Св. Иоанн, «то я предпочитаю таким клирикам, как вы, сводней открытого разврата. Эти несчастные лишены врачевания; оно им вовсе неизвестно, и пагубное ремесло осуждает их на погибель; но вы, – вы пребываете у самого источника душевного здравия, а, между тем, не только живете в мерзости разврата, но и посеваете его среди добрых»⁷²⁴. О девственницах, имевших сожительство с клириками, Златоуст свидетельствует, что именно они посеивали разврат среди добрых. «Они», говорит он им и о них, «бываю и зачинщицами и свахами при браке и исполнительницами других дел, и многим женщинам, желающим оставаться в одиноком вдовстве, препятствуют, думая найти в этом оправдание своих пороков»⁷²⁵. Св. Архипастырь

волновался, ревновал о чистоте нравов своего клира и всех и каждого призывал к святой ревности. «Каких это беззаконие не достойно смертей?» взвывал он с кафедры церковной. «Кто будет столь каменным и бесчувственным, чтобы не воспламеняться ревностью Финееса? Он, если бы в свое время увидел такой срам, то не пощадил бы их; но сделал бы то, что сделал тогда с мадианитянко (Числ. гл. XXV). А мы утешаем себя в скорби иначе – вздоханиями и слезами»⁷²⁶. Тем не менее, факт оставался фактом, жизненным сейчас, присущим в общественной жизни церкви Константинопольской.

Что касается до диаконис, в рядах коих Златоуст заметил уклонения и значительно сильные, то зло сложилось, первое всего, из забвения заповедей церкви апостольской, а) внушающей о вдовицах, под коими надобно разуметь прежде всего диаконис, что в их ряды принимаются лица этого рода, не меньше лет шестидесяти⁷²⁷; и притом истинная вдовица и уединена⁷²⁸; б) юных же вдовиц отрицайся, егда бо рассвирепеют против Христа посягати хотят, ибо они неточию праздны, но и бледивы и любопытны⁷²⁹; питающаяся пространно жива умерла⁷³⁰. По всем вероятностям, диакониса апостольская Фива⁷³¹ отвечала всем идеальным требованиям, изображенным Св. Ап. Павлом. А в церкви Константинопольской, очевидно, это правило благоразумия и предусмотрительности было забыто предшественниками Св. Иоанна Златоуста. И вот ему невольно пришлось эту накопившуюся грязь вычищать из церкви! Одно из правил IV вселенского собора касательно диаконис дает разуметь, что в диаконисы к половине V в., т. е. не особенно долго спустя после Златоуста († 407 г.), ставили уж очень молодых. «В диаконисы поставляти жену не прежде четыредесяти лет возраста и притом по тщательном испытании», гласит правило 15-е этого – Халкидонского – собора. И потом собор ограждает честь церкви строжайшим прощением нарушавшей обет девственной жизни даже честным браком, – о преступном сожитии не говорится, конечно, потому, что это уже и в виду не имеется. «Аще же приявши рукоположение и пребывши некоторое время в служении, вступит в брак»; продолжает правило собора,

«таковая, как оскорбившая благодать Божию, да будет предана анафеме вместе с тем, кто совокупился с нею». Тогда как, – к слову, – «деве, посвятившей себя Господу Богу, равно и монашествующим, аще обрящутся творящии сие, – вступление в брак, – наказание: да будут лишены общения церковного»⁷³². Шестой вселенский собор подтверждает то же правило о диаконисах IV вселенского собора. Но это уже, конечно, время далекое от Златоуста – 691 год.

Б) Монахи

Константинопольские творения Святого Иоанна Златоуста немного сведений дают нам о сословии монахов, мужей в чине иноческом. Он не посвящает им многих страниц в своих беседах, как это было обычно во множестве случаев у него в Антиохии, где проповедник так часто любил представлять вниманию своих благочестивых слушателей и внешнюю жизнь иноков и внутреннее содержание этой жизни. Здесь для него монахов как будто не существует. Он говорить о них неохотно, вскользь, кратко. Есть своя причина для Святителя – проповедника молчать об этом институте людей. Мы знаем, в каких прекрасных образах рисовал жизнь иноков Св. Златоуст в Антиохии, говоря об их подвигах в горах, вертепах и пропастях земных, как они всегда – лишени, скорбящи, удручены нуждами, бедностью, измождены постом, бдением; мы видели их в слове его одетыми в милотех и козиих кожах, едва прикрывающих их наготу. Видели их, при всей их скудости, помогающими по возможности ближнему – бедному «от трудов своих праведных»; видели их любящими, странноприимными и самоотверженными, до готовности душу свою положить за други своя. И вот, любящая всех и каждого, душа Св. Иоанна в слове об этих «земных ангелах» находила отраду, утешение, и когда нужно было ему представить своим слушателям живой пример любви к Богу и к ближнему, он так часто находил его в любимых им и любви его достойных иноках гор антиохийских. Что представляли собой монахи Константинопольские?

По смыслу кратких слов Св. Иоанна Златоустого, во первых – это было монашество обетное⁷³³, формальное, постригальное, с куколем на голове, одетое в мантию, обутое в сандалии и опоясанное ремнем, конечно, с крестом на груди и параманом на раменах.

В одной из бесед на Деяния Апостольские Св. Златоуст характеризует это монашество, – и это единственное место в таком роде – следующими словами: «Бесчисленные пути ведут сребролюбца в геенну. Где же теперь говорящие: зачем

с сотворен диавол? Вот здесь диавол ничего не делает, но все делаем мы. И пусть бы говорили это живущие в горах, те, которые, по целомудрию, но презрению к богатству и по пренебрежению других благ, тысячу раз решились бы оставить отца, и дома, и поля, и жену, и детей; но они то особенно не говорят этого, а говорят те, которым никогда не следовало бы говорить. Там, поистине, борьба с диаволом; а сюда не следует и вводить его»⁷³⁴. Понятно, что здесь речь о нагорных иноках. Но тем не менее верно и то, что проповедник говорит об обетах монашеских, о чине пострига, что видим и слышим и ныне при пострижении в монашество. – Монашество, состоявшее в заведывании столичной кафедры Святителя, гор не держалось, а скиталось тут, в городе, и не по нужде граждан, а по произволению собственному, бесприютное, нищенствующее и, если не всеми, то многими, презираемое. Здесь, в этих качествах Константинопольских монахов разгадка, почему Святителю не хотелось говорить об этих людях, ибо, надобно полагать, ему даже грустно было вспоминать об них. В его кратких словах о монахах слышится чувство жалости об этих людях; не назидание берет от них проповедник в поучение слушателям, а скорее бросает слово обличения самим монахам. Будь бы в Константинополе подвижники гор антиохийских, – да Златоуст прямо сказал бы: «вот они! Вот эти небесные люди! Идите, смотрите на них! Учитесь от них молитве, бдению, терпению, смирению, презрению всего земного, самоотвержению и любви к Богу и человекам!» Но обратимся к нашему историческому документу – творениям Св. Иоанна. «Хотя бы даже язычника мы увидели в несчастии, – и ему надобно оказать добро и вообще всякому человеку, находящемуся в несчастных обстоятельствах, тем более верующему мирянину. Я не понимаю, откуда взялось противное мнение и каким образом усилился у нас противный обычай. Кто отыскивает только монашествующих, хочет оказывать добро только им одним, и между ними делает еще различие и говорит: если он недостоин, если он не праведен, если он не творит знамений, – «я не подам ему руку помощи», – тот отнимает самую главную часть у милостыни»⁷³⁵. Истинная милостыня»,

дополняет проповедник, «тогда и бывает, когда она оказывается грешникам или виновным; милосердие в том и состоит, что милует не тех, которые исправны, а тех, которые согрешили»⁷³⁶.

Это слово о безразличии отношений к праведным и грешным беднякам в делах милосердия и это упоминание о нуждающихся в помощи монахах, конечно, проживающих в столице, – как все это различно от слов, говоренных в Антиохии, в которых Св. Иоанн советовал отыскивать иноков, сидящих в горах, никому неизвестных! А эти монахи Константинопольские представляли собой просто на просто «нищую братию», которой сердобольный Святитель, говоря иными словами, выпрашивает помощь, убеждая слушателей уж не очень-то разборчивыми быть при подаянии милости и, а жертвовать безразлично – грешникам или виновным. Верность этого взгляда на вещи сам Златоуст подтверждает в другом слове о монахах.

«Отец небесный», говорит он, «питает и блудников, и прелюбодеев, и обманщиков и вообще всякого рода злодеев. В настоящем мире необходимо быть такого рода многим. Он же всех питает, всех одевает, и никто никогда не умирал с голода, разве только по собственной воле. Так и мы должны быть милосерды! Если кто просит у тебя и находится в нужде, помоги ему. Но ныне мы дошли до такого безумия, что поступаем так не только с нищими, ходящими по переулкам, но и с монашествующими. Он, говорят, обманщик! Не внушал ли я вам», заключает речь свою Святитель, «что если станем исследовать, то никогда не окажем милосердия. Что говоришь ты? Неужели он притворствует для того, чтобы получить хлеба? Если бы он просил талантов золота и серебра, или драгоценных одежд, или рабов, или чего-нибудь подобного, – то справедливо бы можно было назвать его обманщиком; но если он не просит ничего такого, а только пищи и одежды, вещей самых умеренных, – то, скажи мне, свойственно ли это обманщику? Оставим эту неуместную, сатанинскую пагубную разборчивость! Когда кто-нибудь станет говорить, что он принадлежит к клиру, или называет себя священником, тогда разведай, расспроси, потому что общение с таким человеком без исследования не

безопасно. Здесь великая опасность»⁷³⁷. Любвеобильная душа Святителя! Но в этих возможностях обмана, притворства и самозванства, в которых – или разуверяет Св. Иоанн православный народ, или предостерегает свою паству от опасности, нельзя не видеть намеков на то обстоятельство, что все это «бывальщина» в бродячем монашестве. Самая необходимость, вынудившая Святителя – патриарха, защищать эту «братию», говорит о неприглядности отношений народа к этому классу людей. Мы не говорим об их нуждах, совсем недостойных людей, отвергших мир: дай хлеба, одежды. Вспомним опять иноков гор Антиохийских; сравним, – и мы поймем, что за люди были эти монахи в Константинополе.

Albert в своем труде «*S. Iean Chrysostome considere comme orateur populaire*» приводит свидетельство Св. Нила о подобных иноках. Слово преподобного представляет их домогающимися приглашений на обеды богатых, истинными паразитами, которые следуют за богачами и вельможами в публичные места, как рабы и прочищают им дорогу. «Это было», говорит он, «тяжкое бремя для городов, по которым они проходили, как нищие с бесстыдством приставая к проходящим. Возбудивши к себе доверие лицемерными уловками, они всеми способами старались завлечь их в свою пользу. Они были предметом всеобщего презрения; над ними насмехались на улицах»⁷³⁸. «И вот этих то лентяев и бродяг», прибавляет Albert, «Златоуст не боялся называть «нищими» (правда!), «обманщиками» (неправда! народ называл), «мошенниками» (никогда!) и обратно отсыпал их в кельи» (пожалуй – да!)⁷³⁹. Обратимся к нашему историку. «Блудницы остаются в своем доме», говорит Св. Златоуст, «виновные в том, что они за деньги продают свое тело; но они представляют в свое оправдание бедность и крайний голод, хотя и это отнюдь не может оправдать их, потому что можно кормиться трудами. Блудницы обыкновенно готовы к услугам каждому, кто дает золото, кто бы ни предложил им деньги, раб или свободный, монах или кто-нибудь другой, они принимают; а тех, которые ничего не предлагают, хотя бы они были благороднее всех, без денег не принимают к себе»⁷⁴⁰. Нужно ли что прибавлять к слову Златоуста? И в сквердном

месте – монах! Понятно, – в Антиохии не было и быть не могло подобных речей; в Константинополе не так. *Ergo: есть основание!* Грустное заключение; но, как очевидно, не несправедливое. Люди без определенной цели, отторгшиеся от места своего назначения, где бы подобало пребывать неисходно, люди без занятий, – без труда телесного и умственного, – ядущие даром из чужих рук, праздные, – последствия ясны; «праздность – мать пороков». – Таковы были нравы этих монахов, встречавшихся в Константинополе. У Исидора Пелусиота, – говорит *Albert*, – находятся очень любопытные замечания о причинах, которые побуждали этих монахов выходить из монастырей. «Большая часть из них принимала пустынную жизнь, – говорит *Albert*, очевидно, удерживая лишь мысли Пелусиота, – во избежание столь трудных в то время обязанностей общественной жизни. Они имели в виду только выгоды звания, а не обязанности его: монашеское звание было для них промыслом. Другие же были пастухи или белые рабы, пленившиеся представляющеся им в монашестве бездеятельною жизнью и сверх того даровым почетом»⁷⁴¹. У Св. Иоанна Златоуста мы встречаем сведения об общественном положении вступавших в нагорные Антиохийские монастыри. В общем, взгляд одинаков с сейчас изложенным: кто и кто поступают в монахи; но в частностях – в целях поступления в монашество, в причинах, побуждавших к этому подвигу, в образе жизни и поведении, – громадная разница. «Хотите ли пойти в град добродетели, в селения святых, т. е. в горы и леса», – приведем еще раз слово Св. Иоанна о нагорных Антиохийских иноках, – «там мы увидим высоту смиренномудрия. Там люди, блиставшие прежде мирскими почестями или славившиеся богатством, теперь стесняют себя во всем, не имеют ни хороших одежд, ни удобных жилищ, ни прислуги и во всей жизни своей изображают явственнейшими чертами смирение»⁷⁴². Все, что способствует возбуждению гордости, как-то: пышные одежды, великолепные дома, множество слуг – все это удалено оттуда»⁷⁴³. «Иноки не разбирают», свидетельствует Св. Иоанн Златоуст, «кто к ним пришел: раб или свободный»⁷⁴⁴; все – слуги здесь; нет там ни

больших, ни меньших; каждый омывает ноги странников и один пред другим старается оказать им услуги»⁷⁴⁵. Очевидно, резко различались: иноки гор и монахи городов: одни шли «ради Иисуса»; а другие ради «хлеба куса», как говорит Св. Димитрий Ростовский в слове на неделю жен мироносиц – на текст: «Возста Христос, несть зде» (Марк. 16:6), где наш русский Златоуст, изображая жизнь монахов: «там клопот и ропот, свари и брани», – заключает: «был зде Христос, да ушел», – *возста, несть зде.* – Одни оставались верны идее иночества, вступивши в этот чин раз навсегда; другие, быть может, и с добрым намерением оставили грешный мир, но потом изменили себе и Богу, которому посвятили себя и свою жизнь. Ибо допустить избрание кем-либо подобного средства для достижения преступных целей значит уже предположить в данной личности человека с сожженной совестью. Инок – человек, избравший иную жизнь, вместо суетной – святую; монах – одинокий, от μόνος – один: «Инок наречется, понеже един беседует к Богу день и ночь»⁷⁴⁶. Злоупотребления и всяческие уклонения, конечно, всегда и везде возможны. В Константинополе монахи целыми толпами ходили по улицам⁷⁴⁷. Св. Иоанн Златоуст свидетельствует еще об одном обстоятельстве в жизни монахов его времени в Константинополе. «Увещеваю вас, будем служить святым», говорил Святитель с церковной кафедры в Константинополе. «А свят всякий верующий, потому самому, что он верующий; хотя бы он был миряник, он свят. Не о тех мы только должны заботиться, которые живут в горах; они, конечно, святы и по жизни и по вере; но и те святы по вере, а многие из них и по жизни. Не будем поступать так, что когда увидим монаха в темнице, тогда пойдем к нему; а когда мирянина, то не пойдем, и последний тоже свят и тоже есть брат наш»⁷⁴⁸. Это указание на инока в тюрьме, – мы подчеркнули подлинное выражение, – неизбежно наводит на предположение, что здесь в Константинополе теперь, во время архиепископства Златоуста, бывали и такие случаи. И притом – «монах в темнице», – явление, видимо, не было чрезвычайно редкостью, когда народ, приходя в темницу, предпочитал подавать милостыню

монаху прежде, чем мирянину, и такое отношение было настолько укрепившимся, что архипастырю пришлось опять-таки разубеждать христиан оставить этот обычай. Одно как будто несколько отрадное явление во всей этой мрачной картине Константинопольского монашества: народ предпочитал подать милостыню монаху в темнице все-таки по убеждению в большей степени святости его предпочтительно пред простым мирянином. «И последний тоже свят», – вразумляет проповедник. Нам представляется это предпочтение «монаху в темнице делалось просто из жалости и, во всяком случае, по необычности видеть духовное лицо, да еще монашествующее в этой ужасной среде! Конечно, нельзя отвергать и того, что народ, в особенности простой, и в Константинополе не терял уважения к монашеству, – так глубоко внедрилась святая идея монашества в душах верующих от первых истинных иноков. В Константинополе могли быть особенные обстоятельства, поддерживавшие убеждения народа в святости монахов, бывавших в темнице. В восточной церкви, как известно, было время, и не особенно задолго до патриаршества Св. Иоанна Златоуста, когда православных христиан гнали люди, зараженные ересью Ария. Это преследование происходило открыто, с ведома правительства во время царствования Валента, 375–376 гг., по смерти благочестивого Валентиниана в 374 году. Валент, искренний арианин, простер свою злобу на православных до такого неистовства, что велел всех отшельников выгонять из их пустынных убежищ и отдавать⁷⁴⁹ в военную службу⁷⁵⁰. Св. Иоанн Златоуст, написавший слово против этих гонителей и гонений, замечает, что «изгоняют отовсюду руководствующих к нашему любомуудрию монашеской жизни», – Златоуст тогда был сам между отшельниками, – «и с великими угрозами запрещают и говорить что либо о нем и учить ему кого бы то ни было, и что при благочестивых царях среди городов совершается такое беззаконное дело»⁷⁵¹. Несомненно, искренние иноки мужественно отказывались повиноваться «безумному велению», – и вот их удел: между иными притеснениями – темница! Благочестивые люди, конечно, считали таковых страдальцев за правду

исповедниками, мучениками, святыми. Естественно, «монах в темнице» и теперь – при Златоусте, через 25–30 л. после гонения, в глазах народа пользовался все еще честью неповинного страдальца. Св. Златоуст и вразумляет: мирянин и монах – в тюрьме оба святы, – в несчастии «в равном достоинстве». Но чтобы теперь, при Златоусте, бывали монахи в темнице, как неповинные страдальцы, мы в этом сомневаемся. «Древность с ее благочинием и строгостью тогда»⁷⁵², – ко времени уничтожения пресвитеров-духовников Нектарием, Константинопольским предместником Златоуста по кафедре, – «начала уже, думаю», говорил Созомен, «мало по малу перерождаться в безразличный и небрежный образ». Есть основание думать: переродилась к этому времени в небрежный образ жизни – и жизнь духовенства вообще, и монашества в частности, если не в особенности, до проступков грубых. Правило 24-е поместного Лаодикийского собора говорит: «не подобает освященному лицу или из монашеского чина в корчемнице входити»⁷⁵³. В 451 году IV-й вселенский собор в Халкидоне в одном из своих постановлений еще нагляднее изображает поведение монахов по городам и особенно в столице восточной империи. Возьмем полностью все это правило: «дошло до слуха св. собора, что некоторые из клира и монашествующие, не имея никаких поручений от своего епископа, а иные даже быв отлучены им от общения церковного, приходят в царствующий град Константинополь и в оном долго жительствуют, творя смятения и нарушая церковное устройство, и даже дома некоторых расстраивают. Того ради определил святой собор: во-первых, посредством эдикта святейшия Константинопольских церкви напоминати им, да удалятся из царствующего града. Аще же бесстыдно продолжати будут те же дела, то удалити их из оного и неволею, посредством того же эдикта, и возвращати к своим местам»⁷⁵⁴. Время собора так близко к времени Златоуста, что побуждения, вынудившие вселенский собор к постановлению такого рода, несомненно были у монашества и при архиепископстве Св. Иоанна Златоуста во всей целости их – побуждений: и праздношатательство в царствующем граде и мятежливость, и

бесстыдство поведения и упорства, вынуждавшие необходимость возвращать их к своим местам. «Был он», говорит Созомен о Св. Златоусте, «в разногласии со многими из монахов, а особенно с Исаакием (о нем речь впереди), ибо людей, избиравших такой образ любомудрия, если они уединенно пребывали в своих монастырях, он весьма хвалил и усиленно заботился, чтобы они не терпели притеснений и имели необходимое; но когда пустынники выходили вон и являлись в городе, то он порицал и исправлял их, как оскорбителей любомудрия. По этим то причинам негодовали на него клирики и многие из монахов и называли его тяжелым и гордым, жестоким и высокомерным. Некоторые же покушались оклеветать перед народом самую жизнь его»⁷⁵⁵. Читайте соборное постановление – вышеизложенное – и это известие историка, – и вы убедитесь, что здесь – у последнего фигурируют соборные монахи. Сравниваешь и то и другое – и сказание летописца, и постановление собора – и в воображении действительно может рисоваться неприглядная картина из этого времени. «Вот стадо нищенствующих монахов, нырявших по закоулкам Константинополя, странно одетых, с длинными космами, висевшими у них, как у философов кинической школы, на которых они походили более, нежели на христианских иноков»⁷⁵⁶. Попятно, что «Златоуст, уважавший монашескую жизнь, благоговевший перед нею и стремившийся осуществить ее даже в своем епископском дворце, желал видеть ее строгою, трудолюбивою и, конечно, ненавидел этих шарлатанов, которые за несколько оболов забавляли площадную чернь, примешивая непристойные шутки к церковным молитвам»⁷⁵⁷. Святитель обличал; монахи не щадили его в своих насмешках. И один из их настоятелей – Исаак сумел сделаться пугалом для прежних епископов сатирами, которыми он преследовал их перед народом. Он составил себе ужасную славу поношениями нового архиепископа Св. Иоанна и, оставив презренную уличную сцену для сферы более высокой, явился обвинителем Златоуста на соборах⁷⁵⁸.

Говоря о Константинопольских монахах времени Златоуста, мы невольно вспоминаем отношение к нему монахов в Кесарии,

изображенное Святителем в одном из писем изгнания к св. диаконисе Олимпиаде. Мы возьмем несколько подробностей и эти данные в устах самого Св. Иоанна уяснят нам еще более нравственное состояние этого класса людей за время Златоуста и не только в церкви Константинопольской, а даже на всем востоке. Особенное побуждение коснуться этого последнего обстоятельства мы находим в том соображении, что и этот факт служит выражением ненависти к Святителю за его слова и святой образ жизни, служившие обличением нечестивому монашеству от высших до низших чинов его. Когда Святитель отправлялся в изгнание в Кукуз, он в нескольких письмах описывает трогательные встречи в пути. «Встречающиеся с вами на дороге, одни с Востока, другие из Армении, иные и из другого места вселенной, проливают источники слез, смотря на нас и присоединяют рыдания; вопль и сетования сопровождают нас во время всего пути; много сострадающих нам⁷⁵⁹. Толпы мужей и женщин высыпают на дорогах, на станциях, по городам, и смотрят на вас и плачут»⁷⁶⁰. Сочувствию народа не уступает сочувствие официальных людей. «Воины префекта, вместе с нами уезжающие в чужие страны, так прислуживают, что не позволяют нам нуждаться даже в слугах, исполняя дела слуг»⁷⁶¹. Затем св. изгнаник указывает превосходнейших и славнейших врачей, лечивших его больше своим состраданием и расположением. Описывая встречу в Кесарии, Святитель говорит: «почти мертвым я вошел в город. Тогда именно явились весь клир, народ, монашествующие, монахи, врачи, – я пользовался большим их попечением, так как все во всем нам, с своей стороны, обслуживали, помогали». Но после всего этого, так трогательного внимания к великому страдальцу, Св. Иоанн описывает ужасную сцену разбойнического нападения на него шайки перехожих монахов, которых настроила погубить праведника злоба завистников. «Вдруг, около рассвета», пишет Св. архипастырь-мученик, «батальон, – ибо так должно сказать, и бешенство их выразить этим словом, – монашествующих напал на дом, где были мы, угрожая зажечь его, воспламенить, нас привести в крайне бедственное состояние, если мы не

уйдем... из города. И ни страх пред Исаврянами, ни болезнь, так сильно теснившая нас, ничто не сделало их более гуманными; но они налегали столь великим гневом – яростью, что и сами преторианские воины устрашились их. Ибо и им они угрожали ударами, и хвастались, что уже многих преторианских воинов они постыдно избили. Воины преторианские, услышав это, убежали к нам, и увещевали, и просили освободить нас от этих зверей, даже если затем нах должно будет впасть в руки Исаврян. На следующий день они явились более неистовые, и никто из пресвитеров не осмелился помочь и заступиться за нас. Но стыдились и краснели от стыда, потому что говорили, что это происходило по определению Фаретрия, епископа Кесарии»...

«В самый полдень, бросившись в носилки, я был вывозим оттуда в то время, как весь народ рыдал, вопил, проклинал сделавшего это; все горевали и плакали; некоторые из клириков, незаметно выйдя, провожали нас, сетя. И когда мы услышали, что некоторые говорили: куда вы отводите его на явную смерть?, то другой из тех⁷⁶² – которые весьма любили нас, говорили нам: удались прошу тебя, впади в руки Исаврян, только избавься от нас. Ибо, если ты только избежал наших рук, то куда бы ни впал, ты впадешь в безопасное положение. Услышавши это и видя, прекрасная Селевкия, благородная жена моего господина Руфина, просила, чтобы я заехал в ее загородный дом. И мы удалились туда. Когда Фаретрий узнал, – то, как она говорила, произнес ей много угроз. Она гостеприимно приняла меня, управляющему же объявила: если бы некоторые монашествующие напали на нас, желая оскорбить нас или измучить, собрал бы земледельцев из остальных ее поместий и таким образом приготовился к бою против них. Приглашала же она укрыться и в ее жилище, имевшем крепость и бывшем неприступным, чтобы я мог избежать рук епископа и монашествующих; но я не соглашался на это»⁷⁶³. В полночь монахи напали на дом, где спал Св. изгнаник и едва не посягнули на жизнь. «Причина же этих страданий, говорит Св. Иоанн, та, что все знатные почетные люди, весь народ, ежедневно видели меня, служивали, дорожа мной, как светом

в очах⁷⁶⁴. Это, я думаю, раздражило Фаретрия; также зависть, выгнавшая нас из Константинополя, не удалилась от нас, как я, по крайней мере, думаю»⁷⁶⁵. Св. Иоанн Златоуст, объясняя слово Господне: *се аз посылаю вас, яко овцы посреди волков*, так говорит о силе проповеди 12-ти апостолов иудеям и язычникам: – «Это то особенно и достойно всякого внимания, что они не убивали, не истребляли тех, которые злоумышляли против них; но нашедши их подобными диаволам, сделали равными ангелам и таким образом освободили человеческое существо от лютого владычества; а злобных оных и все возмущающих бесов изгнали с торжищ, из домов и даже из самой пустыни. О сем свидетельствуют лики монахов», торжественно заявлял проповедник – пресвитер Антиохийский, «лики монахов, которых они – апостолы, всюду насадили и через них не только заселенные, но и необитаемые места очистили»⁷⁶⁶. Св. Иоанн, по искреннему убеждению, и не мог говорить иначе, потому что видел своими глазами святую жизнь иноков гор Антиохийских. Он жил их примером, он мыслил их сознанием, он чувствовал себя, как они; он также самоотверженно служил Богу и людям, как они, он молился их словами: «Благословен Бог, – взывал там каждый инок, готовясь вкусить скудную трапезу, – «благословен Бог, питающий меня от юности моей, подающий пищу всякой плоти, исполни радостью и веселием сердца наша, дабы мы, имея всякое довольство, избыточествовали во всяком деле благом во Христе Иисусе, Господе нашем, с Которым Тебе слава, честь и держава во веки. Аминь. Слава Тебе, Господи! слава Тебе, Царю, что Ты дал нам брашна в веселье! Исполни нас духом святых, да окажемся пред Тобою благоугодными и не будем постыжены, когда Ты воздашь всякому по делом его»⁷⁶⁷. Златоуст, объясняя содержание этой молитвы иноков, их предстояние перед Богом, их довольство своим положением, память о суде Божием и проч., прибавляет: «Видишь, сколько приносят нам пользы сии странники и пришельцы, пустынножители или, лучше сказать, небожители. Мы странники небесные, а жители земные, они же напротив»⁷⁶⁸. По этим образам жизни иноков, – в виду того, как противоположна им

жизнь Константинопольских монахов, – что надобно сказать о них? Нам думается, не будет несправедливо, если мы так выразим об этом ужасном времени упадка в монашестве чистоты и святости нашу откровенную мысль: «Да, настало время, когда принявшие ангельский образ⁷⁶⁹ несколько помрачили в себе образ Божий». – Если соединить в одно целое все черты, которыми характеризуется у Св. Златоуста, историков и биографов его это Константинопольское монашество, то получается уже полная картина нравов этого сословия; и тогда становится вполне понятным и естественным явлением, если из ряда этих темных личностей могли быть люди «достойные искреннего презрения и отвращения». «Когда пустынники выходили вон и являлись в городе, то Иоанн порицал и исправлял их, замечает историк, – как оскорбителей любомудрия»⁷⁷⁰. Да иначе и быть не могло. Исправлял и, надобно прибавить, не имел никакого успеха в своем благородном труде. Эти «невежды» оставались глухи и немы к слову любви и не хотели внимать убеждениям архипастыря, «не хотели учиться истине и добродетели». Если из этих членов общества, невысокопробной нравственности самого по себе, из этого института могли выходить клирики Константинопольские, то поведение их именно таково и могло и должно быть, каковым представляет его Св. Златоуст в своих беседах. И что иное мог заметить беспристрастный историк в нравственном строе их жизни, как не то, что клирики корыстолюбивы, жадны, распутны, развращаются богатством, нечестием и нечистыми удовольствиями⁷⁷¹.

Потемнело золото, изменилось серебро добре в лице преступных клириков и нечестивых монахов в Константинопольской церкви! Но семя свято еще оставалось стоянием христианского мира и в этом городе – многосуэтной столице всего восточного мира. Только уже в сфере иной пребывал дух Христов, а не среди этих официальных служителей Бога и церкви; не среди этих обетных, рясофорных, мантийных монахов, а просто жил в обществе добрых благочестивых христиан в церкви Христовой, отличавшихся всеми качествами истинного аскетически-христианского подвига

смирения, терпения, богопреданности и любви, заповеданной Христом». «Человек духовный», говорил Св. Златоуст с Константинопольской кафедры, «хотя бы нападали на него бесчисленные бедствия, не падает ни от одного из них. Пусть нападают на него бедность, болезнь, обиды, злословия, клеветы, раны всякого рода, наказания, всякого рода насмешки, поношения и оскорблении; но, так как он живет вне мира и свободен от телесных страстей, то он над всем будет смеяться. А что это не хвастовство, то могу я представить и теперь множество примеров, именно из людей, удалившимся в пустыни. Но это, скажешь, нисколько не удивительно. Тогда я скажу, что такие мужи есть и в городах, хотя ты и не подозреваешь их существования⁷⁷². Ибо и в городе живущий может подражать любомуудрию пустынножителей: и женатый, и семейный может и молиться, и поститься, и приходить в умиление. Ибо и те, которые в начале были обращены самими апостолами, жили в городах, а являли благочестие свойственное пустынножителям»⁷⁷³.

Глава III-я. Общество

Так немного времени пребывал Св. Иоанн Златоуст на Константинопольской кафедре: 26 февраля 398 года он был поставлен в епископский сан; а 20 июня 404 года был сослан в изгнание⁷⁷⁴. Да и весь этот краткий период времени в большинстве прошел, во-первых, в заботах по патриархату церкви апостольской, а, во-вторых, в волнениях, и, наконец, в заботах прямо епархиального управления клиром и паствой. Много ли времени имел Святитель для свободной беседы с народом, чтобы учить его вере и благочестию? Если церковь имеет за это время беседы его: на Деяния апостольские и послания: к Колоссаям, к Солунянам и к Евреям, да несколько отдельных бесед (30–40), – если взять сюда некоторые из бесед, написанных у Миня в ряду «неизвестно где произнесенных» и если бы положительно было известно, что Святитель больше не сказал в Константинополе ни одного слова, – то и тогда надобно бы удивляться: когда и как он нашел время и возможность говорить столько, сколько он сказал! Но тем не менее, сравнительно с периодом жизни и деятельности Св. Иоанна в Антиохии, здесь, в Константинополе он говорил мало. Там он был в сане пресвитера – исключительно проповедником. И этому святому и всей душой любимому им делу он отдавался всем сердцем и имел, конечно, полную возможность для всецелого посвящения себя этому труду исключительно. Не то – в Константинополе. Здесь он чуть не год не видел своей паствы. Там только одна болезнь могла удержать его от служения слову; здесь препятствий было множество. Все это мы говорим потому, что Св. Златоуст в своем творениях за Константинопольский период представляет нам, конечно, меньше данных для ознакомления с различными сторонами церковной жизни Константинопольского общества. Подробное изучение этих творений все таки в свою очередь даст возможность видеть и по этим немногим нашим источникам нравственное состояние того общества, которое представляло собою обширную паству Святителя. Но прежде чем мы

обратимся к исследованию по нашим источникам нравственного состояния общества Константинопольского, еще раз обратимся к историческому указанию о начале – основании Константинополя, чтобы видеть, кто и что представляли собою его обитатели. – Когда Константин столицею своею избрал древнюю Византию, – говорит Вейс⁷⁷⁵, – город этот находился в бедственном состоянии. Большая часть зданий и крепостных сооружений была срыта и жители, некогда богатые, были изнурены самими тяжкими контрибуциями. При торжественном вступлении победителя в Византию город представлял вид разоренного, открытого места, отличавшегося только положением своим, чрезвычайно выгодным для торговли. Опустошение места соответствовало, между прочим, будущим планам императора. Порвав, так сказать, всякую связь с римским язычеством и признав христианство государственной религией, Константин, естественно, должен был с самого начала иметь в виду придать собственной своей столице характер, соответствовавший новому положению вещей; но этого нельзя было достигнуть, не перестраивая ее с самого основания⁷⁷⁶. Да простит нам благосклонный читатель некоторые подробности! Вскоре по окончании войны, царь в собственном смысле положил основание новому городу. Определив протяжение будущего города, царь явно обнаружил намерение сделать его величайшим во всей империи. Дабы в возможно короткое время осуществить задуманный им обширный план, клонившийся отчасти и к тому, чтобы затмить блеск древнего Рима, он неустанно заботился об украшении города великолепными строениями и различными мелкими художественными произведениями, которые по большей части привозились из Рима. Потом, прибавляет исследователь «быта Византии и востока», дабы ускорить заселение города, он – царь – даровал отчасти некоторые льготы переселенцам, отчасти производил насильственные переселения. Таким образом ему удалось в чрезвычайно короткое время сделать Византию богатым и оживленным средоточием, куда стекались все интересы, которые дотоле почти исключительно привлекал к себе Рим⁷⁷⁷. И так Константинополь со дня, так сказать, своего

основания стал городом многолюдным, богатым и столицей империи. Все эти обстоятельства в некоторой мере обусловливают собой возможность, если не необходимость, известного нравственного настроения общества. Не забудем, что это было в начале IV в.; что христианство только что становилось господствующей религией; что это время было временем не только колебания, на какую сторону склониться человеку своим сердцем – к христианству или язычеству, – официальное принятие верования не то, что свободное избрание религии, – это было время прямо борьбы языческих преданий против нового порядка. Император Константин Великий, хотя по собственному побуждению возвел христианство на степень государственной религии и стал защитником ее, замечает Вейс⁷⁷⁸, тем не менее он оставил и языческому культу его права и на высшие и почетнейшие должности в государстве назначал безразлично, как последователей христианского учения, так и язычников из римлян. Таким образом и при нем в Византии, дополняет Вейс, продолжались публичные зрелища, коими в Риме правительство потешало преимущественно праздный народ (за исключением однако гладиаторских игр и, конечно, в такой мере, какую допускало христианское воззрение⁷⁷⁹). Прошло $\frac{3}{4}$ века ко времени появления Златоуста на кафедре Константинопольской; языческие элементы в религиозной жизни много уступили христианскому влиянию; но и здесь, как после увидим, не исчезли совсем; тем более нельзя предполагать, чтобы это влияние языческих воззрений могло выйти из строя нравственной жизни за такой период времени, когда в той и другой сфере – и религиозной и нравственной – влияние язычества способно держаться в народе целый ряд веков.

Если влияние язычества первоначально привнесло в Константинополь, – этот город чисто христианский с самого основания своего по мысли императора, – цирки, театр и тому подобные увеселительные учреждения; то богатство знатных, чиновных поселенцев принесло с собой роскошь и пышность жизни. А необходимое многолюдство массы низшего народонаселения сразу установило неизбежную разность

богатства и бедности и всевозможные худые и добрые взаимоотношения. Все это в совокупности взятое дает в итоге известный облик нравственного состояния общества.

С чего мы начнем наше обозрение нравственного состояния этого общества за время Златоуста? Сторон жизни этого общества так много. – Для решения этого вопроса обратим внимание: на чем было сосредоточено внимание самого Св. Иоанна Златоуста в день его вступления на Константинопольскую кафедру? Церковь и наука не имеют первого слова Златоуста при вступлении на паству в Константинополе; но содержание его сам Св. Иоанн указывает во втором своем слове⁷⁸⁰. Из этого второго слова видно, на чем было сосредоточено внимание святителя в первый день его архипасторства. Тема⁷⁸¹ этого слова была: какими оружиями надобно низлагать всяко возношение, взимающееся на разум Божий (2Кор.10:4). «Откуда вам начать речь? – взывал святитель на второй день своего архиерейства, – откуда хотите, из нового или ветхого завета, ибо не только в евангельских и апостольских изречениях, но и в пророческих и во всем ветхом завете можно видеть славу Единородного, сияющего великою славою»⁷⁸².

Догматизм всегда был у Св. Иоанна Златоуста на первом плане, – доказательство: все его творения. Но в тех же беседах и словах, где излагается догматическое учение веры, можно находить и учение нравственное и даже настолько, что, напр., при объяснении Св. Писания, Св. Иоанн как раз половину своего труда посвящал нравственному учению. Вследствие этого являлись беседы Св. Иоанна Златоустого непременно с разделением: то беседа; а то – нравоучение при ней. Таковы издания бесед Св. Златоуста на славянском языке: на евангелие от Матф., на 14-ть посланий ап. Павла, и другие. Редко можно встретить беседу, чтобы она имела исключительным своим содержанием одно догматическое учение, как напр., слово на текст: *Отче Мой, аще возможно есть*. Св. Иоанн Златоуст – проповедник любви. Основание учения веры – любовь Бога к человеку, спасающая грешников, любовь человека к Богу и ближнему, – начало и конец, корень и

верх, полнота и содержание учения благочестия, альфа и омега добродетели. На любви Божией к людям, на любви людей к Богу сосредоточено все внимание святителя в его беседах и поэтому, говоря о преимущественном содержании бесед Св. Иоанна, можно сказать, что всегда в них есть и то и другое, – и догмат, и нравоучение. И это свидетельство бесед Златоуста дает полную возможность составить понятие о религиозном и нравственном состоянии общества, с которым он беседовал. О последнем, т. е. нравственном состоянии общества, по нашему мнению, творения Св. Златоуста дают даже более полные сведения. Насколько это вероятно, мы приведем, как свидетельство, один замечательный взгляд на Златоуста, как проповедника нравственных христианских начал, помещенный в нашем русском ученом духовном журнале. – «С именем Златоуста история соединяет представление о неутомимом и энергическом деятеле в области нравственного воспитания современного ему общества. Его пастырская деятельность относится к той замечательной поре в истории христианства, когда оно, пережив долгий период гнета и преследований со стороны правительства, стало, наконец, лицом к лицу с тогдашним языческим обществом и вступило в открытую борьбу со всем строем тогдашней общественной жизни. Теперь оно направило свои силы на его внутреннюю бытовую сторону, стараясь преобразовать нравы, обычаи и понятия языческие и внести в жизнь массы идеалы и правила христианские. Златоуст преимущественно действовал на этом поприще, и вот причина, почему в сочинениях его сохранилось так много данных для характеристики тогдашнего общества. Ни один из древних проповедников не развивал с таким постоянством и энергией идеал практического христианства, ни один так глубоко и настойчиво не проводил этого идеала в сознание своих современников, как Златоуст. Чутко прислушивались проповедники к голосу времени и отзывались на его вопросы; но ни один из них не обладал такою способностью схватывать современные практические отношения, осмысливать их, соображать их с требованиями христианской морали и, наконец,

применять последние к условиям вседневной жизни, как Златоуст»⁷⁸³.

Обращаясь к епископским творениям Св. Иоанна Златоуста, мы ознакомились с нравственным состоянием клира и монашества. Исследуем теперь по этим же источникам, каково было нравственное состояние самого общества Константинопольского, среди которого вращались клирики и монахи и с которым беседовал сам Св. Иоанн.

Св. Иоанн знал уклонение христиан от истинного учения веры и тотчас, как только принял жезл правления в Константинопольской церкви, он заявил с церковной кафедры: «жестокий пламень ересей угрожает, окружает со всех сторон»⁷⁸⁴. Скоро присмотрелся Св. архипастырь и к жизни своей паствы, быстро уяснил себе ее настроение и нашел, что здесь «оскуде преподобный» (Пс. 11:2), что здесь не только умалишася истины от сынов человеческих, а и более, даже изсякла любы многих. И вот проповедник любви вооружается всей силой ревности против нарушителей правды и законов любви. В том же году, когда Св. Иоанн стал архиереем, он обличил беззаконных клириков и девственниц за их соблазнительное сожительство, ибо в этом взаимообщении находил нарушение любви: «поэтому кто полюбит распутную женщину, – говорил Св. Златоуст, – тот будет стараться удалять ее от других мужчин и сам будет удерживаться от греха с нею: поэтому только тому, кто весьма ненавидит блудницу, свойственно творить блуд с нею, а поистине любящему ее – отклонять ее от этого постыдного дела»⁷⁸⁵. В том же году, как вошел на кафедру Константинопольскую Св. Златоуст, он всей силой своего могучего слова начал обличать роскошь и пышность жизни сильных и богатых мира сего, проникая мыслью в тайные помыслы их душ и уясняя себе их преступные сокровеннейшие деяния. В их жизни, в их деятельности, в их отношениях к людям проповедник любви находит опять: или уже очень легкую возможность нарушения законов правды божеской и человеческой, или прямо полное оскудение любви⁷⁸⁶. «Горе лежащим на постелях слоновых, горе спящим на одрах слоновых, пиющим процеженное вино и первыми

вонями мажущимся» (Амос. 6:4–5), – сказал Св. Иоанн в конце 398 года, приступивши к беседам на посл. ап. Павла к Колоссянам и прибавил: «это сказано нам не просто, но с тем, чтобы вы изменили свои помыслы и не делали ничего неполезного»⁷⁸⁷. В первой же беседе на послание к Колоссиям, Св. Златоуст, показывая, как любовь духовная между людьми выше всякой другой любви, обращает внимание своих слушателей на роскошь трапезы богачей. Он «на трапезе богатых указывает все сосуды из серебра и золота, а полукруглый стол будет такой, что одному нельзя будет и нести его, но который могут едва нести два прислужника; фиал вызолоченный, весом в полталанта, – такой, что с трудом могли несть его два юноши; целый ряд амфор блестящих не серебром, но гораздо лучше – золотом. Здесь стоит много слуг, разукрашенных нарядами, которые блестательно одеты, в штиблетах, прекрасные видом, полные и тучные телом и множество дорогих яств⁷⁸⁸, флейты, цитры и свирели⁷⁸⁹. Потом указывает преступность этого рода грубой роскоши. Под игру лидийского торбана воспеваются песни демонам⁷⁹⁰. Там необузданное удовольствие, громкий хохот, пьянство, срамословие, а если сами они – возлежащие – стыдятся произносить постыдное, то это бывает через блудниц⁷⁹¹. Дом твой сделался блудилищем, бешенством, неистовством»⁷⁹². Потом проповедник указывает слушателям то «уродство», какое бывает после роскошного стола от пресыщения и пьянства, которыми эти несчастные наслаждаются подобно свиньям, валяющимся в грязи⁷⁹³. Обращаясь к душе богачей, так пошло роскошествующих, Св. Иоанн говорит, что «зовущего на эту трапезу вооружает тщеславие и жестокость в связи с несправедливостью и любостяжанием, – оканчивается эта трапеза надменностью, исступлением, неистовством»⁷⁹⁴. Наглядно характеризует Св. Златоуст поведение богачей в храме и душевное настроение их, происходящее от роскоши в одеждах, что думают, чувствуют эти люди. Кажется, проповедник изображает среду, существовавшую в массе, представляет тип богатой купчихи, богатого купца, или средней руки помещика. Но вот самый текст речи святителя. «Надобно

повсюду истребить страсть к богатству... Смотри, как входит сюда богатый мужчина или богатая женщина? не заботится о том, чтобы слушать слово Божие, а о том, чтобы показать себя, чтобы с величавостью и великою гордостью занять здесь место, чтобы превзойти всех прочих великолепием одежды и равно своей наружностью, как и взглядом и поступью, возбудить в других большее к себе уважение и вся забота ее – женщины – и попечение состоит в том: видела ли ее такая то? удивлялась ли ей она? Хорошо ли она оделась? Впрочем, не об этом только она имеет попечение, но еще о том, как бы не измялось, как бы не разорвалось ее платье? И в том только и состоит вся ее забота. Подобным образом входит и богатый мужчина, имея намерение показать себя бедняку, привести его в страх богатством своих одежд и тем, что он имеет множество слуг и те стоят около него, отгоняя толпу. Сам он по чрезмерной гордости не благоволит сделать этого, но до такой степени считает дело недостойным свободного человека. Потом, когда он сядет, тотчас им овладевают заботы о доме, развлекая его внимание во все стороны; его охватывает гордость, поработившая его душу. Он думает, что оказал милость и нам и народу и, может быть, самому Богу тем, что вошел в храм Божий». Еще рельефнее изображает Св. Иоанн Златоуст утонченную роскошь, царившую в это время в Константинополе. «Над родом человеческим более всего владычествует любостяжание, невоздержание и злая похоть», говорит Святитель⁷⁹⁵ и подробно указывает владычество этих грехов в Константинопольском обществе. «Когда ты слишком украшаешься, жена, тогда бываешь постыднее обнаженной, потому что снимаешь с себя благоприличие, надев на себя принадлежности щегольства; потому что роскошная одежда не в состоянии показать благообразия. Спрашиваю: если бы ты надела когда-нибудь принадлежности певицы или танцовщицы, не стыдно ли было бы тебе? Хотя эти одежды и золотые, но оттого то тебе и стыдно, что золотые, ибо сценическая роскошь приличествует трагикам, комикам, мимикам, танцовщикам и гладиаторам, а жене верной дана от Бога иная одежда⁷⁹⁶. Хочешь ли казаться прекрасною и благопристойною?

Довольствуйся тем образом, какой дал тебе Творец. Что привешиваешь золото, как бы поправляя образ Божий? Хочешь ли казаться благопристойною? Облекись в милосердие, облекись в человеколюбие, облекись в целомудрие, в смирение⁷⁹⁷. Скажи мне: для чего ты украшаешься? Чтобы нравиться мужу? Так делай это дома. А здесь выходит напротив. Если хочешь нравиться своему мужу, не нравься другим. Итак, выходя на площадь или вступая в церковь, ты должна отложить всякое житейское попечение⁷⁹⁸. Это сказано мной, – прибавляет Златоуст, – с целью показать, что щегольство и само по себе есть великое зло, хотя бы из него не происходило ничего другого и хотя бы можно было позволять его себе безопасно; но оно располагает к тщеславию и надмению, а потом из прикрас рождается и многое другое – явные подозрения, неблаговременные издержки, поводы к лихоимству»⁷⁹⁹. Во многих беседах Златоуст рисует картину изысканной роскоши; выводит наружу весь быт тогдашней аристократии с самой темной возмутительной стороны. «Тебе сильно хочется удовольствий?» – говорит он; «тебе желательно носить тонкое платье? Ты хочешь носить золотые украшения? Ты захотела убирать свои волосы и казаться красавицей? Хочешь подкрашивать себя притираниями, румянами и еще чем-нибудь в этом роде?»⁸⁰⁰ Послушай слов Павловых!⁸⁰¹ Вспомни узы Павловы!⁸⁰² Сама царица, вся покрытая золотом, не может привлечь к себе более зрителей. Если бы случилось в одно и то же время войти в церковь и Павлу в узах и царице, – все направили бы свои очи от последней на первого. Да так и следовало бы! Потому что, при взгляде на мужа, стоящего выше человеческой природы, можно находить более достойного удивления, чем при виде наряженной женщины. Последнюю можно видеть в театрах и в торжественных собраниях, и в банях и в других местах⁸⁰³. И в чем греховность этих нарядов? Душа, которой тело увешано драгоценностями, – отвечает Св. Иоанн, – наблюдает, кто смотрит на них, кто не смотрит и, наблюдая это, исполняется надмением, обнаруживает заботу и волнуется множеством других чувств»⁸⁰⁴. Вообще всякая пышность и роскошь, все, что поражало блеском и великолепием, было

страстью Византии в это время и глубоко вошло во вкус и нравы ее избалованного и тщеславного населения⁸⁰⁵. «Император, — говорит Св. Златоуст, — носит на голове либо диадему, либо золотую корону, увенчанную драгоценными камнями. Обе эти регалии, как и пурпуровые облачения предоставлены только единственно его священной особе. На шелковом одеянии вытканы изображения драконов. Его трон из массивного золота. Всякий раз, когда он является народу, его сопровождают придворные чины, телохранители и слуги. Копья, и латы, и щиты их, равно и узды, и покрывала на лошадях или сплошь золотые, или кажутся таковыми и широкие блестящие выпуклины посреди щитов окружены меньшими выпуклостями, каждая в виде человеческого глаза. Пара отборных лошаков, запряженных в императорскую колесницу, белого цвета без отметин и покрыты золотой парчой. Колесница, сделанная вся из чистого золота, возбуждает удивление толпы, созерцающей с изумлением пурпуровые завески, белый ковер, драгоценные камни и золотые бляхи, сверкающие ярким блеском от сотрясения во время езды». Мы отмечаем эти подробности, сообщаемые Св. Златоустом, потому, что они своим появлением при Византийском дворе и своим первоначальным существованием составляют принадлежность времени Златоуста. После Константина Великого возобновителем придворной пышности считают Феодосия I-го и особенно Аркадия, при котором святительствовал Иоанн Златоуст⁸⁰⁶. В царствование императора Аркадия, при установлении чисто серального правления под руководством женщин и евнухов, придворное великолепие дошло до небывалого возраста⁸⁰⁷. Византия приняла характер чисто азиатского государства⁸⁰⁸, — императоры являлись во всем блеске восточных владык. Пурпуровые ткани самого дорогого материала и прихотливого рисунка шли, главным образом, на императорский гардероб. Страсть к роскоши ввела употребление этого крайне дорогого материала и прихотливого рисунка и между богатыми классами. И чтобы положить конец этому мотовству, императоры вынуждены были даже издавать эдикты, запрещавшие употребление лучшего сорта порфиры⁸⁰⁹, которая оставалась,

таким образом, привилегией императора. Так поступали Валентиниан, Грациан и Феодосий⁸¹⁰. Но если предположить, что кроме царствующего дома никто из византийцев не носил никакого пурпуря, то употребляли другие также дорогие ткани, каковы: шелк и бархат. Если уже Св. Златоуст видел эту роскошь в Антиохии, то здесь она должна была иметь большее развитие – это у нас и замечено в истории Антиохийской церкви. При слабом развитии мануфактурной промышленности в империи, эти дорогие предметы, – шелк и бархат, – шли из Египта, Индии и других промышленных стран, с которыми тогдашняя Византия поддерживала постоянные сношения. Этим, между прочим, и объясняется крайняя дороговизна шелковых материй, доставлявшихся сюда из дальних концов мира и ценившихся очень высоко в месте их производства⁸¹¹. Роскошь Константинопольцев времени Златоуста не ограничивалась изысканностью пиров, одежды, домов и вообще украшений. Она переходила всякие пределы изящества⁸¹². «Богатство, – говорит им Златоуст, – доводить людей до безумия: рассказывают, что какой-то царь до того обезумел от роскоши, что приказал сделать из золота платановое дерево⁸¹³. Чем, скажи мне, отличаются по безумию от золотого платана те, которые делают золотые кувшины, горшки и сосуды? Чем отличаются от него те женщины, которые, – стыдно, а необходимо сказать, – делают серебряные ночные горшки? И блюда серебряные иметь несвойственно душе любомуудрой, – а все серебряное – это роскошь, – из серебра делать нечистые горшки – разве это не роскошь?⁸¹⁴ Не довольно ли того, что другие вещи из серебра, хотя и это несносно: седалище, подножия – все из серебра! Но везде чрезмерная пышность и тщеславие, – ничем не наблюдается мера надобности, везде излишество⁸¹⁵. Извержения свои ты так почитаешь, что собираешь их в серебро! Знаю, что вы приходите в ужас от моих слов; но должны ужасаться жены, которые так делают и мужья, которые повторствуют таким недугам. Это необузданность, свирепость, бесчеловечие, зверство, наглость. Какая скилла, какая химера, какой дракон, или лучше, какой демон, какой дьявол стал бы так поступать? Если голову не должно украшать

золотом и камнями, то может ли ожидать прощения тот, кто употребляет серебро на такие грязные надобности»⁸¹⁶. «Я опасаюсь, – продолжает Св. обличитель, – чтобы женщины, продолжая такое сумасшествие, не сделались похожими на чудовищ! Ибо можно ожидать, что они захотят иметь и волоса золотые. Если вы позволяете себе поступать более нелепо, то я очень могу думать, что такие женщины захотят иметь золотые и волосы, и губы, и брови и все члены обмазать растопленным золотом. Если вы этому не верите и думаете, что я шутя говорю это, то расскажу вам, что я слышал, что даже и теперь есть. У персидского царя золотая борода; искусные слуги вплетают в волоса ее, как в уток, золотые пластинки⁸¹⁷. Я увещеваю и приказываю: эти украшения для лиц и эти сосуды сокрушать и раздать бедным и не безумствовать так⁸¹⁸. Приказываю и объявляю: кто хочет, пусть слушает, кто не хочет, пусть не исполняет⁸¹⁹. Пусть кто хочет, идет от меня; кто хочет, осуждает, – я никому не буду поблажать⁸²⁰. Если вы будете продолжать такую жизнь, я не потерплю более, я не приму вас, не позволю переступить этот порог...⁸²¹ Когда будут судить меня перед престолом Христовым, вы будете стоять в стороне, ваша любовь не поможет мне, когда я буду давать отчет»⁸²². Облачения святителя попадали прямо в цель. Эти дорогие притирания на лице, эти разнообразные румяны, эти пышные наряды из тонкой материи, эти роскошно убранные волосы на голове, все это сейчас, когда восседал архиерей-проповедник на своей проповеднической кафедре, все это было перед его глазами. Эта разряженная женщина тут была и своими ушами слышала слово обличения и издавалась над ним, так что Св. архиепископ заметил ей: «ты слишком развеселялась, расхохоталась»⁸²³. Приведи себе на мысль рыдания Павла»⁸²⁴. Это была некая Евграфия, богатая придворная дама⁸²⁵.

Но здесь мы должны сделать некоторое отступление от прямой цели нашего исследования. Необходимо выяснить, какое значение имели все эти средства для возвышения красоты для женщин этого времени вообще, для придворных женщин в частности и особенно для этой Евграфии, с которой так подробно знакомит нас Палладий, друг Златоуста. Потом: в

чем выражалась эта роскошь украшений? Тогда будет понятно, почему так ревностно восставал Св. Иоанн, и так грозно обличал, и так искренно желал искоренить этот обычай, как порок, как преступление. Мы знаем, что царствование императора Аркадия отличалось по внешности пышностью, великолепием, изысканностью в придворной жизни. Роскошь, возможная для женщин, с особенной силой отразила свое влияние на царице, – Златоуст указывал на нее, как мы видели, что она ходила вся в золоте, – и за ней на придворных дамах и вообще на тогдашней женщине во всех сферах, проникало ее влияние во все слои общества от высших до низших, от богатых до бедных, кто и насколько мог подчиняться произволу этой властительницы.

В блестящей свите Евдоксии выделялись особенно три женщины. Эти придворные дамы вели самую свободную жизнь, отличались кокетством и эксцентричностью своих нарядов. Особенно выдывалась в этом отношении Евграфия. Уже не молодая женщина и вдова, она прибегала к самым изысканным средствам для поддержания своей увядающей красоты. В эксцентричном костюме со всеми затеями искусственной красоты появлялась она в церкви на галерее верхнего яруса, где имели обыкновение становиться лица женского пола, на высоте, равной проповеднической кафедре. Златоусту так удобно было видеть при свободной импровизации его слова, обращая, когда надобно было, прямо к ним свою проповедь, на них останавливать свой проницательный взгляд. И вот дерзкая нарушительница апостольской заповеди о женах в церкви Евграфия подверглась громовому обличению Св. архиепископа, хотя в общей проповеди всем женщинам, но намек был слишком прозрачен; все видели и знали, что если к кому, то к ней, франтихе, слово Златоуста относилось преимущественно. Златоуст прямо преследовал ее кокетство и не щадил в ней страсть к нарядам. Златоуст входил в частные жилища учить честной жизни женщин, – говорит Палладий, – которые в том нуждались, в особенности же тех, которые, будучи старыми, старались делать все, чтобы казаться молодыми⁸²⁶.

Еще за время Св. Григория Богослова в Константинополе существовала мода на притиранья и румяны, на наряды и убранство головы. Но тогда это было достоянием преимущественно певиц, танцовщиц, актрис, хотя мода начала проникать и в высшие слои общества. А во время Златоуста эта мода стала достоянием уже преимущественно класса высшего – женщин придворного кружка, которые и предавались ей всей душой. – Св. Григорий Богослов, изображая нравственные достоинства сестры своей Горгонии, в похвальном слове ей, в подробностях представляет распущенность нравов его времени, во многом сходную с распущенностью нравов за время Златоуста. А потому мы позволяем себе для уяснения предмета привести выдержку из слова Св. Григория. «Ее украшали, – говорит он о Горгонии, – не золото, отделанное искусной рукой до поразительного изящества, не златовидные волосы, блестящие и светящиеся, не вьющиеся кольцами кудри, не недостойные затеи тех, которые из благородной головы делают род шатра, не роскошь пышной и прозрачной одежды, не блеск драгоценных камней, не искусство и обаяние живописцев, не покупная красота; не рука земного художника, которая создание Божие покрывает обманчивыми красками и вместо образа Божия выставляет на показ кумир блудницы. Напротив того, хотя она знала много всякого рода украшений, однако не находила ничего драгоценнее своих правил красоты внутренней. Один румянец ей нравился – румянец стыдливости, и одна белизна, происходящая от воздержания. А притиранья, подкрашиванья, искусство делать из себя живую картину, легко смашиваемое благообразие она предоставила женщинам, определившим себя для зрелищ, которым стыдно и позорно краснеть от стыда»⁸²⁷. То, что сестра святителя Григория предоставляла женщинам невысокого тона, личностям полусвета, если не самым мрачным и темным, то теперь в Константинополе было принято всеми. «Ты захотела убирать свои волосы?» говорит Св. Златоуст, обращаясь к женщине вообще. – У женщин Константинопольских в то время была мода взбивать на лбу волосы и открывать совершенно лоб и виски, говорит И. М.⁸²⁸ На минутку остановимся. Тьерри в своей

книге: «Св. Иоанн Златоуст и императрица Евдоксия»⁸²⁹ говорит об этом предмете несколько иначе. «У константинопольских дам, – говорит он, – была мода зачесывать наперед волосы, завиваться в букли и закрывать ими лоб от одного виска до другого»⁸³⁰. Где правда? Постараемся разрешить недоумение. «Очи ушесе вернейши». К труду Тьеरри приложены издателем два изображения монет с портретами: на одном – императора Аркадия, на другом – императрицы Евдоксии. Тьеरри приводит свидетельство Сабатье, что последний портрет – есть портрет именно Евдоксии, жены Аркадия, а не жены сына его, Феодосия. Этот портрет, – вокруг его надпись: «Aelia Eudoxia Augusta», – представляет голову императрицы, убранную так, как говорит Тьеरри; волосы именно завиты в букли, которые волнами, одна прикрывая другую, от лба идут ниже ушей, где волосы схвачены лентой, завязка которой сзади головы; волосы удерживаются двойной нитью крупного жемчуга с бантом на середине головы, от которого вдоль головы по затылку лежит лавровая ветка, – в виде толстой косы, сплетенной из трех прядей. Портрет сделан в профиль. – Принимая во внимание, что та и другая прическа одинаково нарушала женственную скромность и прямое повеление апостола о смиренномудрии жен и их поведении в храме:⁸³¹ жены, – говорит апостол, – во украшении лепотном со стыдением и целомудрием да украшают себе не в плетениих, ни златом, ни бисерми или ризами многоценными⁸³²; 2) Всяк муж молитву дея, или пророчествуя покрытою главою, срамляет главу свою и всякая жена, молитву деющая, или пророчествующая откровенною главою, срамляет главу свою⁸³³. В том и другом случае, при той и другой прическе, закрывала ли женщина лицо, или открывала, – нарушение совета заповеди апостольской было: голова женщины была открыта. Эта прическа, говорит Тьеरри, оставлявшая волосы открытыми, оскорбляла христианское чувство приличия⁸³⁴. Эта прическа, продолжает И. М., особенно любимая куртизанками, была принята всеми женщинами в Константинополе за время Златоуста, потому что она придавала лицу моложавость. И это было особенным побуждением усвоять ее себе для женщин пожилых, у которых

моложавость уже отцветала. А это все, конечно, имело свои цели. Вот именно это то сокровенное намерение и возмущало в особенности чистую душу Святителя Иоанна; это то и было, скажем, тем тонким развратом, или, правильнее, его выражением, распущенностью нравов, царившей между женщинами высшего круга в особенности. Точную речь Златоуста передает Палладий – его биограф. Мы думаем, что он приводит выдержку из церковной проповеди Св. Иоанна, как можно предполагать, понимает и И. М., хотя и не высказывает своего мнения, тогда как Тьеरри относит приводимую Палладием речь Златоуста прямо обращенную исключительно к Евграфии. Что она преимущественно пред всеми женщинами Константинополя наводила его на размышления такого рода и располагала к обличениям, – это весьма могло быть; но чтобы Златоуст, стоя на церковной кафедре, обращался только к ней одной – нет. Так, чтобы уж не сделать неверного заключения, мы приведем текст Палладия по тому источнику, на основании которого говорят и И. М. – и Тьеरри. Златоуст говорит всем женщинам своего времени: «зачем вы, будучи уже старухами, хотите сделать себя моложавыми, взбиваете волосы на лбу и носите локоны, подобно публичным женщинам, обманывая и соблазняя тех, которые говорят с вами. «Вот точный перевод слова Св. Иоанна Златоуста у Палладия; Тьеरри выражается в последних словах, относя их к Евграфии только: «дабы обмануть видящих тебя». Ошибка или неточность очевидна. Все это обличительно, но прибавьте ко всему этому: *id que viduae*, и слово получает особый смысл. «И притом вдовы» так убирают свою голову, так заботятся о моложавости, так стремятся обмануть говорящих с нами, вдовы, которым собственно или преимущественно и говорит апостол об украшении лепотном, что оне со стыдением и целомудрием могут украшать себя, еже подобает женам, обещающимся благочестию делы благими (1Тим. II гл. 10 ст.) В этом слове «*viduae*», – незамужние, старые девы, или вдовы, – главная причина возмущения боголюбивой души Св. Иоанна и главное побуждение для него к слову обличения. Что он не ограничивался только церковным обличением, а следуя

наставлениям Св. апостола: *настай благовременне и безвременне, обличи, запрети, умоли со всяким долготерпением и учением (2Тим. 4:2)*, внимая этой заповеди апостола, пастырь церкви, Св. Златоуст всякий раз говорил Евграфии такие же речи, когда только встречал ее так причесанную, как замечает Тьерри, – это конечно, могло быть, так что даже Св. Иоанн и в дом ее приходил, желая убедить ее оставить грешную привычку, как об этом свидетельствует Палладий.

Но страсть к нарядам, это легкомыслie в женщинах в христианском обществе, при всей энергии протesta со стороны пастырей церкви, и после Св. Златоуста осталась непобедимою во всех отравах мира даже до сего дня.

– Чем обусловливалась такая ревность обличения роскоши в душе Св. Иоанна Златоуста? Отвечаем: все той же любовью к Богу и близким, которая всегда ярким пламенем горела в душе этого Святителя. «Но как это возможно, скажешь, если сокрушим и переломаем те украшения? Разреши и себя от уз и бедного от голода. Что ты вяжешь цепи грехов? Как, скажешь?» – рассуждает проповедник, – «так, что ты накопляешь золото, а другой погибает; ты для приобретения суетной славы бережешь столько золота, а другому есть нечего. Не грехи ли вяжешь ты? Облекайся во Христа, а не в золото⁸³⁵. Так много нищих стоит в церкви, а церковь, имея столько чад и столько богатых чад, не может помочь ни одному бедному. Один алчет, а другой упивается; один употребляет серебро даже для нечистот своих, а у другого нет и хлеба⁸³⁶. Простите мне, простите», – взыывает архипастырь, «говоря о таких делах, я не желаю нарушать приличия, но нужда заставляет; но ради скорби бедных говорю это, но ради вашего спасения»⁸³⁷.

В неменьшей силе существовал другой порок в обществе Константинопольском, который с той же ревностью преследует Св. Иоанн Златоуст. Порок этот – лихоимание. «Что хуже этого лихоимания?» восклицает Святитель. «Оно несноснее того, о чем говорил я, – того бешенства, того неистовства, того сумасбродства в употреблении серебра⁸³⁸. До каких пор не перестанем любить деньги? Я не перестану вопиять против них,

потому, что они причиною всех зол. Подлинно это – следствие какого то обаяния, что золото и серебро ценятся у нас так много. Страсть сия внедрилась в сердца даже таких людей, которые по-видимому благочестивы⁸³⁹. Но какое благовидное объяснение приводят многие! У меня, говорят, дети; боюсь, чтобы я сам не имел когда нужды в помощи других; мне стыдно просить милостыни⁸⁴⁰. Но многие, и не имея детей, до безумия пристрастны к деньгам, которые, хотя детей не имеют и иметь не будут, однако же столько трудятся, изнуряют себя и собирают такое богатство, как будто бы им надобно было бы оставить его бесчисленному множеству детей»⁸⁴¹.

В творениях Златоуста есть много указаний, где он просит, убеждает богатых делиться с бедными нищими. Но, очевидно, его слова остаются без последствий, что чувство сострадания совершенно чуждо душам богачей. Св. Иоанн открывал всю подноготную тех средств, которыми добывались в большинстве случаев эти богатства; он указывал все хитрости, коими скопители богатств, лихоимцы, собирали золото и серебро и вследствие этого уличает этих темных богачей в незаконном завладении чужой собственностью, в похищении, в насильственном отнятии у бедняков того, что им принадлежит. «Любостяжатель есть вор и разбойник, при том же он хуже его, потому, что бесчеловечнее», говорит Златоуст. Вор не столько дерзок по крайней мере в том отношении, что таится и налагает руку ночью; любостяжатель с открытым лицом, среди площади грабит всех, будучи в одно и тоже время вором и мучителем. Он не подкапывает стен, не гасит светильника, не открывает сундука, не разламывает печатей. Но что! Он поступает дерзостнее, нежели они; в глазах обижаемых он выкидывает все вон, с дерзостью открывает все и заставляет их самих выкладывать свое имущество»⁸⁴².

Говоря о поведении богатых людей, Св. Иоанн указывает и недостатки бедных. Но надобно заметить, – эти слабости бедных были, как указывает Златоуст, неизбежным следствием совершенного равнодушия и пренебрежения высших богатых классов общества, их нежелания не только поделиться своими

средствами с бедняками, но даже и войти в их нужды, в их положение.

«Перестанем похищать чужое, и бедные и богатые!»⁸⁴³, взыывает Святитель, «не к богатым только я обращаю свое слово, но и к бедным, так как и они грабят у тех, кто беднее их; и ремесленники, более достаточные и зажиточные, обманывают менее достаточных и беднейших и корчемников и все торгующие. Поэтому я отовсюду хочу изгнать неправду. Не в количестве похищенного и украденного состоит преступление, а в намерении ворующего⁸⁴⁴. А что те, которые и малым пренебрегают, в большей степени суть воры и любостяжатели⁸⁴⁵. Великое наше нечестие и убогое и томимого голодом заставлять говорить, когда он просит милостыни, похвальные речи нашей красоте. Я знаю, говорит Св. Иоанн, – многих женщин, которые, услышав имя Христа, проходили мимо; но когда подходящие к ним хвалили их красоту, они смягчались. Таяли от удовольствия и простирали руку⁸⁴⁶. И о, если бы только это! Но что еще несноснее, оно заставляло бедных сделаться фиглярами, срамословцами и шутами. Когда нищий, потрясая и повертывая в руках чашечки, стаканчики или ковшики, звенит ими; или, имея свирели, играет на ней срамные и сладострастные песни и припевает голосом, между тем его обступает толпа, и подают ему, кто кусок хлеба, кто обол, кто что-нибудь другое, держат его долго и забавляются им, как мужчины, так и женщины, – то что может быть несноснее сего? Конечно это мелочи, они и считаются за мелочи; но они порождают в наших нравах великие пороки. Ибо всякое постыдное слово, всякая соблазнительная песнь расслабляет сердце и растлевает самую душу⁸⁴⁷. Дай алчущему хлеб, – уверевал Св. архипастырь, – одежду обнаженному, покров страннику⁸⁴⁸. Пусть будет дом наш пристанищем для всех⁸⁴⁹. Пусть устроит каждый странноприемницу у себя в доме; пусть поставит там ложе, трапезу и свечу⁸⁵⁰. Хотя там, где помещаются ослы, где слуги, примите Христа!⁸⁵¹ Есть много бедных мужей и жен; поставьте правилом, чтобы всегда кто-нибудь из них был у вас; устрой жилище, куда бы приходил Христос; скажи: это келия Христова»⁸⁵².

С такой осторожностью и с такими льготами приводит Св. Иоанн свои человеколюбивые цели в исполнение, призывая всех и каждого к делам милосердия. «Если бы мы сделали опыт», заключает Святитель, – «и какая благодать была бы тогда»⁸⁵³.

Мы привели бы здесь множество указаний и на более широкие планы Златоуста, как думал он помочь беднякам⁸⁵⁴, но наша цель другая. Достаточно вспомнить в этом случае одно из его слов перед его изгнанием, в котором он яркими красками рисует свое бескорыстие. Мы уже знаем, что он всю жизнь свою и словом и делом проповедовал любовь и милосердие, на милостыню бедным он продал всю обстановку своего архиерейского дома в Константинополе и что сюда он отдавал все свое содержание. «Знаете ли вы, возлюбленные братья», воскликнул Святитель на кафедре в своем архиепископском храме в ночь первого изгнания, – «знаете ли вы, за что хотят погубить меня? За то, что я не приказывал стлать пред собой богатые ковры, что никогда не хотел я одеваться в золотую и шелковую одежду, что я не унизился до того, чтобы удовлетворять жадности этих людей и не держал стола, открытого для них, не угождал чревоугодию других»⁸⁵⁵.

Семя слова Святителя несомненно падало и на добрую почву и плод приносило. Но один в поле не воин. Зло победило. И когда Св. Иоанн пошел в изгнание, богатство и власть греховно остались царить в Константинополе.

Спрашивается: почему такие пламенные речи праведного проповедника, исполненные столь великого, святого чувства – любви к ближнему, бедствующему человеку, остались «гласом вопиющего в пустыне?!»⁸⁵⁶ Ведь этот призыв к милости и милостыне имеет твердое основание в слове и примере Христа Господа и Святых Апостолов Его! Его – этот призыв, – освятила жизнь и деятельность первенствующих христиан!.. Святитель Иоанн свидетельствует: «Великая благодать была на всех них, – апостольских христианах, – «не было между ними никого нуждающегося»⁸⁵⁷. «Это было, – продолжает он, – оттого, что никто ничего из имения своего не называл своим, но все у них было общее»⁸⁵⁸.

Почему слово Златоуста осталось без плода, не привилось к душам слушателей, не отразилось в их деятельности?

В решении этого вопроса мы встречаемся с историей коммунизма вообще и древне-христианского коммунизма в особенности.

И краткое исследование данного предмета, в истории и христианстве способно дать ответ на наш вопрос, – именно *исторический* ответ.

Коммунизм стоял у колыбели человечества. Он был общественной основой большинства народов земного шара. Первобытный человек жил только в своем обществе и вместе с ним. В обществе люди добывали себе средства к существованию – сообща они охотились, сообща ловили рыбу; в обществе жили они, сообща защищали свое жилище, свою землю. Такова история начала всех наций.

«В прежние времена», восклицал Демосфен, живший в 5–4 веке до Р. Х., в одной из своих глубоких речей: «было иначе, чем теперь. Тогда все, принадлежавшее государству, было богатым и блестящим, но среди граждан ни один не отличался по внешнему виду от другого. Еще и теперь каждый из вас может убедиться собственными глазами, что жилища Фемистокла, Мильтиада и всех великих мужей старого времени отнюдь не были красивее и величественнее жилищ их сограждан. Но общественные здания и памятники, сооруженные в их время, были так величественны и великолепны, что они навеки останутся непревзойденными; я говорю о пропилеях, об арсенале, о колоннадах, о постройках в Пирейской гавани и других общественных сооружениях нашего города. А теперь есть государственные люди, частные жилища которых затмевают своим великолепием многие общественные сооружения и которые скучили себе столь огромные земли, что поля всех вас, заседающих здесь в качестве судей⁸⁵⁹, не сравнятся по пространству с ними. Зато все, что строится теперь государством, так ничтожно и убого, что стыдно и говорить».

Politeia Платона, появившаяся, вероятно, около 368 г. до Р. Х., разрешая вопрос: каково наилучшее устройство государства

и общества? – говорит: «если в каком-нибудь государстве уважают богатство и богатых, то меньше уважают добродетель и добродетельных». И потом, рассуждая о воспитании молодого поколения, предназначенного к принятию в высший класс «стражей», – рассуждение Платона в форме разговоров излагает свой взгляд о «наилучшем устройстве государства и общества». «Так рассуди», – говорит от лица Сократа, – «для того, чтобы стать такими», – юношам, – «не должны ли они жить следующим образом? Прежде всего ни один из них не должен иметь ничего собственного, если этого можно избежать; ни один не должен иметь – ни особого жилища, ни склада для запасов, куда не имел бы доступа каждый, кому угодно. Но все необходимое, в чем может нуждаться как храбрый, так и заурядный воин, они должны получать по очереди от граждан, как вознаграждение за охрану, представляемую ими, получать в таком количестве, чтобы они ни в чем не нуждались. Золото же и серебро, надо сказать им, они всегда носят в своей душе, как священный дар богов и поэтому не нуждаются в золоте и серебре людей». Такова почти христианская этика древнего мудреца язычества!⁸⁶⁰ Но она осталась в идее, хотя Спарта в своем строе и может служить некоторым отображением подобной идеи и основой для «государства» Платона.

Во время падения Греции и во времена Римских императоров, все люди, мыслящие и сочувствующие страждущим ближним, чувствовали потребность искать выхода из страшного разложения государственной жизни.

Государство повсюду встречало всеобщее недоверие и равнодушие. Разложение общества достигло столь высокой степени, что ни от одного смертного, – будь он хоть самый могущественный из цезарей, – невозможно было ожидать, чтобы ему удалось вдохнуть в него новую жизнь. Воплощение Платоновской идеи могло быть разве игрушкой досужих людей, которые, – как высокопоставленные сановники императора Галлиена и императрицы, жены его, с неоплатоником Плотином во главе, основавших *Platonopolis*, – убивали ненужное им время.

И вот на заре христианства возникают коммунистические идеи и коммунистическое общество. За 100 лет до Р. Х. находим у Евреев тайное коммунистическое общество, – организацию ессеев.

«Богатство они ни во что не вменяют», рассказывает о них Иосиф Флавий «и очень высоко ставят общность имуществ и между ними нет ни одного, который был бы беднее другого. У них есть закон, что все, желающие вступить в их общество, должны отдавать свои имущества для общего пользования, поэтому у них незаметно ни недостатка, ни избытка, все же у них общее, как у братьев»...

Таким же образом были организованы и первые христианские коммунистические общинны, с тем знаменательным различием, что ессеи держались иудейства, а христианство – всего человечества. И основы были у тех и других различны. «Если хочешь быть совершенным», говорит Христос⁸⁶¹ богатому юноше: «иди, продай имение твое и раздай нищим»; и еще: «будешь иметь сокровище на небесах». Первая Иерусалимская община описывается следующим образом: «и никто ничего из имения своего не называл своим; но все у них было общее... Не было между ними никого нуждающегося, ибо все, которые владели землями и домами, продавая их, приносили цену проданного и полагали к ногам апостолов, и каждому давалось все, в чем кто имел нужду»⁸⁶².

Но как всякая истина м. б. извращаема людьми грешными и всякое святое дело м. б. обращаемо страстями людскими во зло, так случалось и с этим выражением Христовой любви к ближнему.

Вообще даже у христиан первых веков вечери любви скоро начали ограничиваться торжественными случаями и быстро заменились простыми кормлениями бедных, по временам устраиваемыми богатыми, которые сами не принимали участия в этих трапезах. То есть: общее пользование доставлением всех членов общинны свелось к передаче в общинную кассу избытков, оказывавшихся у отдельных лиц. *Излишек* дохода, остававшийся у человека за покрытием необходимых расходов,

нужно было отдавать церкви. Вот какую форму принял вскоре на практике христианский коммунизм!...

К слову. Тогда же рядом с аскетизмом, наивысшим стремлением господства духа над плотью, – явились «адамисты», гностическая секта 2-го века, которая напомнила собой учение Платона об «общности жен и детей», – основываясь на ложном понимании Христовых слов: «всякий, кто оставит дома, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную»⁸⁶³.

Но так как социальные отношения времен империи, – продолжим нашу речь, – делавшие невозможным практическое осуществление коммунизма, благоприятствовали развитию коммунистических идей, то коммунистические традиции первобытного христианства жили долго. И та из церковных организаций, которая одержала победу над остальными, Кафолическая, еще долго оставалась в теории коммунистической.

Отцы Церкви по прежнему осуждали богатство и неравенство.

«Несчастные», восклицает в VI-м столетии Василий Великий, обращаясь к богатым: «что скажете вы вечному Судии в свое оправдание?.. Вы возразите мне: разве я не прав, если я оставляю у себя то, что мне принадлежит? Но я спрошу вас: что называете вы вашей собственностью? От кого получили вы ее? Вы поступите, как тот человек в театре, который спешит занять все места и хочет воспрепятствовать другим войти в театр, захватывая для себя то, что устроено для всех. Чем богатеют богатые, как не захватом вещей, принадлежащих всем? Если бы каждый брал для себя не более, чем ему необходимо для жизни, а остальное предоставлял другим, то не было бы ни богатых, ни бедных».

Тот же самый коммунистический характер первобытного христианства со всей силой проповедуется Златоустом.

«Благодать была на всех них» – первенствующих христианах, – говорит он, «потому что не было между ними никого нуждающегося, потому что они щедро давали», –

богатые, – «чтобы никто не оставался бедным, и это было не так, чтобы они отдавали одну часть, а другую оставляли для себя, или чтобы они отдавали все, так сказать, как свою собственность. Они уничтожали всякое неравенство и жили в большом избытке. И они делали это самым достойным образом. Они не дерзали давать подаяния в руки нуждающихся, не подавали с высокомерной снисходительностью, а полагали у ног апостолов и делали их господами и распределителями приношений. В чем кто нуждался, то бралось из запаса общины, а не из чьей-либо частной собственности».

«Если бы мы теперь стали поступать таким же образом», продолжал Святитель Иоанн, «мы жили бы гораздо счастливее – как богатые, так и бедные; и бедные приобрели бы от этого не больше, чем богатые: потому что дающие не только не становятся бедными, – они и бедных делают богатыми».

«Представим себе это дело: все передают свое имущество в общую собственность. Пусть никто не смущается этим, – ни богатый, ни бедный. Сколько, полагаете вы, соберется денег? Я думаю, потому что с уверенностью этого сказать нельзя, что если бы каждый отдал все свои деньги, поля, владения, дома, то набралось бы миллион фунтов золота, – а по всей вероятности даже вдвое или втрое больше. Затем, скажите мне: сколько людей живет в вашем городе», – Царь-Граде? «Сколько христиан? Не сто ли тысяч? А сколько язычников и евреев? Сколько же тысяч фунтов золота собралось бы здесь? А сколько у вас бедных? Я думаю, что не более пятидесяти тысяч. Сколько денег понадобилось бы, чтобы кормить их каждый день? Если бы они ели за общим столом, то расходы были бы не особенно велики. Что же мы предприняли бы с таким чрезмерным богатством? Думаешь ли ты, что оно могло бы когда-нибудь истощиться? Не излилось ли бы на нас благословение Божие в тысячу раз обильнее? Не превратили ли бы мы земли в небо?»

«Раздробление имущества причиняет огромные расходы, а вследствие этого и бедность. Возьмем дом с семьей, состоящей из мужа, жены и десяти детей. Жена ткет, муж ищет заработка на базаре. Когда расходы их будут больше: при совместной ли

жизни в одном доме, или при раздельной?» Очевидно, что при раздельной. Если десять сыновей разделятся, им нужно десять домов, десять столов, десять слуг и все остальное должно увеличиться у них в таких же размерах. Раздробление постоянно приводит к расточительности, а совместное пользование в сбережение того, что имеется. Так живут теперь в монастырях, – и так жили некогда верующие. Кто же умер у них от голода? Кто недостаточно насыщался? И все-таки люди боятся этого порядка больше, чем прыжка в открытое море. Сделаем же попытку и смело приступим к делу. Как велики были бы благие последствия! Ибо если тогда, когда число верующих было так незначительно, равнялось лишь трем – пяти тысячам, когда весь свет относился враждебно к нам, когда ни откуда не было утешения, наши предшественники действовали столь решительно, – насколько же больше уверенности должны иметь мы теперь, когда Божьей благодатью верующие есть везде! Кто захотел бы остаться в таком случае язычником? Думаю, – никто. Мы всех бы привлекли и расположили к себе».

Святитель закончил свои рассуждения призывом приступить к осуществлению его предложения.

Эта проповедь, столь трезвая, чуждая всякой религиозной мечтательности, в высшей степени замечательна во всех отношениях. Она ясно изображает нам коммунизм первобытного христианства, традиции которого были тогда еще живые, но столь же ясно она показывает, что это был коммунизм не производства, а только потребления. Златоуст старается склонить своих слушателей к коммунизму, выясняя им насколько общее домашнее хозяйство экономнее раздробления на многие хозяйства. Но кто должен производить все, в чем нуждается это коммунистическое домашнее хозяйство, об этом проповедник не говорит ни слова. Думаем: здесь главная, основная – причина в душах слушателей Св. Иоанна, почему слово мудрое, горячее, исполненное любви к человечеству, не вмещалось в душах их. Другую причину почему предложение проповедника не было осуществлено, указывает сам Св. Иоанн. Он говорит, что церковь уже далеко отклонилась от коммунистической жизни первобытных христиан: «люди боятся

такого порядка более, чем прыжка в открытое море». Столь же ясно, как Златоуст, говорили об этом предмете и другие учителя Церкви. Но именно их страстные обличения богатым, христианским богачам, свидетельствует о том, что в церкви начиная с II-го века, исчезли не только практика, но уже и дух коммунизма, как чувство равенства и братства. Это второе условие, почему предложение милосердного Святителя не могло быть осуществлено его слушателями. А третьим обстоятельством, но, конечно, более уже слабым перед первыми, обусловливавшим холодное отношение слушателей Златоуста к его слову, — сердечное их расположение к удовольствиям, роскоши в жизни и к богатству, как условию для того и другого».

Мы всегда недоумеваем и неприятно досадливо волнуемся, встречая у биографов Златоуста выражения: «труды Св. Златоуста принесли обильный плод», — разумеется, — сейчас, при нем. И человек, пишущий эти строки, ничто же сумняся, решается утверждать: церковь Константинопольская в его правление пришла в цветущее состояние: духовенство устроено, монашествующие, девы и вдовицы представляли собой образцы нравственного усовершенствования⁸⁶⁴. Чтобы утверждать это, надобно закрыть себе глаза, чтобы не видеть истинного положения дела за время Златоуста в Константинополе. Если же автор все-таки имеет под руками творения Святителя и заявляет претензию, в доказательство своих воззрений на это время, указывать на эти творения; то это — ложь, недостойная честного человека. Единицы не составляют собою общества, но об этом после.

Были в Константинополе за время Златоуста и другие пороки, охватывавшие не одного, не двух человек, а все общество. И Св. Иоанн говорил не об одной роскоши, губившей души людей различными способами, не одну эту страсть обличал он с высоты своей церковной кафедры. «Не столько жена плачет о своем муже или мать о сыне, сколько я о всех вас вообще. Я не вижу никакого успеха; все обращается в клевету и осуждение. Никто не старается угодить Богу, а только злословим то того, то другого и говорим: такой то не

достоин быть в клире; такой то живет нечестиво. Тогда как вам следовало бы оплакивать собственные пороки, мы осуждаем других; между тем, как не должны делать этого и в том случае, если бы были чисты от грехов»⁸⁶⁵. А этих пороков и грехов в Константинополе в это время было порядочное количество и Св. архипастырь ратовал против них с самого начала своего святительства. «Вот уже год прошел, как прибыл в ваш город», говорил он Константинопольцам, «и не переставал часто и постоянно предлагать вам увещание: не посещать зрелищ – цирков, театров и т. п. В начале я употреблял увещания и наставления, необходимо наконец прибегнуть и к отсечению»⁸⁶⁶.

За паствой Святителя оказалась вина и очень тяжкого свойства. Христиане, жители Константинополя, в великий пяток ушли на конское ристалище; а в великую субботу мужчины и женщины, и старые и молодые, во множестве стеклись в театр. И вот праведный архипастырь, до глубины души возмущившись таким наглым попранием величия и святости дней, вошел на кафедру и сказал грозное слово обличения против оставивших церковь и ушедших на конские ристалища и на зрелища⁸⁶⁷. «С вами самими хочу я судиться против вас же», говорил он. «После столь многих собеседований, после такого учения, некоторые, оставив нас, побежали смотреть на состязающихся коней и впали в такое неистовство, что наполнили весь город непристойным шумом и криком, возбуждающим смех. Это ли город апостолов? Это ли народ христолюбивый, общество нечувственное, духовное?! Даже и самого дна вы не постыдились, в который совершились знамения спасения вашего. Когда Господь твари распят за вселенную, – ты, оставив церковь и жертву духовную, и собрание братий, и забыв важность поста, отдался в плен диаволу и повлекся на то зрелище. Я не перестану постоянно повторять это. И недостаточно тебе было одного дня; но и на другой день, когда следовало бы немного отдохнуть от прежнего нечестия, ты опять пошел на зрелище, из дыма бросившись в пламя, низвергнув себя в другую ужаснейшую пропасть. Старцы посрамили свои седины; юноши подвергли опасности свою юность; отцы привели туда своих детей, ввергая их в самом

начале невинного возраста в пропасть нечестия, так что не погрешил бы тот, кто назвал бы их не отцами, а детоубийцами, нечестием погубляющими души рожденных ими»⁸⁶⁸.

Это обстоятельство – уклонение христиан на зрелища в такой день, как великий пяток и великая суббота, само по себе говорит уже как о страстном расположении Константинопольцев к театру и конским ристалищам, так в свою очередь свидетельствует о нравственной расшатанности общества и о невысоком уровне нравственности самого правительства в лице императорского дома и властей, не без соизволения коих, надобно полагать, были устроены в такие святые дни неподобающие христианам зрелища. Ибо мы видели, говоря о зрелищах в Антиохии, что соборы поставляли просить благочестивейших государей воспретить зрелища в святые дни – пасхи, например.

Св. Иоанн усугубляет виновность бывших на зрелицах в страстные дни, напоминая всегда вредное влияние этих удовольствий на нравственность. Он подробно показывает, как весьма трудно и едва ли возможно сохранить чистоту души тому, кто посещает эти места, исполненные всякого рода соблазнов и всяких приманок для чувственности и как эти зрелища способны вносить разврат и разлад в семейства; как они растлевают умы и сердца юношей и девиц⁸⁶⁹, утверждая, что эти зрелища губят общественную нравственность. «Часто и на площади, встретившись с женщиной, мы смущаемся. И ты, видя блудную женщину, выходящую с великим бесстыдством, одетую в золотые одежды, делающую нежные и обольстительные телодвижения, поющую блудные песни и развратные стихотворения, произносящую срамные слова и совершающую такие непристойности, какие ты, зритель, представляя в своем уме, потупляешь взоры, – как смеешь говорить, что ты не испытываешь ничего человеческого? Разве тело твое камень? Разве оно железо?⁸⁷⁰ Нет, не только в то время, но и тогда, когда она уйдет, когда окончится зрелище, когда она уже уйдет, в душе твоей остается ее образ, слова, одежда, взгляды, походка, стройность, ловкость,

прелюбодейные члены, и ты уходишь, получив множество ран»⁸⁷¹.

Мы повторяем здесь одни и те же, если не слова, – какие высказывал Св. Златоуст по поводу зрелиц в Антиохии, приведенные нами в речи о той церкви, – то мысли – в тех видах, чтобы показать, что и здесь, в самой столице востока, зрелица были гибельны исключительно и прямо для нравственности, а не для религии, как утверждает г. Малышевский, что вся постановка сцены имеет характер только безнравственного влияния на зрителей, а никак не преследует религиозные цели языческого культа в подрыв христианству. Когда Св. Иоанну говорили защитники зрелиц: какое же здесь нечестие? Он отвечал. «Потому то я и скорблю, что ты, находясь в болезни, не чувствуешь, что ты болен и не ищешь врача»⁸⁷². На сей раз святитель имел одно утешение, – ему говорили: «отделившихся от стада немногого»⁸⁷³. И он сам видел, что это правда, и сам говорил: «некоторые побежали смотреть». Но святой архипастырь очень хорошо знал, что это «немногого» только по случаю св. великих дней, а что паства его очень расположена к зрелицам и потому не переставал вразумлять уклонявшихся туда, не умолкал обличать». Когда ты будешь в театре и сядешь там, услаждая взор свой обнаженными членами женщин, то конечно сначала будешь чувствовать удовольствие, но потом сильный воспламенишь в себе жар»⁸⁷⁴. Он держался всегда крепко убеждения, что зрелица и песни ни что иное выражают, как только одну гнусную любовь⁸⁷⁵. Так говорил святитель в самое последнее время своего служения в Константинополе около 402 г., выражая одну и ту же мысль: театры вредны для нравственности, и преследуя одну и ту же цель – предостеречь от ненужного искушения души людей, врученные его душпастырству. Но видеть ему плоды трудов его было не суждено... Св. Иоанн Златоуст, как пастырь добрый, ревностно стоял на Божественной страже и право правил слово истины, восставляя падших и врачуя болящих, прилагая, как пластирь, к язвам пороков, душеполезное учение веры и благочестия. Но если несчастные бежали врача и, в бездне греховной валяясь, говорили своим поведением Богу

спасающему: «отойди! Мы путей Твоих ведать не хотим!» – пастырю оставалось скорбеть, плакать, молиться, терпеть и умывать в неповинных руки свои, предоставляя труд свой суду и воле Божией. И надобно видеть всю полноту любви его к своей пастве. Каких сторон жизни не касалось его слово! В какие тайники души и тайны поведения не проникал он с словом врачевания? Да, в его чистой душе, как на зеркальной поверхности чистого источника воды, отражалась вся жизнь его паствы с ее достоинствами и недостатками и, благодаря этому условию, в его творениях мы теперь, даже через полторы тысячи лет, можем видеть тот нравственный облик, какой имело в частности Константинопольское общество за его время. Из слов Св. Златоуста видно, что разврат царил в Константинополе в его время в очень грубой форме. Будьте снисходительны ко мне, если я говорю нечто, так сказать, нечистое, не стыдясь и не краснея», говорил Златоуст; «не по доброй воле делаю это, ибо я вынуждаюсь говорить такие слова для тех, которые не стыдятся таких дел. Если сперва не оскверню уст, целящих ваши страсти, то не возмогу вас исцелить»⁸⁷⁶. Что же это такое было? Св. Златоуст отвечает. «Одежду, которую носит раб, конечно, ты не согласишься когдабылио надеть, гнушаясь ею по причине нечистоты, а тело нечистое и скверное, которым пользуется не только раб твой, но и другие без числа, ты будешь употреблять во зло и не будешь им гнушаться... Ван стыдно стало слышать это, – стыдитесь дел, а не слов! Скажи мне, не к одной и той же ли ходишь ты и раб твой! И о если бы только раб, но и палач! Ты не решился бы взять палача за руку, между тем ту, которая была с ним одно тело, обнимаешь и лобызаешь, и не трепещешь и не боишься»⁸⁷⁷.

В искреннем благожелании душевного спасения согрешающим, святой архипастырь сейчас и совет преподавал, как предупредить греховное расположение. «Чтобы отсечь самые корни зла, пусть те, которые имеют детей, находящихся в юношеском возрасте и намереваются ввести их в мирскую жизнь, скорее соединяют их узами брака, потому что еще в юности возмущают их страстные пожелания»⁸⁷⁸. Не правда ли,

что я говорю, точно сваха?» – прибавляет святитель. Затем Златоуст указывает случаи, ради которых отлагаются браки сыновей. «Ради воинского звания, ради избрания рода жизни медлишь женитьбою и выжидаешь, когда он будет получать большие доходы»⁸⁷⁹. «Корень зла», – восклицает Иоанн, – «сребролюбие»⁸⁸⁰. «Позаботься о супружестве сына»⁸⁸¹, убеждает святитель. «Жена благородная не допустит бесстыдств, телодвижений страстных и всякой другой мерзости и не позволит осквернять себя. Ибо она вышла замуж для сожительства, а не для распутства и смеха»⁸⁸². «Вино дано для веселия, а не для пьянства; хлеб для пищи, супружеская жизнь для чадорождения»⁸⁸³. «Пользуйся браком умеренно», – торжественно во всеуслышание возвещал всей церкви Св. Иоанн Златоуст, – «пользуйся браком умеренно, – и ты будешь первым в царствии небесном»⁸⁸⁴.

Златоуст подробно разбирает, как можно видеть в разных его творениях, те самооправдания, которыми старались виновные оправдать себя. «Старики прегрешали, забыв Бога и совесть»⁸⁸⁵ против 7-й заповеди закона Божия, да и еще кое-что неладное водилось за ними; а молодость, согрешающая, смотрела и сама себя грехами стариков оправдывала. Святитель тех и других вразумлял. «Старец упивается», говорил он, «сидя в корчемнице; старец ходит на конские ристалища; старец приходит на зрелица. Поистине стыдно и смешно по наружности украшаться сединой, а внутри иметь детский смысл. Если какой-нибудь юноша оскорбит его, то он тотчас поставляет на вид свои седые волосы. Постыдись же их наперед сам ты. Как станет почитать тебя юноша, когда ты больше его предаешься сладострастию!»⁸⁸⁶ «Если юноша думает», продолжал архипастырь, «что не может быть осуждаем за нарушение целомудрия; то смотри, как много он имеет средств к его сохранению, если захочет, что он может исполнять легче старца – дабы укрощать этого зверя – (плоть) похоть. Что же это такое? Труды, чтения, всенощные бдения, посты. Но скажете», – докончим речь проповедника, ибо и это дальнейшее имеет значение для нашего обозрения: – «для чего ты говоришь это нам, не монахам?» Святитель отвечает: «мирянин не

должен ни чем отличаться от монаха, кроме только одного сожительства с женою; на это он имеет позволение, а на все прочее нет; но во всем он должен поступать одинаково с монахом. И блаженства Христовы изречены не монахам только, иначе все погибло бы во вселенной, и мы могли бы укорять Бога в жестокости. Если блаженства сказаны только для одних монахов и мирянину достигнуть их невозможно, а между тем Бог дозволил брак, то он сам погубил всех»⁸⁸⁷. Очевидно, в обществе ходили толки: ведь мы – не монахи, – что нам уж очень строго то вести себя?! Вот Св. Златоуст и вразумляет, внушая, что равно для всех обязателен и спасителен аскетизм христианский.

Если не глубокий разврат, то сильная распущенность нравов одинаково охватывала и высшие и низшие классы общества. Все в поведении граждан столицы свидетельствовало о нецеломудренности общества; невоздержание, похотливость проникала все случаи не только общественной, но даже и частной жизни.

Св. Иоанн Златоуст подробно знакомит нас с брачными обычаями своего времени и с теми понятиями, взглядами на брачное сожительство, которые служили причиной этих обычаяев. «Много есть таких предметов, которые отвращают нас от любви», заметил в одном случае Златоуст, «и много есть стезей, которые насильно влекут нас оттуда»⁸⁸⁸. Ведь посмотри, что выдумал диавол! Так как от сцены и от тех гнусностей, какия там бывают, женщины удалены самой природой, он проник с театральными мерзостями в жилище женщины: я говорю об изнеженных и развратных женщинах»⁸⁸⁹. Обратим здесь внимание между прочим на одно обстоятельство, доселе не отмеченное вами; мы подчеркнули слова: «женщины удалены от сцены». Нам кажется: это свидетельство проповедника имеет такой смысл что женщины не были в числе зрителей в театре. Дают повод утверждать это мнение и многие места в беседах Златоуста, как напр. следующее: «Ты возвращаешься из театра домой не один, но приводишь с собой блудницу, входящую не явно и открыто, что было бы сноснее, ибо жена тотчас выгнала бы ее, но сидящую в твоей душе и сознании»⁸⁹⁰.

Биографы Златоуста, приводя творения святителя, делают иногда заключения довольно произвольно. Вот и в данном случае, свящ. В. Лебедев, говоря о нравственном вреде театральных зрелищ в Константинополе, выразился: зрелища растлевают умы и сердца юношей и девиц⁸⁹¹. И потом приводит известное слово Златоуста против ушедших на зрелища. А в этом слове говорится о старцах, юношах, отцах, детях, вообще, думаем о отроках, и ни слова не говорится о женщинах и девицах. По нашему мнению, так нельзя. Если у нас своя цель – историческая верность, то ведь также верен истине должен быть и биограф известного лица, если уж он касается лиц и обстоятельств, соприкасающихся к этому лицу. Но это мы замечаем между прочим, наша главная мысль во всей этой нашей речи: женщины и девицы в театр не ходили, косвенно же, конечно через мужей, отцов и братьев и друзей, театр и на них мог простираТЬ свое гибельное влияние.

Продолжаем наш обзор брачных обычаев времени Златоуста. Припомним вышесказанное: «Эту язву – театральные мерзости в жилище женщины принес с собой закон супружества или лучше – не закон супружества, – да не будет – а наша беспечность, сделавшаяся законом. Что делаешь ты, человек? Жена предназначается для жизни целомудренной и для чадородия. Так для чего же тут развратные женщины! Для того, говоришь ты, чтобы веселее было... ты оскорбляешь невесту, оскорбляешь приглашенных. Если в этих вещах они находят для себя удовольствие, то это оскорбление. Это придает несколько блеску. Когда женщины смотрят на бесчинства развратниц, так зачем уж ты не приводишь сюда и невесту, чтобы и она посмотрела?» Заметим. Невеста не присутствовала на брачном пиру; но конечно была в том же доме и если не видела, то слышала. И это уже могло сильно или волновать греховно чистую душу девицы, или оскорблять ее девственность. «Все проникнуто⁸⁹² должно быть скромностью, благопристойностью и хорошим вкусом»⁸⁹³ замечает Златоуст. Мы приведем подробности его слова, ибо они во всей полноте знакомят с непристойными обычаями браков в Константинополе. «Во всяком случае срам и позор

приводить в дом избалованных мужчин и плясунов со всей этой сатанинской пышностью. Брак есть узы, и узы установленные Богом. Развратная женщина разрывает и уничтожает эти узы. Можно еще хлопотать о том, чтобы брачное торжество было веселее, например: приготовлять богатый стол и роскошное платье, – я не возбраняю этого, чтобы не показаться слишком строгим. Можно для торжества надеть лучшее платье; могут явиться на это торжество почтенные люди – мужчины, и женщины. Но зачем ты заводишь эти забавы, эти причуды? Скачут, как верблюды или как мулы. Для девицы нужна одна лишь спальня... По моему хорошо, что приходят девицы почтить свою сверстницу, приходят также и женщины почтить ту, которая вступает в их общество. Это хороший обычай. Те отдают, эти принимают: невеста между ними не девица и не женщина. Но для чего тут распутные женщины? Вместо того, чтобы укрываться и спасаться от них, когда случится брак, потому что распутство – порча брака, мы приводим их на брак. Брак благовонная масть. Как же ты туда, где приготовляешь благовонную масть, приносишь смрадную грязь?⁸⁹⁴ Брак не зрешице. Это таинство и образ великой вещи. Это образ церкви и Христа, а ты приводишь развратных женщин!⁸⁹⁵ Но если, скажешь, не будут танцевать ни девицы, ни женщины, так кто же будет танцевать? Никто. Что за необходимость танцы? Великое таинство совершается: вон развратных женщин, вон нечистых! Какое же таинство? Соединяются два человека и делается из них один. И почему в то время, как входит невеста, не бывает ни пляски, ни кимвалов: а наблюдается великая тишина и спокойствие; а когда соединяются они, ты поднимаешь такой шум?.. Приходят те, которые будут единым телом. Вот таинство любви!»⁸⁹⁶ Здесь проповедник любви излагает учение веры о таинстве брака и всю речь направляет к тому, чтобы выяснить, насколько оскорбительны для святыни брака те обычаи, коими этот жизненный акт бывает всегда окружен. «Каждый из них, – жених и невеста, – в отдельности не полон, как будто бы у него отнята какая-нибудь часть тела и не в состоянии ни рождать детей, ни устроить, как следует, настоящую жизнь⁸⁹⁷. А каким образом они бывают в плоть едину? Все равно, как если бы ты

отделил самое чистое золото и смешал его с другим золотом, — и здесь происходит нечто подобное: жена принимает плодотворное вещество в то самое мгновение, как жар наслаждения приводит его как бы в расслабленное состояние, и, приняв, питает и согревает его, привносит к нему что нужно и с своей стороны и производит человека. И ребенок служит чем то вроде мостика, так что тут трое уже составляют одну плоть. Этот мостик устроен из того, что служило частью телесного состава обоих их⁸⁹⁸. В плоть едину т. е. соединяется в плоть младенца. Что же, если младенца не будет? — И тогда они не будут составлять два лица? Конечно! Ведь это единство происходит от совокупления, которое соединяет и смешивает тела обоих. Все равно, как если ты в масло вольешь благовонные капли, у тебя выйдет все одно: так бывает и здесь⁸⁹⁹. Знаю, что многие стыдятся того, о чем я говорю; причиной тому наша неумеренность и невоздержанность. Это дело унижено оттого, что браки совершаются у нас таким образом; оттого, что их портят, между тем, как брак честен и ложе нескверно. Что за стыд, — дело честное? Зачем краснеть оттого, что чисто? Потому то мне и хочется очистить его, — брак, — возвести его на ту степень благородства, какая ему свойственна...

Осрамлен дар Божий, корень нашего бытия. А все от того, что около этого корня много навоза и грязи. Вычистим же его своим разумом... Мне хочется показать вам, что этого не должно стыдиться, а нужно стыдиться того, что вы делаете. Есть на браках сквернословие, буесловие, кощунство, да еще в высшей степени, потому что это сделалось искусством порока... Мы не как-нибудь впадаем в них, а совершаем их с особыенным рачением и уменьем⁹⁰⁰. А ты между тем не думаешь стыдиться последнего; а стыдишься первого, и таким образом осуждаешь Бога, Который так устроил⁹⁰¹. Ты хочешь послушать приятных звуков? Но лучше бы не слушать. Впрочем, если угодно, я уступаю тебе. Но слушай не сатанинские, а духовные звуки⁹⁰². Если ты удалишь эти беспорядки, то придет к тебе на такое брачное торжество и сам Христос⁹⁰³. Но где музыканты, там решительно нет Христа⁹⁰⁴. Музыкантов пусть не будет ни

одного⁹⁰⁵. Ведь где пьянство, где бесчинство, там непременно присутствует диавол⁹⁰⁶. Из струн та, которая жирна и неочищена, бывает не способна издавать приятные звуки»⁹⁰⁷. «Все это говорится вам не без цели», замечает Златоуст, «но для того, чтобы вы не присутствовали при свадебных увеселениях, плясках и сатанинских сборищах»⁹⁰⁸. Что само общество на все это непотребство при браках и на другие пороки смотрело вполне снисходительно, служит указанием опять таки слово Златоуста. «Апостол хочет, чтобы мы удалились от брата, бесчинно ходящего. А теперь большая часть людей считает это неважным, и все теперь слилось и пришло в расстройство: мы без разбора, как случится, вступаем в общение с прелюбодеями, с блудниками, с лихоимцами»⁹⁰⁹.

Так подробно знакомит вас святитель со всем строем нравственного быта в Константинополе. И внешнее поведение людей того времени, и внутреннее настроение их, – все перед нами, как на блюде. Мы в творениях Св. Иоанна Златоуста вращаемся как в анатомическом театре: как там служитель врачебной науки с ножом в руках исследует всю сущность организма, все части его строения до мельчайших подробностей; так нас святитель знакомит своим словом со всеми сторонами нравственной жизни, и самые грубые проявления низких пороков и страстей современного ему общества все представляет внимательному читателю его, святителя, творений. Мы шаг за шагом следуем за ним и вот сейчас нисходим, так сказать в преисподня земли, спускаясь на самую низшую ступень уничтожения достоинства личности человека, где порок уподобляет человека скотам бессмысленным, – состояние, дальше которого, по пути порока, человеку идти некуда уже.

«Целомудрие, как всегда я говорю, состоит не только в том, чтобы воздерживаться от прелюбодеяния, но и в том, чтобы воздерживаться и от прочих страстей»⁹¹⁰. Пост же состоит не только в воздержании от пищи; но и воздержание от сластолюбия есть вид поста. Это то в особенности я заповедаю: воздерживайтесь не от пищи, а от сластолюбия. Пища нам нужна, доставляющая сладость, а не сластолюбие. То полезно,

а это вредно, то приятно, а это неприятно; то естественно, а это противоестественно⁹¹¹. И во-первых, к женам обращу мое слово. Нет ничего срамнее жены сластолюбивой, нет ничего отвратительнее жены, преданной пьянству... Как неприятна жена, дышащая вином зловонным и испортившимся, отрыгающая испарения гнилого мяса, отягченная так, что не может встать, раскрасневшаяся больше надлежащего, беспрестанно зевающая и дремлющая⁹¹². Скажу теперь о мужах. Что отвратительнее пьяного? Он смешон для рабов, жалок для друзей, достоин всякого осуждения, есть более зверь, нежели человек, ибо пресыщаться свойственно тигру, льву или медведю»⁹¹³. И все эти речи, слагаясь в любвеобильной душе святителя, в конце концов вызывают обычное чувство попечения о бедной, нищей братии. «Христос истощается от голода, а ты расторгаешься от пресыщений, – сугубая неумеренность!»

Мрачен небосклон в темную осеннюю ночь, но зато каким ярком светом выделяются на нем звездочки, сияющие разными огнями! Никогда нельзя видеть такой прелести неба, как именно в самую темную безлунную ночь. Мрачен период времени в церкви Константинопольской, когда жил и действовал в этой столице мира Св. Иоанн Златоуст. Это было время, о котором можно сказать словами нашего священного поэта:

Там буря страстей
Словно море ревет;
Там злоба подчас,
Точно ветер все рвет;
Там зависти речи,
Как волны шумят,
И слезы страдальца.
Как брызги летят⁹¹⁴.

Но среди этой тьмы непроглядной, скажем опять словами святителя, как яркие светила среди глубокого мрака⁹¹⁵, сияли души добрые, святые, чистые; – благочестивые мужи и жены, верные правде и любви Христовой с такой силой, энергией и самоотверженностью проповеданные Св. архипастырем. Не велик этот сонм, но ведь не часты и звезды на небе Божием! На

высоте тверди небесной мы видим только светила больших величин, а многое множество меньших различить не можем. Так в церкви Константинопольской за время Златоуста мы видим и знаем только самых видных из бывшего тогда сонма святых. А было несомненно и кроме этих единиц, известных нам, несколько и, быть может, много, боголюбезных людей. «Такие богоугодные мужи есть и в городах», свидетельствует святитель, «хотя ты и не подозреваешь их существования»⁹¹⁶. При всей порочности нравов этого времени, мы знаем, как желание добра, расположение к истине жило в сердцах и в совестях народа к святому архиепастырю мученику. Да! Еще было и в этом обществе, погрязшем в пороках, семя святое, еще таилась искра добра. Оканчивая наше обозрение нравственного состояния Константинопольского общества за время Златоуста, мы, оставаясь верны исторической справедливости, не вправе умолчать о столь отрадных явлениях в этой среде, как святые жены – диаконисы. Мы знаем уже их имена, но картина была бы не окончена, если бы ничего более не сказали о них. – Святитель, совершая свой великий подвиг, изнемогал, как Христос в саду Гефсиманском, сознавая всю необъятность современного зла и падал под тяжестью своего креста, как Господь на пути страданий. Но как к Спасителю явился ангел, укрепляющий его, так и святой страдалец – святитель имел утешение в искреннем сознании, что среди нечестивцев, окружающих его, есть истинно благочестивые люди, которые вносили сладостное утешение в жизнь Св. архиерея, как замечает Тьерри о Св. Олимпиаде⁹¹⁷. Насколько утешительны были эти отрадные явления для Св. архиепастыря среди тернистого его пути, среди того мрака страстей людских, царивших в его пастве, уясняют нам его письма из его изгнаннической жизни... «Мы желали бы видеть и обнять твою любезную нам особу», писал Св. Иоанн к Пеанию⁹¹⁸, «усердно прошу твое благородие как уведомлять нас о своем благородстве, так и других, кто нас очень любит». «О твоей любви к нам я знал и прежде», писал святитель Пентадии, «видел ее из самых дел твоих... но теперь уверился в ней положительнее. Ты, как орел, поднялась на свойственную

тебе высоту свободы. Ты мирно плыла среди этого беснующегося моря. Надейся, что верно и скоро доплынешь и до пристани, в которой ждут тебя многочисленные венцы»⁹¹⁹.

Не стало на свете святителя Иоанна Златоустого, но доброе семя святого его слова плод принесло по роду своему – сторицю. На престол патриарха Константинопольского вошел Св. Прокл, некогда ученик и слуга Златоуста. Он свято хранит память о святом своем отце владыке Иоанне. Вот он в 437 году в тридесятую годину с кафедры церковной говорит похвальное слово досточтимому святителю – мученику. «Мы требуем, чтобы нам возвратили епископа Иоанна», восклицает народ. А этот епископ почивает уже 30 лет в далеком храме, в Команах... «Мы хотим тела нашего отца!» требует народ. Благочестивый царь без колебаний исполняет волю народа и желание патриарха. Вынута рака св. страдальца из недр земных; везет св. останки царская трирема, великолепно украшенная. Государь император, сенат, высшие власти гражданские и военные, весь город на берегу Босфора. Море покрыто судами и лодками; ночь; мерцают, горят бесчисленные факелы. Это столица востока встречает изгнанника, во гробе почивающего. Храм Св. Апостолов – усыпальница императора Аркадия и императрицы Евдоксии – переполнен православным народом. Весь освященный собор здесь в полном собрании. Вот священный гроб поставлен на камень среди обширного храма. Тихо приближается к раке царь Феодосий; снимает он с себя порфиру царскую и собственноручно смиренно и благоговейно возлагает ее на почивающего во гробе святителя Иоанна. Потом он склоняет взоры свои и, головой склоняясь к священным останкам, просит и молит святого страдальца простить отца и мать его – царя, так много виновных пред ним – святым архиепастирем. «Отец наш!» возглашает народ, как один человек; «Отец наш, возвратись на престол твой!»⁹²⁰ Священные останки Св. Святителя вознесены на кафедру архиепископов столицы. Святое тело положено покоиться среди царей, а имя священное св. церковь причислила к сонму святых. И церковь стала чтить великого страдальца, как свидетеля истины, как проповедника любви, как мученика за

правду Божию, каковым знает его и история и отмечает о нем:
«quamvis sinsanguine martyr»⁹²¹.

Часть вторая. Религиозное состояние Константинопольской церкви

Глава 1-я. Общий очерк состояния церкви

С самых первых дней святительства в Константинополе, Святой Иоанн Златоуст был утешен усердием своей паствы к посещению храма Божия и к слышанию слова проповеди. И не только простой народ, в котором всегда и везде живее чувство веры, нет! – и интеллигенция столицы, и власти, и даже царственные лица: все были одинаково горячего религиозного настроения. «Один день я беседовал с вами», говорит Св. архипастырь, «и с того дня так полюбил вас, как будто издавна и с раннего возраста я обращался с вами; так соединился с вами узами любви, как будто в течение неисчислимого времени я наслаждался вашим приятнейшим обществом. Это произошло не от того, чтобы я был склонен к дружбе и любви, но от того, что вы больше всех вожделенны и любезны. Ибо кто не удивится вашему пламенному усердию, непритворной любви, благосклонности к учителям, согласию друг с другом, которые все вместе достаточны для того, чтобы привлечь к вам и каменную душу»⁹²². Скоро Святитель опять говорил о том же расположении народа – паствы. «При каждом собрании вижу, что пажить возрастает, нивы густеют, гумно наполняется, снопы умножаются»⁹²³. В особенности на первом же году Св. архипастырь был утешен торжественным выражением религиозного чувства, проявившегося у народа, в праздник перенесения честных мощей св. мучеников в загородную церковь Св. апостола Фомы. Особенность этого праздника состояла в том, что царица Евдоксия, в полночь прибыв в великую церковь, взяла оттуда мощи мучеников и проводила их через всю площадь до Дрипии, хотя храм мучеников отстоял от города на 9 стадий⁹²⁴. Св. Златоуст яркими красками изображает в своем слове, сказанном по случаю этого торжества, умилительную и назидательную картину ревностного усердия всего народа к церкви. «Женщины», говорит Святитель, «которые обыкновенно скрываются во внутренних покоях и бывают слабее воска, оставив сокровенные жилища, не уступали в ревности крепчайшим из мужчин и прошли пешком

такое пространство пути, не только юные, но и престарелые; и ни слабость пола, ни изнеженность образа жизни, ни гордость знатности не воспрепятствовали их усердию. Также начальники, — и они, оставив колесницы, жезлоносцев и оруженосцев, смешались с простолюдинами. Но для чего говорить о женщинах или о начальниках, когда и сама царица, украшенная диадемою и облеченная в порфиру, во все продолжение пути ни мало не отставала от мощей, но, подобно рабыне, следовала за святыми останками, придерживаясь раки и лежащего на ней покрова и, отвергнув всю человеческую гордость, всенародно являлась среди такого зрелища та, которую и евнухи, живущие в царских чертогах, не все могут видеть. Сильная расположенная и пламенная любовь к мученикам заставили ее отвергнуть всю эту внешность и видимым усердием обнаружить ревность к святым мученикам⁹²⁵. Эта христолюбивая царица⁹²⁶ в таком сане украшается такою верою»⁹²⁷, продолжает проповедник и прибавляет: «много было прежде цариц, но ей одной принадлежит это преимущественное украшение. Она одна из цариц сопровождала мучеников с такой честью, с таким усердием и благоговением»⁹²⁸. На другой день торжества, в самый праздник в церкви Св. ап, Фомы, Святитель восхваляет благоговение царя к святыне мощей. «Подлинно», воскликнул Св. архипастырь, «удивительно не то, что царь прибыл, но то, что он прибыл с великим усердием, не по нужде, а по расположению»⁹²⁹. Св. Златоуст придавал весьма важное значение этой царской ревности к церкви императора и императрицы. Сравнивая царицу с Мариамной, сестрой Моисея, Святитель говорил: «та выводила один народ одноязычный, а ты множество народов разноязычных. Подлинно ты вывела к нам множество сонмов, поющих песни Давида на языке римлян, сирийцев, варваров и греков и можно было видеть, как различные сонмы имели все одну цитру Давидову»⁹³⁰. И торжественно восклицает в заключение: «за это мы не престанем ублажать тебя; о происходившем здесь услышат концы вселенной и вся земля; услышат наши потомки и потомки потомков, и никогда не будет предано забвению это событие»⁹³¹.

Для историка, исследующего вопрос о религиозном состоянии Константинопольского общества, необходимо уяснить себе, что значит все это усердие паства Константинопольской в данное время: и стремление народа в храм с самых первых явлений святительства Св. Златоуста, и это духовное торжество людей всех званий и состояний, полов и возрастов православно-христианского народа, – населения столицы с царицей во главе при деятельном сочувствии государя? Как сие понимать надлежит!

На эти вопросы, хотя не прямо, отвечает нам современный историк. Слава Св. Иоанна Златоустого, Антиохийского пресвитера – проповедника, прошла далеко за пределы Антиохийской церкви, и Константинополь знал его прежде, чем он явился здесь архиепископом этой столицы. «Был в Антиохии, что при Оронте, некто пресвiter, по имени Иоанн; сын родителей благородных, прекрасный по жизни, сильный словом и убеждением»⁹³², – говорит Созомен, начиная свой рассказ о правилах, образе жизни, обращении, мудрости и вступлении на кафедру Великого Иоанна Златоустого. «Сильною убедительностью цвело слово Иоанна; он побеждал им даже тех, которые сами, подобно ему, могли говорить и убеждать», – прибавляет летописец⁹³³. Этим то восторгал он и народ, особенно когда распространялся в обличении согрешающих, с дерзновением негодовал на оскорбителей церкви, либо на обидчика, так, как бы сам терпел обиду. И так, сделавшись знаменитым между знающими чрез свои опыты, а между незнающими чрез молву, и по всей Римской империи прославившись словами и делами, он был признан достойным епископства над Константинопольскою церковью»⁹³⁴.

Летописцы обыкновенно тогда пишут о славе лиц, отличавшихся какими-либо достоинствами слова или деятельности, когда эти лица делаются при жизни ли своей или после смерти лицами историческими, то есть, потом уже вспоминается прошная жизнь и деятельность их и изыскиваются случаи и обстоятельства, подходящие к настоящему высокому положению данного лица, так что можно думать: не достигни человек этого положения, и его достоинства и его заслуги на

низшей ступени деятельности остались бы в неизвестности. Но рассказ Созомена о Св. Иоанне Златоусте мы можем принять с полной уверенностью в его достоверности, потому что его подтверждает сам святой Златоуст, свидетельствуя о чрезвычайном расположении к нему народа Константинопольского на самых первых порах его святительства.

Желая говорить о религиозном состоянии Константинопольской церкви, мы привели это свидетельство историка в тех видах, что оно может уяснить нам истинное достоинство известных проявлений религиозного чувства у Константинопольцев. А именно. Константинопольцы весьма любили красноречие и вот они, прежде всего, сбегались в архиепископскую церковь послушать проповедь Златоуста. Сам святитель видел это и обличал, и положительно указывал, что они не молиться сходятся во множестве, а слушать его красноречие. На третьем году своего священного служения в Константинополе Св. Златоуст говорит своим слушателям об их рассеянности при богослужении, об их невнимании к чтению в храме слова Божия и уяснял им истинную цель посещения ими храма Божия. Вот это слово святителя. «Когда чтец, восстав со своего места, говорит: сия глаголет Господь, и когда диакон, стоя, побуждает всех к молчанию, тогда он это говорят не для того, чтобы оказать честь чтецу, но для того, чтобы воздать честь тому, кто через него ко всем обращает речь. Мы только служители – мы говорим не свои слова, но слова Божии. Скажи мне, если бы теперь, когда все мы собраны, вошел человек, украшенный золотым поясом и грозно и горделиво объявил, что он прислан царем земным и принес на имя всего города послание, то разве не все обратились бы тогда к нему? разве не воцарились бы здесь совершенное молчание, даже без внушения со стороны диакона? Я думаю, что так, ибо я слышал, как читаются здесь царские грамоты⁹³⁵⁹³⁶. От Бога приходит и с неба вещает пророк, и никто его не слушает! Сии послания от Бога. Будем приходить в церкви с должным почтением и будем со страхом слушать то, что говорится в них. Зачем, говоришь, прихожу я, если не слышу никого проповедующего? Это именно,

замечает святитель, погубляет и растлевает все. Какая надобность в проповеднике? Все ясно и просто, что говорится в Божественных писаниях. Но так как вы любите слушать только для своего развлечения, то и ищете этого... Святитель наглядно указывает уровень познаний в религии в большинстве своей паствы... «Но, говоришь ты, я не знаю того, что содержится в св. писании. Почему же ты не знаешь сего? Разве на еврейском или на римском, или на каком-нибудь иностранном языке они написаны? Разве не греческим языком говорится там? Не ясно, говоришь ты, что же там не ясно, скажи мне. В священном писании содержится множество историй, расскажи мне одну из них!⁹³⁷ Но ты; не расскажешь; все это только предлог и пустые слова. Это одно из оправданий нежелания внимать чтению слова Божия. А вот и другое». И оба их опровергает Св. Златоуст и тем уясняет известную и не малую силу привычки слушать не св. писание, не поучение, а просто увлечение красноречием. «Каждый день, говоришь, приходится слышать одно и тоже. Что же? – скажи мне!⁹³⁸ Оказывается и это возражение не состоятельно. «Если мы спросим: отчего вы не помните сказанного вами? Мы слышим, скажете, всего один только раз, как же возможно запомнить? Если же мы спросим, почему вы не внимаете тому, что читается в книгах писания? – вы ответите: всякий раз повторяют одно и тоже. И все это внушает вам леность, и есть одна отговорка»⁹³⁹.

Когда слушатели все внимание сосредоточивали на красноречии проповедника, естественно было встретить в церкви и другое явление, обычное аудитории народных ораторов-философов. Это – рукоплескания. Св. Златоуст многократно в своих беседах обращает внимание слушателей на неуместность в храме этого шумного проявления своего шумного восторга и одобрения проповеди слова Божия. «Как если бы какой отец своему слишком нежному и притомльному сыну давал пирожное, прохладительное и все, что только усаживает, а полезного ничего не предлагал, и потом на замечание врачей стал бы говорить в свое оправдание; «что же делать? я не могу видеть плачущего сына!» то же бывает и с нами, когда мы заботимся о красоте выражений, о составе и

благозвучии речи, чтобы доставить удовольствие, а не принести пользу; чтобы возбудить удивление, а не научить; чтобы уладить, а не умилить; чтобы получить рукоплескания и отойти с похвалами, а не исправить нравы»⁹⁴⁰.

Конечно, при таком составе служителей церкви, каковых мы изобразили по творениям Златоуста в слове: «клир», каких можно было ожидать служителей слова?! Ведь *от избытка сердца говорят уста* и только слово, от сердца исходящее у проповедника, благотворно слагается на сердце слушателя, ибо «сердце сердцу весть подаст», как говорит мудрость народная. Если же слово есть только произведение одного рассудка, холодной мысли, несогретой чувством, тогда трудно прививается к душе другого. А еще меньше имеет доступа к восприятию слушателями, когда это слово говорится в преступных целях: себя показать, порисоваться перед публикой. Тогда оно – это слово, прямо есть медь звенящая, кимвал звяцающий, и пользы от него – нуль. Напрасно думают, что простой православный народ темен в познании учения св. веры и благочестия потому, что мало проповедников, мало проповеди. Сила не в этом. И много проповедей говорится в православных храмах, и слово без плода остается. Дело в том, что нет нередко в проповедниках искреннего, сердечного желания научить паству, а только именно, чтобы красотой выражений, благозвучием речи доставить слушателям удовольствие и «отойти с похвалами»... Проповедники предлагают слушателям, как замечает Златоуст об нежном отце: «пирожное, прохладительное».

Но продолжим речь Златоуста, характеризующую его слушателей, указывающую настроение его паствы при внимании к слову проповеди. «Поверьте мне, не без причины говорю, когда слова мои сопровождаются рукоплесканиями, в то время я чувствую нечто человеческое, – почему не сказать правда? радуюсь и услаждаюсь; но когда возвращусь домой, подумаю, что рукоплескавшие не получили никакой пользы, а если чем и могли воспользоваться, то потеряли от рукоплесканий. Неоднократно я думал постановить правило, чтобы не было рукоплесканий и чтобы вы слушали в молчании и

с должным благоговением»⁹⁴¹. Есть и еще много указаний в творениях Златоуста⁹⁴².

Рядом с этой целью посещения храма Божия – послушать проповедь «любопытства ради», Св. Златоуст указывает крайне неблагоговейное поведение присутствующих в церкви во время Богослужения, – и опять таких посетителей большинство. Дает советы пастве, как достигать возможности остановить этот дурной обычай. Он говорит об этом поведении христиан не как о случайном, единичном явлении, а как о постоянной привычке богомольцев и не оставляет сомнения в существовании этого порока в религиозной жизни Константинопольцев. «Совершается молитва, сидят холодно все: и юноши, и старцы, смеясь, хохоча, разговаривая и насмехаясь друг над другом, когда стоят на коленях⁹⁴³. Останови, укори... сильнее неслушающего, пригласи диакона, пригрози, сделай свое дело»⁹⁴⁴. «Вижу», свидетельствует Святитель, как одни разговаривают стоя, а другие, более нескромные «не только, когда совершается молитва, но и когда священник благословляет»⁹⁴⁵. Вам, которые здравы, отныне заповедаю, что на вас будет суд и осуждение, если кто, увидев бесчинствующего или разговаривающего, особенно в такое время, не остановит его и не исправит. Это лучше молитвы»⁹⁴⁶.

Но несомненно, что в церкви Константинопольской среди плевелов была и пшеница. Торжество перенесения мощей мучеников в загородный храм Св. ап. Фомы не даст возможности заподозрить искренность религиозного чувства в царице и в народе. Если это обстоятельство исключительное в своем роде, как единичный случай проявления высшей степени народной религиозности, то хорошо и это. И это особенно свидетельствует, что все-таки в народе и царской семье была искра Божия. Искренность похвалы царице и народу за усердие их к святыне мощей говорит в свою очередь об искренности народного религиозного чувства. Оно временно и так скоропреходяще? Так уже таково в существе своем это религиозное чувство: религиозный энтузиазм проявляется сильно, но кратковременно; потом слабеет и исчезает, оставляя в душе лишь след своего бытия. Внешний вид высокой степени

религиозного чувства может быть продолжителен; но сила его, сущность его – всегда момент. Но этот момент производит известное настроение в душе и, во всяком случае, свидетельствует о существовании в отдельном ли человеке, или в обществе религиозного чувства. Св. Иоанн Златоуст обличает свою паству в холодности исполнения религиозных обязанностей; они слушают поучение из любопытства, они разговаривают в храме за Богослужением; но он же хвалит народ за усердие их к храму; за благоговение в молитве; за всенощные бдения, когда люди все забывают: и сон, и нужды, и немощи, – и неудержимо стремятся в св. храмы. Мы указывали на это обстоятельство, излагая историю существования Константинопольской церкви до появления Св. Иоанна Златоуста на Константинопольской кафедре. Конечно, без причины ничего не бывает. И это желание слышать в храме не поучение для назидания в области веры и благочестия, а только речи, тешащие слух и эта рассеянность предстоящих в церкви – все это имеет свои причины. Возьмем проповедь служителя церкви. Когда человек одно говорит, а другое делает; учит благочестию, а делает нечестие, – кто будет слушать его с искренним желанием научиться от такового вере и добродетели? «*Очи ушес вернейши*», пример сильнее действует, и слово бесплодно и кроме того эта проповедь обыкновенно бывает слово из слов. Что могли сказать в поучение своим пасомым Константинопольские священники при известном уже нам нравственном их состоянии? Ведь их жизнь так хорошо была известна их пастве. Если святитель Иоанн Златоуст решился обличить их с церковной кафедры, то потому уже, что зло, – если не вполне безнравственное, то во всяком случае соблазнительное поведение священнослужителей Константинополя, – было слишком явно, чтобы молчать о нем Св. архипастырю. Мы говорим здесь о сожительстве клириков с девственницами. Великая труба истины, Василий Великий, пославший послание к некоему пресвитеру Григорию, сожительствовавшему с девственницей, замечает: «я не полагаю, чтобы семидесятилетний жил с женою страстным образом и не так, как бы за случившееся беззаконное дело,

определил я то, что я определял; но потому, что научился от апостола *не полагати претыкания брату или соблазна* (Рим. 14:13). Знаем же», продолжает Св. Василий, «яко некоторых действия чистые для других бывают поводом ко греху. Сего ради мы повелели тебе отлучитися от оные жены. Доколе же сие творишь, тысячи оправданий не принесут тебе ни единые пользы; но умрешь запрещенным в священнослужении... Аще же, не исправив себе, дерзнешь коснуться священнодействия, то будешь анафема пред всем народом и приемлющие тебя будут отлучены от всея церкви»⁹⁴⁷ – Св. Иоанн Златоуст более мягко относится к согрешающим, он пользуется указанием закона о двукратном напоминании грешнику об исправлении прежде наказания. Быть может, в Кесарийской епархии подобное сожительство было редкостью, и Св. Василий пишет послание к одному лицу. А если Св. Златоуст с церковной кафедры публично обличает этот порок в клире, – ясно, что грех был общим в духовенстве и если не все были повинны в сожительстве, то весьма многие. Как же могли эти люди, недостойные служители церкви, выйти со словом поучения к народу? Нет! На их устах, несомненно, лежала печать молчания! Они рта не смели раскрыть. А народ жаждал слова. И вот явился Златоуст в церкви, со своей красноречивой проповедью; все бросились в его церковь слушать великого проповедника. Но эти слушатели привыкли слушать не слово назидания, а лишь красивые речи ораторов; с тем же взглядом они пришли и в храм и те же обычаи принесли сюда – крики одобрения, рукоплескания.

Мы позволяем себе думать, что Константинопольские христиане сбегались слушать Златоуста не просто как оратора, а именно, как учителя веры и наставника благочестия. И Святитель лишь желал возвысить в их душах, очистить их святое желание от ненужной примеси. Рукоплескания – обычай театральный. Конечно, в семье не без урода; могли быть во множестве и охотники послушать только красноречие, если уж были насмешники, которых знал Златоуст. Созомен замечает о Златоусте: «весьма многих, слушавших его в церкви, Иоанн привлек к добродетели и в отношении к предметам

Божественным сделал их своими единомышленниками»⁹⁴⁸. При этом историк указывает и причину этого влияния. «Ибо» говорит, «проводя жизнь свято, он своей добродетелью доблестно возбуждал в слушателях соревнование и увлекал их к своему образу жизни не искусством каким-нибудь или силой слова, а тем, что проповедовал истину и искренно изъяснял священные книги. Если слово украшается делами», рассуждает Созомен, «то естественно является достойным веры; а без них оно говорящего обличает во лжи; сколько бы он ни старался учить, делает его обвинителем от собственных слов». Но Святитель всей душой стремится поддержать на подобающей высоте Константинопольское священство, чтобы поддержать в православном народе хоть сколько-нибудь благоговение к службе Божией и в сердца самих священников вселить сознание святыни их долга по слову Христа: *льна курящагося не угасить и трости надломленной не сокрушить* (Мф. 12:20).

Мы сейчас приведем несколько собственных слов Златоуста из одной его беседы на 1-е послание к Фессалоникийцам. Но прежде одно замечание об обстоятельствах, вызвавших это слово.

Несомненно, Константинопольское общество не высоко ценило свой клир; подвергало насмешкам и совершенно далеко было от малейшей доли уважения. И причиною этого, как очевидно, было, между прочим, в ряду других недостатков этого сословия и сожительство клириков с девственницами. «Священник предстательствует за тебя пред Богом, и ужели ты не будешь чувствовать к нему признательности», говорит Святитель. «Но как он предстательствует, говоришь? Так, что он молится за тебя, подает тебе духовный дар, сообщаемый чрез крещение; надзирает за тобой, поучает, вразумляет тебя, в полночь, если позовешь, идет. Он ничего за это не получает, разве только то, что подвергается твоему злословию и должен сносить твои укоризны. Какая ему была нужда в тебе? Добро он сделал для тебя иди зло? Ты имеешь жену, наслаждаешься удовольствиями, – (не намек ли это на укоризны известного характера?), занят житейскими выгодами, а священник на то только посвятил себя; для него нет другого занятия в жизни

(речь относительно выгод, каковы: торговля, адвокатура и т. п.), кроме служения церкви. *Имейте их*, – продолжает апостол, – *но преизаха в любви за дело их. Мирствуите с ними*. Видишь ли, прибавляет Святитель, «как хорошо он знал встречающиеся в жизни огорчения⁹⁴⁹. Кто любит Христа, тот будет любить и священника, каков он ни был (замечательное выражение!), потому что чрез него сподобился страшных тайн. Священник отверз тебе небо и ты его не любишь⁹⁵⁰ и не обнимаешь!» В другой своей беседе Св. Иоанн выражает скорбь свою о таком отношении пасомых к своим пастырям и показывает безуспешность своих внушений. «Не столько жена плачет о своем муже или мать о сыне, сколько я о всех вас вообще», говорит Святитель в беседе XXIII на послание к Евреям. «Я не вижу никакого успеха, все обращается в клевету и осуждение. Никто не старается угодить Богу, а только злословит то того, то другого и говорит: такой то недостоин быть в клире, такой то живет нечестиво. Тогда как нам следовало бы оплакивать собственные пороки, мы осуждаем других, между тем как не должны делать этого и в том случае, если бы мы были чисты от грехов»⁹⁵¹.

Такие отношения между паствой и пастырями были причиной и холодности христиан к исполнению христианских обязанностей с одной стороны, и низкого уровня религиозного состояния вообще. Мы представим немногие черты того и другого явления в жизни. «Христос есть наш первосвященник, принесший жертву, очищающую вас, ее приносим и мы теперь, тогда принесенную, но никогда не оскудевающую. Так как я упомянул об этой жертве, то хочу сказать вам, посвященным в тайны, не многое, – не многое по объему, но заключающее в себе великую силу и пользу. Что же такое? Многие причащаются этой жертвы однажды во весь год, другие дважды, а иные несколько раз. Слова ваши относятся ко всем не только присутствующим здесь, но и к находящимся в пустыне; они причащаются однажды в год, а иногда и через два года. Что же – кого нам одобрить? Тех ли, которые причащаются однажды; или тех, которые часто; или тех, – которые редко? Ни тех, ни других, ни третьих; но причащающихся с чистою совестью, с

чистым сердцем, с безукоризненной жизнью. Такие пусть всегда приступают, а не такие никогда. Скажи мне, увещеваю тебя: приступая к причащению через год, неужели ты думаешь, что сорока дней тебе достаточно для очищения твоих грехов за все это время? А потом по прошествии недели опять предаешься прежнему... Сорок дней ты употребляешь на восстановление здоровья души, – а быть может и не сорок, – и думаешь умилостивить Бога?! Ты шутишь, человек! Говорю это не с тем, чтобы запретить вам приступать однажды в год; но более желая, чтобы вы непрестанно приступали к святым тайнам»⁹⁵².

Было другое уклонение от исполнения христианского долга, не менее важное для спасения души. Многие в Константинополе, исповедуя святую христианскую веру, по разным причинам медлили принимать таинство крещения; иные отлагали его намеренно до самой кончины и всю жизнь оставались в числе оглашенных. В первой беседе Святителя на книгу Деяний Апостольских мы видим указание на это уклонение и советы Св. архипастыря, убеждающие пасомых его исправить этот недостаток в их религиозной жизни. В этой беседе мы знакомимся и с теми препятствиями, какие поставляли себе медлившие принимать крещение. Приведем слова Св. Златоуста в некоторой целостности, объединяя главную мысль поучения. – «Заметь», говорит проповедник, имел ли кто тяжкие грехи, совершил ли, например, убийство ли, прелюбодеяние, или сделал что-нибудь другое, еще тягчайшее, – все это отпускается через купель крещения. Но если кто опять впал в прелюбодеяние и совершил убийство, то хотя прежнее прелюбодеяние разрешено, и то убийство отпущено, и уже не вспоминается, тем не менее за эти грехи, содеянные после крещения, мы подвергаемся такому же наказанию, как бы и прежние были вспомянуты и даже гораздо большему. – Ибо это уже не просто грех, но грех двойной и тройной. Может быть, я многих отвлек теперь от принятия крещения? оговаривается проповедник, – «но я сказал это не с тою целью, но для того, чтобы принявшие крещение пребывали в целомудрии и воздержании. Но я боюсь, скажет кто-нибудь. Если бы ты боялся, то принял бы и стал хранить. Но по тому то самому,

скажешь, я а не принимаю, что боюсь не сохранить? А так, без крещения, отойти боишься? Бог, скажешь, человеколюбив! Потому то и прими крещение, что он человеколюбив и помогает нам. Прекрасны и вожделенны таинства», продолжает святитель, «но пусть никто не принимает крещения, когда уже разлучается с душою. Тогда время не таинств, но завещания. Скажи мне: если никто не решится написать завещание, находясь в таком состоянии, – а если и напишет, то даст возможность впоследствии опровергнуть его, – почему и начинают завещания вот этими словами: «я при жизни, находясь в полном и здравом разуме, делаю распоряжение о своем имуществе», – то как возможно тому, кто потерял сознание, быть правильно посвященным в таинства».

Из слов Св. Златоуста видно, что одни отлагали крещение на неопределенное время, другие приурочивали принятие таинства к одному известному времени, а третыи отлагали именно до самой кончины жизни. «Ты ожидаешь времени четырехдесятницы», говорит святитель; «для чего? разве это время имеет что-нибудь особенное? Апостолы не в пасху удостоились благодати, но в другое время; также не пасхальное было время, когда крестились три тысячи и пять тысяч, равно как Корнилий евнух и многие другие. И так, не будем выжидать времени, чтобы чрез медленность и отлагательство не лишиться таких благ и не отойти без них. Как, думаете вы, я скорблю, когда слышу, что кто-нибудь отошел отсюда, не быв посвящен в таинства? Как опять я сокрушаюсь, когда вижу других, дошедших до последнего издохания, но и тем не вразумляющихся! По сему то и происходит многое, недостойное этого дара. Следовало бы веселиться, ликовать, радоваться и украшаться венками, когда кто-нибудь посвящается в таинства. Как же происходит противное? Жена стоит в слезах, когда бы следовало радоваться; дети рыдают, когда бы нужно было веселиться; сам больной лежит мрачен, в страхе я смущении, когда бы должно было торжествовать. Он весь в печали от мысли о сиротстве детей, о вдовстве жены и запустении дома. Так ли, скажи мне, приступают к таинствам? Так ли приобщаются священной трапезы? Можно ли это снести? Если

царь пошлет указ об освобождении узников из темницы, – бывает веселье и радость. А когда Бог посыпает с небес Духа Святого и прощает не денежные недоимки, но все вообще грехи, – вы все плачете и сокрушаитесь! Что за несообразность? Не говорю еще о том, что и на мертвых была изливаема вода и на землю была повергаема святыня; но не мы в этом виноваты, а люди безрассудные. Посему умоляю вас: оставим все, обратимся к самим себе и со всею ревностью приступим ко крещению»⁹⁵³.

Глава II-я. Противорелигиозные обычаи

Удивительно ли, если и среди Константинопольских христиан, при столь слабом влиянии церковного клира на паству и прямо враждебных отношениях, если и здесь находили полную возможность оставаться различные суеверные обычаи, остаток язычества? До 500 храмов, как мы уже указали, имел Константинополь; вероятно, не менее и священников; и здесь, где жил патриарх столицы царства, куда съезжались архиереи патриархата, где были соборы и даже собор вселенский, – здесь гнездились гадатели, ворожеи; здесь царили в жизни народной среди христиан приметы, сказки и бабы басни, которыми обставлялась также, как и в Антиохии, вся жизнь человека от рождения до гроба. Святитель и здесь вооружался и крепко ратовал против этих суеверных привычек и его беседы по этому случаю представляют для нас исторический документ, которым мы, хотя очень кратко, и воспользуемся.

«Вор лишил тебя денег, но для чего ты сам себя лишаешь спасения?» говорит Златоуст... «Он лишил тебя внешних благ, которые впоследствии и против твоей воли оставили бы тебя, а ты отнимаешь у себя вечное богатство. Опечалил ли тебя диавол, отнявши деньги? Опечаль и ты его, воздав благодарение Богу и не дай ему порадоваться. Если ты ходил в гадателям, то возвеселил его; если благодарил Бога, то нанес ему смертельный удар. И смотри, что происходит: не смотря на то, что ты сходишь к гадателям, ты не найдешь денег, ибо не их дело знать, где твои деньги, а если бы случайно и сказали, где, то ты и свою душу погубишь и подвергнешься осмеянию своих собратий⁹⁵⁴. Но не удивляйся, если бы и сказали тебе, где твои деньги. Демон бестелесен; он всюду обходит, сам он вооружает грабителей, ибо такие дела происходят не без демона. Следовательно, если он вооружает их, то знает, где полагают деньги: ему нельзя не знать своих слуг⁹⁵⁵. Но, конечно, подобное обстоятельство случайность, которой многие могут избежать и, следовательно, могут быть свободны и от этого греха. Но вот суеверные обычаи, которых трудно было избежать

кому-либо, ибо они совершались помимо воли того, над кем они совершались.

«Не может быть, чтобы человек, благодарящий в несчастии, страдал», говорит Святитель. «Если, напр., болит дитя, а мать благодарит Бога, она сделалась дщерью Авраама... Заболело другое дитя, она не сделала волшебных повязок, и это признано ее мученичеством, потому что мыслью – она принесла сына в жертву. Ибо что за дело до того, что эти повязки не приносят никакой пользы, что это дело обмана и насмешки. Есть и такие, которые верят, что они полезны. Но она лучше согласилась видеть свое дитя мертвым, чем предаться идолослужению. И так эта мать есть мученица, с собою ли она, с дитятею ли так поступила; с мужем или с кем бы то ни было из наиболее любимых; так другая есть идоложительница, потому что она очевидно и жертву принесла бы идолам, если бы только могла принести, а лучше сказать, она сделала уже то, что составляет жертву. Ибо эти повязки, сколько бы не мудрствовали употребляющие их, утверждая, что мы призываем Бога, больше ничего не делаем и тому подобное, что старуха христианка и верная, – все же в этом идолослужение. Ты верная? перекрестись, скажи: вот единственное мое оружие, вот мое лекарство, другого не знаю»⁹⁵⁶. «Если слово: во имя Отца и Сына и Св. Духа – ты произнес с верою, то ты все совершил»⁹⁵⁷. Другие еще вешают на шею названия рек и множество подобного позволяют себе. Вот я объявляю и предупреждаю всех вас: не буду более щадить, если о комнибудь узнаю, что он делал повязку или заклинание или другое что, относящееся к этому искусству... Здесь, говоришь, нет идолослужения, а просто заклинание. Это сатанинская мысль; это дьявольская хитрость – скрывать заблуждение и в мед подавать яд. Когда дьявол увидел, что тем способом не уверил (идолослужением), пошел этим путем: повязками и бабьими баснями. И вот крест пренебрегают, суеверные надписи предпочитают ему, Христа изгоняют и вводят пьяную сумасбродную старуху. Таинство наше попрано, а дьявольское заблуждение торжествует. А что о других смешных суевериях, о золе, саже, соли... И опять – эта старуха тут. Подлинно смех и

стыд: от глазу, говорит, погибло дитя... Доколе же будут продолжаться эти сатанинские дела?»⁹⁵⁸ Умоляю вас, отнимая детей от матерней груди, не будем научать их басням старух», говорил Святитель в другой раз, предостерегая паству от праздных разговоров⁹⁵⁹.

Если и этот суеверный обычай мог касаться некоторых, хотя и не очень многих, то был в христианском обществе Константинопольской церкви другой обычай, противный учению слова Божия – заповеди Господней: это клятва, – но опять в смысле только «божбы» преимущественно, как это видим из слов Святителя. По крайней мере он восстает именно против этой привычки Константинопольцев и ни одним словом не дает повода думать, что он говорит о клятве церковной – присяге, о, которой он частью говорил, как об обычной в церкви Антиохийской за время своего пресвитерства там. «Положим себе ежедневные законы... отсечем от уст своих частую клятву, обуздаем язык; пусть никто не клянется Богом. Прошу и умоляю, приложим к этому старание. Мы положили себе закон не клясться; в течение трех или даже четырех дней мы исполняли его, но потом встретилась какая-либо нужда и мы расточили всю собранную прибыль. Посему громким и ясным голосом объявию всем и настоятельно требую, чтобы те, которые виновны в этом преступлении и произносят слова, происходящие от неприязни (Мф. 5.37), а это и есть клятва, – не переступали за порог церковный. Но настоящий месяц пусть будет назначен вам для исправления. Если кто не захочет исполнять этого приказания, то я настоящим словом, как бы некоторою трубою, запрещаю такому человеку переступать за порог церковный, хотя бы то был начальник, хотя бы сам носящий диадему... Пусть никто не считает это шуткой, но послушайтесь меня»⁹⁶⁰.

Святитель многократным обличением обычая клятвы ясно дает понять, что это был обычай всеобщий и привычка, въевшаяся в плоть и кровь, которую можно было оставить только после усиленной борьбы. Проповедник указывает и условия, которыми эта привычка держалась и те приемы, которыми он располагал истребить эту привычку. «Не говори

мне», продолжает Златоуст, «меня заставляет клясться необходимость, потому что мне не верят. Оставь пока клятвы, произносимые по привычке⁹⁶¹, то есть бесцельно, произнося более клятв, чем слов», как заметил Св. Иоанн в одной из своих Антиохийских бесед. Рассуждая о каком-нибудь добродетельном человеке, мы говорим: умой уста твои и тогда вспоминай о нем; а между тем имя досточтимое, которое выше всякого имени, имя чудное по всей земли, от которого трепещут демоны, мы всюду произносим безрассудно! О, привычка! от нее то произошло то, что это имя пренебрегается. Удалим от души эту болезнь! Прежде всего будем гнать ее с рынка, из лавок и из всех других торговых заведений. Нам будет от этого больше прибыли. Не думайте, что от нарушения Божественных законов житейские дела идут лучше. Но мне, скажешь, не верят... Действительно, мне случалось слышать от некоторых и это: если я не произнесу тысячу клятв, мне не верят. – Ты сам причиной этому, потому что легкомысленно клянешься. А если бы этого не было и если бы всем было известно, что ты не клянешься; то поверь словам моим, ты сделал бы только знак и тебе поверили бы больше, чем тем, которые дают тысячи клятв⁹⁶². Но сильна, скажешь, привычка и тебе трудно оставить ее... Если так велика сила привычки, то перемени ее на другую. Да как, скажешь, это возможно? Я часто уже говорил об этом и теперь скажу: пусть многие следят за вашими словами, пусть исследуют и исправляют их»⁹⁶³.

Святитель внимательно следил за исполнением своих внушений и говорил своей пастве: «исполняйте и твердо храните закон о клятве: сохранивший пусть выставляет на вид не сохранившего, пусть увещевает и сильно обличает его. Срок месячный близок; я исследую дело и уличенного отлучу и не допущу в церковь. Восчувствуйте важность этой добродетели (не клясться). Если так будет», заключает Святитель одну из обоих бесед о клятве, то не вы только, предстоящие здесь, получите пользу, но и все, живущие во вселенной; и не они только, но и те, которые будут жить после нас»⁹⁶⁴.

Св. Златоуст указывает в своих беседах и еще один обычай, не согласный с законом любви Христовой. И так как

этот обычай касается также употребления имени Божия всуе, без должного уважения, то и о нем мы скажем здесь словами самого Святителя, – это *обычай «заклятия»*, это порок невнимания к заклинанию именем Божиим.

Говоря о словах ап. Павла: *«заклинаю вы Господом прочести послание сие пред всею святою братиею»* (1 посл. к Фесс. V.27), Златоуст замечает: «не просто повелевает он, но с заклинанием» и продолжает: «а ныне и это напрасно. Случается часто, что наказываемый раз, заклиная и Богом и Христом Его, говорит: дай Бог тебе умереть христианином, – и никто не слушает, никто не обращает на это внимания. Если же будет заклинать наказывающего собственным его сыном, то всякий тотчас, хотя против воли, хотя со скрежетом зубов уменьшает однако ярость свою»⁹⁶⁵. Потом Святитель подробно рассказывает, как одной женщине, свято исполнившей просьбу заклятием одной несчастной рабы, сам Христос явился в отверстых небесах. Заклятие было такого рода, свидетельствует Святитель: «не презри прошения моего, чтобы Христос не презрел тебя в день судный» и прибавляет: «я рассказал об этом для того, чтобы мы не пренебрегали заклятий, особенно, когда кто-либо умоляет вас о делах добрых, о милостыне, о человеколюбии. Но вот сидят нищие, лишенные ног и смотрят, как ты проходишь их мимо. Так как они не в состоянии идти за тобою, то надеются удержать тебя страхом заклятия, как бы некоторого рода удочкой и, простирая к тебе руки, заклинают подать один или два овала; а ты, не смотря на то, что тебя заклинают твоим Господом, проходишь мимо. Когда тебя заклинают твоими очами, именем отсутствующего друга, именами сына или дочери, ты тотчас уступаешь их просьбе; твое сердце приходит в сильное движение, согревается; а когда заклинают тебя твоим Господом, ты проходишь мимо. Я знал многих женщин, которые, услышавши имя Христа, проходили мимо; но когда подходящие к ним хвалили их красоту, они смягчались, таяли от удовольствия и простирали руку. Таким образом они сами заставляли несчастных нищих решаться на это достойное смеха дело. Ибо так как они, употребляя сильные и скорбно возбуждающие выражения, не трогали их души; то

должны были прибегнуть к такому средству, через которое могли доставить им особенное удовольствие. Таким образом великое наше нечестие принудило убогого и томимого голодом говорить, когда он просит милостыни, похвальные речи нашей красоте»⁹⁶⁶.

Каким образом увенчались труды проповедника, мы не знаем. Но судя по тому, что только в первых беседах на книгу Деяний Апостольских говорятся поучения против божбы и нигде более не повторяются, можно думать, что овцы послушались гласа своего пастыря.

**

Представляя множество извлечений из творений святителя, – и кабинетных, каковы, так называемые, «монашеские» произведения; и проповедничества церковного, – давно, с первых глав нашего исследования, мы задались намерением уяснить устройство храма, современного Златоусту. И вот когда почти уже оканчиваем «историю церквей», где проповедовал Вселенский учитель, мы исполняем наш долг, находя небезынтересным для восстановления картины состояния религиозно-нравственной жизни Церквей, особенно Константинопольской, ознакомление с указанным предметом.

По характеру сведений начнем наше исследование несколько издалека.

Царствование Константина Великого представляет блестящую эпоху в истории мест богослужебных собраний христиан.

Константин и Лициний, после победы над Максентием, обнародовали эдикт, которым предоставлялась христианам полная свобода в отправлении богослужения. Вместе с тем этим эдиктом восстанавливались их права на владение теми богослужебными местами, которые были отняты у них язычниками, и объявлялось христианам неограниченное право строить новые церкви.

Радость христиан по поводу этих событий описывает Евсевий в следующих словах: «Неизреченною радостью исполнились мы, возлагавшие надежду на Христа Бога. И то была у всех какая-то божественная радость, когда увидели, что

места, незадолго перед тем опустошенные нечестием тиранов, как бы после продолжительной и смертоносной язвы снова оживают; что храмы, начиная с основания до высоты недосягаемой, опять воздвигаются и получают гораздо лучший вид, нежели прежде разрушенные». Когда же Константин после победы над Лицинием сделался единодержавным и объявил себя сторонником христианства, то сам принял на себя заботы о построении новых христианских церквей и не щадил для этого денег. Биограф его Евсевий с особенною любовью описывает это расположение императора и его матери Елены к храмам. Он сообщает, что Константин не только восстанавливал на свои средства церковные здания, разрушенные язычниками, но и строил новые.

Так построено было Константином и его матерью Еленой множество церквей в Иерусалиме, Вифлееме, Никомидии, Антиохии, Мамбре, Гелиополисе и Византии. С особенною подробностью описывает Евсевий построенные Константином церковь Воскресения и церковь Св. Апостолов, где, по приказанию царя, поставлена была и его гробница. И после Константина храмы Божии с каждым годом распространялись более и более по всему лицу земли. Даже тяготение богоотступника – императора Юлиана к язычеству и иудейству не принесло ожидаемого ущерба ни христианству, ни храмостроительству, хотя об отношении ближайших преемников Юлиана – Иовиниана и Валентиниана к вопросу о построении храмов ничего неизвестно. Когда же умер Валентиниан (375 г.), для христианских храмов настала неблагоприятная пора. Это было время переселения народов, когда естественно забота о капитальных постройках отходила на задний план. Император Феодосий (379–395 гг.) лишь на короткое время воскресил славу древнего римского государства. Если доселе по временам язычество еще возвышало свой голос, напр. в лице Перокла, Ливания, Симмаха и других, – то в царствование Феодосия христианство настолько успело уже подавить его разлагающуюся силу, что Феодосий младший в 420 году мог сказать: «теперь нет более язычества». В 380 и 392 году он, под страхом наказания, запретил всякое идолослужение, запер

языческие храмы, отнял у язычества всякие привилегии и превратил языческий храм в Илиополе в христианскую церковь. Примеру его последовали Аркадий и Гонорий.

Все эти краткие сведения мы заимствовали из «Церковно-Археологического исследования» Е. В. Покровского о «происхождении древне-христианской базилики» (С.П.Б. 1880 г), в тех целях, чтобы уяснить устройство храма, современного Златоусту, дававшее возможность и известной постановке совершения церковного богослужения и обусловливавшее внешний характер церковного проповедничества. Для знакомства с архитектурою этого века особенное значение имеет переписка двух современников Павлина Ноланского и Сюльпиция Севера, в которой заключаются богатые указания, подтверждающие не только факт существования храмов, но и подробности их внешнего и внутреннего украшения.

Христианские храмы с IV-го века представляют значительное разнообразие; но если не предавать важного значения деталям, то все это разнообразие архитектурных форм можно свести к двум главным группам: базиличной и центричной, из коих первая – древнейшая, а вторая была формою новою в то время. В общих типических чертах первая, древнейшая, базиличная форма осталась неизменною и после Константина Великого, хотя, в силу общего закона постепенного осложнения простейшей формы, который царит во всей истории христианского искусства, подробности христианской базилики должны были потерпеть некоторые изменения, вызванные, с одной стороны, требованиями постепенно развивающейся техники и вкуса; с другой – осложнением христианского богослужения и нуждою приспособления храма к нуждам практическим. И как в истории цивилизации вообще те или другие радикальные перемены подготавливаются иногда целым рядом событий и перемен, так и в истории архитектуры: купольная Византийская форма, достигшая своего апогея в эпоху Юстиниана, образовалась под влиянием построек времен Константина Великого. Греческий гений на месте сгоревшей Софии, где священнодействовал и поучал Златоуст, создал чудную Софию в Константинополе, которая доселе составляет

предмет всеобщего удивления. Но это уже новый стиль эпохи Юстиниана.

Эта дивная старица, – Цареградская София, – любезна православно-русскому сердцу, и не только как чудо храмовой архитектуры, но и как памятник былого величия и славы и святыни греческой церкви, матери родительницы церкви русской.

Но нас занимает иной вопрос: в каком храме, какого устройства, какого расположения молился, священодействовал и поучал наш Вселенский святитель и учитель Иоанн Златоустый, наш необыкновенный историк? Наши взоры обращаются к эпохе церковной архитектуры его – Златоустого – времени, к «Святой Софии» – базилике.

Базиликами в древнем – языческом Риме назывались общественные здания, предназначенные для суда и торговли, а в христианском периоде – церкви, или устраиваемые в языческих базиликах, или устраиваемые по их образцу. Базилики, как здания, где происходили открытые совещания и мировые суды, имели и высокопоставленные и богатые граждане античного мира. Последние стали первыми храмами для христиан.

Базилика Помпеи, сохранившаяся, хотя в нижних своих частях, до настоящего времени, знакомит нас с устройством этого вида зданий, позволявшим и скоро и просто приспосабливать их к совершению христианского богослужения и проповеди слова Божия.

Помпейская базилика представляет продолговатое здание, длина которого почти в три раза превосходит его ширину. Внутри здания два ряда колонн разделяют здание на три отделения, в длину его. На одной из узких сторон были расположены входы в базилику, а на противоположной расположена эстрада.

Римские базилики: Юлиева, основанная лет за 50-т до Р. Х. и обновленная в 377-м по Р. Х., – сохранился рисунок ее, и Ульпиеva, сооруженная в 111–114 годах по Р. Х., – остатки ее видны на форуме Траяна до настоящего времени, – указывают «что средний неф – отделение, – подымался настолько высоко,

что окна его были над кровлей двухэтажных боковых нефов и что на эстраду вели несколько ступеней.

В языческих базиликах, когда они делались достоянием христиан, возвышение эстрады служило местом для олтаря; а нефы – для народа, с удобствами для разделения молящихся по полам. В больших базиликах, где боковые нефы были в два этажа, верхние галереи были местом молитвы и слушания чтения слова Божия и проповеди пастырей церкви – для женщин, почему и назывались гиниконитами.

Возвышение алтаря отделялось от средней части здания преградою, зародыш коей доселе можно видеть в подземных церквях катакомб Прискиллы и Акиллы в Риме: свободно стоящие здесь у алтаря колонки не могли иметь другого назначения, как служить опорою для этой преграды,

В алтаре находился один престол, который или стоял среди алтаря, или при абсидной стене. Можно думать, что в малых базиликах, где совершали богослужение только священники, престол устраивался при стене⁹⁶⁷, а в больших базиликах, – архиерейских, – среди алтаря. Ибо в храмах катакомб всегда при стене, в абсиде, устраивался епископская кафедра – а по абсидным стенам седалища для священников. Кафедра служила для епископа и местом проповеди – поучения народу⁹⁶⁸.

Близ алтарной преграды находились амвоны для чтения Свящ. Писания и произнесения поучений пресвитерами. Амвоны имели ступени. Чтецы, на обязанности которых лежало чтение книг ветхозаветных, деяний и посланий апостольских, читали на низшей ступени; диаконы читали евангелие, стоя на высшей ступени.

Форма древних амвонов была довольно разнообразна, но, по большей части, она в общем сходна с формою наших аналогиев. Таковы мраморные амвоны с ступеньками в церкви Св. Климента в Риме. В некоторых базиликах – храмах алтарное возвышение простипалось до средины среднего нефа – корабля и обведено было также решеткой; в таком случае и амвон становился среди храма⁹⁶⁹. Творения Св. Иоанна Златоуста и свидетельства историков о его служебной

деятельности указывают на современное ему устройство христианского храма. Из этих указаний мы видим, что местами богослужебных собраний христиан, или, что тоже, церквами в первые времена были: во-1-х, помещения в частных домах – триклинии и икосы, отличавшиеся поместительностью и другими удобствами, необходимыми для многолюдных богослужебных собраний христиан; во-2-х, базилики, находившиеся в домах богатых членов христианской общины. «Тогда», говорит Св. Златоуст, «дома были церквами, а теперь церковь стала домом»⁹⁷⁰. Домовая церковь Константина Великого, по свидетельству Евсевия⁹⁷¹, устроена была в базилищном помещении.

Алтарная преграда нужна была для того, чтобы народ не мог приближаться к алтарю. Народ не допускался сюда, во-1-х, во избежание нарушения порядка богослужения; во-2-х, и преимущественно в видах особенного уважения древних христиан к святыне алтаря⁹⁷².

«Никто из мирян, – говорится в определениях Трульского собора, – не имеет права вступать за решетку алтаря, кроме одного императора, когда он приносит дары Богу»⁹⁷³. Даже во время причащения позволялось верующим подходить лишь к решетке, но не к престолу. И только в исключительных случаях, когда, напр., алтарь мог доставить спасение жизни, светские лица допускались сюда. Св. Златоуст в своем слове о значении «собора или церквей», «молитвы церкви», «рукоположения» и «совершения страшных тайн», когда священник молится за народ, а народ молится за священника, указывает, что «недостойных участвовать в святой трапезе», можно усматривать – священнослужителей, – «изгоняем из священной ограды» алтаря.

Считаем своим долгом воспользоваться указаниями из творений Св. Златоуста об устройстве современного ему храма лишь настолько, насколько это признаем необходимым для уяснения деталей в характере священнодействия Святителя в молитве и служении слову проповеди.

Упоминая о соборном значении молитвы даже при совершении хиротонии, Святитель свидетельствует, что

«готовящийся рукополагать других испрашивает при сем молитв собора, – и он подаст свой голос и возглашает известное освященным», и прибавляет: «в молитвах много содействует народ и молитвы благодарения также суть общия. Ибо не один священник приносит благодарение, но и весь народ. Ибо получив сперва ответ от народа», – на преподание «благодати Господа нашего Иисуса Христа, и любы Бога и Отца и причастия, Святого Духа», и потом согласие, что «достойно и праведно» совершааемое, начинает священник благодарение. «И что удивительного», восклицает Святитель, «если вместе с священником взвывает и народ, когда он возносит оные священные песни совокупно с самими херувимами и горними силами?!⁹⁷⁴ Само собой понятно, что подобное общение в молитве и тайнодействии во всей широте возможно при таком устройстве алтаря, когда одна балюстра – деревянная, каменная или металлическая решетка, отделяла священника от народа, а не каменное средостение с плотными и крепко закрытыми дверями в массивном, иногда деревянном, иногда каменном иконостасе.

Весьма интересно уяснить и место кафедры, как амвона для проповеди Святителя Иоанна Златоуста и ее устройство.

Местом произнесения поучений для епископа могла служить при древнем устройстве алтаря архиерейская кафедра, находящаяся в алтаре – горнее место, значительно возвышавшееся над святою трапезою; но оно, помещаясь в отдаленной от народа абсиде, не могло представлять тех удобств для проповеди, как амвон по сю сторону алтарной преграды, особенно если алтарное возвышение значительно простипалось внутрь храма.

Где проповедовал Златоуст в цареградских базиликах, как и в храме Св. Софии? С горного места или с амвона? Созомен свидетельствует, что Святитель проповедовал среди храма. «Отлично управляя Константинопольскими церквами», говорит он, «Иоанн привлекал многих и из язычников и из еретиков. К нему ежедневно стекалось множество людей, частью для того, чтобы послушать его с назиданием, а частью, чтобы испытать его. Он обращался ко всем и касательно Божества убеждал

каждого исповедовать одно и то же с собою. Народ так жаждал его речей и до того не мог насытиться его беседою, что, когда, вошедши в средину толпы, он садился на амвон чтеца и начинал учить, слушатели толкали и теснили друг друга, желая пройти вперед, чтобы яснее слышать его беседу»⁹⁷⁵.

Сократ замечает, что амвон служил обычным местом для проповеди Св. Златоуста. «Евтропий» – консул, «подвергся царскому гневу и прибег в церковь», тотчас «после обнародования закона, возбраняющего всем искать покровительства церкви и повелевающего извлекать оттуда убежавших». «Тогда, как он лежал пред жертвенником и трепетал от страха, епископ сошел на амвон, откуда обыкновенно проповедовал и прежде, чтобы лучше быть слышимым, и произнес против него обличительное слово»⁹⁷⁶.

Но наш главный историк церквей Антиохийской и Константинопольской сам Св. Златоуст, главный исторический документ его веро- и правоучительные творения. Собственно же историки, коими мы пользуемся, каковы: Созомен, Сократ, Феодорит, Евсевий, Евагрий и др., употребляются нами, в свидетельствах их, лишь для подтверждения или уяснения показаний нашего историка. На сей раз, в видах более быстрого ознакомления с предметом – устройством храма, поставлено нами обратное построение речи. Но, думаем, это обстоятельство не изменяет характера нашего исследования. «Слово» Святителя на Евтропия «евнуха, патриция и консула»⁹⁷⁷, хотя не особенно ясно, указывает и на существование амвона среди храма и на устройство алтаря в базилике столицы за время Златоуста. «Вчера, когда пришли за ним, – Евтропием, – из царского дворца, с тем, чтобы насильно извлечь его и когда он прибежал к святыни, лицо его было нисколько не лучше, чем у мертвеца. И это я говорю», присовокупляет проповедник, «не порицая и не издеваясь над его несчастием, но желая смягчить ваши души... Так как есть у вас многие столь бесчеловечные, что даже и нас укоряют за то, что мы приняли его в святыни. Почему, скажи мне, возлюбленный, ты негодуешь? Потому, говоришь ты, что убежал в церковь тот, который постоянно враждовал против нее. Но

потому-то особенно и нужно прославлять Бога. Церковь, испытавшая гонение от него, покрывает его теперь щитом, открыв ему свои недра с великою любовью. Это блистательнее всякого трофея. Это украшение для алтаря. Этот алтарь изливает великий свет, оказываясь теперь особенно страшным потому, что держит связанным льва. Славный и знатный оказывается теперь ничтожнейшим всех. Войдет ли сюда богач, он получить великую пользу; ибо видя упавшим с такой высоты того, кто потрясал всю вселенную, сокрушенным и сделавшимся трусливее зайца или лягушки, без цепей прикованным к этому столбу и вместо оков связанным от страха, боящимся и трепещущим, он укротит свой пыл»⁹⁷⁸.

Устройство мраморного амвона в церкви Св. Климента в Риме, со многими ступенями, ведущими до верхней площадки, на которой должно быть седалище проповедника, наглядно указывает и удобство и возможность обращения проповедника, как Св. Златоуста, с словом поучения сколько к народу, окружающему кафедру, стоящему ниже, столько же и к женщинам, стоящим на хорах. При этом условии понятными становятся обличения Святителя, так сказать, лицом к лицу гиникониту, в лице знатных и богатых, но грешных матрон Царя-града.

Христианская базилика иногда бывала весьма обширна и рядами колонн иногда разделялась даже на пять кораблей – отделений, причем боковые отделения и задняя часть среднего отделения имели хоры.

«Особенно употребительны были в древности хоры эти на востоке», замечает исследователь «происхождения древне-христианской базилики»⁹⁷⁹. И прибавляет: «такое устройство имел, напр., храм Св. Софии в Константинополе», конечно и времен Св. Златоуста – базилика, как указывает его описание.

Преграда, в форме колонн или решетки с завесою, отделяла алтарь от средней части храма, другая преграда в самой средней части храма, если не было хор, отделяла мужчин от женщин. Где были хоры, там мужчины стояли внизу, женщины вверху. – Каждый пол, стоя отдельно в церкви, должен был сверх того соблюдать известный порядок в расположении, за

исполнением которого наблюдали – на мужской половине диаконы, на женской – диаконисы. А именно: впереди всех в храме, на женской половине, должны были помещаться девицы, вдовы и старицы, потом замужние женщины с детьми, если для последних не было особого места. Юноши помещались также особо, а равно и женатые с мальчиками – сыновьями. Мужчины стояли на южной стороне храма, женщины на северной⁹⁸⁰.

Отделение женщин от мужчин, в храме вызывалось потребностью удалить соблазн, могущий произойти вследствие сближения двух полов. Св. Златоуст подробно говорит о необходимости преграды между мужчинами и женщинами, еще бывши Антиохийским пресвитером – епархиальным проповедником. «Выслушай, что ты произносишь, когда поешь: «да исправится молитва моя, яко кадило, – как фимиам, – пред Тобою!» Но если не фимиам, а смрадное курение восходит, от тебя и от твоих дел, то какому ты достоин подвергнуться наказанию? Какое же это смрадное курение? Это знают многие, именно те, которые заглядывают на красивых женщин и высматривают привлекательных девиц. Но удивительно ли еще, как не разразятся удары грома и не разрушится все до основания! Действительно стоит громов и геенны то, что здесь, в церкви – бывает... Что ты делаешь, человек? Высматриваешь красивых женщин, и не трепещешь, нанося такое оскорбление храму Божию! Ужели ты почитаешь церковь домом бесчестным и ставишь хуже площади?! В храме Божием сам Бог беседует с тобою. И ты не трепещешь, не ужасаешься!.. Надлежало бы иметь внутри храма стену, которая бы отделяла вас – мужчин, – «от женщин, но как вы не хотите сего, то отцы за нужное почли отделить вас по крайней мере этими деревянными досками»⁹⁸¹.

Но возвратимся к «историческому» обозрению религиозного состояния церкви Константинопольской по творениям нашего необыкновенного «историка», первосявятителя Царя-града, Св. Иоанна Златоустого.

Глава III-я. Ереси

Упорнее была борьба с другими уклонениями от истин веры, – борьба с врагами церкви, каковы ереси.

На языке церковной практики слово «ересь» означает сознательное и преднамеренное уклонение от ясно выраженного и формулированного догмата веры христианской и вместе с тем – выделение из состава церковного общества⁹⁸². Мы привели это определение слова «ересь» с той только целью, чтобы, показать, что те заблуждения от правого истинного вероучения церкви христианской, какие указывает Св. Иоанн Златоуст, и представляли собой в Константинополе не просто случайные уклонения от истины, а именно были ересью, а лица – сторонники этого уклонения – не заблудшие лишь люди, а прямо еретики. Тьери говорить в своей книге, что ересью римский закон при христианских императорах называл исповедание, принятое государем⁹⁸³. Мы берем понятие ереси в отношении к церковному воззрению. В существе, конечно, то и другое будет одно и тоже, если государь был первородным сыном православной церкви. Но здесь мы предначертали себе изобразить не историю ерсей IV века, а только на основании указаний в творениях Св. Иоанна Златоуста, за Константинопольский период его жизни и деятельности, показать, какие в Константинополе были ереси. Да и вообще полное, вполне научное изучение ерсей, в особенности древних, в настоящее время представляется не вполне возможным; мы знаем их доктрины отчасти только по тем очеркам их, какие находятся в ерсейологических сочинениях древних церковных писателей; ереси первых трех веков и ереси IV а V веков, – почти исключительно по их опровержениям отцами церкви того времени⁹⁸⁴. Если у заграничных ученых Неандера, Гессе, Прессанне есть характеристика ерсей, систематизация их и генезис, то труды русских ученых, со специальной целью исторического исследования ерсей, чуть ли не ограничиваются одним сочинением – «ереси и расколы первых трех веков» протоиерея Иванцова-Платонова. Но и этот

труд неоконченный ограничился лишь обозрением источников для изучения ересей и расколов данного периода. Мы нашим трудом отвечаем не общей цели изучения ересей за время Златоуста, а лишь частной – изучения религиозного состояния в данном случае церкви Константинопольской, причем ереси представляют неизбежный элемент. Итак обратимся к Константинопольским творениям Златоуста и просмотрим; существование каких ересей отмечает он в Константинополе?

В одной из своих бесед на послание к Евреям Святитель указывает не только тот факт, что известные ереси существовали в Константинополе в его время, но и, так сказать, распорядок их. «Если ты услышишь, что какой-нибудь еретик – не язычник и не иудей, то не считай его тотчас христианином, но узнай и все другое; ибо и манихеи и все еретики принимали на себя эту личину. Один из еретиков говорит, что нет воскресения, другой не ожидает ничего в будущем, третий говорит, что есть иной Бог; четвертый, что Христос имеет начало от Марии. Посмотри здесь, как все они впали в заблуждения от неумеренности, одни прибавив, другие убавив от правого учения. Так первая из всех ересей – *Маркионова* – измыслила иного Бога, которого нет, – вот прибавление. За нею следующая – *Савеллиева* – утверждает, что Сын, Отец и Дух суть одно лицо... Потом *Маркеллова* и *Фотинова* проповедуют тоже. Далее следует *Манихейская* – позднейшая ересь, а после них *Ариева*. Есть и другие»⁹⁸⁵.

Мы знаем уже из прежде изложенных нами сведений, что представляло собою арианство в Константинополе за время его существования до появления здесь Златоуста. Мы видели, какую роль играла эта ересь в церковной жизни столицы: мы знаем, что ко времени епископства святителя Григория Богослова в Константинополе едва одна церковь оставалась во владении православных христиан почти из 500 храмов! За весь довольно длинный период существования Константинополя, там мало было архиереев православных вообще, а ревнителей православия – чуть ли не единственный: святитель Григорий Богослов; а другие, если не еретики, то холодные и безучастные к делу православия, возлагавшие, как Нектарий, всю надежду

на грубую силу власти светской. Тем интереснее проследить, чем было арианство в Константинополе за время святительства здесь Златоуста.

«Жестокий пламень ересей угрожает, окружая со всех сторон», сказал Святитель в первом слове своем против ересей, говоря против аномеев⁹⁸⁶. Вот как рано он обратил внимание на эту «болезнь в церкви Константинопольской». Следовательно, можно судить по одному этому обстоятельству, она имела весьма важное значение в церковной жизни. Но здесь мы опять заметим, что аномеи в данное время не представляли собой силы, а как было сказано нами в истории церкви Антиохийской, положительно только резкостью своего учения представляла большую возможность опровергать их. Имели значение собственно полуариане, их мы и разумеем под общим именем ариан.

В этом первом слове своем на Константинопольской кафедре Святитель указал: каких ересей пламень угрожает церкви Константинопольской, окружая ее со всех сторон.

В беседе о согласии Нового Завета с Ветхим в учении об Иисусе Христе, Св. архипастырь говорит: «откуда нам начать речь? Откуда хотите: из Нового или Ветхого завета, ибо не только в Евангельских и Апостольских изречениях, но и в пророческих, и во всем ветхом завете можно видеть славу Единородного сияющею с великою славою. Посему и оттуда, кажется, можно бросать стрелы в наших неприятелей. Ибо, употребляя такой образ речи, мы в состоянии будем низложить не только этих одних, но и многих других еретиков: Маркиона, Манихея, Валентина и все общества Иудейские».

«Когда будет поражена и низложена одна ересь, бегство будет общим для всех исчисленных еретиков. Манихеи и страждущие с ними одинаковою болезнью, кажется, признают проповедуемого Христа, а проповедующих о нем патриархов не почитают. Иудеи же, напротив, проповедующих о Нем, кажется, принимают и уважают т. е. пророков и законодателя своего, а Проповедуемого ими не почитают. И так когда мы, по благодати Божией, докажем, что великая слава Единородного

предвозвещена в ветхом завете, то можем пристыдить все богопротивные уста и обуздать богохульные языки»⁹⁸⁷.

Святитель в обеих беседах против аномеев доказывает славу Единородного Сына Божия⁹⁸⁸, – в одной на основании ветхого завета, в другой – нового. Говоря о всемогуществе Господа Иисуса Христа, в исцелении расслабленного, Святитель восклицает: «здесь я с удовольствием спросил бы исследующих существо Божие: как сошлись все члены, как связались кости, как укрепилась расстроенная деятельность чрева, как снова напряглись ослабевшие нервы, восстановились и исправились упавшие силы»⁹⁸⁹? Посмотрим, как он, Христос, оправдывается (в обвинении нарушения им субботы), ибо образ Его оправдания показывает нам: из числа ли Он подвластных или свободных; из числа ли служащих или повелевающих. Посмотрим же: просит ли Он сперва прощения, как раб и человек подвластный; или является, как имеющий власть и самостоятельность, как владыка, стоящий выше закона и сам дававший заповеди. Как же он оправдывается? *Отец мой, – говорит, – доселе делает и Аз делаю* (Ин.5:17). Видишь ли Его власть? Если бы Он был ниже и менее Отца, то сказанное им послужило бы не к оправданию, но еще к больше, вине и тягчайшему осуждению⁹⁹⁰. «Итак», заключает проповедник, «если Христос так оправдывался пред Иудеями, то этим Он несомненно доказал нам, что Он имеет одинаковое достоинство с Отцом»⁹⁹¹. Можно видеть речи Святителя против Ариан и в других его беседах напр. на книгу Деяний Апостольских⁹⁹², на послание к Евреям⁹⁹³.

Но ариане константинопольские не ограничивали своих воззрений на догмат учения о Сыне Божием в одних словах, беседах, прениях о вере; они переходили к делу, публично заявляли народу свои верования, устраивали так называемые литании –очные хождения со светильниками, с песнями, в которых воплощали свои верования.

Но здесь мы должны уже обратиться прямо к историческим указаниям летописцев времени Златоуста – церковных историков Сократа и Созомена. Начнем наш рассказ не особенно издалека. В царствование Валента, когда

Константинополь был предан исключительному и беспощадному в своих гонениях арианству, ариане овладели, как известно, храмами столицы. Феодосий Великий, вполне православный Государь Восточной империи, удалил иноверческие церкви в предместья города. Но ариане не пали духом; напротив, они гордо, самоуверенно подняли голову во время патриаршества Св. Иоанна Златоуста, ибо одно обстоятельство весьма благоприятствовало им. Еще в 376 году император Валент принудил Готфов, в лице их епископа Ульфилы, принять символ Ария, с того времени эти варвары так и оставались еретиками и еретиками фанатическими. При Златоусте один сильный и знатный Готфянин – некто Гайна, грозивший разрушением Константинополю, подстрекаемый представителями ариевой ереси или побуждаемый собственным честолюбием, начал просить царя Аркадия о том, чтобы единоверцам его дана была одна из церквей в городе, ибо несправедливо, говорил он с досадою, да и всячески неприлично ему, римскому военачальнику, выезжать для молитвы за городские стены⁹⁹⁴. Аркадий готов был уступить, но Златоуст не позволил царю сделать этого, и в присутствии Гайны показал изданный Феодосием указ, воспрещающий иноверцам делать церковные собрания в стенах города⁹⁹⁵. Дозволение дано не было. Гайна скоро погиб; но ариане не хотели признать себя побежденными. Чтобы заявить свое существование и чтобы завлекать православных в свои сбираща, вот они и придумали литании.

О литаниях ариан свидетельствуют и Сократ и Созомен и почти одно и тоже говорят. Так как приверженцы арианской ереси со времени царствования Феодосиева не имели в Константинополе церквей и делали собрания вне стен, то предварительно сходились они в праздничные дни каждой недели т. е. в субботу и в воскресенье, когда обыкновенно бывали церковные собрания; они предварительно сходились ночью в народные портики и, разделившись на лики, пели песни на два хора, припевы же приспособляли к своему учению – арианскому. А по утру певшие свои антифоны шли из средины города по направлению к воротам, оттуда же в места своих собраний. В эти гимны они не переставали вносить

оскорбительные для исповедников «единосущия» выражения, часто например пели: «где те, которые три называют одною силою?»⁹⁹⁶ Иоанн, опасаясь как бы некоторые из простых не обольстились этими песнями, противопоставил им песнопения православного народа. Но православные скоро сделались еще замечательнее приверженцев ереси, так что превзошли их и многочисленностью и благолепием, ибо им предшествовали и серебряные знаки крестов в сопровождении горящих восковых светильников и приставлен был к этому евнух царской супруги, чтобы он имел попечение о необходимых в сем случае издержках и песнях; царица Евдоксия назначила от себя деньги⁹⁹⁷. Но между совершителями литаний и антилитаний произошло столкновение... Исповедники единосущия ночные свои песнопения совершали гораздо торжественнее, – поэтому ариане, из зависти или из мести, вспомнивши прежнее свое владычество над христианами кафолической церкви в одну ночь произвели драку⁹⁹⁸. Разгневанный этим царь запретил арианам делать подобные ходы, а христиане кафолической церкви, начав петь упомянутым образом, удерживают этот обычай и до ныне⁹⁹⁹.

Мы сказали, что арианствующие Готфы представляли для этих еретиков силу, точку опоры. За время Св. Златоуста из числа Готфов было несколько лиц, исповедовавших православно-христианскую веру. Святитель воспользовался этим обстоятельством для распространения между этими варварами православия и для посрамления ариан. Св. Иоанн позаботился соблюсти эту малую часть стада Христова, терпевшую много обид от своих соплеменников – иноверцев, даже изыскивал средства через сих немногих распространить свет истинной веры и между коснеющими в заблуждении. С этой целью поставил он пресвитеров, диаконов и чтецов для православных Готфов из среды их же самих и в самом Константинополе; отдал им один храм, в котором повелел совершать богослужение и говорить проповеди на их родном языке; нередко сам Святитель слушал, а иногда и совершал богослужение в сем храме, говорил через переводчиков поучения народу¹⁰⁰⁰. Известно, что однажды Святитель в одной

из церквей Константинопольских в своем присутствии и в присутствии многих знатных и ученых греков при Готфах повелел совершить литургию священнику из Готфов на Готфском языке. По окончании проповеди Готфского священника, Святитель сам проповедовал и в сборнике слов и бесед на разные случаи мы имеем и в русском переводе «беседу в присутствии Готфов, которая произнесена Св. Златоустом в церкви Св. Павла после того, как Готфы прочитали писание и Готфский пресвитер сказал беседу». «Я желал бы, чтобы сегодня присутствовали здесь Эллины, дабы и они слышали прочитанное и узнали, каково могущество Распятого, какова сила креста, каково благородство церкви, какова твердость веры!» – воскликнул в восторге Святитель, вошедши на кафедру. «Никто да не ставит в позор церкви, что варваров извели мы на среду и им позволили мы говорить; это – украшение и лепота церкви, это доказательство силы веры»¹⁰⁰¹.

Какое значение имело это Готфское православное богослужение и Готфская проповедь, об этом свидетельствует блаженный Феодорит в своей церковной истории¹⁰⁰². «Великий Святитель, все сие совершая в городе, уловил и вне его многих обольщенных и показал им истину апостольской проповеди».

Заканчивая обзор существования ереси Ариан в Константинополе, мы считаем долгом сделать здесь одно замечание. Известно, что антиохийское направление, имевшее некоторое сродство с основою движения мысли арианствующих, было причиною выяснения учения православной веры на II вселенском соборе в членах символа, излагающих догмат вероучения о второй ипостаси Божества вообще и собственно о воплощении и вочеловечении Сына Божия от Духа Святого и Девы Марии и о всем домостроительстве спасения человеческого. И вот тогда, как Александрийцы относились к этому символу Константинопольскому – II-го вселенского собора небрежно¹⁰⁰³, в Антиохии и Константинополе этот символ был в практике и церковной и между христианами в жизни домашней¹⁰⁰⁴. Св. Иоанн Златоуст был приверженцем Константинопольского

символа, по мнению Каспари¹⁰⁰⁵. Златоуст приводит в своих беседах слова символа по редакции Константинопольской. Действительно Златоуст, как подтверждает профессор церковной истории А. П. Лебедев, говорит: «по внушению Духа Святого говорили пророки, как содержится в нашем символе: «Который – Дух – глаголал в пророках»¹⁰⁰⁶, а это слова символа Константинопольского; символ же Никейский, сколько знаем, у Златоуста не цитируется. Все это мы сказали в тех целях, чтобы выяснить стремления Златоуста привести заблуждающихся в учении о Сыне Божием к познанию истины. Ибо и употребление им символа Константинопольского могло, в свою очередь, служить, и в особенности, для этой цели, хотя символ этот и считался верою всех церквей¹⁰⁰⁷. Не забудем, – что арианствующие, как мы уже знаем (выше сказано), сами просили Златоуста беседовать с ними с церковной кафедры. «Отлично управляя Константинопольскими церквами», говорит Созомен, «Иоанн привлекал многих из язычников, и из еретиков. К нему ежедневно стекалось множество людей, частью, – чтобы послушать его с назиданием – а частью, чтобы испытать его. Он обращался ко всем и касательно Божества убеждал каждого исповедовать одно и тоже с собою»¹⁰⁰⁸. И сам Св. Златоуст, хотя косвенно, подтверждает это свидетельство историка. «Кто слушает без предрассудка», говорит он, «тот не может не убедиться. Как в том случае, когда есть какое-либо мерило, по которому можно определять все не требуется больших рассуждений, а легко облегчать измеряющего неверно: так и теперь»¹⁰⁰⁹.

Константинопольские творения Златоуста знакомят читателя, как мы уже имели случай заметить, с существованием в Константинополе многих ересей. Святитель так говорит об этом множестве заблуждений. «Вот приходит язычник и говорит: я хочу быть христианином, но не знаю к кому присоединиться: у вас много несогласий и распрай и великое смятение¹⁰¹⁰. Какое мне избрать учение? Какое предпочтеть? Каждый говорит: я содержу истину. Кому верить, когда я совершенно ничего не знаю в писаниях? И те – еретики представляют тоже самое»¹⁰¹¹. И Святитель вполне подтверждает справедливость этого

обстоятельства. «Точно», говорит, «это бывает между нами»¹⁰¹², – и здесь же указывает средства узнать истину правой веры и ложного учения о догматах веры. «Если бы мы, говорили, что нужно верить умствованиям, то ты», как бы язычнику отвечает Святитель, «мог бы смущаться; если же мы говорим, что нужно веровать писаниям, которые просты и истинны, то тебе легко найти требуемое. Кто согласен с писаниями, тот христианин; а кто не согласен с ними, тот далек от истины»¹⁰¹³.

Святитель излагает своей православной пастве целую лекцию на тему: *как различить истинное учение веры от еретического?* И мы возьмем хотя главные мысли из этой беседы, – вам это необходимо знать при обозрении ересей в Константинополе. «А что если он придет и скажет: писание говорит так, а ты говоришь другое и изъясняешь писания иначе, извращая смысл их? Но скажи мне: разве ты не имеешь ума и рассудка? Как, я скажет, могу судить, не зная ничего вашего? Я хочу быть учеником; а ты уже делаешь меня учителем! Если он – язычник – так скажет, то что мы будем отвечать? Как убедим его? Спросим: не притворство ли это и предлог? Спросим: осуждает ли он язычников? Без сомнения он скажет что-нибудь, ибо, не осуждая их, не пришел бы к нам. Спросим о причине, почему он осуждает, ибо не напрасно же

Он скажет, как известно: потому что боги их есть твари, а не Бог не созданный. Хорошо. После этого, если он тоже найдет в иных ересях, а у нас противное, то нужно ли и говорить более? Все мы исповедуем, что Христос есть Бог. Посмотрим же, кто с этим согласен и кто не согласен. Мы, называя Его Богом, говорим о Нем достойное Бога, а еретик – напротив. Мы называем Его Сыном, – и точно так признаем, как говорим; а еретики называют так, но не исповедуют. Сказать яснее: они имеют названия от некоторых людей т. е. называются по именам своих ересеначальников. Такова – каждая ересь; а у нас не человек, какой-нибудь дал нам название, но сама вера¹⁰¹⁴. Это, так сказать, внешность ересей, а вот их внутреннее свойство.

«Еретики, перетолковывая писания по собственному воображению и изыскивая ложные доводы, вопреки своему

спасению, не чувствуют, как они ввергают сами себя в пропасть погибели»¹⁰¹⁵. На этом свойстве ересей Святитель сосредоточивает все свои анти-еретические беседы. Известно, что внимание Антиохийских богословов занимал экзегетический вопрос относительно того, как понимать евангельские и апостольские изречения, в которых человечески – уничтожительно или божескино – звышенно говорится о Христе¹⁰¹⁶. Вот Святитель, верный своим антиохийским приемам, и здесь борется с еретическими заблуждениями экзегезисом. Он в самом первом слове своем против амонеев¹⁰¹⁷, сказавши, что «жестокий пламень ересей угрожает», так продолжает свою речь: «доказанное умственными соображениями, хотя бы и было истинно, никогда не доставляет душе полного убеждения и достаточной веры. Если же такова слабость умственных соображений, то мы приступим теперь к борьбе с еретиками на основании писаний»¹⁰¹⁸.

Прежде чем мы продолжим наше ознакомление с существованием ересей в Константинополе по творениям Златоуста, заметим еще одно обстоятельство. Святитель Иоанн представляет нам, не только как он борется с еретиками, – хотя не упускает из виду и этой возможности, – сколько предостерегает православных чад Св. церкви от заражения ересями, и потом научает свою паству, как надо бороться с еретиками. «Я хочу сказать вам несколько слов», говорит он, «которые будут полезны для обличения Маркионитов и многих других еретиков»¹⁰¹⁹.

Из многих мест в Константинопольских творениях Златоуста, указывающих на существование ересей в Константинополе, мы возьмем очень немногое, но такое, что указывает сущность борьбы Святителя с заблуждениями. В беседе на послание ап. Павла к Евреям Святитель приводит текст Евангелия Иоанна – V г. 22 ст.: *Отец не судит никому же, но судит через Сына*, – и говорит: когда апостол хочет научить, что Сын из Отца, то по необходимости говорить уничиженное, а когда начинает говорить высокое, то наносит удар Маркеллу и Савелию. Апостол не останавливается на уничиженном, дабы

не нашел убежища Павел Самосатский и не излагает одного только высокого, но вместе с тем показывает великую близость Сына к Отцу, дабы не возражал Савеллий. Когда он – апостол – сказал Сына, то немедленно восстает Павел Самосатский и говорит, что Он, Христос, – такой же Сын, как и многие. Но Апостол нанес ему смертельную рану, присовокупив: «наследника». Впрочем еретик еще упорствует вместе с Арием, ибо слова: *Его же положи наследника* они оба принимают: первый, утверждая, что эти слова означают бессилие; а другой, стараясь перетолковать и следующие слова. Посему Павел сказал: «*им же и веки сотвори*», и тем решительно низвергнул бессовестного Павла Самосатского. Но Арий, по-видимому, держится еще крепко. Посмотри же, как апостол подвергнул и его, сказав далее: «*иже сый сияние славы Его*». Но вот еще восстают: Савеллий, Маркелл и Фотин. Всем им апостол нанес удар, сказав: *и образ Ипостаси Его, нося же вся глаголом силы своея*. Здесь он поражает также Маркиана¹⁰²⁰. «Объясняя слова Апостола Павла: стихи 6–10 главы 1-ой, Святитель говорит: «здесь апостол опровергнул иудеев и последователей Павла Самосатского и Ариан, и Маркелла, и Савеллия, и Маркиона. Каким образом? Иудеев тем, что показал в одном и том же Христе два существа: Бога и человека; вторых, т. е. последователей Павла Самосатского, тем, что сказал о вечном бытии и несозданном существе Еgo; ариан тем же самым, равно и тем, что Сын не есть раб, а если бы он был тварио, то был бы рабом; Маркелла и других тем, что Отец и Сын суть два лица, различные ипостасно; маркионитов тем, что помазуется не Божество, а человечество Христово¹⁰²¹. Злые уста диавола, чрез Маркиона Понтийского, и Валентина, и Манихея Персянина, и многих других еретиков, решились низвергнуть учение о домостроительстве и распространить некоторую сатанинскую молву, будто Христос и не воплощался – не облекался плотию, но это было только видением, призраком, представлением и обольщением, не смотря на то, что об этом свидетельствуют его страдания, смерть, погребение, алчба»¹⁰²².

Ко всему этому множеству ересей, бывших несомненно в Константинополе, ибо иначе бесцельно слово проповедника, не

только указывающего на эти ереси, но и опровергающего их, — Созомен присоединяет еще ересь *Македония*, имевшую искренних последователей в Константинополе. В Константинопольских творениях Златоуста мы не нашли указаний на существование в Константинополе этой ереси. Но рассказ историка не оставляет места сомнению и мы приведем этот рассказ во всей его целости. В главе своей церковной истории о том, как Иоанн своими поучениями привлекал народ, Созомен говорит: «народ так жаждал его речей и до того не мог насытиться его беседою, что когда, вошедши в средину толпы, он садился на амвон чтеца и начинал учить, слушатели толкали, теснили друг друга, желая пройти вперед и стать к нему ближе, чтобы яснее слышать его беседу. Здесь кстати, кажется, внести в историю случавшееся при нем чудо. Некто из державшихся ереси *Македония* имел за собою и жену Македонианку. Послушав однажды беседу Иоанна о том, как надобно исповедовать Бога, он принял этот догмат и убеждал свою жену к единомыслию с собою. Но она удерживалась прежнею привычкою и советами знакомых женщин, не смотря на многократные внушения мужа. Муж ее, не получив никакого успеха, наконец, сказал ей: если ты не приобщишься Божественных тайн вместе со мною, то но будешь более подругою моей жизни. Тогда жена согласилась сделать по его желанию, но решилась обмануть мужа: в минуту причащения она удержала принятное тело Христово и не хотела вкусить, а держала в зубах; но оно превратилось в камень. Жена испугалась, как бы не потерпеть чего-нибудь, когда с нею случилось такое чудо и, пришедши поспешно к епископу, открыла ему грех свой и показала камень. Испросив себе со слезами прощение, она после того стала единоверною с мужем»¹⁰²³.

Мы приводим лишь краткие указания из творений Святителя Иоанна Златоустого только для удостоверения, что ереси за его время в Константинополе были и вот какие. Не сообщаем подробностей борьбы Св. архипастыря с еретиками, потому что знаем их из истории религиозного состояния церкви антиохийской, изложенной нами во второй части первого отдела

нашего труда. Подробности эти и здесь в Константинополе – те же, как и там. Проповедник говорит с еретиками и о них к пастве с кафедры церковной и метод его приемов все тот же экзегетический¹⁰²⁴. В Антиохии Златоуст говорил: «чтобы опровергнуть наших противников, рассмотрим все их возражения»¹⁰²⁵. И здесь он делает то же: прежде знакомит слушателей с основным учением того или другого еретика, потом опровергает его. «Один из еретиков говорит», свидетельствует святитель, «что нет воскресения; другой не ожидает ничего в будущем; третий говорит, что есть иной Бог; четвертый, что Христос имел начало от Марии. Посмотри, как все они впали в заблуждения от неумеренности, один прибавив, другие убавив от правого учения. Так первая из всех ересей, Маркионова, измыслила иного Бога, которого нет: вот прибавление! За нею следующая Савеллиева утверждает, что Сын и Отец и Дух суть одно лицо»¹⁰²⁶. И так далее.

Но Константинопольские творения Св. Иоанна Златоуста знакомят нас с существованием в Константинополе ереси, которой не указывал он в церкви Антиохийской. Это – ересь Новоцианская. Так как мы в первый раз встречаемся в нашем исследовании с этой ересью, то вот – несколько сведений об ее начале и существовании.

Римский пресвитер Новат отделился от церкви под тем предлогом, что епископ Корнилий в общение церковное принял христиан, во время Декиева гонения принесших жертву идолам. Когда сделался он епископом, писал к предстоятелям других церквей, чтобы не допускать таковых христиан до таинств покаяния и причащения, предоставив разрешение греха их Богу. Впоследствии Новат и его последователи распространили правило сие и на другие тяжкие грехи и ту церковь, которая решилась бы принять таковых грешников, не хотели называть святою, и только самим себе усвоили наименование «чистых»¹⁰²⁷.

За время епископства Св. Златоуста, новациане имели в Константинополе своего епископа, по имени Сисиния, о котором Созомен дает следующие сведения. Сисиний – муж чрезвычайно красноречивый, весьма сведущий в науках

философских и в священном писании. Да и по жизни он был чист и стоял выше клеветы. Что касается до образа жизни, то, смотря на роскошь его и прихотливость, не знающие не верили, чтобы, живя столь роскошно, мог он соблюдать воздержание. Нравом Сисиний был приятен и любезен в обращении. Шутить с приятностью принимать шутки и не быть обидчивым, остроумно и с быстротою отражать вопросы, – имел он великую способность. Напр. на вопрос: почему он моется два раза в день? Сисиний отвечал: потому что в третий раз не успеваю. Он постоянно носил белую одежду, – кто-то из кафолической церкви подшутил над ним. Но тот спросил: скажи же мне: где сказано, что надобно одеваться в одежду черную?¹⁰²⁸ Существование особого епископа у этих заблуждающихся в Константинополе доказывает, что последователи Новата в это время были многочисленны и имели в своих рядах людей сильных. А существование такого епископа, каковым, по описанию Созомена, был Сисиний, могло быть соблазнительным условием в руках еретиков для увлечения православных в свои сети. Историк, говоря о Сисинии, прибавляет: Сисиний своей приятностью и любезностью нравился как епископам кафолической церкви, так и властям и людям ученым¹⁰²⁹. В этих целях, чтобы показать, насколько могла быть опасна для православия ересь новацианская, в лице своего представителя – епископа, мы и привели несколько подробно сведения историка о Сисинии. Можно думать, что сей новацианский епископ согласно с учением Новата восставал на Златоустого за его чрезмерную, по мнению Сисиния, снисходительность к грешникам¹⁰³⁰. Памятником борьбы Святителя Иоанна Златоуста с новацианской ересью в Константинополе осталась его беседа против называвших себя «чистыми»¹⁰³¹, где он говорит: «как ты, будучи обыкновенным человеком», – выше приводит в пример ап. Павла, который говорить о себе: *несть достоин нарещися апостол* – 1Кор.15.91, – «называешь себя чистым и убежден, что ты чист»; причем выяснял поползновенность людей ко греху и возможность и неизбежность греха. «Душу нашу объемлют бесчисленные страсти», говорит Святитель, «бесчисленные

обстоятельства, бесчисленные неправды, — и ты осмеливаешься говорить, что среди моря таких треволнений ты остаешься чистым? Что может быть нечистее человека, находящегося в таком состоянии? Но для чего я говорю о всей жизни! Может ли кто, скажи мне, отвечать и за един день, что в течение его он был чист? — Хотя бы он не блудодействовал, хотя бы не прелюбодействовал, хотя бы не сделал подобных запрещенных грехов, но может ли он похвалиться, что не был тщеславным, не гордился, не смотрел страстными глазами, не желал благ ближнего, не лгал, не коварствовал, не желал зла врагам, но завидовал другу? И погружаясь во столько зол, ты осмеливаешься называть себя чистым! Впрочем безумие этих людей — новациан — может открыться не только отсюда, но и с других сторон. Вас и вашу любовь я увещеваю, чтобы вы, представляя все это, остерегались от их тщеславия и удаляли от себя гордость и старались со всем тщанием очищать свои грехи присущие и отклонять угрожающие. Будем же, увещеваю вас, совершать все это — ходить в церковь, вздыхать о прегрешениях, исповедоваться во грехах, прощать грехи врагам, оплакивать свои прегрешения, — будем совершать все это каждый день, очищая себя и омывая. Если мы станем таким образом устраивать свои дела», заключает свое слово Святитель, то «можем получить милость и прощение в тот страшный день и удостоиться обетованных благ, которых да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого и с Которым Отцу вместе со Святым Духом слава ныне и присно и во веки веков. Аминь».

**

В одной из Константинопольских бесед Св. Златоуст сравнивает состояние церквей Антиохийской и Константинопольской в их религиозном состоянии.

Нам это сравнение подало повод сделать краткое сравнение состояния той и другой церкви вообще за время Златоуста, по его творениям.

«Мы любим вас», говорил Святитель, вступая на престол церкви Константинопольской, «не менее той церкви — Антиохийской; в которой мы рождены, и воспитаны, и

наставлены; ибо эта церковь сестра той и вы делами доказывали родство с нею. Если та старее по времени, то эта пламенное по вере; там многочисленнее собрание и торжественное зрелище, а здесь больше терпения и больше доказательств мужества»¹⁰³². В исследовании религиозного состояния обеих церквей, мы на основании указаний в творениях Св. Иоанна Златоуста, можем теперь видеть, что и усердие к посещению храма Божия, и расположение к общественной молитве, и готовность слушать поучения пастырей церкви совершенно одинаковы в обеих церквях, как одинаковы и рукоплескания и крики одобрения проповеднику, хотя не можем не заметить оказанной в церкви Константинопольской особенно резкой холдности к молитве церковной. Обращаясь к уклонениям от истины веры и благочестия, в обеих церквях мы видели одинаковое употребление божбы, совершенно одни и те же суеверные обычай и ереси, – одни и те же и в церкви Антиохийской и в церкви Константинопольской. Разницу представляют некоторые частности: в Константинополе была ересь новацианская, в Антиохии ее не указано в беседах Златоуста. В церкви Антиохийской клеймили друг друга проклятиями, что было следствием раскола между единоверными христианами; в церкви Константинопольской этого не было. Здесь бедняки употребляли заклятия, испрашивая милостины у богатых, чего Св. Златоуст не указывает в церкви Антиохийской. В церкви Антиохийской существовал обычай постоянной божбы и частого употребления присяги перед Евангелием и св. трапезою в храме; в церкви Константинопольской Святитель обличает и старается искоренить клятву лишь в форме божбы, не указывая на злоупотребления клятвой – присягой. В церкви Антиохийской был раскол: евстафиане и мелетиане; раскол был, увидим ниже, и в церкви Константинопольской: Иоанниты и анти-Иоанниты. В церкви Антиохийской была секта иудействующих, в Константинополе творения Св. Златоуста не указывают следов ее. В Антиохии язычество поднимало голову против христианства; в Константинополе язычество не предъявляет своих прав на существование. И Святитель лишь убеждает

паству свою мирно вести себя с людьми, еще остающимися непросвещенными св. верою. «Когда ты не имеешь повода, то не называй Еллина нечестивым и не делайся обидчиком», поучает Святитель; «но если тебя спросят об учении веры, то отвечай, что это безбожно и нечестиво; когда же тебя никто не спрашивает и не заставляет говорить, то не следует без причины поднимать вражду. Ибо какая необходимость напрасно вооружать против себя?»¹⁰³³... Приходит Еллин и делается тебе другом; ты не говори ему об этом – о вере – ничего, доколе он не сделается тебе другом окончательно, и когда сделается, то веди к сему постепенно»¹⁰³⁴. И с той же любовью и кротостью св. церковь, в лице святого своего архипастыря, стремится, за его время, просветить косневших в неведении Бога истинного язычников. «Многие имеют села и деревни, но не заботятся и нисколько не пекутся об них. Не должен ли каждый из таковых верующих построить церковь, пригласить учителя – священника в помочь себя и заботиться прежде всего о том, чтобы все были христианами? Ты не можешь творить знамений и учить? Учи их тем, чем можешь: человеколюбием, представительством, кротостью, ласками и всем другим. Посему убеждаю, умоляю и прошу, или лучше поставляю законом, чтобы никто не имел села без церкви. Если ты имеешь что-либо уделять нищим, то употреби это на нее; лучше на это, нежели на то; содержи учителя, содержи диакона и священно-служительский чин. Село твое исполнится благословения и священник будет пользоваться уважением и для села это послужит во спасение. Там будут совершаться за тебя постоянные молитвы, песнопения и торжества и приношение бескровной жертвы в каждый воскресный день. «Вспомни», заключает свое слово Святитель, «что, воздвигнув жертвенник Богу, ты будешь иметь воздаяние до самого пришествия Христова»¹⁰³⁵. Слова Святителя к готовящимся к крещению и к новокрещенным¹⁰³⁶ доказывают, что обильна была жатва душ из язычествующих, приводимых в житницу Христову – святую церковь. Последние события в жизни Святителя, как архипастыря среди своих словесных овец показывают, как велико было число язычников, желавших принять святое крещение от рук Святителя, в его

архиепископском храме, как видно между прочим и из писем Святителя к Иннокентию – предстоятелю Римской церкви, где Св. Иоанн говорит, повествуя о зверстве солдат, ворвавшихся в церковь в вечер великой субботы 404 года: «женщины, раздевшиеся в молитвенных домах для принятия крещения, бежали нагими от страха ужасного вторжения» и прибавляет: «многие из них, составлявшие все-таки часть всех бывших, были вытолкнуты ранеными, купели наполнились кровью». Таким образом, вот различие взаимоотношения язычества и христианства в Константинополе и Антиохии: там борьба, – здесь мирная проповедь Евангелия язычникам.

В исследовании нравственного состояния клира и монашества Константинопольской церкви, помнится, мы проводили сравнительную параллель в жизни и деятельности того и другого учреждения в том и другом городе, причем указали, что антиохийский клир и особенно монашество стояли на высоте своего призвания, всегда верные своему священному долгу служения Богу и спасению людей, а стolичное духовенство в своей жизни и деятельности представляет диаметральную противоположность клиру и монашеству церкви антиохийской, отличаясь вместо добродетели пороками, и вместо славы своим чинам и санам представляя собою бесчестие, соблазн и позор церкви¹⁰³⁷. Подробности исследования только еще сильнее убеждают в печальной истине. «Разве ты не знаешь», говорит беспутному клирику Константинопольскому в горести души своей Святитель Иоанн, «разве ты не знаешь, что жизнь христианина всегда должна сиять светло и кто посрамил свою честь, тот уже во всем будет бесполезен и не может приобрести ни в чем великой пользы, хотя бы он совершил великие дела. *Аще соль обуяет, говорит Господь, чим осолится (Мф. 5:13)*? Бог желает, чтобы мы были солио, светом и закваской, дабы и другие могли получать пользу»¹⁰³⁸. И потом святой архипастырь представляет всю погибельность зазорного поведения, которую представляет собой для христианского общества клирик, согрешающий с дерзостью и соблазном для многих¹⁰³⁹. Сравните картины нравственного состояния клира и монашества Антиохийской

церкви, представленные нами со слов Златоуста и его похвальные речи священникам и монахам Антиохийским и грозный образ жизни и деятельности клириков и монахов Константинопольских, представленный нами по творениям того же Св. Златоуста, и слово его, сейчас приведенное нами, – и в вашем сознании предстанет громадное, неизмеримое различие одних от других, – между духовенством церкви Антиохийской и духовенством церкви Константинопольской! Кроме личного настроения у этих служителей церкви, служившего основой их поведения, среда в свою очередь несомненно влияла на образ их мыслей и чувств. Выясняя причины такого печального по своим, последствиям, строя жизни Константинопольского духовенства, Albert¹⁰⁴⁰ находит, что значительную роль в этом случае играло в начале то довольство в жизни, какое имели клирики Константинопольские. Он говорит: «кроме щедрот двора, духовенство Константинопольское находило значительные суммы в сокровищах церкви, которые, несмотря на назначение их для бедных, были употребляемы неверными приставниками или на личные, мнимые, нужды или на бесплодную роскошь. Богачу легче забыть Бога, совесть и свою душу».

Обращаясь мыслью к нравственному состоянию Константинопольского монашества, заметим, что наши заключения об образе жизни и поведения этих людей мы старались делать именно на основании слов и даже выражений Св. архипастыря, дополняя лишь, так сказать, недосказанное им по очень естественному чувству в отеческом сердце святителя жалости в отношении к своей пастве, к несчастным монахам. Но достаточно, конечно, и тех легких намеков, какие, так сказать, вскользь делает Св. Златоуст, чтобы видеть и убедиться как в этой мысли, так и в том, что то, что говорит Златоуст о Константинопольских монахах, есть совершеннейшая историческая правда, достаточно вспомнить его отношение к антиохийским монахам.

Мы знаем из обзора жизни иноков Антиохийских, как любил и благоговел пред чистою жизни этих нагорных подвижников и отшельников Св. Иоанн, – знаем и ту готовность его, с какой он

выразил желание в горестную для монашества годину защищать этих истинно добрых людей, когда император Валент – арианин простер свою злобу на православных до того, что велел всех отшельников выгонять из их пустынных убежищ и отдавать в военную службу. «Услышав эту горькую и печальную весть», – рассказывает сам Златоуст, – «я тотчас вскрикнул; а когда принесший весть продолжал свой рассказ, я был, «говорит, еще сильнее поражен и гадая, сколько зла произойдет отсюда, оплакивал всю вселенную».

Мы приведем еще слово – другое из этой трогательной беседы друзей, для выяснения доброго настроения Св. Иоанна к монашеству и истории иночества. «Увидев, что я так сильно печалюсь, собеседник сказал: «теперь не время плакать, потому что этими слезами не спасешь погибших и погибающих; сочини увещательное слово как этим недужным и беспокойным, – во спасение как им, так и всем вообще людям». «Остановись, сказал я», говорит Св. Иоанн, «чтобы нам не совсем лишиться дыхания, оставь мне хоть немного силы. Приказание твое непременно будет исполнено, но иди и молись, чтобы рассеялось около меня облако уныния и получил бы я от Бога некую помощь к уврачеванию восстающих на Него»¹⁰⁴¹.

И наука и церковь имеют, кроме трех специальных слов в защиту монашества, множество указаний на добродетели иноков во многих его творениях; но все это речи об иноках гор Антиохийских.

Эта любовь к истинным труженикам святой жизни могла удерживать необходимое в его устах слово обличения людям, недостойно носившим на себе чин монашеский, каковы были монахи Константинопольские. Приведенный нами единственный неодобрительный отзыв о монахах Антиохийских, встретившийся нам в одном из Антиохийских творений Златоуста, – о любви их к покою и довольству¹⁰⁴², нам представляется необходимым понимать именно как слово автора о самом себе, чем о других. В своем месте мы выразили наш взгляд, что Златоуст в данном месте говорит о городских монахах в Антиохии, но в его творениях мы нигде не нашли указаний, что таковые монахи были в его время, а потому с

убеждением держимся мысли, что именно Св. Иоанн говорит здесь о себе. Это он ясно и дает разуметь. «А чтобы ты не подумал говорить, будто я теперь говорю это в осуждение других, расскажу тебе о себе. Когда я недавно решился, оставя город, уйти в келии монахов; то много раздумывал и беспокоился о том, откуда буду получать необходимое и можно ли будет мне есть хлеб всякий день свежий, не заставят ли меня употреблять одно и тоже масло и на освещение и в пищу; не принудят ли питаться жалкими овощами, не приставят ли к тяжкой работе, не велят ли, напр., рубить или носить дрова, таскать воду и делать все прочие такие работы, – словом я много заботился о покое»¹⁰⁴³. Наши сомнения рассеялись и мы убедились, что единственное грустное слово Св. Иоанна о печальном настроении монахов в Антиохии есть не более, как откровенная и смиренная речь автора о себе самом.

Если иноки Антиохийские не чуждались принимать священство, то лишь уступая сильному желанию своих граждан, как это видим в истории священства самого Св. Златоуста, по побуждениям, следовательно, самым чистым и целям вполне святым. Святой Григорий Богослов так определяет эту решимость иноков, принимавших священство, примиряющую и связующую кипучую деятельность среди мира и уединение анахорета. «Я примечал», говорит он, «что люди, которым нравится деятельная жизнь, полезны в обществе, но бесполезны себе и возмущаются бедствиями; видел также, что живущие вне мира, почему то, гораздо благоустроеннее и безмолвным умом взирают к Богу; но они полезнее только себе, любовь их как бы заключена в тесном круге, а жизнь, которую они проводят, необычайна и сурова. Почему я и решился вступить как бы на средний путь между уединившимися и живущими в обществе, заняв у одних сосредоточенность ума, у других старания быть полезным для общества»¹⁰⁴⁴.

Замечательно: в Антиохии были иноки – истинные рабы Божии, – и клир имел в своих рядах пастырей добрых, душу свою полагающих за други своя; в Константинополе были монахи, не отличавшиеся доброю жизнью, – и клирики вели жизнь, далеко не соответствовавшую их сану. Если несомненно

известно что иноки Антиохийских гор выделяли из себя лиц в служители церкви; то можно, с некоторой вероятностью, заключать, что клирики Константинопольские выходили тоже из монашеской братии. И в том и другом случае древо приносило плод по роду своему. Антиохийские, иноки, оставляя горы, шли на служение Богу и спасению людей; Константинопольские монахи искали церковных степеней, чтобы работать своему чреву и мамоне неправды.

Общественная жизнь и общественные нравы почти одни и те же в Антиохии и Константинополе. С одной стороны та же страсть к грубым наслаждениям: обедению, пьянству и распутству и к удовольствиям утонченным: к цирку, к театру, роскоши в жилищах, в одежде, обстановке и позолоченном разврате; – та же беднота и нищенство с другой стороны, и та же холодность богатых к горькой участи бедных, несчастных людей. То и другое одинаково неприглядно, с нравственной точки зрения. Провинция, конечно, несколько уступала Константинополю, ибо здесь были:

«Роскошь, так уж роскошь,
Истинно столичная,
Бедность, так уж бедность,
Смерть ежеминутная»¹⁰⁴⁵.

Подробности исследования опять таки лишь удостоверяют верность картины.

В Константинополе был императорский двор, – двор Аркадия и Евдоксии, – роскошный и развратный, с правлением женщин и евнухов, и этот двор привносил в общественную жизнь Константинополя свое развращающее влияние. Если сына царицы народная молва осмелилась окрестить именем «сына князя Иоанна», – временщика, царедворца Аркадиева¹⁰⁴⁶, то ясно, каково было настроение громадного числа придворного люда и всех этих людей. История указывает придворных дам, развратных до мозга костей, – трех распутных вдов, которые, заодно с царицею, грабили где и как только могли, прикрываясь формой закона и видом приличия¹⁰⁴⁷. Святой Иоанн Златоуст свидетельствует об этом: он по долгу архипасторства упрашивает императрицу Евдоксию возвратить

неправильно взятый ею виноградник вдовы его законной владелице. «Бог, как творец всякого создания, по существу своему, превышает и всякое господство, а люди все равны. Так и тебе», пишет Святитель царице, «Он даровал скипетр царствования не для того, чтобы ты считала себя существенно выше других; но чтобы доставляла равноправность и правосудие обществу. Не забывай же этого никогда». После этого вступления священный покровитель бедных просит Августу: «возвратите смиренной вдове и детям ее виноградник; довольно для них прежнего горя; пусть же не увеличиваются их скорби. Прошу тебя, избавь их от постигающего их огорчения и несчаствия»¹⁰⁴⁸. Заключение опять ясно: нечестие царит на троне, – злодейству в царстве таких владык руки развязаны. Вдали от законодателя, неуважающего законы в собственной жизни, в отношениях с подданными, при всей разнозданности, еще может быть уважение некоторое к закону. Но когда начальник, блюститель закона и правды, а тем более сам законодатель нарушает закон, – тогда всему честному, справедливому, святому – конец¹⁰⁴⁹.

Еще одно слово о нравственном состоянии Константинопольского общества.

Рассуждая о грехе содомском, Святитель говорит: «был один грех, конечно, тяжкий и проклятия достойный, однако же один: жившие тогда пылали неистовою страстью к отрокам, – и за это потерпели такое наказание. А ныне совершается множество грехов и равных этому и тягчае его. Ужели же тот, кто за одно прегрешение излил такой гнев..., пощадит нас, когда мы совершаляем столько грехов». Выражения: «равных», «тягчае» мы понимаем в отношении к качеству других грехов: убийства, напр., нераскаянного прелюбодеяния, святотатства и т. п., а не тождественности. И думаем, что в Константинополе «содомского греха» не было в таком развитии, как в Антиохии.

Но продолжим обозрение религиозного состояния Церкви Константинопольской.

Глава VI-я. Раскол в церкви Константинопольской

Жизнь церкви за время Златоуста так тесно связана с жизнью этого святителя, что нельзя рассматривать в отдельности ни историю жизни церковной, ни историю жизни Св. архиепископа Иоанна. Так это было даже в Антиохии, где Златоуст был только пресвитером, миссионером-проповедником, так это в особенности и всецело было в Константинополе, где Св. Иоанн был первосвятителем столицы. Так это было за весь период жизни и деятельности Златоуста в Константинополе, но особенно резко выразилась теснейшая связь архипастыря с паствой в последний период святительства Св. Иоанна – в последние дни его жизни в Константинополе и долго-долго после его кончины, выразившись в таком грустном явлении в жизни церковной, каков раскол между единоверными членами единой, святой, соборной церкви и ее представителями здесь и в церквях, так или иначе соприкасавшихся с патриаршой церковью Константинополя. Если когда добро и любовь и ненависть так ревностно воевали между собою и на чем сосредоточивали каждый проявление своих чувств, то здесь – в Константинополе – на судьбе Св. Иоанна Златоуста в весьма значительной степени.

Почти за все время жизни Св. Иоанна Златоуста в Константинополе, а в последние дни в особенности, – мы видим: с одной стороны любовь к нему народа, с другой – ненависть духовенства, клира и монахов с архиереями во главе; с одной стороны – любовь бедняков – неимущих, с другой – вражда богачей немилостивых, гордых и сановитых людей; с одной стороны – преданность благочестивых дев и вдовиц, с другой – злоба роскошествующих жен, распутных девственниц и рассвирепевших похотью вдов. И потом – совершенный контраст отношений в одних и тех же царственных лицах Аркадия и Евдоксии – постоянная смесь и смена добра и зла, добродетели и порока, уважения и презрения, благоговения и отвращения, искренней любви и злобы непримиримо-бесконечной, ищущей, жаждущей позора, крови, смерти

Святителя. Все это, в совокупности взятое, объясняет исход судьбы Св. Иоанна Златоуста, но, с тем вместе, указывает на современное ему состояние религиозной жизни в Константинопольской церкви. Созомен рассказывает об антифонных песнопениях Иоанна против ариан и о том, что от его учения православие еще более усиливалось, а богатеющие должны были скорбеть. Такими действиями и церковными беседами Иоанн еще больше возбуждал любовь народа; но вместе с тем, через свое дерзновение, он еще больше становился ненавистным для людей сильных и подчиненных себе клириков; ибо видел, что одни поступают неправедно, – и обличал их; а другие развращаются богатством, нечестием и нечистыми удовольствиями, – и побуждал их к добродетели. В своем месте, в нашем труде, мы заметили, что 398-й год, время обличения клириков и девственниц в их сожительстве, – мы считаем роковым в жизни Святителя. Последующие обстоятельства, с развязкой 20-го июня 404 г., показывают всю справедливость этого мнения. Когда Иоанн произнес знаменитое слово, по случаю бегства консула Евтропия, в котором – слове – разоблачил тщеславие людей сильных¹⁰⁵⁰, историк замечает: «люди, питавшие к нему – Святителю – ненависть, за это порицали его»¹⁰⁵¹. Говоря о действиях Иоанна в Азии и Фригии, где он низложил 13 епископов, о Гераклиде Ефесском и Геронтии Никомидийском, Созомен опять отмечает пробуждение вражды к святому Архипастырю. «С этого времени низложенные и друзья их стали обвинять Иоанна, будто он есть причина нововведений в церквях. Быв огорчены, они порицали и те поступки его, которые, по мнению многих, были достойны похвалы»¹⁰⁵².

Мы отметим и еще одно обстоятельство, желая выяснить причины настроения умов и чувств к Святителю за последний год его архипасторства. «Иоанн, беседуя в церкви, – повествует тот же историк, – сказал обличительное слово вообще против женщин. Но народ понял его так, как будто оно прикровенно касалось супруги царя. Посему неприязненные епископу люди, взяв самую эту беседу, представили ее царице, а та жаловалась на обиду мужу»¹⁰⁵³. Эта речь, – говорит Тьери, –

известна нам лишь из нескольких слов истории, — скорописцы, по всей вероятности, не осмелились обнародовать ее и ее нет в собрании его сочинений¹⁰⁵⁴. Мы думаем, на основании слов Созомена, что эту речь недоброжелатели Златоуста, кто-либо из сильных мира, сейчас же в церкви отобрали у стенографов и представили царице, где и погибло это слово. Тье́ри объясняет содержание этой речи и мы думаем, что она и могла быть так сказана. Он говорит: «В этой речи Златоуст распространяется о бесчинстве женщин вообще, в особенности же клеймит тех, которые с любовными похождениями светской жизни соединяют притязания править церковью, посевая раздор в святилище и воздвигают гонения на служителей Бога»¹⁰⁵⁵. Речь сказана после столкновения святителя Иоанна Златоуста со святителем Епифанием Кипрским, жившим в Константинополе в доме Евграфии¹⁰⁵⁶. Сократ свидетельствует об Епифании по этому случаю: «остановился для жительства в честном доме»¹⁰⁵⁷.

Творения Златоуста вполне подтверждают показания исторических свидетельств и в свою очередь уясняют их. «Дети», взывает Святитель, гонимый с кафедры, «Дети!» — «свидетельствуюсь вашею любовью; я вижу козни, поднимающие войну и оскорбляющие Бога; вижу борьбу потерянною и подвигоположника скорбящим; вижу убеждение в истине ослабевшим, а козни торжествующими. Вы знаете, возлюбленные, за что хотят низложить меня, — за то, что я не расстилал ковров, не облачался в шелковые одежды и не угождал чревоугодию других. Разве за деньги подвергаюсь я козням, чтобы мне скорбеть? Разве за грехи, чтобы мне сетовать? Нет! За любовь к вам, за то, что я все делаю, чтобы привести вас в безопасность; чтобы никто не проник в паству, чтобы стадо пребывало невредимым... Огрубевшая в плоти враждует против бесплотного; занятая омовениями, умашениями и мужем враждует против чистой и непорочной церкви. Вчера вечером она называла меня тринадцатым апостолом, а сегодня называла иудою; вчера благосклонно сидела вместе со мной, а сегодня напала на меня, как дикий зверь. Братия! Станем ли мы изощрять язык наш против царицы. Но что мне сказать? Иезавель неистовствует, — и Илия

убегает; Иродиада веселится, – и Иоанн заключается в узы; египтянка клевещет и Иосиф отводится в темницу. Семя той Иезавели обнаруживается и преуспевает... Иродиада требует главы Иоанна...» Так говорил Св. Архипастырь, уходя в первое изгнание. Объяснения излишни. Ясно, что это начало конца в печальной судьбе Святителя.

Св. Иоанн с императорским чиновником при отряде солдат и матросов переплыval воды Пропонтиды¹⁰⁵⁸, в Константинополе рекой лились слезы и кровь верных своему святому архипастырю. Мужчины, женщины, дети, мастеровые, судорабочие, продавцы, – все плакали и молились, взывая к небесному правосудию¹⁰⁵⁹. Феофил, Александрийский патриарх, неправедный судия Святителя Иоанна, стремился в базилику архиепископа, но верные загородили ему дорогу¹⁰⁶⁰. Александрийские солдаты произвели побоище. Церковь и крестильня наполнились трупами¹⁰⁶¹. Кровь лилась в алтарях и крики проклятий сменили песнь Господу¹⁰⁶². – Это страдали и умирали любящие Святителя, души свои полагавшие за него!

Но обстоятельства быстро изменились. «Испуская вопли и рыдания, народ дошел до царского дворца и просил об отзывании Иоанна», рассказывает Созомен. Снисходя к мольбам народа, царица убедила мужа согласиться и немедленно послала верного своего евнуха возвратить избранника¹⁰⁶³. Была глубокая ночь. Граждане встретили его с приготовленными на этом случай псалмопениями, причем весьма многие из них несли зажженные свечи и ввели его в церковь, где Святитель принужден был воссесть на епископский престол и сказал наскоро придуманное слово¹⁰⁶⁴. Это слово во всей подробности выясняет всю суть данного события: «Фараон отнял у Авраама Сарру; нечестивый, варвар, египтянин – прекрасную, благоразумную жену, взирая неправедными глазами на ее красоту, намереваясь сделать с нею прелюбодеяние. То же произошло и ныне с церковью. Там Египтянин, и здесь Египтянин; тот против Сарры, этот против церкви; тот держал ее одну ночь, этот входил сюда на один день, даже и на один день не было попущено ему... О необычайные и дивные дела! Весь город стал церковью...

освятились улицы, площади, воздух... еретики обращались, Иудеи становились лучшими; священники были осуждаемы! А иудеи прибегали к нам! Так было и при Христе. Каиафа распял Его, а разбойник исповедал; священники убили Его, а волхвы поклонились. Но да не смущает это церкви... я переплыл море; один вмешал в себе церковь; вдруг в позднее время боголюбивейшая царица присыпает письмо, в котором заключались такие слова: «я не повинна в крови твоей, люди злые и развращенные устроили эти козни; моих же слез свидетель Бог»¹⁰⁶⁵. «Буду ли я жить или умру, мне уже нет заботы», говорит Святитель, заключая свое слово: «вы видите последствия искушения»¹⁰⁶⁶.

Но обстоятельства опять быстро изменились. На порфировом столбе поставлена была серебряная статуя царской супруги. Иоанн в беседах к народу высказал, что все это сделано в оскорбление церкви и в это именно время произнес он знаменитое слово, которое начинается так: «Опять Иродиада беснуется, опять пляшет, опять старается получить на блюде главу Иоанна» (Созом. VIII, 21; Сократ. VI, 17).

Феофил снова встретился с Иоанном, как сатана с Иовом¹⁰⁶⁷ и так тот – диавол, так и этот поразил праведника лютыми скорбями. Совершался грозный неправедный суд над Святителем. Он содержался, как узник в своем доме¹⁰⁶⁸. Епископы убеждали царя осудить неповинного, говоря: «Да будет кровь его на головах наших!»¹⁰⁶⁹ Св. архипастырь в великую субботу 404 года был в храме Св. Софии и готовился совершить таинства крещения и миропомазания над многочисленными новообращенными, – как вдруг воины схватили архиепископа и ряды солдат с мечами наголо, наполнили церковь и поражали и оглашенных и духовенство, так что воды крещения были обагрены человеческой кровью¹⁰⁷⁰. Солдаты подняли нечистые руки свои на святые Дары и Святая Кровь обрызгала их одежды¹⁰⁷¹. «Церкви в праздник Пасхи – в светлый день», повествует Св. Иоанн Златоуст, «остались пустыми, без прихожан и более сорока епископов, имеющих с нами общение, были изгнаны вместе с народом и клиром; везде стенания, вопли, слезы... И все это было сделано без воли

благочестивейшего императора, под покровом ночи, во многих случаях под предводительством епископов, которые не постыдились идти, имея впереди себя командиров вместо диаконов. С наступлением дня все жители выселились уже за стены города, разместившись под деревьями, по лесам, и там проводили праздник, как овцы рассеянные»¹⁰⁷². Народ молился в термах Констанция¹⁰⁷³, на полях¹⁰⁷⁴, но везде и всех верных Св. Архипастырю доставали враги. Священников и оглашенных и новопросвещенных мужчин и женщин, детей, мирян били копьями, мечами, топтали конями; по малейшему подозрению, сторонников Св. архиепископа арестовывали и влачили в темницы¹⁰⁷⁵. С того времени собрания приверженцев Святителя происходили то здесь, то в других местах, где было можно и собирающиеся особо назывались Иоаннитами. Так произошел раскол в Константинопольской церкви, – раскол, как обособление от состава церковного союза или общества верующих, вследствие несогласия подчиняться данному иерархическому авторитету¹⁰⁷⁶.

Это определение понятия раскола, или правильнее часть определения, вполне отвечает данному случаю в церкви Константинопольской: здесь именно Иоанниты не хотели подчиняться новому иерархическому авторитету, заместившему Св. Иоанна Златоуста. – Немного спустя, – рассказывает историк, в епископа Константинопольского рукоположен был Арзакий¹⁰⁷⁷. «Замечательно искусство современника летописца, как он старается сказать правду, но прикровенно, это оригинальная особенность Созомена. Сократ говорит открыто. Феодорит уклончив, как духовный человек, – он пишет свою историю очень сдержанно. Мы пользуемся преимущественно церковной историей Созомена, памятуя заповедь: «современный историк, изучающий историю IV и V вв. не может обойтись без Созомена»¹⁰⁷⁸.

Обратимся к отзыву Созомена об Арзакии. «Муж, говорит, кроткий и благочестивый». – Но посмотрите, как этого мужа, «кроткого и благочестивого» разоблачает историк. «Но, – прибавляет Созомен, – приобретенную им во время пресвитерства добрую славу помрачали некоторые клирики,

делавшие, что им было угодно и вменявшие ему свои поступки. Особенно же униило его то, что случилось после сего с приверженцами Иоанна (sic!). Так как последние считали для себя нестерпимым иметь общение и молиться вместе с ним (верх искусства!) и с его сомолитвенниками, – потому что между ними было много врагов Иоанна, – и делали собрания, как сказано, сходясь на концах города, сами по себе, то он сообщил царю (еще украшение!). Вследствие сего, трибун, получив повеление, напал с воинами на собравшихся и чернь разогнал палками и камнями; а тех, кто был познатнее и ревностнее привержен к Иоанну, заключал под стражу. Смятение и плач были по городу во всей силе (ну можно ли более сего сказать в похвалу!). Вот образ Арзакия в основных его чертах – «мужа кроткого и благочестивого». – Св. Иоанн Златоуст делает следующий отзыв об этой личности. «Слышал и я об этом шуте (см. Photii Biblioth. cod. 277. 1565 г.), которого императрица посадила на кафедру, что он подверг бедствиям всю братию, но пожелавшую иметь с ним общение; многие таким образом даже умерли из-за меня в темнице. Это волк в овечьей коже (шкуре); хотя по наружности – епископ, но на деле прелюбодей, потому что как женщина при живом муже, живя с другим, становится прелюбодейцею, так равно прелюбодей и он не по плоти, но по духу, ибо еще при жизни моей восхитил мою церковную кафедру»¹⁰⁷⁹. Тьеरри приводит в своей книге¹⁰⁸⁰ характерное суждение современников об этом епископе Арзакие, сохраненное одним из позднейших писателей¹⁰⁸¹. «О позор! Какой преемник и после кого же? *Quis cui?* Старый пень, которым, по высочайшему произволу, заменили ветвь крепкую и цветущую; старик восьмидесяти лет, которому приличнее было бы сидеть у могилы, нежели на престоле; безумец и глупец; нелепейший, – когда говорил; тупейший, – когда хотел думать; похожий более на камень, на чурбан, нежели на живое существо; годный только на то, чтобы проводить жизнь в углу комнаты или в постели; бесполезный самому себе и другим и недостойный сожаления»¹⁰⁸². Этого заместителя на кафедре Златоуста скоро сменил другой, носивший «печать скота», из Константинопольских священников¹⁰⁸³, по имени Аттик, которого

так расхваливает Сократ, говоря; «при епископе Аттике удивительно как процветали дела церкви»¹⁰⁸⁴. «Он был одним из вожаков последних козней против Иоанна», – замечает Тьери¹⁰⁸⁵. Оба эти деятели на кафедре Константинопольской оставили по себе кровавый след в яростной борьбе с Иоаннитами.

В то время, как Святитель Иоанн удалялся от Константинополя, его друзей, преданных ему людей, приверженцев его за любовь к нему томили в тюрьмах, пытали, истязали, лишали имущества, ссылали в заточение, предавали смерти. Страдали диаконисы, с Олимпиадой во главе, народ, диаконы, клирики, священники и даже епископы. Первая, призванная к суду, была Олимпиада; она была позвана в суд, яко бы по подозрению в поджоге базилики Св. Софии, вспыхнувшей по удалении в конечную ссылку Святителя Иоанна. Но она мужественно и спокойно опровергла эту нелепость, поставив в тупик префекта; дело объяснилось; обвинитель сказал ей: «вы, женщины, с ума сошли, отказываясь от общения с вашим епископом Арзакием»¹⁰⁸⁶. «Ну, это не касается суда»¹⁰⁸⁷, – ответила Св. диакониса. Префект без вины обвинил праведницу и осудил ее на большую пеню и на изгнание в Никомидию¹⁰⁸⁸. «Возрадуйся», писал Св. Златоуст Пентадии из своего заключения, «ты смущила бесстыдство диких зверей и заградила их бешеную пасть»¹⁰⁸⁹. Понятна ярость преследования этих благородных женщин. «Тогда же и некто Евтропий чтец, от которого требовали показания, кто подложил огонь, был терзаем бичами, валками и ногтями по ребрам и щекам, и кроме того переносил жжение тела посредством горящего факела, но при всей молодости и нежности свидетельствовал, что ничего не знает»¹⁰⁹⁰. Когда его отвязали от станка, он оказался мертвым. Но так как под руками не было ни одного священника – Иоаннита, то клирики епископа – лютого врага Святителя Иоанна, заседавшего при пытках, были принуждены сами похоронить свою жертву, проводив на кладбище ночью¹⁰⁹¹. Иоанниты рассказывали, – прибавляет Палладий, что в ту минуту, как эти нечестивые руки опускали юного чтеца в могилу, небо отверзлось и слышно было

пение ангельского гимна, приветствовавшее страдальца, лишенного погребальных молитв и последнего поцелуя братьев¹⁰⁹². Так погибло много мужей и жен, до конца возлюбивших своего учителя, святого архиепископа Иоанна, о чем, как видели, свидетельствует сам Святитель в письме к Иннокентию. Святой изгнаник утешал страждущих за него. Он писал утешительные письма священникам, диаконам, епископам. Читайте его письма к разным лицам. «Не сомневаюсь никак», говорит он в 1-м письме к Олимпиаде, «что ваши страдания даже увеличат вашу цену пред Богом!»

Но Иоанниты не хотели знать Арзакия, и Бог был с ними и за них. В продолжении нескольких месяцев смерть или странные болезни поразили многих из тех, кто преследовал Златоуста, или участвовал в его осуждении. Палладий подробно рассказывает об этом в своих диалогах¹⁰⁹³. И церковная история не отрицает в них характера сверхъестественного. – 6-го октября того же 404 года через 3 ½ месяца умерла императрица Евдоксия в невыразимых страданиях, родив мертвого младенца. Сократ рассказывает об этих событиях и прибавляет: «справедливо ли было низложение Иоанна или Кирилл, епископ Халкидонский, верный слуга Феофила, получил достойное наказание за свое злословие, – ему отдалили сапогом ногу и антонов огонь прикончил ему жизнь, – также из-за Иоанна ли умерла царица, или это произошло по другим причинам, – известно одному Богу, который знает тайное и есть праведный судия самой истины»¹⁰⁹⁴. Арзакий – «гнилой пень так и умер дубиной»¹⁰⁹⁵. Хитрый Аттик, когда скончался Святитель Иоанн Златоуст, зная о разделении церкви, поскольку Иоанниты собирались вне ее, – приказал поминать в молитвах Иоанна, подобно тому, как делается поминовение и о других усопших епископах, в той надежде, что через это многие возвратятся в церковь¹⁰⁹⁶; но и под этим благовидным предлогом верные своему архипастырю Иоанниты чувствовали жало змеи и понимали как нельзя лучше, что за человек был Аттик. О нем замечает Созомен: «кого хотел он, легко мог испугать; но потом вдруг, переменившись, казался кротким»¹⁰⁹⁷. «Злобный триумвират патриархов

Константинопольского, Антиохийского и Александрийского был, на самом деле, креатурой этого злодея, чтобы повсюду, не только в Константинополе, но и в соседних епархиях, во всех провинциях в каждой церкви преследовать Иоаннитов, хотя закон вышел еще при епископе Арзакие¹⁰⁹⁸. Закон гласил: «кто прекращает свое общение с Арзакием, Феофилом, Порфирием должны быть отлучены от церкви»¹⁰⁹⁹. По этому закону епископы, уличенные в принадлежности к Иоаннитам, были низлагаемы, изгоняемы из своих церквей и предаваемы светскому суду, как преступники. Святитель мученик все это знал и утешал страдальцев истины. «Свидетельствуем великую благодарность твоему благовению», писал святой изгнаник, как он сам называет себя¹¹⁰⁰, – к Анисию, епископу Фессалоникскому¹¹⁰¹ – «за непреклонную настойчивость и мужество, показываемые тобою в делах церковных. Велико было доселе усердие вашей любви и мы свидетельствуем вам благодарность за то, что, в течение такого долгого времени, вы стояли непреклонно с подобающим вам мужеством, не поддаваясь никому из желающих увлечь вас на свою сторону, но вместе с этим просим вас и завершить ваш подвиг надлежащим венцом». – Так начал свое письмо Св. Златоуст из Кукузы к Анисию, Евстафию, Маркеллу, Евсевию, Максимиану, Евгению, Геронтию, Фирсу и всем православным епископам Македонии¹¹⁰². «Блаженны вы в вашем темничном заключении, в ваших цепях и узах», писал он к епископам, пресвитерам и диаконам, заключенным за благочестие в темницы, – «блаженны троекратно, тысячекратно блаженны вы, возбудившие во всей вселенной нежное участие к себе и соделавшие приверженцами людей, даже далеко от вас отдаленных»¹¹⁰³. Повсюду на море прославляются ваши подвиги. Ничто не сломило вас! – ни судилище, ни палач, ни бесчисленные пытки, ни тысячекратные угрозы смертью, ни судьи с пламенем в устах. Вы сказали: вот наши тела, – губи, изводи их какими хочешь мучениями, но мы не соглашаемся клеветать и лучше готовы тысячу раз умереть. Не одно и тоже сложить голову в краткое мгновение времени или бороться с столькими скорбями так долго. Это гораздо высший вид

подвижничества¹¹⁰⁴. Вы содержитесь в темнице, вы окованы цепями, вы заключены вместе с людьми грубыми и грязными. Но поэтому, есть ли кто блаженнее вас? Какие пышные, пространные чертоги могут соперничать с этой мрачной и грязной тюрьмой, в которую заключен человек по такой причине? И так торжествуйте, веселитесь, ликуйте и радуйтесь в полной уверенности, что постигшие вас бедствия доставят вам величайшие блага»¹¹⁰⁵. – Так писал Святитель к епископам и пресвитерам, находящимся в заключении, в 404 году, – К заключенным в Халкидоне епископам, пресвитерам и диаконам писал также: «блаженны и вы своими узами и теми чувствами, с которыми переносите узы, показывая среди них мужество апостольское»¹¹⁰⁶.

Письма Святителя Иоанна к Иннокентию, папе Римскому, возымели свое действие. Они глубоко тронули сердце западного первосвященника и подвигли душу его стать на защиту попираемой правды. А к этому еще письмо клириков, оставшихся верными святому архиепископу, где картина бедствий их церкви и других церквей востока была начертана с необыкновенной силой, тронуло Иннокентия до слез. Несколько раз перечитывал он его и плакал. В этом письме разоблачался Феофил, как душа всех беспорядков¹¹⁰⁷. А вскоре появились в Риме и сами преследуемые: девицы, изувеченные монахи, свидетельство, что и в Константинополе были иноческие добрые, любящие, святые, – которые ходили из дома в дом, обнажая знаки пыток и рубцы своих ран¹¹⁰⁸.

Иннокентий решил собрать вселенский собор для рассмотрения дела Св. Златоуста и западный император Гонорий уже писал к восточному Аркадию о необходимости привести в лучшее положение дела, которые были следствием заговора против Иоанна Златоуста. «Исполненный забот о церковном мире, в котором почерпает мир и наша империя, пишу тебе в третий раз, через посредство сих епископов и священников, чтобы ты соблаговолил предписать восточным епископам собраться на вселенский собор в Фессалонике¹¹⁰⁹. Из Рима в конце марта или начале апреля 406 года¹¹¹⁰ отправилось посольство в Константинополь. С епископами и клириками

западного посольства на корабле ехали четыре бежавших епископа¹¹¹¹. Но для всех этих пловцов за все их усилия послужить правому делу концом трудов стали тюрьма и заточение. «Блаженны вы», писал Святитель Иоанн Златоуст к епископам Кириаку, Димитрию, Палладию и Евлизию, пострадавшим с западными епископами и клириками посольства, «треократно и тысячекратно блаженны вы за те добрые труды, подвиги, усилия, лишения и опасности, которые вы подъяли для церквей всей вселенной»¹¹¹².

Дальше этих сведений о состоянии церкви Константинопольской и других церквей того времени не дают нам творения Святого Иоанна Златоуста. Скоро могила запечатлела золотые уста.

Общее настроение души его всегда неизменно было одинаково во всех скорбях, при всех испытаниях: – богопреданность, терпение, любовь вся терпящая, и в слове и в деле сердечное утешение всем гонимым, страждущим. Вся жизнь Святителя Иоанна в столице империи была исполнена скорбей, страданий; с первого дня – его праведной деятельности здесь. Некогда, объясняя в Константинополе книгу Деяний Апостольских и говоря о страданиях Св. благовестников, он сказал: «О, безумие! За что нужно было благодарить, за то осуждали; и тех, которые были сильны делами, надеялись преодолеть «словами»... Видишь ли, воскликнул Святитель в торжестве духа, «силу проповеди, как она действует, что проповедники не только подвергаются бичеванию, но и побиваются камнями; не только ведутся на суд, но и отовсюду изгоняются?!.» И еще. Говоря тогда же о преступности для христианина, греховного желания; «чтобы обида не осталась не отмщенною», – св. проповедник говорил: «Доколе мы будем жить жизнию земною?!. Наносящий удары, когда имеет пред собою человека, сопротивляющегося ему, то еще более раздражается; а когда – покоряющегося, то скорее утихает и удары обращаются на него самого. Ибо не столько укрощает силу врага человек искусный в борьбе, сколько человек, оскорбляемый и не отвечающий тем же; потому что враг, наконец, отступает от него посрамленный и осужденный,

во первых, своею совестию, и во вторых – всеми видевшими. Никто, не может обидеть нас, кроме нас самих. Пусть жизнь моя будет нечистая, а все говорят обо мне противное. Что из этого? Они так хотя и говорят, но в душе судят обо мне не так. Или пусть жизнь моя будет чистая, а все говорят обо мне противное. Что ж из этого? Они сами себя осудят в своей совести, потому что говорят не по убеждению. Не нужно принимать к сердцу как похвал, так и порицаний. Что я говорю? Никто не в состоянии будет повредить вам клеветою или каким-нибудь порицанием, если мы захотим того. Объясним это так: пусть кто-нибудь влечет (нас) на судилище, пусть злословит, пусть, если хочешь, домогается лишить жизни. Что ж значит – несколько времени потерпеть это невинно? Но это самое, скажут, и есть зло. Напротив, страдать невинно – это и есть добро. Что? Неужели нужно страдать невинно? Так скажу, при этом: один философ из внешних (язычников), когда услышал, что такой-то лишен жизни, и когда один из учеников его сказал: жаль, что несправедливо; обратившись к нему, сказал: что ж, тебе хотелось бы, чтоб – справедливо?..»¹¹¹³ Те же святые чувства, исполненные мира и любви о Христе страдалец, святитель выразил теперь в тяжкую годину испытания в письме из своего изгнания к своей сподвижнице в скорбях – Св. диаконисе Олимпиаде: «не падай духом, видимая бо временна (2Кор. 4:18); настояще – все равно, будет ли оно радостно, приятно или печально; не смущайся, не беспокойся и не тревожься, но пребывай, постоянно благодаря Бога за все!» – И так до конца.

Златоусту, после отправления его из Константинополя за Босфор, позволено было оставаться только в течение месяца в Нивее. И потом после трудного и утомительного путешествия, – подробности кратко указаны нами выше, – он достиг Кукуза, в горах Киликийского Тавра. Во время своего пребывания в этом отдаленном от Константинополя и жалком городишке, он страдал от недостатка провизии, от переменных крайностей температуры – зноя и холода, от частых болезней, во время которых невозможно было достать лекарств и от хищничества исаврийских разбойников, которые принудили его наконец искать убежища в крепости Арабиссе.

Но годы изгнания были полнее почестями и влиянием Святителя – изгнанника, чем какой-либо период его прежней жизни: он поддерживал сношения с церквами во всех странах. Даже епископ Римский, Иннокентий, относился к нему как к совершенно равному себе. От епископа Кукузского Аделфия и его соседей Св. Иоанн постоянно встречал почтительную доброту к себе. Многие паломники приходили к нему, в его уединенное местопребывание, с целью выразить ему свое почтение. Он, – Святитель – миссионер в душе, – руководил отсюда, из места своего изгнания, миссионерскими трудами в Персии и среди Готов, причем его отдаленные друзья снабжали его столь значительными суммами, что он не только был в состоянии содержать эти миссии и выкупать пленных, но даже должен был просить, чтобы их чрезмерная щедрость была направлена на другие цели¹¹¹⁴.

Расставаясь с дорогим историческим источником для нашего труда, – творениями Святителя Иоанна Златоуста, – здесь, в конце нашего исследования истории церквей, где служил он благовестию слова Божия, находим случай запечатлеть для себя и для читателей нашей «истории» наставления Святителя: о том, что все и каждый из сынов церкви должны заботиться об обращении незнающих Бога и святого его закона и заблуждающихся в вере и жизни; о том, как врачевать заблуждающихся братий наших, стремясь обратить на путь истины и добродетели, и о том, что молитва – первое условие для успеха в служении благовестию.

«Я хочу просить всех вас об одной услуге – именно, чтобы вы унимали в городе тех, кто богохульствует или хулит святую веру нашу. Если ты услышишь, что кто-нибудь на распутье или на площади хулит Бога или святую веру нашу, – подойди, сделай ему внушение... Ты знаешь, что сделал Иоанн (Креститель). Он увидел тирана, ниспровергающего брачные законы, и смело, посреди площади, заговорил: не достоит тебе имети жену Филиппа, брата твоего (Мк. 6:18). Исправляй же сораба, и, если даже надо будет умереть, не переставай вразумлять брата. Это будет для тебя мученичеством. И Иоанн ведь был мучеником за святые законы, когда они подвергались

поруганию. Так и ты до смерти борись за истину и Господь будет поборать за тебя. И не говори мне таких бессердечных слов: что мне заботиться? У меня нет с ним ничего общего, потому что это голос сатанинский, диавольское бесчеловечие. Не станем же говорить этого и покажем подобающую братьям заботливость. Разделим между собою заботу о спасении наших братьев. А когда налицо не один, не два и не три, а такое множество *могущих принять на себя заботу о нерадивых*, то не почему иному, ибо по нашей лишь беспечности многие погибают и падают духом. Не безрассудно ли, что все мы спешим поднять упавшего осла, а о гибнущих братьях не заботимся? Хулящий святую веру – тот же упавший осел. Подойди же и подними его словом и делом, и кротостью и силою; пусть разнообразно будет лекарство. И если мы будем искать спасения и ближних, то вскоре станем желанными и любимыми и для самых тех, кто получает исправление».

Увещеваю всех вас стараться, по силам вашим, врачевать заблуждающихся, как впавших в болезнь, беседуя с ними снисходительно и кротко. Их учение произошло у них от безумия, и велика надменность их ума; а воспалившиеся раны не выносят наложения руки и не терпят крепкого прикосновения. Посему благоразумные врачи отирают такие раны какою-нибудь мягкою губкою. Итак, если и в душе заблуждающихся есть воспалившаяся рана, то мы, собрав все, известное нам, как бы напоив какую-нибудь нежную губку приятною и нежною водою, постараемся успокоить их воспаление и уничтожить всю надменность; и хотя бы они оскорбляли, отталкивали, хотя бы плевали, и что бы ни делали, ты, возлюбленный, не прекращай врачевания. Врачующим человека сумасшедшего необходимо терпеть много подобного и, не смотря на все то, отступать не следует, но потому особенно и нужно сокрушаться о них и плакать, что таков род их болезни. Это говорю я тем, которые более сильны и тверды и не могут получить никакого вреда от сообщения с больными. А кто более слаб, тот пусть избегает их сообщества, пусть удаляется от разговоров с ними, чтобы дружественное отношение не послужило поводом к несчастию. Итак, чтобы нам

не причинить себе величайшего вреда, будем избегать их сообщества, будем только молить и просить человеколюбивого Бога, иже всем человекам хочет спастися и в разум истины приими (Тим. 11:4), да избавит их от заблуждения и диавольской сети и приведет к свету познания, к Богу и Отцу Господа нашего Иисуса Христа. Пастырь за погибель овец понесет ущерб не имению своему, а душе своей. (О священстве, сл. II, стр. 22, срав. Ап. прав. 39). Должно убеждением возвращать на истинный путь, с которого человек уклонился».

«Молитесь, да не внидите в напасть» (Мф. 26:41), сказал Христос. «Молитесь», убеждает Св. Иоанн Златоуст, ибо «молитва есть самое важное из благ, основание и корень плодотворной жизни», «причина всякой добродетели... так что в душу, незнакомую с молитвой и прощением, не может войти ничто содействующее благочестию». «Что в жилище основание, то же самое в душе молитва». «Молитва освежает ум, прогоняет опасности, очищает грехи, сберегает в душе добрые нравы».

Поэтому, «кто не молится Богу и не желает непрестанно наслаждаться Божественным общением, тот мертв и бездушен... ибо подобно тому, как наше тело, если в нем нет души, мертв и зловонно; так и душа, не побуждающая себя к молитве, мертвa, и несчастна, и зловонна»... «Поэтому», замечает св. отец, «когда я увижу, что кто-либо не любит молитвы.., то мне уже ясно, что он не владеет в своей душе ничем благородным». «Какая может быть польза от беседы», говорит Св. Иоанн Златоуст, «когда с нею не соединяется молитва?» «Прежде молитва, а потом слово; так говорят и апостолы: мы же в молитве и в служении слова пребудем (Деян. 6:4). Так и Павел поступает, в начале посланий совершая молитву, чтобы свет молитвы предшествовал учению, как свет светильника». Как все эти наставления могут относиться к истории церкви, – указывает наш курсив. Святитель не только желает, нет! Он убежден, что его паства знакома с учением Св. Веры.

После трех лет проведенных Св. Златоустом здесь, – в Кукузе и в Арабиссе, – в изгнании, интерес, который он продолжал возбуждать в населении, расположил врагов его прибегнуть к еще более жестоким мерам против него. Решено было переселить его в Питиум, городок на крайней границе империи к востоку от Евксина, находившийся на восточном берегу Черного моря, и летом 407 года он был увезен из Арабиссы сюда – в Питиум. Путешествие продолжалось три месяца, и под палящим зноем лета, и под дождем, по горам Кавказского побережья, «идеже частейше смертоноснii ветри бываху», замечает списатель жития и страданий Святителя Златоуста, Георгий, архиепископ Александрийский – в VII-м веке.

Но Святой Священномученик не дошел до последнего предела своей ссылки и в понтийском городе – Команах скончался.

В Команах, когда святой страдалец возлег на плиты церковного пола перед святым алтарем, чтобы предать дух свой Богу, – и здесь последним его словом было: «слава Богу за все. Аминь»¹¹¹⁵.

Так угас церковный светильник, так умолкли золотые уста, так совершил подвиг и скончал течение добрый подвижник и страдалец, проживший двенадцать лет епархиальным проповедником Антиохии, шесть с половиною лет восседавший на патриаршем престоле Царя-града и три года и три месяца пробывший в заточении, как епископ-миссионер, гонимый с места на место!

Когда умер Св. Иоанн, следовавшие за ним до самой его смерти, два пресвитера и диакон, оплакав смерть архипастыря и отца своего, отправились в Рим к папе Иннокентию и подробно сообщили ему обо всем, что претерпел Святитель от врагов своих. Выслушавши все, Иннокентий весьма удивился и стал скорбеть о великом страдальце за правду. Об обстоятельствах изгнания и смерти Св. Златоуста папа сообщил западному императору Гонорию, брату Аркадия. И оба они написали послания царю Аркадию.

Гонорий написал Аркадию: «Я не знаю, каким искушением ты прельстился, брат, доверившись жене своей и, по ее настояниям, устроив то, чего не сделал бы ни один благочестивый царь христианский. Находящиеся здесь епископы и преподобные отцы вопиют против вас с царицей за то, что вы низвергли с престола без суда и вопреки канонам великого Божия архиерея Иоанна и, истомив его жестокими муками, предали насильственной смерти».

Папа написал: «Кровь брата моего Иоанна вопиет к Богу против тебя, царь, как древле вопияла кровь Авеля праведного против братоубийцы Каина. – И эта кровь будет отмщена, так как ты в мирное время воздвиг гонение на церковь Божию. Ибо ты прогнал истинного пастыря Христова, а с ним вместе ты изгнал и Христа Бога, а паству Его предал в руки наемников, а не истинных пастырей Христовых». – Это и многое другое писал Иннокентий к Аркадию, отлучая его и Евдоксию от Божественных Таин, а вместе с ними и всех сообщников их, которые участвовали в низвержении Св. Иоанна. Феофила же отлучал не только от сана, но и от церкви и призывал его на соборный суд¹¹¹⁶.

14 сентября 407 года могила в храме Св. Василиска в Команах скрыла честные останки Св. Иоанна Златоустого¹¹¹⁷. Но с этим историческим днем не кончились: ни любовь к нему друзей его, ни ненависть врагов; не улеглось и охватившее церкви востока и запада волнение. Многих виновников неповинных страданий св. изгнанника скоро не стало на свете. Через 7 ½ месяцев по кончине Святителя Иоанна, умер царь Аркадий, оставив преемником себе сына Феодосия, только что переставшего питаться молоком и трех дочерей в самых молодых летах. «При этом, кажется мне», прибавляет летописец, «Бог весьма ясно показал, что царям всего важнее благочестие, без которого войска и царское могущество и другие средства неблагонадежны»¹¹¹⁸. А через 4 года после смерти царя впал в летаргию Феофил, епископ Александрийский¹¹¹⁹, и скоро его нашли в постели мертвым¹¹²⁰. И все-таки еще не скоро улеглись волны многобурной жизни церковной.

Римский святитель стоял неусыпно «на божественней стражи» и лишь с теми мирствовал, кто Иоанна Златоуста признавал непереставшим быть архиепископом Константина-града¹¹²¹. И в конце концов достиг желаемого, – стал «миротворцем христианского мира»¹¹²². Так что, когда священный гроб Святителя Иоанна Златоуста в 437 году был вознесен на высоту его Константинопольской кафедры, в этот знаменательный день все, видящие святые останки святого архиепископа и слышавшие об этом чудном событии, могли сердцем чувствовать священное слово любви Христовой, как бы изшедшей из уст Святителя страдальца: «мир всем»!¹¹²³

Послесловие

Приступая к нашему труду, среди размышлений о трудности предположенного нами дела, в искреннем сознании недостаточности наших сил, в книге «Искра любомудря» (Москва 1892 г.) мы встретили следующий эпиграф: «Если кому недоступна вся глубина и широта научного знания, то неужели он вовсе не должен касаться науки? Без сомнения должен (Алексакис)». И вот, воодушевившись этим словом, мы дерзновенно коснулись науки Истории древней церкви. К благосклонным же читателям обращаемся со следующим древним словом некоего труженика науки: «Забвению и недостатку всяк человек подлежит, аще и вельми остроумен и опасен и без погрешения некоего неудобно быти тому. Посем же и вы, почерпающие книгу сию, прошу, да помолитесь ко Господу, яко да даст ми прощение многих моих и бесчисленных грехов (из пред. к сл. рук. М. Син. Биб. № 226, стр. 2521 и 2523)». В искреннем благоговении пред святым автором творений, давших нам возможность составить «Историю церквей Антиохийской и Константинопольской, за его время», оканчиваем труд наш теми словами, какими сам Великий Вселенский Учитель закончил свое последнее слово проповеди: «Возблагодарим Бога, Которому слава и держава, вместе с Сыном и благим животворящим Духом и ныне и присно и во веки веков. Аминь».

Примечания

- ¹ - Энциклоп. слов. Андреевского, т. 1, стр. 640.
- ² - Слов. и бесед. на разн. случ. т. I, стр. 337.
- ³ - Сл. и бес. на раз. сл. т. I, стр. 334. 4-ю беседу о серафимах мы относим к Антиохийскому периоду жизни и деятельности Св. Иоанна Златоуста.
- ⁴ - Бесед. к Ант. нар. т. I, стр. 234.
- ⁵ - Ibid. 236.
- ⁶ - Ibid.
- ⁷ - Бесед. к Ант. нар. т. I, стр. 520–521.
- ⁸ - Ibid., стр. 236.
- ⁹ - Слов. и бесед. на разн. случ. т. I, стр. 337.
- ¹⁰ - Ibid., стр. 338.
- ¹¹ - Ibid., стр. 237.
- ¹² - Бесед. на разн. мест. Св. Пис. т. I, стр. 233–234.
- ¹³ - Бесед. к Ант. нар. т. I, стр. 237.
- ¹⁴ - Бесед. к Ант. нар. т. I, стр. 204.
- ¹⁵ - Ibid.
- ¹⁶ - Ibid., стр. 206.
- ¹⁷ - Очерки истор. Визант. церкви А. Лебедева, стр. 155.
- ¹⁸ - Бесед. на разн. мест. Св. Писан. т. I, стр. 234.
- ¹⁹ - Бесед. на разн. случ. т. I, стр. 422–423. Против Аномеев 4-я беседа.
- ²⁰ - Ibid., стр. 405. Против Аномеев 3-я беседа.
- ²¹ - Превосходство православия над учением папизма. Иеромонаха Антония СПБ. 1890 г.
- ²² - Бесед. к Ант. народ. т. I, стр. 512–518.
- ²³ - Беседа к Антиох. народу XIX.
- ²⁴ - Ibid.
- ²⁵ - Ibid.
- ²⁶ - Созомен кн. VII, гл. 23, стр. 527.
- ²⁷ - Бесед. к Ант. нар. по Montfaucon'у XIX, т. II, р. 189–190.

²⁸ - Montfaucon, т. II, стр. 189 ad par. Ant. XIX homil.

²⁹ - Стр. 170 его истории.

³⁰ - Ibid. 170 стр.

³¹ - Ibid. 322 стр.

³² - Церков. истор. А. Лебедева, стр. 199–201.

³³ - Стр. 290.

³⁴ - Стр. 291–292.

³⁵ - Бесед. к Ант. народ т. I, стр. 318–319.

³⁶ - Бесед. на Мате. т. Ш, стр. 173–217.

³⁷ - Ibid. стр. 173.

³⁸ - Ibid. стр. 180.

³⁹ - Ibid. стр. 180.

⁴⁰ - Ibid. стр. 210.

⁴¹ - Ibid. стр. 211.

⁴² - Ibid.

⁴³ - Бесед. т. II, стр. 498.

⁴⁴ - Бесед. на Мате. т. III, стр. 173–182.

⁴⁵ - Слов. т. III, стр. 22.

⁴⁶ - Слов. т. III, стр. 115–117; 118–120; 180–181; 203–205.

Бесед. к Ант. народ. т. I, стр. 75–76; Беседы на разн. м. Св. Пис. стр. 18; Бесед. на псалмы т. I, стр. 100, Бесед. на Мат. т. I, стр. 13, 151–152, 421; т. II, стр. 83; т. III, стр. 44; Бесед. на 1 Кор. т. I, стр. 99.

⁴⁷ - Бесед. на 1-е послан. к Тимоф. стр. 204–217.

⁴⁸ - Слов. т. III, стр. 115–117.

⁴⁹ - Бесед. на 1-е послан. к Тимоф. стр. 204–217.

⁵⁰ - Слов, т. III, стр. 205.

⁵¹ - Бесед. на I Кор. т. I, стр. 101.

⁵² - Слов. на разн. случ. т. I, стр. 46. Беседа 6-я против Аномеев.

⁵³ - Бесед. на Матф. т. II, стр. 452. т.

⁵⁴ - Бесед на разн. мест. Св. Пис., т. III, стр. 14–15.

⁵⁵ - Слова и речи на разн. случ. т. I, стр. 461. 6-я беседа против Аномеев.

- ⁵⁶ - Ibid.
- ⁵⁷ - Бесед. на Еван. от Матф. т. III, стр. 173–182.
- ⁵⁸ - Слов. т. III, стр. 204.
- ⁵⁹ - Единственное свидетельство об этом у современников только и есть у Златоуста и именно в этом месте его беседы.
- ⁶⁰ - Бесед. к Ант. народ. т. I, стр. 512–519.
- ⁶¹ - Стр. 342–345.
- ⁶² - Очерки истор. Визан. восточ. церкви от конца XI до половины XV-го века; стр. 136.
- ⁶³ - Бесед. 1-я и 2-я к Ант. народ. т. I.
- ⁶⁴ - Пис. к верующему отцу. Слов. т. III, стр. 159.
- ⁶⁵ - Ibid, стр. 160.
- ⁶⁶ - Ibid, стр. 161.
- ⁶⁷ - Ibid, стр. 161.
- ⁶⁸ - Ibid, стр. 167.
- ⁶⁹ - Бесед. на Мат. т. III, стр. 382–384.
- ⁷⁰ - Бесед. на I Кор. т. I, стр. 357–360.
- ⁷¹ - Бес. на I Корино., т. I, стр. 357–360.
- ⁷² - Ibid, стр. 361.
- ⁷³ - Ibid, стр. 362.
- ⁷⁴ - Ibid, стр. 364.
- ⁷⁵ - Стр. 201.
- ⁷⁶ - Бесед. на I Кор. т. I. стр. 363.
- ⁷⁷ - Ibid, стр. 365.
- ⁷⁸ - Ibid, стр. 365.
- ⁷⁹ - 29-я беседа на книгу Бытия.
- ⁸⁰ - Бесед. на посл. к Римлн., стр. 578.
- ⁸¹ - Ibid, стр. 578.
- ⁸² - Ibid, стр. 581.
- ⁸³ - Ibid.
- ⁸⁴ - Ibid, стр. 584.
- ⁸⁵ - Ibid.
- ⁸⁶ - Ibid, стр. 385.

- ⁸⁷ - Бесед. на псалмы, т. II, стр. 527–345.
- ⁸⁸ - Бесед. на псалмы, т. II, стр. 527–345.
- ⁸⁹ - Ibid, стр. 544.
- ⁹⁰ - Ibid, стр. 529.
- ⁹¹ - Ibid, стр. 527.
- ⁹² - Ibid, стр. 528.
- ⁹³ - Агапит. стр. 181.
- ⁹⁴ - Бесед. на Мф. XXXV, §§ 3–5.
- ⁹⁵ - Слово «к верующему отцу». Слов. т. III, стр. 178.
- ⁹⁶ - Бесед. на Мф. XXXV, §§ 3–5.
- ⁹⁷ - Агапит. Стр. 181.
- ⁹⁸ - Труды Киев. Д. Ак. 1862 г. т. II, стр. 298.
- ⁹⁹ - Ibid, стр. 299.
- ¹⁰⁰ - Бесед. к Ант. народ. т. II, стр. 41–46.
- ¹⁰¹ - Агапит. Стр. 235.
- ¹⁰² - De spect. cap. XXXI.
- ¹⁰³ - 6 Вселен. собор. пр. 24, 51 и 66; Карфаг. 18, 72 и 74 и Лаод. 54 прав.
- ¹⁰⁴ - Слов. к Ант. народ. т. II, стр. 47, беседа XIV.
- ¹⁰⁵ - Слов. к Ант. народ. т. II, стр. 67. 4-я бесед. об Анне.
- ¹⁰⁶ - Ibid.
- ¹⁰⁷ - Ibid, стр. 68.
- ¹⁰⁸ - Слов. к Ант. народ. т. II, стр. 357. 6-я бесед. о покаянии.
- ¹⁰⁹ - Ibid, стр. 557–559.
- ¹¹⁰ - Слов. к Ант. народ. т. II, стр. 175–180: 3-я беседа о Давиде и Сауле.
- ¹¹¹ - Ibid, стр. 176.
- ¹¹² - Ibid, стр. 161.
- ¹¹³ - Бесед. на Матф. т. I, стр. 135–137.
- ¹¹⁴ - Ibid.
- ¹¹⁵ - Беседа III-я о Давиде и Сауле.
- ¹¹⁶ - Бесед. на Матф. т. II, стр. 164.
- ¹¹⁷ - Ibid, стр. 180.

- 118 - Кн. правил. Моск. Синод. тип. 1893 г. стр. 211.
- 119 - Ibid.
- 120 - Ibid, стр. 180. Слов. к Ант. народ. т. II.
- 121 - Бесед. на 1 Кор. т. II, стр. 365.
- 122 - Слов. т. Ш, стр. 167–179.
- 123 - Ibid, стр. 177.
- 124 - Ibid, стр. 178.
- 125 - Бесед. на посл. к Римлян., стр. 62–70.
- 126 - Слова и речи на разные случаи.
- 127 - Правосл. Обозр. 1873 г. 2 т., стр. 185.
- 128 - Слов. т. III, стр. 406.
- 129 - Слово т. III, стр. 176.
- 130 - Слов. т. III, стр. 177.
- 131 - Стр 178.
- 132 - Слов., т
- 133 - Patr. curs. compl. lat. т. I, р. 1418; «О свободе совести»

В. Кипарисова, стр. 1-я.

- 134 - «О свободе совести» Москва 1883 г. стр. 28.
- 135 - Anol. 1. Рус. пер. стр. 43, 169.
- 136 - Стр. 499–501.
- 137 - Созомен – Истор. стр. 32.
- 138 - Стр. 158.
- 139 - Beugnot. I. 80.; Кипарисов – «Своб. совести», стр. 158.
- 140 - Кипар. ук. сог. стр. 130.
- 141 - Кипар. ук. сог. стр. 160.
- 142 - Агапит стр. 222.
- 143 - Слова на разн. случ., т. 1, стр. 144.
- 144 - Указ. соч., стр. 242.
- 145 - Ibid, стр. 143.
- 146 - Ibid.
- 147 - Кипарисов. Указ. соч. стр. 242.
- 148 - Ibid.
- 149 - Т. III. стр. 465–465.

- 150 - Бесед. на разн. мест. Св. Пис., т. 1, стр. 233–234.
- 151 - Бесед. на разн. случ. т. 1, стр. 423.
- 152 - Ibid, стр. 406.
- 153 - По кн. Малышева, стр. 245.
- 154 - Ibid.
- 155 - Малышев, стр. 245.
- 156 - Ibid, стр. 64.
- 157 - Малыш. стр 65.
- 158 - Ibid.
- 159 - Беседа 8 – о статуях.
- 160 - Слов. и бесед. на разн. случ. т. II, бесед. на Нов. год.
- 161 - Бесед. 27-я на 1-е посл. к Кор. гл. II, 17.
- 162 - Ibid.
- 163 - Ibid.
- 164 - Бесед. на посл. к Ефес. 12.
- 165 - Бесед. 12 на посл. к Ефес.
- 166 - Ibid.
- 167 - Слов. и реч. на разн. случ. т. 1, стр. 287–308.
- 168 - Стр. 123.
- 169 - Бесед. на 1 Корин. стр. 223.
- 170 - Малышев, стр. 220.
- 171 - Слов., т. III, стр. 178.
- 172 - Бесед. на разн. мест. Св. Пис., т. III, стр. 20.
- 173 - Слова и речи т. II, стр. 283.
- 174 - Указ. соч , стр. 249.
- 175 - Стр. 249.
- 176 - Ibid.
- 177 - Ibid.
- 178 - Ibid., стр. 285.
- 179 - Ibid., стр. 286.
- 180 - Ibid., стр. 286.
- 181 - Ibid.
- 182 - Минь. Monphocon Acta Sanctor...

- 183 - Бесед. к Ант. народ. т. II, стр. 106–107.
- 184 - Ibid.
- 185 - Ibid.
- 186 - Бесед. к Ант. народ. т. I, стр. 571.
- 187 - Бесед. к Ант. народ. т. I, стр. 571.
- 188 - Ibid., стр. 573.
- 189 - Ibid., стр. 573.
- 190 - Бесед к Ант. народ. т. I, стр. 484 и 485.
- 191 - Бесед к Ант. народ. т. II, стр. 105.
- 192 - Бесед к Ант. народ. т. I, стр. 576.
- 193 - Бесед к Ант. т. I.
- 194 - Гильтебр т. II, стр. 939.
- 195 - Галат. III, 13.
- 196 - Гильтебр т. III, стр. 35.
- 197 - Слов. и бесед. на разн. случ. т. I, стр. 322.
- 198 - Ibid.
- 199 - Тим. I, ч.
- 200 - Ibid. стр. 322–323 т. е. сл. на р. сл. т. I.
- 201 - Матф. XXV, 33.
- 202 - 1Кор. XVI, 22; Гал. 1, 9.
- 203 - Слова и беседы на разн. случ. т. II, стр. 326–327.
- 204 - Ibid.
- 205 - Ibid., стр. 329–330.
- 206 - Ibid.
- 207 - Ibid. стр. 331.
- 208 - Рим. XIV, 4.
- 209 - Слова и бесед. на разн. случ. т. II, стр. 331.
- 210 - Ibid.
- 211 - Ibid., стр. 332.
- 212 - Слова и бесед. на разн. случ., т. II, стр. 321–322.
- 213 - А. П. Лебедев. «Вселен. Собор. IV и V в.в., стр. 43.
- 214 - Ibid., стр. 5.
- 215 - Горский. Жизнь Св. Афанасия, стр. 37.

- 216 - А. П. Лебедев. Указ. соч. стр. 108.
- 217 - Ibid.
- 218 - Ibid., стр. 109.
- 219 - Ibid., стр. 110.
- 220 - Ibid., стр. 109.
- 221 - Ibid., стр. 43.
- 222 - 8-я беседа, стр. 173.
- 223 - Ibid., стр. 174.
- 224 - «Вселен. Собор». стр. 107.
- 225 - Ruf. lib. t. 1, cap. 2.
- 226 - Твор. ч. 3-я, стр. 134.
- 227 - «Вселен. Соб.» стр. 4.
- 228 - Histor. Ecd. lib. III, c. 15.
- 229 - «Жизнь Св. Афанасия», стр. 37.
- 230 - Деян. всел. собор. т. I, стр. 54.
- 231 - Вселен. собор, стр. 43.
- 232 - Sosom. L, c. 18.
- 233 - Деян. всел. соб. т. 1, стр. 142.
- 234 - Вселен. собор. стр. 3–4.
- 235 - Sosom. L. 1. c. 17. ср Лебедев «Вселен. соб.» стр. 6.
- 236 - Т. 1, стр. 56–57.
- 237 - Слова и беседы на разн. случ. т. II, стр. 323.
- 238 - «Вселенск. собор.» Лебедева, стр. 2.
- 239 - Деян. всел. собор. т. 1, стр. 38.
- 240 - Ibid., стр. 46–47.
- 241 - Твор. Св. Афанасия Велик., т. III, стр. 127.
- 242 - Стр. 7–8.
- 243 - «Вселен. собор.» А. П. Лебедева, стр. 33.
- 244 - «Вселен. собор.» А. П. Лебедева, стр. 33, 37, 38.
- 245 - Ibid., стр. 42; Sosom. L. VI, c. 21.
- 246 - Т. III, стр. 150.
- 247 - Феодорит, L. II, c. 27.
- 248 - Sosom. L. III, c. 20.

- 249 - Sosom. L. II, с. 19.
- 250 - А. П. Лебедев, указ. соч., стр. 60.
- 251 - Sosom. L. II, с. 18.
- 252 - т. 1, стр. 351.
- 253 - Sosom. кн. VII, гл. 3. Сократ кн. V, гл. 5.
- 254 - Sosom. Ibid. гл. 15; Сокр. Ibid. гл. 15.
- 255 - Стр. 102.
- 256 - Стр. 159.
- 257 - Бесед. на послан. к Ефес., стр. 197.
- 258 - Бесед. на послан. к Ефес., стр. 197.
- 259 - Ibid.
- 260 - Бесед. на 2-е посл. к Кор. XXVII.
- 261 - Ibid.
- 262 - Бесед. на посл. к Римл. стр. 180–187.
- 263 - Ibid.
- 264 - Ibid.
- 265 - Твор. Св. Отц. т. XV, стр. 79.
- 266 - Стр. 122.
- 267 - Стр. 191.
- 268 - Стр. 192.
- 269 - Ibid., стр. 192.
- 270 - Ibid., стр. 193.
- 271 - Ibid., стр. 194.
- 272 - Ibid., стр. 195.
- 273 - Ibid., стр. 195.
- 274 - Ibid., стр. 196.
- 275 - Ibid., стр. 198.
- 276 - Слов. и бесед. на разн. случ. т. I, стр. 334.
- 277 - Слов. и бесед. на разн. случ. т. I, стр. 64.
- 278 - Ibid., стр. 65.
- 279 - Ibid., стр. 65.
- 280 - А. П. Лебедев, ц. с. стр. 60.
- 281 - Sosom. IV, стр. 12.

- 282 - «Всел. соб.» А. П. Лебедева, стр. 39.
- 283 - Похвальн. слово ему Златоуста.
- 284 - Твор. Св. Афанасия Велик. т. III, стр. 315.
- 285 - «Всел. соб.» стр. 139.
- 286 - Т. VI, стр. 62.
- 287 - Твор. его, т. III, стр. 350.
- 288 - Ibid., стр. 351–352.
- 289 - «Вселен. собор.» А. П. Лебедева, стр. 104.
- 290 - Ibid., стр. 100.
- 291 - Письма к Мелетию. твор. VI т., стр. 153.
- 292 - Твор. Св. Васил. Велик. т. VI, стр. 200.
- 293 - Васил. Велик., т. VII, стр. 260–261.
- 294 - Св. Афан. Велик., т. III, стр. 190.
- 295 - Твор. Василия Велик., т. VII, стр. 250.
- 296 - Феодорит, V, стр. 3.
- 297 - «Вселен. собор.» А. П. Лебедева, стр. 105.
- 298 - Ibid., стр. 104.
- 299 - Слова и беседы на разн. случ. т. I, стр. 65.
- 300 - Ibid., стр. 71.
- 301 - Ibid., стр. 50–51.
- 302 - «Всел. Соб.» А. П. Лебедева, стр. 105.
- 303 - Ibid., стр. 52.
- 304 - Фаррап, стр. 809.
- 305 - Ibid.
- 306 - Ibid, стр. 899.
- 307 - Слова и беседы на разн. случ. т. I, стр. 54.
- 308 - Твор. его т. III, стр. 315.
- 309 - «Вселен. Соб.» А. П. Лебедева, стр. 119.
- 310 - Ibid., стр. 120.
- 311 - Ibid.
- 312 - Феодорит, т. V, стр. 9.
- 313 - Творен. его, т. VI, стр. 52.
- 314 - Ibid., стр. 170.

- 315 - Sosom. IV, с. 28.
- 316 - Т. III, стр. 192; т. VI, стр. 52.
- 317 - Sosom. IV, с. 28.
- 318 - Феодорит II. 28.
- 319 - Сокр. III. 25. Sosom. VI. 4.
- 320 - Горский. Жизнь Афанас. стр. 150.
- 321 - «Вселен. Соб». А. П. Лебедева, стр. 126.
- 322 - «Вселен. собор». стр. 122.
- 323 - «Вселен. собор». стр. 122.
- 324 - Ibid., стр. 122–145.
- 325 - «Вселен. Собор.» А. П. Лебедева, стр. 56.
- 326 - Ibid., стр. 67.
- 327 - Ibid., стр. 88.
- 328 - Ibid., стр. 88.
- 329 - «Вселен. Собор.» А. П. Лебедева, стр. 56.
- 330 - Ibid., стр. 119.
- 331 - Ibid., стр. 118.
- 332 - Т. III, стр. 154.
- 333 - «Вселен. Собор.» А. П. Лебедева, стр.
- 334 - «Вселен. Собор.» А. П. Лебедева, стр. 68.
- 335 - Ibid., стр. 108.
- 336 - Малыш., стр. 108.
- 337 - Малыш., стр. 37.
- 338 - Малыш., стр. 97.
- 339 - Малыш., стр. 96.
- 340 - Малыш., стр. 98.
- 341 - Ibid.
- 342 - Бесед. на кн. Бытия, стр. 120–124.
- 343 - Бесед. на псал. т. I, стр. 498–499.
- 344 - Шесть слов о священ. стр. 93–95; Бесед. на Ев. Мато. т. II, стр. 420; Иоан т. II, стр. 448 и м. др.
- 345 - Стр. 60.
- 346 - Стр. 97.

- 347 - Ibid.
- 348 - 5 слово.
- 349 - Бесед. на посл. к Ефес. стр. 104.
- 350 - Слово о проклятии.
- 351 - О непостижимом.
- 352 - Это место надлежало бы с искренним вниманием прочесть и заметить г. Болотову, проф. С.-ПБ. Академии и откровенно покаяться к своей неправде об отношении Златоуста к еретикам (Христ. чтен., 1886 г. т. 2-й).
- 353 - Арх. Агапит «Жизнь Св. Иоанна Златоуста», стр. 155.
- 354 - Слов. т. III, стр. 178–179.
- 355 - Слов. о свящ., стр. 93.
- 356 - Бесед. на кн. Бытия, т. I, стр. 22.
- 357 - Бесед. на св. Иоанна, т. I, стр. 503.
- 358 - Бесед. на Св. Матф., т. I, стр. 552.
- 359 - Бесед. на Св. Иоанна, т. II, стр. 21.
- 360 - Бесед на св. Матф. т. II, стр. 240.
- 361 - Бесед. на св. Иоан. т. II, стр. 266.
- 362 - Бесед. на 1-е к Корин. т. II, стр. 367.
- 363 - Бесед. на 2-е к Кор., стр. 266.
- 364 - Бесед. на св. Матф. т. III, стр. 412.
- 365 - Бесед.: на нс. т. I, стр. 492, 498; на Ев Матф. т. I, стр. 552; 2-е Тим. 39 стр. – раз. м. св пис. т. I, стр. 165; Матф. т. II, 448 и др.
- 366 - Стран. 9-я.
- 367 - Бес. на посл. к Тим., стр. 21.
- 368 - Ibid., стр. 63.
- 369 - Ibid., стр. 61, 65.
- 370 - Стр. 199.
- 371 - Энц. слов. Андр. т. VIII, стр. 952.
- 372 - Стр. 406.
- 373 - Истор. учен. об Отц. церк. Филарета. арх. Черн. т. I, стр. 82–85.
- 374 - Ibid., стр. 950.

- 375 - Фил. Черн. указ. соч. т. 1, стр. 88.
- 376 - Энц. Слов. т. V, стр. 408.
- 377 - Слов. т III, стр. 178–179; слово о девст., стр. 9; слово о свящ., стр. 93; бесед. на Быт. т. I, стр. 22; бесед. на Матф., т. II, стр. 448; на Иоан., т. II. стр. 266; на посл. к Титу. стр. 21 и 63.
- 378 - Кн. Ш-я.
- 379 - Бесед. на разн. мест. Св. Пис., т. I, стр. 165.
- 380 - Стр. 8–11.
- 381 - Стр. 416.
- 382 - I, 22.
- 383 - Жизнь и труд. Св. Отц. и Уч. цер, стр 734–744.
- 384 - Фаррар, стр. 741.
- 385 - Ibid., стр. 744.
- 386 - О девстве, стр. 11, 12 и др.
- 387 - Стр. 13.
- 388 - Ibid.
- 389 - Слова и бесед. на разн. случ. т. II, стр. 39.
- 390 - Слова и бесед. на разн. случ. т. II, стр. 178–179.
- 391 - Бесед. на св. Мф. т. I, стр. 319–320.
- 392 - Бесед. на св. Мф. т. III, стр. 8.
- 393 - Бесед. на св. Мф. т. I, стр. 103.
- 394 - Бесед. на св. Иоан. т. I, стр. 256.
- 395 - Бесед. на 2-е Кор, стр. 266.
- 396 - Бесед. на 1-е Кор., стр. 316.
- 397 - Бесед. на св. Матф. т. I, стр. 307.
- 398 - Стр. 905.
- 399 - Ibid., стр. 904.
- 400 - Казань 1904 г.
- 401 - Стр. 250.
- 402 - Ibid., стр. 251.
- 403 - Ibid., стр. 254.
- 404 - Т. II, стр. 344.
- 405 - Т. II, стр. 354.

- 406 - Т. 1, стр. 459.
- 407 - Бес. на Еван. Иоан. т. I, стр. 95.
- 408 - О священстве, стр. 93–95.
- 409 - Жизнь и труды свв. отц. и учит. церкви, стр. 904.
- 410 - Ibid., стр. 904.
- 411 - Ibid.
- 412 - Бесед. на Ев. Иоан. т. I, стр. 100.
- 413 - Фаррар, стр. 904.
- 414 - Бесед. на Ев. Иоан т. I, стр. 100.
- 415 - Иер. XXX I. 31–32.
- 416 - Бесед. на р. м. св. пис. т. III. стр. 29.
- 417 - Бесед. на псал. т. I. стр. 194.
- 418 - Ibid., стр. 498.
- 419 - Бес. На Ев. Иоан. т. I, стр. 55.
- 420 - Ibid., стр. 463.
- 421 - Слов. и бесед на разн. случ. т. I, стр. 491; прот. Аномеев VII бесед.

- 422 - Слов. о свящ. 93, 95; Бесед. на разн. м. Св. писан, т. III, стр. 29; Бесед. на пс. т. I, стр. 492; Бесед. на Ев. Мф. т. I. стр. 132; Бесед. на Ев. Иоан т. I. стр. 196, и др.
- 423 - А. П. Лебедев соч. цит. стр. 105.
- 424 - Ibid., стр. 103.
- 425 - Св. Афан. т. II. стр. 82.
- 426 - Ibid.
- 427 - «Всел. соб.», стр. 70.
- 428 - Т. VI. 27.
- 429 - «Всел. соб.», стр. 68.
- 430 - Ibid.
- 431 - Ibid., стр. 67.
- 432 - Ibid., стр. 88.
- 433 - «Вселен. Собор» стр. 75.
- 434 - «Вселен. Собор» стр. 116.
- 435 - Ibid., стр. 118.

- 436 - Т. II, стр. 82.
- 437 - Собор Константинопольский 335 г., Антиохийский 341 г. и другие 4-го и 5-го десятилетий IV века направляли свои суждения против Маркелла. Стр. 74 «Вселен. соб.».
- 438 - «Всел. Соб.».
- 439 - Ibid., стр 69.
- 440 - Ibid.
- 441 - Ibid.
- 442 - Св. Афанасий, т. III, стр. 108–409.
- 443 - Бесед. на Св. Иоан. т. I, стр. 95.
- 444 - Ibid., стр 83.
- 445 - Ibid., прим.
- 446 - Слов. и бесед. на разн. случ. т. I, стр. 309.
- 447 - Ibid., стр 308.
- 448 - Кн. VI, гл. 10.
- 449 - «Вселен. Соб.», стр. 122.
- 450 - Фаррар, указ. соч. стр. 905.
- 451 - Гл. II.
- 452 - Гл. 10.
- 453 - Ibid.
- 454 - Сократ кн. V, гл. 4.
- 455 - Созомен.
- 456 - «Вселенск. собор». стр. 123.
- 457 - Последние главы.
- 458 - А. П. Лебедев. «Греч. истор». стр. 103.
- 459 - Слов., т. III, стр. 457.
- 460 - Т. IV, стр. 538.
- 461 - т. IV, стр. 538.
- 462 - Ibid., стр. 534.
- 463 - Ibid., стр. 457.
- 464 - Ibid., стр. 455.
- 465 - Ibid., стр. 456.
- 466 - Ibid., стр. 465.

- 467 - Ibid.
- 468 - Стр. 609.
- 469 - Стр. 465.
- 470 - Стр. 464.
- 471 - Ibid., стр. 467.
- 472 - Ibid., стр. 469.
- 473 - Ibid., стр. 468.
- 474 - Ibid., стр. 609.
- 475 - Ibid., стр. 610.
- 476 - Ibid., стр. 609.
- 477 - Ibid., стр. 466.
- 478 - Ibid., стр. 610.
- 479 - Ibid.
- 480 - Ibid., стр. 612.
- 481 - Homilia II adv luxeos.
- 482 - Стр. 458.
- 483 - Ibid., стр. 461.
- 484 - Ibid., стр. 469.
- 485 - Ibid., стр. 458.
- 486 - Ibid.
- 487 - Ibid., стр. 476, 477.
- 488 - Ibid., стр. 670.
- 489 - Ibid., стр. 452.
- 490 - Ibid., стр. 475.
- 491 - Ibid., стр. 470.
- 492 - Ibid., стр. 524.
- 493 - Ibid., стр. 491.
- 494 - Слов. т. III, стр. 480–481.
- 495 - Ibid., стр. 465.
- 496 - Ibid., стр. 515.
- 497 - V, 22.
- 498 - Слов. т. III, стр. 501.
- 499 - Ibid., стр. 502.

- 500 - А. П. Лебедев. «Греч. Истор». IV и V вв., стр. 101.
- 501 - V. 22.
- 502 - Церк. Истор. Сократа V, 22.
- 503 - Церк. Истор. Сокр. VI, 19.
- 504 - Слово т. III, стр. 463.
- 505 - Ibid., стр. 462.
- 506 - Церков. Истор. Сокр. стр. 124.
- 507 - А. П. Лебедев. «Греч. истор». IV и V вв. стр. 153.
- 508 - Слов., т. III, стр. 494–495.
- 509 - Ibid., стр. 495.
- 510 - Ibid., стр. 499.
- 511 - Ibid., стр. 506.
- 512 - Ibid.
- 513 - Ibid., стр. 507.
- 514 - Ibid., стр. 499.
- 515 - Ibid., стр. 503–504.
- 516 - Ibid., стр. 499.
- 517 - Ibid., стр. 504.
- 518 - Ibid., стр. 499.
- 519 - Ibid., стр. 505.
- 520 - Ibid., стр. 510.
- 521 - Ibid., стр. 513,
- 522 - Ibid., стр. 511.
- 523 - Ibid., стр. 517.
- 524 - Ibid., стр. 479.
- 525 - Малыш. стр. 95, цит. соч.
- 526 - Т. III. 6-я беседа о Лазаре, стр.
- 527 - Кн. X. начало.
- 528 - Ibid.
- 529 - Ibid.
- 530 - Слов. и бесед. на разн. случ., стр. 64.
- 531 - Решение возражений, подрывающих этот взгляд, можно читать в книге «о свободе совести» В. Ф. Киварисова,

стр. 99.

- 532 - Истор. Сократа, стр. 258. Созон. 212. Федорит 199.
- 533 - God. Theodor. Edit Putter. XVI, т. 1–2.
- 534 - Ibid.
- 535 - Божест. постан. V. 20.
- 536 - Св. Афан. Велик. т. II. стр. 216.
- 537 - Твор. Св. Григор. Богосл., ч. I, стр. 24, изд. 1889 г.
- 538 - Сл. 43. – Надгроб. Василию Велик. ч. IV, стр. 61.
- 539 - Ibid.
- 540 - В книжке против иудеев и язычников. Малышев., стр.

71.

- 541 - Ibid.
- 542 - Бесед. 18-я св Иоанна.
- 543 - Ibid., 65. Бесед. на Св. Иоанна.
- 544 - Бесед. 21 на посл. Еф.
- 545 - Слова и бесед. на разн. случ т. I, стр.
- 546 - Малыш., стр. 82.
- 547 - Малыш., стр. 12–14.
- 548 - Об этом есть указание выше.
- 549 - Обо всем этом говорено нами в речи о нравственно-религиозном состоянии Антиохийской церкви; повторять мы уже не будем.
 - 550 - Gerzog Real – Encykle: Libanius.
 - 551 - Твор. Св. Иоан. Златоуста.
 - 552 - Св. Иоанн Златоуст. Эме Пюш. стр. 23–24.
 - 553 - Книга 8-я, гл. 2-я.
 - 554 - Фаррап. 815.
 - 555 - По Энц. сл. Андр. стр. 25, Т. VI.
 - 556 - Святитель Димитрий Ростовский.
 - 557 - По Фаррапу, прилож. XIII.
 - 558 - Стр. 897-я.
 - 559 - Созомен II.3.
 - 560 - Ibid.

- 561 - Ibid.
- 562 - Ibid.
- 563 - Гл. 16, кн. 1.
- 564 - Феофил., Златоуст, Иероним, Зигабен по толков. Евангел. Архим. Мих. на Мф. стр. 469.
- 565 - Гл. 5-я.
- 566 - Гл. 5-я.
- 567 - Стр. 542.
- 568 - Созом. стр. 151.
- 569 - Ibid.
- 570 - Ibid.
- 571 - Фаррар, стр. 152.
- 572 - Твор. Григ. Богосл. Иоан. IV, 34.
- 573 - Тв. Св. Афан. Вел. т. I, стр. 221.
- 574 - Тв. Св. Афан. Вел. т. III, стр. 152.
- 575 - Евр. 11:38.
- 576 - Иер. 50:17.
- 577 - Тв. Св. Григ. Бог. изд. 1844 г. Часть I, стр. 25.
- 578 - Ibid., стр. 28.
- 579 - 1Цар. 2:67.
- 580 - Ibid., стр. 29–30.
- 581 - Ibid., стр. 42–43.
- 582 - Фаррар, 897–898.
- 583 - Созом. гл. 10-я кн. II.
- 584 - Ibid.
- 585 - Ibid., гл. 14.
- 586 - Гл. 8 кн. V.
- 587 - Гл. 8. кн. V.
- 588 - Гл. 3, кн. VII.
- 589 - Albert. Труды Киевск. Духов. Академ. 1862 г.
- 590 - Ibid., гл 9-я.
- 591 - Ibid.
- 592 - Кн. 8-я.

- 593 - Глав. 8.
- 594 - Ibid.
- 595 - Albert, выше.
- 596 - Albert.
- 597 - Albert.
- 598 - Albert.
- 599 - Ibid.
- 600 - Фаррар и о. Агапит помечают 26 февраля, другие, как Малышев, 28. Мы склоняемся на сторону первых.
- 601 - Фаррар 816 стр.
- 602 - Агапит 277 стр.
- 603 - Слова и бесед. на разн. случ. т. 1, стр. 549.
- 604 - Ibid., стр. 559.
- 605 - Ibid.
- 606 - Фаррар стр. 817.
- 607 - Диалог Палладия стр 18, – «malorum omnium metropolium avaritiam».
- 608 - Ibid., стр. 548.
- 609 - Ibid.
- 610 - Священно-мученика Фоки, Ibid., стр. 117.
- 611 - Слова и бес. на разн. случ. т. II, стр. 242.
- 612 - Бес. на Деян. т. I, стр. 209.
- 613 - Ibid., стр. 439.
- 614 - Матф. 5:13.
- 615 - Матф. 5: 14.
- 616 - Тим. 4:12.
- 617 - Бесед. на 1 посл. к Тим. 178.
- 618 - Ibid., стр. 179.
- 619 - 1Тим. 4:14–16.
- 620 - Лук. 11:52.
- 621 - Созомен. VIII, 3.
- 622 - Ibid., стр. 551.
- 623 - Тв. Св. Гр. Богосл, т. IV, стр. 37, Слово Прощальное.

- 624 - Стр. 35.
- 625 - Фаррар стр. 817.
- 626 - Тье́ри, стр. 34–35.
- 627 - Ibid., стр. 36.
- 628 - Фаррар.
- 629 - Тье́ри, стр. 34.
- 630 - III-я беседа, стр. 63.
- 631 - Ibid., стр. 62.
- 632 - Ibid., стр. 65.
- 633 - Ibid., стр. 68.
- 634 - Ibid., стр. 71.
- 635 - Тье́ри, стр. 18.
- 636 - Мо. XXIII, 4.
- 637 - Фаррар, стр 817.
- 638 - Тье́ри, стр. 35 и Фаррар, стр. 817.
- 639 - Тье́ри, стр. 75.
- 640 - Dialog. Pallad. p. 40.
- 641 - Тье́ри, стр. 36.
- 642 - Стр. 70.
- 643 - Бесед. на Мо. т. III, стр. 465–469.
- 644 - Бесед. на Мо. т. II, стр. 469.
- 645 - Dialog. Pallad. p. 41.
- 646 - Dialog. Pallad. p. 18.
- 647 - Гл. V. ст. 10.
- 648 - Дея́н. VI.
- 649 - Бес. на 1-е посл. к Тимоф., стр. 202–203.
- 650 - S. Ier. 1. 17.
- 651 - Бес. на Дея́н. Ап. т. I, 217–219.
- 652 - Бес. на Дея́н. Ап., т. 1. стр. 217–219.
- 653 - VIII, 9. 565.
- 654 - Слова и бес. на разн. случ., т. II, стр. 389.
- 655 - Pallad. Dialog. 19.
- 656 - Pallad. Ibid.

- 657 - Палладий, о жизни Златоуста, стр. 45.
- 658 - В словах в бесед. на раз. случ. т. II.
- 659 - В труд. Киев. Д. Академии, 1862 г. и у Тьери: Св. Иоанн Златоуст и Императрица Евдоксия.
- 660 - Мы проводим в русском переводе, Тьери стр. 33.
- 661 - Hieron. epist. 34.
- 662 - Слова и бес. на разн. случ., т. II, стр. 372–456.
- 663 - Ibid., стр. 402.
- 664 - Палл. разг. отд. 5.
- 665 - Полное собрание творений Св. Иоанна Златоуста. СПБ. 1895 г. Т. I. стр. 245.
- 666 - 1-го Всел. Соб. Прав. 3.
- 667 - Св. Василия Вел. посл. Григ. пресвитеру.
- 668 - Опыт курса церковн. законоведения Архим. Иоанна. Вып. 1. СПБ. 1851 г. стр. 290.
- 669 - Сократ, Созомен, Феодорит и др.
- 670 - Прав. V Св. Апостол.
- 671 - Ibid.
- 672 - Книга правит стр. 12.
- 673 - Ibid, прав. LV.
- 674 - Ibid.
- 675 - Форма запретительных решений этого поместного собора.
- 676 - Внешний быт народов с древнейших до наших времен. Сочинение Германа Вейса, т. II, ч. I. Византия и восток. Пер. с немецкого Васильева, изд. Солдатенкова. М. 1875 г. стр. 37.
- 677 - Византийские церкви и памятники Константинополя, Н. Кондакова, стр. 5.
- 678 - Ibid., стр. 6.
- 679 - Стр. 3 и 5.
- 680 - Стр. 7.
- 681 - Кн. VII, гл. 16-я, стр. 507.
- 682 - Чит. IV и V главы Тьери, – Св. Иоанн Злат. и имп. Евдоксия.

- 683 - Их полна вышеупомянутая книга Тье́рри.
- 684 - Лука 22:53.
- 685 - §§ 5–9. *Act. Sgnid ad querc.*
- 686 - *Ibid.*, § 15.
- 687 - Письмо №III-й.
- 688 - Созомен VII, 9.
- 689 - Письм. к Олимпиаде 39.
- 690 - *Pallad.* p. 26.
- 691 - *Pallad.* p. 26.
- 692 - Письм. к Олимпиаде, стр. 22.
- 693 - Труды Киев. Дух. Академии 1862 г.
- 694 - *Montf.* t. 1, p. 279.
- 695 - *Ibid.*, стр. 340.
- 696 - Слова и бес. на разн. случ. т. II, стр. 422.
- 697 - *Ibid.*, стр. 446.
- 698 - *Ibid.*, стр. 447.
- 699 - *Ibid.*
- 700 - Письма 1-е и 2-е и некоторые места в прочих.
- 701 - *Epistol. 2 ad Olimp.*
- 702 - Пис. к Олимпиаде, стр. 56–60.
- 703 - Тье́рри, стр. 51 и в др. м.
- 704 - Письм. к Олимп., стр. 36.
- 705 - Письм. к Олимп. 3, до Тье́рри стр. 355.
- 706 - Письм. к Олимп., стр. 65.
- 707 - Свед. даются по энцикл. слов. Андр. т. X. стр. 735.
- 708 - Письма к Олимпиаде, стр. 31.
- 709 - *Dialog. Pallad.* p. 19.
- 710 - Письма к Олимп. стр. 30–31.
- 711 - Письма к Олимп. стр. 35–37.
- 712 - *Ibid.*, стр. 9.
- 713 - Слова и бес. на разн. случ. стр. 447.
- 714 - *Ibid.*, стр. 428.
- 715 - *Ibid.*, стр. 448.

- 716 - Слова и бес. на разн. случ., стр. 420.
- 717 - Ibid., стр. 448.
- 718 - Ibid., стр. 448.
- 719 - Письма к Олимп. стр. 64.
- 720 - Слова и бес. на разн. случ., стр. 374.
- 721 - Ibid., стр. 375.
- 722 - Слова и бес. на разн. случ., стр. 438.
- 723 - Письма к Олимпиаде, стр. 65.
- 724 - Dialog. Pallad. р. 18.
- 725 - Слова и бес. на разн. случ., стр. 452.
- 726 - Слова и бес. на разн. случ., т. II, стр. 422.
- 727 - 1Тим. 5:4.
- 728 - Там же, 5 стих.
- 729 - Ibid., 11–12 ст.
- 730 - Там же, 6 стих.
- 731 - Римл. 16:1.
- 732 - Прав. 16.
- 733 - Sosom. кн. 1 гл. XII; кн. VI гл. XXIX–XXXVI.
- 734 - Бес. на Деян. Ап. т. I, стр. 138.
- 735 - Ibid.
- 736 - Ibid.
- 737 - Ibid., стр. 204.
- 738 - Труды Киев. Дух. Академии 1862 г.
- 739 - Ibid.
- 740 - Бес. на посл. к Евр., стр. 263.
- 741 - Труд. К. Д. Ак. 1862 г., т. III, стр. 323.
- 742 - Бесед. на Мо. т. III, стр. 242–243.
- 743 - Ibid.
- 744 - Ibid.
- 745 - Ibid.
- 746 - Пандекты Никона Черногорца, по энцикл. словарю
Андреев., т. XIII, стр. 222.
- 747 - Труд. К. Д. Ак. 1862 г., стр. 322.

- 748 - Бес. на посл. к Евр., стр. 184.
- 749 - Прим. к слову Св. Иоанна Златоуста против преследующих тех, которые руководствуют к монашеской жизни. Слов. т. III, стр. 70.
- 750 - Ibid., стр. 73.
- 751 - Ibid., стр. 75.
- 752 - Кн. VII, гл. 16-я, стр. 508.
- 753 - Книга правил, стр. 166.
- 754 - Ibid., стр. 61, прав. 23.
- 755 - Кн. VIII, гл. 9, стр. 566.
- 756 - Тьеरри, стр. 24.
- 757 - Тьеरри, Ibid.
- 758 - Ibid.
- 759 - Письм. к Олимп, стр. 96.
- 760 - Ibid., стр. 97.
- 761 - Ibid., стр. 99.
- 762 - Ibid., стр. 107.
- 763 - Ibid., стр. 108.
- 764 - «Носили меня на зрачке своих глаз» в подлиннике.
- 765 - Ibid., стр. 108.
- 766 - Бесед. на еванг. Мф. т. II, стр. 83.
- 767 - Бесед. на еванг. Мф. т. II, стр. 445.
- 768 - Ibid., стр. 451.
- 769 - Выражение Златоуста.
- 770 - Биографы неправославные очень уж резко проводят черные черты в жизни монахов за период жизни Златоуста и, к сожалению, извращают истину, что мы в своем месте и указываем.
- 771 - Sosom. кн. VIII, гл. 8, стр. 564.
- 772 - Бес. на посл. к Евр. стр. 530.
- 773 - Бес. на Мф. т. II, стр. 452.
- 774 - Минь indet т. XIII.
- 775 - Внеш. быт. нар. т. II, ч. I.

- 776 - Ibid., стр. 36.
- 777 - Ibid., стр. 37.
- 778 - Ibid., стр. 37.
- 779 - Ibid., стр. 37.
- 780 - Бес. II-я против Аном.
- 781 - Слова и бес. на разн. случ., т. I стр. 550.
- 782 - Ibid.
- 783 - Прав. Обозр. 1873 г. 2-е п. стр. 183.
- 784 - Слова и бес. на разн. случ. т. I, стр. 549.
- 785 - Бес. на посл. к Ефес., стр. 73.
- 786 - Ibid., стр. 21.
- 787 - Ibid., стр. 10.
- 788 - Ibid., стр. 13.
- 789 - Ibid., стр. 18.
- 790 - Ibid.
- 791 - Ibid., стр. 20.
- 792 - Ibid., стр. 19.
- 793 - Ibid., стр. 19.
- 794 - Стр. 20.
- 795 - Ibid., стр. 551. Ibid., стр. 169. Ibid., стр. 168.
- 796 - Ibid., стр. 169.
- 797 - Ibid., стр. 168.
- 798 - Ibid., стр. 170.
- 799 - Ibid., стр. 170.
- 800 - Ibid., стр. 196.
- 801 - Ibid., стр. 196.
- 802 - Ibid., стр. 196.
- 803 - Ibid., стр. 166.
- 804 - Ibid., стр. 167.
- 805 - Прав. Обозр. 1873 г. 2-е полуг. стр. 824.
- 806 - Подробности можно читать у Вейса «Внешний быт народов» т. II, ч. 1, стр. 67–68.
- 807 - Вейс, указ. соч. стр. 40.

- 808 - Ibid., стр. 37.
- 809 - Запрещение касалось, – говорит Вейс, – книга его уже цитована, – двух самых дорогих сортов пурпура: Тирского – дважды крашеного пурпура «Иантинтинского, гиацинтового», Аметистового и, может быть, еще поддельных сортов пурпура, до обманчивости сходствовавших с настоящими (стр. 51).
- 810 - Вейс, Ibid., Прав. Обозр. 1873 г. 2 пол. стр. 827.
- 811 - Там же, стр. 825.
- 812 - Бесед. на посл. к Кол. стр. 115.
- 813 -
- 814 - Ibid. стр. 116.
- 815 - Ibid. стр. 118.
- 816 - Ibid., стр. 117.
- 817 - Ibid., стр. 118.
- 818 - Ibid., стр. 119.
- 819 - Ibid., стр. 118.
- 820 - Ibid., стр. 119.
- 821 - Ibid., стр. 118.
- 822 - Ibid., стр. 119.
- 823 - Бесед. на посл. к Кол. стр. 198.
- 824 - Ibid.
- 825 - Pall. p. 27.
- 826 - По Тьеरри...
- 827 - Твор. Григор. Богосл. ч. I, стр. 275–276.
- 828 - Пр. Обозр. 1873 г. 2-е пол. стр. 828.
- 829 - Перев. на рус. яз. Л. Ливанова.
- 830 - Стр. 19.
- 831 - I том. II гл. 9 ст.
- 832 - I Кор. 11:4–5.
- 833 - Стр. 19.
- 834 - Стр. 828. Изд. Топя, т. XIII, Диалог Палад.
- 835 - Ibid., стр. 1–7.
- 836 - Ibid., стр. 120.

- 837 - Ibid., стр. 122.
- 838 - Ibid., стр. 121.
- 839 - Бес. на 1-е посл. к Фесс., стр. 168.
- 840 - Ibid.
- 841 - Ibid., стр. 169.
- 842 - Ibid., стр. 173.
- 843 - Ibid., стр. 174.
- 844 - Ibid., стр. 174.
- 845 - Ibid.
- 846 - Ibid., стр. 184.
- 847 - Ibid., стр. 185.
- 848 - Бес. на Деян. Ап. т. II, стр. 276.
- 849 - Ibid.
- 850 - Ibid., стр. 274.
- 851 - Ibid., стр. 275.
- 852 - Ibid.
- 853 - Бес. на Деян. т. I, стр. 209.
- 854 - Ibid.
- 855 - По Тьерри стр. 181, слова и беседы на разн. случ. т. II, стр. 535.
- 856 - Народное выражение.
- 857 - На Деян. Ап., гл. V, стр. 33–34.
- 858 - Ibid., стр. 32.
- 859 - Суды-дикастории – в Афинах были судами присяжных; каждый из них состоял из 500 присяжных – гелиастов.
- 860 - Мы опускаем взгляд философа на общность жен и детей. «Со всем предыдущим находится в связи, по моему мнению», говорит Сократ, «еще следующее установление». «Какое?» – «Чтобы все женщины были общи всем мужчинам, и ни одна из них не жила особо с кем-либо одним. И дети д. б. общими, т. чтобы – ни отец не знал своего ребенка, ни ребенок своего отца, – кн. V, гл. 7; – чтобы ни одна мать не узнала своего ребенка». С точки зрения языческого мыслителя, – не разврат, понятно, а половой подбор, был законным основанием

для рассуждения, когда муж уступал свои супружеские права другому мужчине, который мог произвести более сильное потомство. Таков смысл «общности жен и детей». И пусть не укоряют официальных блюстителей нравов и в особенности духовных лиц церкви за внимание к философии Платона. – Карл Каутский – из истории культуры. СПБ. 1905 г. Платон требует равноправности мужчин и женщин, допущения последних ко всем должностям. Да ведь этот взгляд – последнее слово эмансипации женщин XX-го века! И мы с глубоком сочувствием заносим мудрое слово, хотя оно и не касается прямо нашего предмета. «Среди всех занятий, которыми держится государство, нет ни одного такого, которое бы приличествовало женщине, как женщине или мужчине, как мужчине; природные способности распределены у них одинаково, и женщина по своей природе, также, как и мужчина, может принимать участие во всех занятиях». Кн. V, гл. 9.

861 - Матф. 19:21.

862 - Деян. Ап. 4:82–35.

863 - Матф. 19:29.

864 - Арх. Агапит «Жизнь Св. Иоанна Златоуста», стр. 33.

865 - Бес. на пос. к Евр., стр. 367.

866 - Слова и бес. на разн. случ., т. II стр. 346.

867 - Montocon. т. VI, р. 315.

868 - Ibid., стр. 341.

869 - Подр. опис. жиз. и деят. Св. Иоанна Златоуста. Свящ. Лебедева. Приб. к твор. св.-от. 7, XVI, стр. 445.

870 - Ibid., стр. 342.

871 - Ibid., стр. 343.

872 - Ibid., стр. 341.

873 - Ibid.

874 - Бес. на посл. к Евр., стр. 91.

875 - Ibid.

876 - Бес. на I-е посл. к Фесс., стр. 68.

877 - Ibid., стр. 90.

878 - Ibid., стр. 86.

- 879 - Ibid., стр. 87.
- 880 - Ibid.
- 881 - Ibid.
- 882 - Ibid.
- 883 - Ibid., стр. 88.
- 884 - Бес. на посл. к Кол., стр. 202.
- 885 - Бес. на посл. к Евр., стр. 177.
- 886 - Пословица во Влад. губ.
- 887 - Ibid., стр. 133. Ibid., стр. 136.
- 888 - Бес. на 2-е посл. к Фесс., стр. 69.
- 889 - Бесед. на посл. к Кол. стр. 203.
- 890 - Сл. и бес. на р. случ. т. II стр. 342.
- 891 - Приб. к тв. св. отц. т. XVI, стр. 444.
- 892 - Бес. на посл. к Кол., стр. 204.
- 893 - Ibid.
- 894 - Ibid., стр. 205.
- 895 - Ibid., стр. 206.
- 896 - Ibid., стр. 207.
- 897 - Ibid., стр. 208.
- 898 - Ibid., стр. 209.
- 899 - Ibid., стр. 210.
- 900 - Ibid., стр. 211.
- 901 - Ibid., стр. 210.
- 902 - Ibid., стр. 212.
- 903 - Ibid., стр. 212.
- 904 - Ibid., стр. 213.
- 905 - Ibid., стр. 215.
- 906 - Бес. на деян. Ап. т. I, стр. 487.
- 907 - Ibid., стр. 208.
- 908 - Ibid. стр. 210–212.
- 909 - Бес. на посл. 2-е к Фесс., стр. 79.
- 910 - Бесед. на посл. к Титу, стр. 62.
- 911 - Бес. на Деян. апос. т. I, стр. 482.

- 912 - Ibid., стр. 483.
- 913 - Ibid., стр. 484.
- 914 - Еп. Гермоген. †17 авг. 1893 г. Цер. вед. 1894 г.
- 915 - Слов. т. III. стр. 176.
- 916 - Бес. на посл. к Евр. стр. 530.
- 917 - Стр. 57.
- 918 - 81 письмо.
- 919 - Письмо 80-е.
- 920 - Тьеरри стр. 437–438.
- 921 - Ibid., стр. 439.
- 922 - Сл. и бес. на разн. сл., т. 1, стр. 548: 2-я бес. пр. Аном.
- 923 - Ibid., стр. 502: 12 бес. пр. Аном.
- 924 - Oper. I. Chrisost. Montfoc., т. XII, стр. 468.
- 925 - Сл. и бес. на разн. сл., т. XII, стр. 468.
- 926 - Ibid., стр. 244.
- 927 - Ibid., 247.
- 928 - Ibid.
- 929 - Ibid., стр. 251.
- 930 - Ibid., стр. 749.
- 931 - Ibid., стр. 418.
- 932 - Кн. VIII, гл. 2.
- 933 - Ibid.
- 934 - Ibid.
- 935 - Очевидно и за время святительства Златоуста также входили в храм с манифестами императора.
- 936 - Бес. на 2 посл. к Фесс., стр. 45.
- 937 - Ibid., стр. 46.
- 938 - Ibid., стр. 47.
- 939 - Бес. на 2-е посл. к Фесс. стр. 48.
- 940 - Бес. на Деян. ап. т. II, стр. 45.
- 941 - Бес. на Деян. ап. т. II, стр. 45.
- 942 - Ibid., стр. 47 и др.
- 943 - Бес. на Деян. Апос. т. 1, стр. 440.

- 944 - Ibid.
- 945 - Ibid., стр. 441.
- 946 - Ibid., стр. 444.
- 947 - Кн. «Синтагма» Властыря, – с греч. свящ. Ильинского. Симферополь 1892 г., 189.
- 948 - Ibid.
- 949 - Ibid., стр. 162.
- 950 - Ibid., стр. 163.
- 951 - Ibid., стр. 367.
- 952 - Ibid., стр. 289.
- 953 - Ibid.
- 954 - Бес. на 1-е посл. к Фесс., стр. 57.
- 955 - Бес. на 1-е посл. к Фесс., стр. 57. Ibid., стр. 58.
- 956 - 8-я бес. на посл. к Кол.
- 957 - Бес. 9-я.
- 958 - 8 бес. на посл. к Кол.
- 959 - Бес. на 2-е посл. к Фесс., стр. 29.
- 960 - 8 бес. на Деян. Ап.
- 961 - Ibid.
- 962 - Ibid.
- 963 - Ibid., бес. 10-я.
- 964 - XI бес. на 1-е посл. к Фесс.
- 965 - XI бес. на 1-е посл. к Фесс.
- 966 - Ibid.
- 967 - Происхождение древне-христ. базилики – И. Покровского, стр. 153.
- 968 - Ibid., стр. 187.
- 969 - Ibid., стр. 186–187.
- 970 - О жизни царя Константина, кн. IV, гл. 17-я.
- 971 - Chrisost, t. VII, p. 514, ed. Paris.
- 972 - Происхождение древнехристианской базилики. Н. Покровского. СПБ. 1800 г. стр. 181.

- 973 - Trul. conc. c. 69. Edict. Theodos. Кирил Иерус. огл. поучен., поуч. 23; тайнов. 5, что подтверждает и Евсевий. Церк. ист. кн. VII, гл 9.
- 974 - Толк. на 2 посл. к Кор. Москва, 1851 г. стр. 237–238.
- 975 - Кн. VIII, гл. 5.
- 976 - Книг. VI, гл. 5.
- 977 - Oper. S. Chris. Edit. Montfauc. Т. III. pad. 454.
- 978 - Сл. и бес. на разн. сл, т. II, СПБ. 1865 г. стр. 460–463.
- 979 - Н. Покровский, стр. 147.
- 980 - Постановления Апостольские. 2; 57
- 981 - Бес. на Ев. Матф., ч. III, бес. 73-я стр. 258.

Москва.1859 г.

- 982 - Энц. сл. Андреева, т. XI стр. 671.
- 983 - «Св. Иоанн Златоуст и импер. Евдоксия». Стр. 300.
- 984 - Ibid., стр. 672.
- 985 - Ibid., стр. 152.
- 986 - Сл. XI.
- 987 - Сл. и бес. на раз. сл., т. 1, стр. 550.
- 988 - Ibid., стр. 565.
- 989 - Ibid., стр. 572.
- 990 - Ibid., стр. 576.
- 991 - Ibid., стр. 577.
- 992 - Т.II, стр. 92.
- 993 - Т.II, стр. 15.
- 994 - Созомен VIII 4.
- 995 - Созомен.
- 996 - Созомен VIII. 8. Сократ VI. 8.
- 997 - Ibid.
- 998 - Ibid.
- 999 - Созомен VIII. 8.
- 1000 - Прибав. к тв. св. от. XVI. стр. 461.
- 1001 - Т. II, стр. 350.
- 1002 - Ibid, стр. 352.

- 1003 - Кв. V, гл. 30.
- 1004 - Всел. соб. А. II. Лебедева, стр. 169.
- 1005 - Ibid, стр. 171.
- 1006 - Ibid, прим. 100.
- 1007 - Montocon. т. V, р. 690. Ibid., стр. 171.
- 1008 - Кн. VIII, гл. 5-я.
- 1009 - Бес. на Деян. Ап. т. II, стр. 92.
- 1010 - Ibid, стр. 89.
- 1011 - Ibid.
- 1012 - Ibid.
- 1013 - Ibid.
- 1014 - Ibid. стр. 90.
- 1015 - Бес. на раз. случ., т. 1, стр. 120.
- 1016 - Всел. соб. IV и V в. А. И. Лебедева, стр. 168.
- 1017 - Бес. и слова на р. случ., т. 1, стр. 549.
- 1018 - Ibid, стр. 550.
- 1019 - Бес. на Деян. Апос. т. I, стр. 97.
- 1020 - Бес. на 1-е посл. к Евр., стр. 29.
- 1021 - Ibid, стр. 46.
- 1022 - Бес. на р. м. св. пис., т. II, стр. 142.
- 1023 - Бес. на Деян. Ап. т. I стр. 43–45; Ibid т. II стр. 90.
- 1024 - Бес. на посл. к Евр. стр. 152; Ibid. стр. 225.
- 1025 - Бес. на Ев. Мф. т. I стр. 266.
- 1026 - Бес. на посл. к Евр., стр. 152.
- 1027 - Приб. к тв. св. отц. т. XVI, стр. 465.
- 1028 - Созомен, VIII. гл. 1.
- 1029 - Ibid.
- 1030 - Приб. к твор. св. отц. т. XVI, стр. 467.
- 1031 - Сл. и бес. на разн. сл., т. II, стр. 333–337.
- 1032 - Сл. и бес. на р. случ. т. 1, стр. 548, бес. II-я против аномеев.
- 1033 - Бес. на посл. к Кол., стр. 178.
- 1034 - Ibid., стр. 179.

1035 - Бес. 18-я на Деян., т. 1, стр. 333.

1036 - Письмо 1-е, стр. 10.

1037 - Бес. и слов на разн. случ. т. II, стр. 373–456. Слова против сожительствующих клириков и девственниц.

1038 - Ibid., стр. 396.

1039 - Ibid., стр. 397.

1040 - Труды Киев. Дух. Акад. 1862 г. «Жизнь Св. Иоанна».

1041 - Слово т. III, стр. 69–79: против преследующих монашество.

1042 - Слов. т. III, стр. 23–24.

1043 - Ibid.

1044 - Твор. Григ. Богосл. ч. VI стр. 15.

1045 - Некрасов.

1046 - Zosim. V, 18.

1047 - Pall. dial. p. 14.

1048 - 230 письмо. Напрасно издали писем (С.П. Д. Акад. С.П.Б. 1866 г.) сомневаются в подлинности этого письма.

Выставленная ими несообразность ведь только кажущаяся несообразность. «Боголюбивейшая императрица» названа ниже очень прозрачно Иродиадой и Иезавелью (срав. слова пред 1-й ссылкой и по возвращении). И в этом нет ничего непонятного: Святитель говорит под влиянием минуты.

1049 - Бес. на посл. к Фесс., стр. 130.

1050 - Кн. VIII, гл. 6-я. Созомен VIII 7.

1051 - Ibid.

1052 - Кн. VIII, гл. 6-я.

1053 - Созомен VIII. 16.

1054 - «Св. Иоанн Злат. и имп. Евдоксия», стр. 142.

1055 - Тьерри, стр. 142.

1056 - Ibid., стр. 133.

1057 - Кн. VI, гл. 12.

1058 - Феодор V. 34.

1059 - Тьерри стр. 185.

1060 - Ibid.

- 1061 - Ibid.
- 1062 - Ibid, стр. 186; Тьеरри дает сведения по Созомену, VIII, 20.
- 1063 - VIII, стр. 18.
- 1064 - Созомен ibid.
- 1065 - 2-е слово по возвращении из первой ссылки. Слова и беседы на р. случ. стр. 545–554.
- 1066 - Тьеरри стр. 93.
- 1067 - Pall. Dial. p 33.
- 1068 - Ibid.
- 1069 - Письмо 1-е к папе Иннокентию.
- 1070 - Ibid.
- 1071 - Письмо 1-е к папе Иннокентию.
- 1072 - Pall. Dial. p 33.
- 1073 - Ibid, стр. 34.
- 1074 - Ibid, стр. 35.
- 1075 - Созомен, VIII. гл. 21.
- 1076 - Энц. сл. Андреевского, т. XI, стр. 671.
- 1077 - Созом. VIII. гл. 23.
- 1078 - Греч. церк. истор. IV, V и VI вв. А. П. Лебедева, стр. 188.
- 1079 - Письмо III-е.
- 1080 - Св. Иоанн и имп. Евдоксия.
- 1081 - Zoc. ap. Niceph. XIII. 28, по Тьеरри.
- 1082 - Стр. 307; приводим слова по Тьеरри.
- 1083 - Тьеरри, 308 стр.
- 1084 - Кн. VII, гл.
- 1085 - Стр. 309.
- 1086 - Созомен VIII. 24.
- 1087 - Ibid.
- 1088 - Ibid
- 1089 - Письмо к Пендатии.
- 1090 - Созомен VIII, 24.

- ¹⁰⁹¹ - Pall. Dial. p. 78.
- ¹⁰⁹² - Ibid.
- ¹⁰⁹³ - p. 63.
- ¹⁰⁹⁴ - VI, 19.
- ¹⁰⁹⁵ - Zoc. ap. Niceph. c. XIII, 26.
- ¹⁰⁹⁶ - VII. 25.
- ¹⁰⁹⁷ - VIII. 27.
- ¹⁰⁹⁸ - Cod Theodor. lib. XVI, t. IV, 1–5.
- ¹⁰⁹⁹ - Ibid.
- ¹¹⁰⁰ - Письмо 152-е.
- ¹¹⁰¹ - Письмо 148-е.
- ¹¹⁰² - Письмо 149-е.
- ¹¹⁰³ - Письмо 3-е.
- ¹¹⁰⁴ - Ibid.
- ¹¹⁰⁵ - 104.
- ¹¹⁰⁶ - Письмо 160-е.
- ¹¹⁰⁷ - Тьерри, стр. 396.
- ¹¹⁰⁸ - Pall. Dial. p. 11,12.
- ¹¹⁰⁹ - Ibid. стр. 12.
- ¹¹¹⁰ - По Тьерри 401 г.
- ¹¹¹¹ - Pall. Dial. p. 13.
- ¹¹¹² - Письмо 134-е.
- ¹¹¹³ - Сократ у Ксенофона.
- ¹¹¹⁴ - История хр. ц. Робертсона. СПБ. 1890 г. ч. 1, стр. 338.
- ¹¹¹⁵ - Pallad. Dial. p. 40.
- ¹¹¹⁶ - Жития святых. М. 1902 г., ч. 3-я, стр. 366–367.
- ¹¹¹⁷ - Фаррап, Робертсон, Филарет.
- ¹¹¹⁸ - Созомен, IX, 7.
- ¹¹¹⁹ - Сократ VII. 7.
- ¹¹²⁰ - Тьерри, стр. 424.
- ¹¹²¹ - Тьерри, стр. 426.
- ¹¹²² - Ibid.

1123 - Жития св. на месяц Иануарий. Киево-Печ. Лавра 1881

Г.